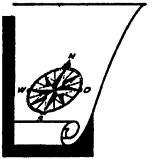
П. И. РЫЧКОВ

Топография Оренбургской губернии

П. И. РЫЧКОВ

Топография Оренбургской губернии



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ЦЕНТР ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УНЦ

П. И. РЫЧКОВ

Топография Оренбургской губернии

Уфа «КИТАП» 1999

ББК 26.89 (2Рос.Баш.)
Р 95

Научный редактор
член-корреспондент РАН, академик АН РБ
Р. Г. КУЗЕЕВ

Комментарии
кандидатов исторических наук
И. В. КУЧУМОВА, Ф. А. ШАКУРОВОЙ

Книга утверждена к печати решением Ученого Совета ЦЭИ УНЦ РАН от 18 февраля 1999 г. и издана при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований Академии наук Республики Башкортостан

Рычков П. И.
Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999 – 312 с.: ил.

Книга «Топография Оренбургской губернии» является выдающимся памятником исторической, географической и экономической мысли XVIII в. Она была опубликована в 1762 г. русским ученым Петром Ивановичем Рычковым. Работа содержит обстоятельное описание природы Башкортостана, народов, населявших территорию республики в прошлом, а также сведения о торговле и промышленности во второй половине XVIII столетия.
Книга будет особенно полезна историкам, географам, биологам.

Без объявления

ISBN 5-295-02551-9

© Комментарии Кучумов И. В., Шакурова Ф. А., 1999

Посвящается 275-летию
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

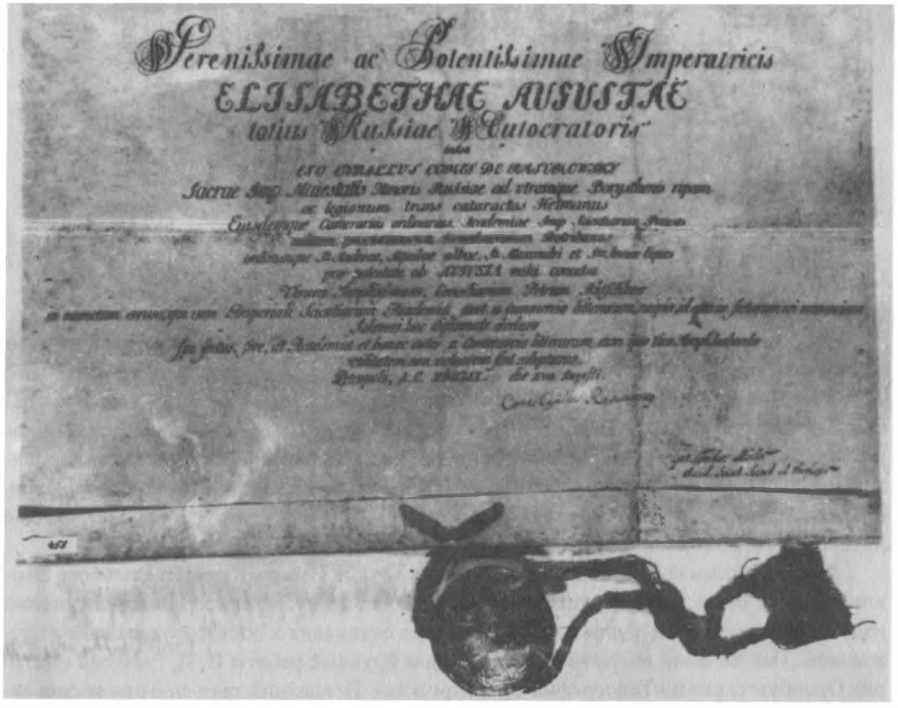
ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Дорогой читатель! Перед Вами самая ранняя по времени выхода в свет книга о нашем крае. Она была написана еще в 1755 г. Ее автор, Петр Иванович Рычков (1712–1777), не был профессиональным ученым и писателем. Его скорее можно было бы назвать государственным служащим: сначала он работал переводчиком, затем бухгалтером и секретарем, позже – «товарищем» оренбургского губернатора, затем главным правителем Оренбургских соляных дел, главным командиром Екатеринбургских заводских правлений. Несмотря на служебную занятость, П. И. Рычков никогда не расставался с литературной деятельностью.

Двадцать семь статей подготовил он для «Трудов Императорского Вольного Экономического общества», двадцать две статьи и два перевода иностранных сочинений издал в академическом журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Там же были впервые напечатаны две крупные работы П. И. Рычкова «История Оренбургская» и «Топография Оренбургская». Последний труд еще при жизни автора дважды издавался на немецком языке. Другое сочинение П. И. Рычкова – «Описание осады Оренбурга» – великий русский поэт А. С. Пушкин поместил в качестве приложения к своей «Истории Пугачевского бунта». К сожалению, несколько очень ценных работ П. И. Рычкова до сих пор неопубликованы и хранятся в архивах.

Творчество Петра Ивановича получило высокую оценку уже у современников. В 1759 году он был избран (впервые в России!) членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Произошло это следующим образом. 21 января 1759 года академики М. В. Ломоносов, И. И. Тауберт и Я. Штелин обратились к Президенту Академии наук К. Г. Разумовскому с предложением ввести звание члена-корреспондента. Инициатором этого документа, написанного специально «под Рычкова», был М. В. Ломоносов. 25 января К. Г. Рузумовский утвердил предложение и через три дня Ломоносов доложил на заседании общего собрания Академии о решении учредить класс академических корреспондентов. 16 августа Президент К. Г. Разумовский и секретарь (как сказали бы сегодня – Главный ученый секретарь) Академии наук Г. Ф. Миллер подписали П. И. Рычкову диплом члена-корреспондента. Вплоть до 1776 г. Петр Иванович был единственным обладателем этого звания в Петербургской Академии наук. В 1765 году П. И. Рычков становится членом Императорского Вольного Экономического общества, созданного «для поощрения в России земледельства и домостроительства (хозяйства. – *Ф. Ш.)*». В 1769 г. это общество награждает его серебряной, а в 1770 г. – золотой медалью. В 1773 г. П. И. Рычков избирается также членом Вольного Российского собрания – литературного общества Московского университета.

Большую часть своей жизни Петр Иванович прожил на Южном Урале, впервые попав сюда в 1734 г. в качестве сотрудника Оренбургской экспедиции. В его сочинениях немало места уделено башкирам: их истории, хозяйству, быту, нравам, замечательной при-



Диплом члена-корреспондента Петербургской Академии наук, выданный П. И. Рычкову

роде башкирского края. П. И. Рычков написал самую первую по времени статью, посвященную пещере Шульган-Таш (Каповой), всемирно известной сегодня наскальными рисунками первобытного человека. Увидев однажды, как женщины-башкирки производят из крапивы пряжу для холста, он счел своим долгом сохранить описание этих приемов для потомков. Так появились статьи «О крапивной куделе и употреблении ее в пряжу и в другие экономические надобности» и «О крапивном холсте». Несколько своих работ П. И. Рычков посвятил пчеловодству, в том числе описанию бортничества у башкир. В его трудах приводятся подробные сведения, касающиеся башкирских восстаний. Петр Иванович волею судьбы оказался свидетелем переломного в истории башкирского народа времени. Несмотря на кажущуюся беспристрастность изложения автору удалось передать драму современной ему истории.

Башкортостан вошел в политическую орбиту России при Иване Грозном. На раннем этапе своего нахождения в составе Московии, в XVI–XVII вв., башкирские племена сохраняли подлинный суверенитет. Русское правительство не вмешивалось ни в хозяйственно-экономическую сферу жизни, ни во внутреннее устройство башкирского общества. Башкирские племена (волости) признавались юридическими собственниками своих земель, сохраняли свободу религиозного вероисповедания и жили по собственным законам. В восемнадцатом столетии ситуация резко изменилась. Преобразовательная деятельность Петра I и его преемников активизировала внутреннюю и внешнюю политику государства. Среди всего прочего российское правительство поставило цель перестроить управление Башкирским краем и прилегающих к нему областей. Эта

военно-административная реформа растянулась почти на весь восемнадцатый век. Она началась в 1730-е гг. указом об учреждении «Известной» (позже ее назовут Оренбургской) экспедиции и завершилась в 1798 г. созданием кантонов. В итоге всех произошедших в этот период перемен прежнему автономному существованию башкир был положен конец. Изменился сам геополитический статус Башкортостана. Из пограничного региона он превратился во внутреннюю область Российской империи, окруженную со всех сторон русскими крепостями, бастионами и форпостами. Традиционные социальные отношения башкир были сломлены, национальная элита ликвидирована.

В 1744 г. образуется Оренбургская губерния, куда вошла почти вся территория, населенная башкирами. Непосредственным поводом для создания нового крупного административно-территориального округа явились события, связанные с добровольным присоединением к России казахов Младшего и Среднего жуза. В 1731 г. глава Младшего жуза хан Абулхаир обратился с просьбой принять его вместе с подданными в состав Российской империи. В его письменном обращении содержалась также просьба о строительстве силами и средствами русских города на реке Орь. Интересы хана Абулхаира совпали в данном случае с интересами России, стремившейся к укреплению своих юго-восточных границ и развитию дипломатических и торговых отношений с азиатскими странами. В 1734 г. русское правительство, по проекту обер-секретаря Сената Ивана Кирилловича Кирилова, снаряжает так называемую Известную экспедицию, которой были предоставлены административные, дипломатические, военно-строительные и торгово-экономические функции. Члены экспедиции должны были заняться строительством нового города-крепости на реке Орь, закрепить факт присоединения казахов к России, укрепить юго-восточные пределы Российской империи, установить дипломатические и торговые связи с Хивой, Бухарой и другими странами Востока, организовать добычу и переработку руд и минералов и т. д.

Задачи, поставленные Петром I, требовали всестороннего изучения страны и составления ее точных географических карт. Руководство всеми картографическими и топографическими работами в стране принадлежало И. К. Кирилову. К моменту учреждения Оренбургской экспедиции, которую он и возглавил, во всех губерниях и провинциях России уже работали посланные им геодезисты. В 1734 г. геодезисты вошли в состав экспедиции, отправлявшейся на юго-восточные рубежи государства. Ее сотрудником стал также 22-летний П. И. Рычков. Первоначально он был назначен бухгалтером, позже стал вести канцелярские дела, сочетая эту деятельность с изучением местного края. Параллельно с геодезистами, которые под руководством И. Красильникова готовили карту Оренбуржья, П. И. Рычков писал пояснения к картографическим материалам, вылившиеся в конце концов в самостоятельный научный труд*.

В 1755 г. П. И. Рычков послал первую часть своей рукописи М. В. Ломоносову, с которым познакомился в 1751 г. во время поездки в Петербург. Подготовленное им сочинение было целиком посвящено описанию внутреннего и пограничного состояния Оренбургской губернии. Работа была обсуждена в Академии наук и рекомендована к печати. Она появилась в 1762 г. в одиннадцати выпусках журнала «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» под названием «Топография Оренбургская» и в тот же год вышла отдельным изданием тиражом 600 экземпляров. На титуле книги значилось – «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым». Следует пояснить, что в те времена топографией назывались страноведчес-

---

* Карты были изданы отдельно. См.: Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова 1755 г. (Оренбург, 1880).

кие сочинения, посвященные географии какой-либо ограниченной территории. В топографию тогда включались не только сведения о рельефе, но и характеристика всех других элементов природы – рек, озер, климата, животного мира, а также сведения о населении, хозяйстве, торговле, городах и т. д.

Основными источниками для составления и написания «Топографии» служили: личные наблюдения П. И. Рычкова во время его поездок по Оренбургскому краю; опросные сведения, собранные во время бесед с местными жителями разных национальностей; официальная информация представителей различных миссий, посольств, побывавших в Казахстане и Средней Азии; рассказы среднеазиатских купцов; письменные и устные сообщения чиновников и других работников оренбургской губернской администрации; официальные документы, хранившиеся в Оренбургской губернской канцелярии; печатные и рукописные источники. По многим вопросам истории, географии и природы Урала того времени труд П. И. Рычкова остается уникальным, а, зачастую, – единственным источником информации. «Топографию Оренбургскую» внимательно изучал А. С. Пушкин, собирая материалы для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».

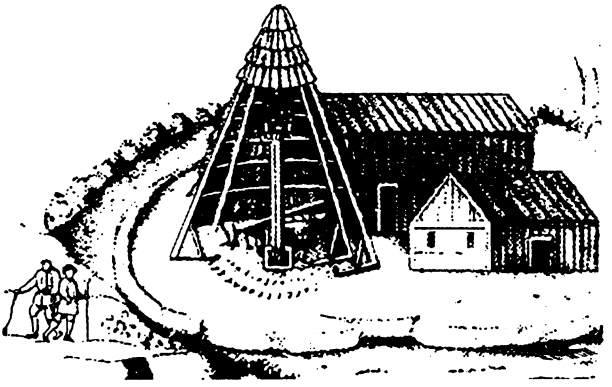
Прошло много лет, но энциклопедический по охвату проблем труд «оренбургского Ломоносова» (так назвал П. И. Рычкова один из историков в прошлом веке) не потерял своего значения. Это и стало основной причиной для его переиздания в наше время. Сегодня «Топография Оренбургской губернии» является библиографической редкостью, доступной лишь узкому кругу специалистов.

В основе настоящей публикации лежит издание, осуществленное в 1887 году в Оренбурге. За время, прошедшее с момента выхода первого издания книги, факты и события, описанные П. И. Рычковым, стали достоянием далекой истории. Значительно изменилась терминология, само понимание общественно-исторических и естественно-географических процессов. Поэтому мы признали целесообразным дать краткий комментарий к этому труду. Стиль и орфография оригинала были частично приведены нами в соответствии с современными нормами русского языка.

Работа выполнена в Центре этнологических исследований Уфимского научного центра Российской Академии наук. Подготовка текста осуществлена кандидатом исторических наук В. В. Сидоровым, фотоиллюстрации предоставлены доктором педагогических наук А. В. Ефремовым (г. Бугульма, Республика Татарстан) – известным исследователем жизни и деятельности П. И. Рычкова.

Ф. А. ШАКУРОВА

Часть первая



ГЛАВА ПЕРВАЯ

О звании Оренбурга и Оренбургской губернии, от чего и когда началось

Что Оренбургская губерния именована от города Оренбурга, сие, как всем ведомое дело, никакого описания не требует. Но когда и от чего имя сие началось, и какое имеет знаменование, об оном изъяснить не беспотребно, тем наипаче, что по обстоятельствам оного города со временем могут быть о имени сем разные и весьма несправедливые толкования, как то видим из разных историй о многих древних городах и народах, обстоятельно и верно неописанных, которые от ученых людей по одним токмо догадкам, и по произведении токмо имен их из разных языков, и разными образами истолковываются. То ж самое может последовать и в рассуждении Оренбурга, ежели о звании его не будет достоверного описания, а особливо для того, что сие имя есть из двух языков сложенное, и российскому нимало не свойственно; к тому ж ни реки, ни урочища, называемого Орь, близ оного ныне не находится. Например: в германском языке Оренбург сходствует с сими именами: Ohrenburg, Hoerenburg, Hornburg. Потому знающие сей язык, рассуждая обстоятельства того времени, в кое сему городу привилегия пожалована, могли б иногда толковать по первому и второму, яко бы сие имя есть германское, происходящее от какого-нибудь урочища, называемого уши, или слух[1], а по третьему от рога, ибо Horn называется по-немецки рог, а Burg обыкновенно значит город и крепость. Да и ныне уже случается, что в некоторых канцелярских письмах именуют вместо Оренбурга Аресбург (что есть город на острове Эзеле), да и еще несколько таких же имен, с Оренбургом равногласных, из сего языка выдумано быть может. Равномерно и в турецком языке находятся сходственные с нашим слова, как например: орь значит перекоп и линию, как то турки доныне крымскую линию, или перекоп (которую греки Таврос именовали), Орь-багази, или Орь-капузи, а крепость Перекопь Орь-калакси, то есть крепость Орь, называют. В том

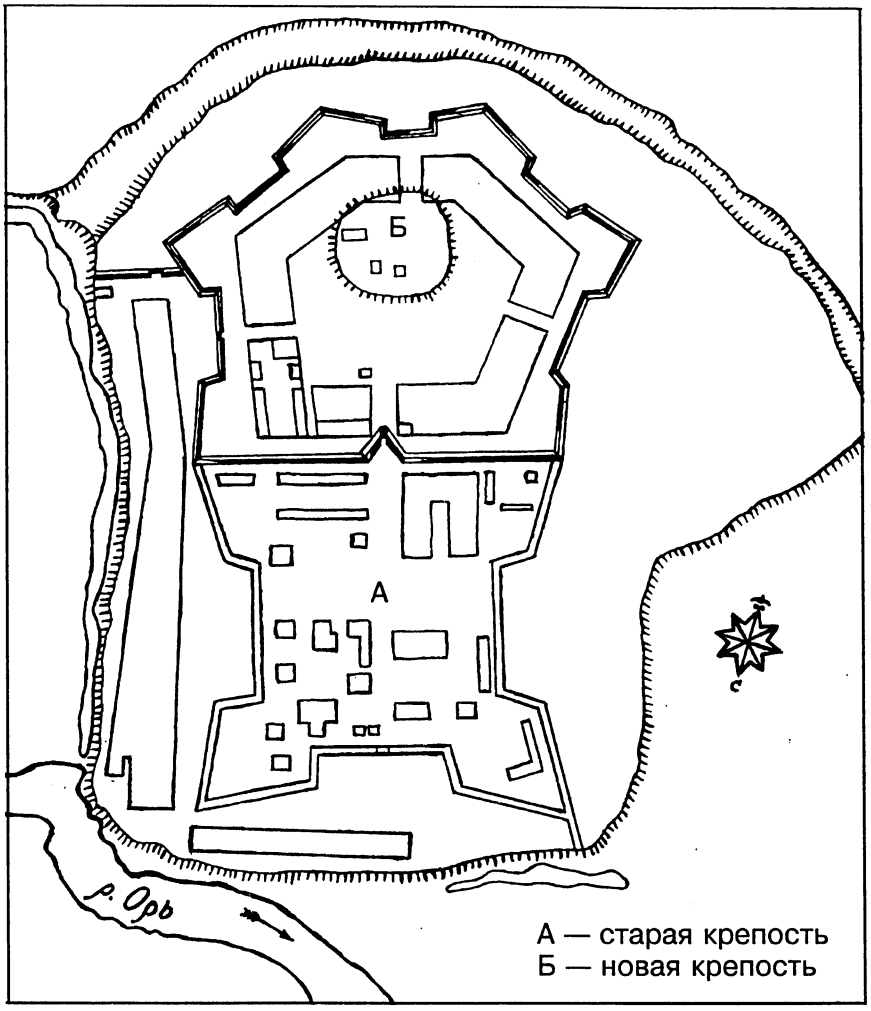
же языке чрез слово Орь разумеется иногда устье, отверстие и ворота, которые слова на турецких ландкартах[2] все крымской перекопи придаются. Из сего знающие по-турецки стали б рассуждать, якобы городу Оренбургу имя сие придано от линии, или от устья реки Сакмары, что покажется и несколько сходно: первое потому, что все новые крепости, по Яику[3] и по другим рекам построенные, называются линиею[4]; а другое посему, что река Сакмара течет и в реку Яик впадает, от Оренбурга вблизости. А иные может быть вымыслили б и перекопь, к чему причина есть сия, что при заложении Оренбурга на нынешнем месте, в рассуждение принято сделать перекопь чрез низменное и поемное[5] место, которое лежит подле Сырта[6], или той горы, на которой маяк, и в оную перекопь пустить течение реки Сакмары; следственно и устье ее сделать к самому городу, в чем не только невозможности, но и дальней трудности не предвидится, ибо та перекопь по тому месту не была б более двух верст, а река Сакмара течет гораздо выше, нежели Яик. Сверх того по нужде могут еще и из российского языка некоторые толкования вымышлены быть; но мы, все сие мнительное и неосновательное оставя, объявим самую истину, а именно:

Оренбург звание свое получил по привилегии, пожалованной сему городу в 1734 году июня 7 дня, за собственноручным подписанием блаженные и вечнодостойные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны[7], в которой первый пункт начинается тако: «Сему городу, с Богом вновь строить назначенному, именоватися Оренбург, и во всяких случаях называть и писать сим от нас данным именем». А для каких причин и потребностей оный строить, и на каком основании жителям сего нового города быть повелено, сие все в той пожалованной оному привилегии изображено, которая в 1736 году апреля 18 дня напечатана и всенародно публикована.

От чего ж оный город именован тем званием, сие из той же привилегии видимо, ибо в начале ее именно явствует, что сей город Оренбург при устье реки Орь, впадающей в Яик, строить повелено; следовательно, звание ему ни от чего другого, как от оной реки, придано. Выше сего упомянуто, что имя сие значит на турецком языке, который с татарским немалое имеет сходство (яко и сами турки, прежде нежели соединились с сарацинами, около Туркестана, и потому от сих мест не весьма далеко живали[8]). И тако видимо, что Оренбург имеет имя, сложенное из турецкого слова «орь» и из немецкого «бург»[9]. О чем рассуждая, не неприлично сказать, что сим именем означается такой город, который построен на границе, или на той черте, то есть линии, где военные люди находятся, что и с состоянием Оренбурга сходствует. Ибо в особ-

ливом ведомстве оного числятся все те крепости, коими вся Башкирь ограждена, и к киргиз-кайсакам и другим степным народам самые крайние и пограничные суть. Но в рассуждении того, что близ города Оренбурга под именем Орь ни реки, ни урочища нет, надлежит знать, что сей город по вышепомянутой привилегии хотя и назначен, а в 1735 году при статском советнике Кирилове[10] и застроен был действительно близ устья реки Ори; но понеже оное место к населению тут большого города по многим причинам оказалось неспособно, и от вешней воды явилось весьма поемное: того ради, по представлению тайного советника Татищева[11], еще от ее ж величества блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, в 1739 году августа 9 дня, именной указ последовал, что оный при Кирилове застроенный город именовать Орскою крепостью[12], а настоящий Оренбург строить по Яику-реке ниже того места сто восемьдесят четыре версты при урочище, называемом Красная Гора[13], который тут в 1740 году был и застроен; но и сие для разных неудобностей отменено, и высочайшим именным указом блаженной и вечной славы достойные памяти великия государыни императрицы Елисаветы Петровны[14], состоявшимся в Правительствующем сенате[15], за собственноручным ее императорского величества подписанием, октября 18 дня 1742 года, для показанных от господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева[16] обстоятельств, повелено строить его близ устья реки Сакмары, на том месте, где оный ныне находится. И тако река Орь осталась от Оренбурга по реке Яику вверх более двухсот верст, близ которой имеется ныне Орская крепость.

Впрочем, надлежит знать и сие, что Оренбургская губерния, с пожалования городу Оренбургу привилегии, состояла под разными званиями, а именно: сначала, при статском советнике Кирилове, называли и писали ее Известною, а потом уже Оренбургскою экспедициею[17]. В бытность во оной господина тайного советника Татищева была она именована Оренбургская комиссия[18], которое звание продолжалось по 1744 год; а того году марта 15 дня, по именному ж указу, состоявшемуся в Правительствующем сенате за подписанием ее императорского величества собственные руки, повелено именовать ее Оренбургскою губерниею, и вышепомянутый господин действительный тайный советник и кавалер Неплюев (быв тогда еще тайным советником), по тому ж высочайшему указу, определен во оную первым губернатором. Тем же высочайшим указом повелено во оной губернии ведомым быть всем по Оренбургской комиссии построенным, и кои еще строятся, крепостям, и определенным в них регулярным и нерегулярным войскам и прочим поселившимся людям, которым указами позволено, и со всякими дела-



План Оренбургской (Орской) крепости (по Р. Г. Букановой)

ми и надлежащими сборами. Да той же губернии под ведомством состоять по-прежнему Исетской провинции[19] и с зауральскими башкирцами. Да сверх того, по оному ж ее императорского величества именному высочайшему указу, в ведомство Оренбургской губернии велено подчинить Уфимскую провинцию[20], со всеми башкирскими делами, таким порядком, как к прочим губерниям провинции приписаны, также и Оренбургской комиссии делам ведомым быть в той же губернии и особливою комиссиею не именоваться. Ему ж, губернатору, велено ведать и

киргиз-кайсацкий народ[21] и тамошние пограничные дела, так как по то время в Оренбургской комиссии находились, о чем и в указе ее императорского величества из Правительствующего сената, от 21 марта того ж года, обстоятельно явствует. Сие все может служить во изъяснение одного звания Оренбургской губернии. Что ж собственно до города Оренбурга принадлежит, оное показано будет во второй части, под именем сего города.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О пределах и об окружности Оренбургской губернии и о смежных с нею местах и народах

Учиненная Оренбургской губернии генеральная ландкарта изъявляет, что главный сей губернии город Оренбург по учиненным обсервациям местоположение свое имеет по ширине от экватора 51 град. 51 минуту; и хотя исстари с той стороны за границу Российской империи почитаема была река Яик, которая башкирский народ от киргиз-кайсацкого разделяет, но понеже ныне киргиз-кайсацкие две орды, Меньшая и Средняя[22], тако ж и нижний каракалпацкий народ[23], по их прошению, в подданство Российской империи приняты, и в том они торжественною присягою обязаны[24]; к тому ж Оренбургская линия и форпосты вниз по реке Яику продолжаются до самого ея устья, где сия река впадает в Каспийское море, также и Гурьев город[25] с имеющимся в нем гарнизоном ныне в ведомстве Оренбургской же губернии находится, того ради, по вышеписанным основаниям; внешние Оренбургской губернии пределы могут назначены и поставлены быть следующим образом: от Гурьева городка или паче от устья реки Яика, где она впадает в Каспийское море, можно представить себе прямую линию на устье реки Эмбы, для того, что киргиз-кайсаки Меньшей орды обыкновенно по обеим сторонам сей реки зимуют, да и летом тут нередко и немало кочуют. Рассуждая ж все сие, находятся основательные резоны, чтоб по оной генеральной карте весь 44 градус ширины, с верхнею частию Аральского моря, тако ж владение нижних каракалпаков, около той морской части и между рек Сыр- и Кувандарьи[26] имеющееся, приписать к Оренбургской губернии; и потом от реки Сыр-дарьи, с того места, где вышел из нея пролив, называемый Куван-дарья, провесть прямую линию на озеро Телегуль, в которое пала река Сарасу[27]. Ибо хотя по прежней ландкарте граница Средней орды киргизцев с зюнгорцами[28] и назначена к горам, где зюнгорцы караул свой содержат, и те горы от реки Сарасу не в близ-

ком расстоянии, но с чего сие место бывшим там подполковником Миллером за границу почтено, на то никакого доказательства нет. К тому ж по делам известно, что киргизцы за реку Сарасу к зюнгорской стороне столь далеко располагаются, поелику их согласие или случающиеся между обоими сими народами ссоры дозволяют*. И тако, по сим и по другим в Оренбургской губернской канцелярии ведомым обстоятельствам, оная река Сарасу (то есть зеленая вода[29]) с тамошней стороны за предел сей орды с лучшим основанием почтена быть может. По сей же реке вверх до ее вершины и оттуда чрез реку Нуру[30], впадающую в озеро Харкалджин[31], на вершине реки Ишима и вниз по оной до устья реки Терсакана[32], а от той дать прямую линию на Звериноголовскую[33] крепость, которая уже к Оренбургской линии принадлежит и соединяет сию с новою Сибирскою линиею, к реке Иртышу на Омскую крепость[34] проложенную. От помянутой же Звериноголовской крепости, перешед реку Тобол, возъимеет смежность Исетская провинция Сибирской губернии с Ялуторовским дистриктом и с Тюменским уездом и с Екатеринбургским ведомством. За сею ж граничит Уфимская провинция Казанской губернии с Кунгурским и Казанским уездами, а потом Ставропольское ведомство с тем же Казанским и той же губернии с Синбирским и с Самарским уездами, из которых от последнего, то есть от города Самары, можно дать еще прямую линию на Яицкий городок, а от оного вниз (оставляя всю степь, к реке Волге лежащую, к Астраханской губернии) по Яику до предупомянутого Гурьева городка.

И тако, по вышеозначенному ограничению, общественная всей Оренбургской губернии окружность, по учиненной генеральной ландкарте, сочинить около пяти тысяч пятисот верст. Впрочем, из той же ландкарты и из предписанного можно усмотреть, что от России окружают оную места, к Астраханской, Казанской и Сибирской губерниям принадлежащие, а со внешней стороны, начав от Каспийского моря, смежные ей народы суть: 1) трухменцы, 2) хивинцы, 3) аральцы, 4) верхние каракалпаки, 5) киргиз-кайсаки Большой орды, 6) Туркестан, 7) Ташкент[35]. За сими ж к стороне Сибирской губернии и к реке Иртышу, по всей степи от 44 до 49 градуса ширины, располагается 8) зюнгорский народ.

А понеже в политических и статских рассуждениях за особливую нужность уважается и сие, чтоб в пограничных местах командую-

---

* Сие писано прежде той великой перемены, которая недавно с зюнгорским владением происходила[36]. Ныне китайцы тамошними владеют, что и впредь, когда в сей «Топографии» о зюнгорцах говорится, вспомнить надобно. Подлинные сему обстоятельства при окончании сей второй главы приведены быть имеют.

щим состояние смежных народов по крайней возможности достоверно знать, и потому с ними потребную коммуникацию и всякие случающиеся дела располагать, то хотя об оных, Оренбургской губернии смежных местах и народах, обстоятельных и совершенно верных описаний еще нет, но сколько поныне об них ведомо и описано, не бесприлично к сему ж приобщить, что, так как и сочиненные ландкарты, от времени до времени дополняемо и в надлежащее совершенно приведено быть может.

I. О трухменцах

Трухменцы, народ кочующий смежно киргиз-кайсакам, кочевьями своими все то расстояние занимают, которое за Эмбою рекою, от киргиз-кайсацких мест вдоль по Каспийскому морю, к персидскому и хивинскому владениям простирается. Но самое лучшее их кочевание и убежище от неприятелей в Мангишлакских горах[37], до коих от Гурьева городка прямо степью легкою ездою в четыре или пять дней доехать можно, и путь не неспособный. Во оных кочевных местах имеют они к содержанию скота всякое привольство, и потому лошадьми, рогатым скотом и овцами достаточны; некоторые ж из них имеют и хлебопашество, сеют пшеницу и просо, а больше промышляют торгом в Персию, в Хиву, в Бухары, в Балх[38] и в Бадакшан[39], и находятся между ими купцы гораздо неубогие. Людство[40] их против киргиз-кайсаков хотя гораздо меньше, ибо дельных людей на войну более не могут поставить, как около десяти тысяч человек. Но почитаются они в военном деле гораздо исправнее, нежели киргизцы, которые, надеясь на свое многолюдство, хотя иногда и покушались их разорить, но от них искусно отбиваются, как то и в 1736 году, на одном с ними сражении, знатного киргиз-кайсацкого старшину Букенбая, который в бытность у них бригадира (потом генерал-майора) Тевкелева[41] к России многое доброжелательство и ему, Тевкелеву, в порученных делах великое вспоможение чинил, убили. А когда против киргизцев и других неприятелей сил их не достает, тогда ретируются они в горы, где, как выше упомянуто, доставать их трудно; а они к содержанию своему имеют тут места весьма привольные. Ружье употребляют они огненное[42], да сабли и копья, кои они и сами делают, тако и из Персии достают. Между тамошними народами особливо славятся они тем, что саблями действовать искусны. Лучшие из них люди по большей части служат хивинскому хану из жалования, и можно почесть, что хивинских ханов сила состоит наибольше из сих трухменцев и из аральцев, с которыми

они всегда в союзе быть стараются и обще с ними на войну ходят и от своих неприятелей защищаются. Однако ж и то бывало, что трухменцы, будучи от хивинского хана неудовольствованы, сами и под самым городом хивинцев разоряли. Ханов у себя трухменский народ не имеет, а есть у них бии, или князья, и старшины, из которых кто у кого похощет, у того и судится. Веру содержат они магометанскую. Впрочем, надлежит знать, что на том степном увале, или сырте, который между Эмбою рекою и обоими морями, то есть Каспийским и Аральским, самый хребет, коего поперечник дня на три или и более конной езды продолжается, лежат великие пески, и они часто от ветру с места на место переносятся, от чего, тако ж и от безводия, в проезде чрез сии места не только великая трудность, но и самая опасность случается, и тамошние народы сие место называют Песчаным морем[43], но, из Оренбурга следуя к ним, оные песчаные и безводные места все обходить не невозможно. Прежде, нежели киргизцы в близости Каспийского моря и реки Яика кочевали, и сии места кочевьями занимали волжские калмыки (но ныне им, калмыкам, сие запрещено, и не только чрез реку Яик переходить, но и в близости оной кочевать, для пресечения ссор их с киргизцами, не велено), трухменский народ плачивал тогда дань калмыкскому Аюке-хану[44]. В бытность же в Астрахани губернатором тайный советник Василий Никитич Татищев, от 30 сентября 1743 года, между прочим, сообщил в Оренбург, что оные трухменцы, видя себе от Персии и от зюнгорцев утеснение, присылали нарочно к бывшему хану Дондук-Омбе[45], обещая в российское подданство прийти с тридцатью тысячами кибиток, о чем и указ в Астрахань был прислан, токмо поздно, потому что шах учинил им между тем некоторые обнадеживания, по которым они возвратились, да и по означенным в том его, тайного советника, уведомлении резонам, от принятия их в подданство тогда пользы он не признавал.

II. О хиве и о хивинцах

Хивинское владение смежность имеет к стороне Каспийского моря с трухменцами и с Персиею, потом с бухарским, отчасти ж и с зюнгорским владением, с каракалпаками, аральцами и киргиз-кайсаками. А понеже едущим из Бухарии, Балха и Бадакшана и из других тамошних землиц в Оренбург, и из оного во все те места отправляющимся купеческим караванам хивинского владения миновать почти невозможно: того ради, в рассуждении Оренбургской коммерции, город Хиву

так как порт признавать следует, а потому уже и хивинского хана и тамошних узбеков уважать не беспотребно, ибо они той коммерции и способствовать, и препятствовать в состоянии. Одним словом, можно заключить, что наилучший успех оной коммерции наипаче от сего зависит, когда киргиз-кайсацкий степной народ, подданный российский (чрез который в Оренбург и из Оренбурга в те места идущим караванам, так же как и чрез хивинское владение, необходимо переходить надобно), спокойно пребывает, и от хивинцев в их владении купцам никакие задержки и обиды не происходят, потому сие Оренбургской губернии смежное владение требует здесь паче прочих обстоятельнейшаго описания, что, елико поныне ведомо, следует ниже сего.

В татарских историях народ сей именуется харазы[46], и хивинский хан доныне харазымским владетелем пишется. О начале сего народа сказывается, якобы в древние времена один государь, озлобясь на подданных своих за их вины, выгнал из государства своего в степь мужеска пола четыреста человек, которые, скитаясь по степям, дошли до реки Аму[47], и на оной, изобрав способное место, поселились. Через некоторое время означенный государь, вспомня их, послал для проведывания, где они находятся; и как посланные, возвратясь, донесли ему, что они поселились на весьма способном и привольном месте и, живучи тут, имеют довольство скота и дров, а притом рыбные и другие промыслы, дал им звание «харазим», что значит мясо и дрова имеющие. Потом, умилостивясь над ними, послал к ним по жене из турского рода, коих они получа, расплодились и имели частые войны с смежными народами, отчего доныне во всех тамошних народах в военных делах за храбрых и искуснейших почитаются. Есть еще у татар баснословная об них повесть, якобы они произошли от евреев, но оную описывать здесь недостойно. К тому ж в прошлом 1750 году, бывший в Оренбурге хивинский посол Ирбек, в разговорах объявил, что та басня носится у них между подлым[48] токмо народом, а рассудительные люди утверждаются на предписанном. Тамошние народы всех хивинцев называют общим именем ургенеч, и за древность их начала содержат в отменном почтении, и для того, как сказывают, хивинские купеческие караваны в Бухарах, или где б ни были, в тамошних странах пошлин никогда не платят, хотя оную у себя в Хиве и со всех караванов сбирают. Людство настоящих хивинцев хотя и не очень велико, но сильны они узбеками, трухменцами и аральцами, которые бывали хивинских ханов подданные, и ныне трухменцы и аральцы служат им по большей части добровольно; и сказывают, что их с теми народами сбиралось иногда на войну от двадцати до тридцати тысяч человек,

токмо ныне сего числа собрать им трудно; ибо из многих обстоятельств можно усмотреть, что они киргиз-кайсацкому народу трусят, и ежели б сей народ соединенною силою на них отважился, то им, хивинцам, ныне устоять противу их весьма б трудно было.

Впрочем, город Хива от Оренбурга лежит в полуденную сторону, расстоянием караванной езды дней двенадцать или пятнадцать. Путь до него чрез киргиз-кайсацкую степь способный, ибо везде трава и вода находится, и больших переправ, кроме одной чрез реку Сырдарью, не имеется. Потребно токмо всегдашнюю и недреманную осторожность иметь от киргизцев, которые хотя малую оплошность увидят, то по натуральной своей склонности к воровству не преминут пакости чинить, а паче стараются наперед конские табуны отгонять[49].

Оный город Хива стоит на каналах, которые проведены из реки, называемой Улу, или Амударьи, впадающей в Аральское море. Потому из Аральского моря тою рекою в близость сего города подойти можно. Укрепление имеет стену, из глины четвероугольно сделанную, на углах, также и в опасных местах для караулов поделаны будки. Домов в нем тысячи три или более, строены все линиями из глины, и каждая улица под одну крышу, а дворов нет. Для скотины ж жители имеют хуторы, или загородные дворы, также из глины строенные, улицы ж во всем городе весьма тесные. Один из бывших тамо инженерных офицеров, посыланный из Оренбургской комиссии в бытность Абулхаир-ханову[50] (ибо он несколько времени был тут на ханстве), сочинил сему городу план, который в Оренбургской губернской канцелярии у заграничных дел имеется.

Хивинскому владению подсудных городов, кроме Хивы, счисляется одиннадцать, из которых с оренбургской стороны Гурнян, Везиркент, Шабак, Казабат, да по ту сторону Хивы, Урганич, Адарус, Бетняк и Аксарай[51]. Сверх сих имеются еще разные местечки и многие деревни. Во оных городах управители из тамошних граждан, а не хивинские беки или князьки. Однако ж все они счисляются под владением хивинского хана, который живет в городе Хиве в нарочитом великолепии. А хотя он народ во власти своей содержит, но у хивинцев издавна было обыкновение ханов своих тайным образом умерщвлять, когда от них увидят себе озлобленные, чем настоящую ханскую природу у себя вывели, и уже чрез несколько лет берут в ханы из посторонних салтанов, как то и ныне находится у них ханом киргиз-кайсацкого Батыр-салтана[52] сын Хаип[53], а прежде был у них ханом же Нурали-салтан[54], сын Абулхаиров, который после того киргиз-кайсацким ханом на место отца его, Абулхаира, пожалован, да и сам Абулхаир-хан был у них ханом же, токмо принуж-

ден возвратиться в свою орду тогда, как в 1740 году персидский шах Надыр[55] с войском своим к Хиве приходил, и, взяв оную почти без всякого труда приступом, оставил тут свой гарнизон; но по смерти сего шаха хивинцы, оный гарнизон выгнав, учинились и ныне находятся паки свободными.

Хивинский народ хлеба сеет довольно, и родится у них пшеница, полба, ячмень, пшено сорочинское, просо, хлопчатая бумага и табак. Шелк у них у самих делается, но не много. Купечество производят с Персией, с Бухариею и с другими тамошними землицами. Фруктов древесных и огородных, тако ж и винограду, родится у них удовольственно. Оскудевают токмо лошадьми и скотом, ибо пажитных[56] мест весьма там мало, а больше песчаных, и за тем лошадей покупают у киргизцев и каракалпак. Водяной ход из Хивы имеется в аральцы по Улу или Амударьи вниз, а вверх до Бухарии и далее. В хивинском владении, подле самого Аральского моря, находится гора, в которой, как сказывают, есть богатая золотая руда, но добывать ее никому не дозволено.

III. О аральцах

Аральцы, аралы, или аральские узбеки – народ небольшой, на восточной стороне и на островах Аральского моря. Сей народ, по описаниям статского советника Кирилова, имеющимся в Оренбургской губернской канцелярии, бывал хивинских ханов подданный, от коих не весьма давно отложился, и у себя своего хана от фамилии хивинских ханов утвердили. Когда хивинцы настоящих своих ханов род перевели и стали брать себе в ханы из салтанов киргиз-кайсацких, аральский хан искал себе хивинского ханства по наследству, но, будучи бессилен (ибо и пяти тысяч войска собрать не может), того своего желания получить не мог, а ныне случается, что у аральцев и киргизские салтаны ханствуют, как то недавно Меньшей орды Абулхаир-ханов большой сын Нуралисалтан (который в 1749 году на место отца его ханом утвержден) несколько времени у оных аральцев ханствовал. В их местах, сказывают, есть золотая руда и слюдяные горы, токмо никакого промыслу в том нет за тем, что доставать и плавить не умеют. Сей народ говорит татарским языком, по наречию трухменскому. Летнею порою кочуют и пашут землю, для зимы ж имеют юрты или хижины, а по ту сторону реки Сырдарьи, на одном острове, есть у них и городок, который от Аральского моря и называется Арал. Знатнейшие из оных арал-узбеков

почти всегда при хивинском хане живут, от коего жалованье получают, и в военных случаях, как выше упомянуто, с трухменцами и хивинцами сообщаются. По последним известиям, ко оным аральцам от утеснения киргиз-кайсацкого присоединилась немалая часть нижних каракалпак, и совокупно с ними живут. Что ж до Аральского моря принадлежит, сие во своем месте имеет быть описано.

IV. О каракалпаках

Сей народ надвое разделяется, то есть на верхние и нижние. Но понеже нижние каракалпаки, как выше означено, в подданство Российской империи присягали и жительство имеют к Оренбургу ближе, около Аральского моря, и по реке Кувандарьи, можно с киргизцами, того ради описаны они будут в следующей главе между теми народами, кои в ведомстве Оренбургской губернии находятся, где и о верхних, в рассуждении их начала, показано будет, ибо они одного отродья[57]. Сии верхние каракалпаки живут от устья Сырдарьи, впадающей в Аральское море, вверх к Ташкенту. Пропитание их наипаче от земледелия и содержания рогатого скота, которым они весьма изобилуют, и живут зимою в юртах, а летом кочуют; и хотя есть у них свои ханы, но оные почти никакой силы не имеют, а большая сила состоит у них в ходжах[58], которых между ими весьма много, и содержатся в отменном почтении, ибо признают их за отродие и учеников магометовых. Людство сих верхних каракалпак хотя и не мало, но понеже они народ к войне не обыкновенный, а больше в земледелии упражняются, то киргиз-кайсаки весьма часто их разоряют и стараются издавна, чтоб как сих, так и нижних каракалпак, из нынешних их мест выгнать, дабы во время нужды, а паче когда они опасаются со здешней стороны, туда убежище иметь. Чего ради оные верхние каракалпаки, а паче те, кои ближе к Туркестану и Ташкенту находятся, как по делам значится, отдались в протекцию зюнгорского владельца.

V. Киргизы Большой орды

Сей народ располагается кочевьями своими позади прочих двух, то есть Меньшей и Средней киргиз-кайсацких же орд, состоящих в подданстве Российской империи, а именно около реки Чирчика[59] (коя течет близ Ташкента), Арыша[60] и Каляса[61], по ту и по сю сторону

Туркестана, тако ж и к Ташкенту, коего обывателей (ибо они военные люди) весьма часто разоряют, а особливо на полях упражняющихся в земледельстве грабят. Да и на купеческие караваны, от них и к ним идущие, чинят частые нападения, как то в 1738 году и на российский караван, отправленный из Орской крепости при тайном советнике Татищеве в Ташкент, не допустя оный до Ташкента дня за два, нападение учиня, весь разбили. Впрочем, оные киргизцы того ж отродия, как и прочие две орды. И хотя сия орда Большею именуется, но людством против Меньшей и Средней гораздо менее, ибо более десяти тысяч человек на войну никогда из них не сбирается. Ныне состоит она некоторым образом в протекции, или паче в союзе, зюнгорского владельца; и хотя в ней свои ханы бывали и старшины знатные есть, но поступают они большею частью по воле зюнгорского владельца, чего ради и ташкентские обыватели оному же владельцу в протекцию отдались, боясь, чтоб им от сей Большой орды вовсе разоренным не быть.

VI. О Туркестанском владении

Сие владение и город Туркестан, в рассуждении других мест в тамошней стороне имеющихся, ныне хотя и незнатны, но по древности надлежит ему пред всеми дать преимущество, потому что город Туркестан в татарских историях многим старее Бухар почитается, и якобы в древние времена повелительство сперва в оном началось, и во всю Азию распространилось. Находящийся в Оренбурге ахун[62] объявил, будто бы сей город построен внучатами Турка-хана, сына Афетова[63], от которого он и звание себе получил, и все тамошние города, даже до Индии и Китая, яко то: Кашкар, Табат, Еркень, Ходжант, Ташкент, Мартикан, Фантак, Янгы, Хасар, Хутяк, Утрар, Сабрар, Барзягин[64] и прочие во власти туркестанской состояли. Ту ж область называли они в древние времена и другим именем Эссии[65], кое аки бы еще и туркестанского старее. Сие выписано из арабских и татарских книг помянутым ахуном. А переводчик Уразлин, выписав из персидских историй, показывал, что сей город построен был от Жамшида-шаха иранского[66] (то есть персидского), который от начала персидской монархии был четвертый государь. Оный Жамшид-хан, по сказанию в той истории, с прочими народами овладел мунгалами, татарами и китайцами и, быв с войском своим в Великой Татарии, за потребное признал для пристанища войску своему построить три города. Первый из

сих был Тюрюкстан (то есть Туркестан), другой Утрар, третий Сауран[67] (который доныне есть, и суть малые местечки около Туркестана), где он оставил наместником одного из своих свойственников. Но где Туркестан, тут, сказывают, еще и прежде была крепостца, или пристанище воинских людей, кои от тамошних жителей именовалось (как выше упомянуто) Эссии. Впрочем, сами тамошние люди сказывают, что из живших около Туркестана народов, некоторые к сарацинам перешли и, приняв магометанскую веру, с ними сообщились, отчего имя турков произошло; и так Туркестан можно почесть за древнее отечество турков, что и с европейскими историями согласует. Потом в Туркестан перешло из агарян[68] несколько ходжей, которые поныне тут живут и, будучи признаваемы за отродие магометово, отменно и за святых почитаются. Из таких ходжей доныне в туркестанской большой мечети есть гроб одного, по их закону за святого почитаемого, который именуется Ходжа-Ахмет, и есть один из семи святых, коих магометане за знатнейших почитают, и великую честь их гробам воздают, да и верят, что сей святой в жизни своей чудеса творил, которые якобы и доныне у гроба его бывают[69]. Что же собственно до города Туркестана принадлежит, то расстоянием оный от Орской крепости легкой езды дней десять или пятнадцать по пути к Ташкенту, не доезжая до оного дня за два или три. Оный стоит при речке, называемой Карасу, то есть черная вода. Улицы в нем кривые и весьма тесные, так что поперек инде меньше одной сажени. Домов в нем, по тамошнему обыкновению строенных, однако, гораздо хуже ташкентских, с тысячу. Крепостного строения регулярного нет, токмо имеется круг всего жилья стена глиняная, и вокруг ее небольшой ров с водою. Мечетей в нем три, из которых одна древней и хорошей работы и имеет в себе многое число разных покоев, в ней погребен вышеупомянутый магометанский чудотворец. В сем городе никаких базаров нет, а жители со всеми торгами отъезжают в Ташкент. На полях родится пшеница, ячмень, просо и хлопчатая бумага. В одном днище от сего города, сказывают, аки б есть гора, именуемая Каратау (то есть черная)[70], где прежде добывали золото, но ныне ташкентцы оного не добывают, сказывая, что никто тому не умеет. Прежде сия провинция собственно имела в себе городов до тридцати, а ныне более десяти нет. Оными городками и народами владеют ныне киргиз-кайсацкие владельцы Большой и Средней орд, однако, с позволения зюнгорского владельца, который над сими местечками, яко же и над Большою киргиз-кайсацкою ордою, недавно учинился государем. В городах сего владения счисляется жителей по сей росписи:

	Расстояние от Туркестана верстами	Число домов или семей
Туркестан	–	до 1000
Курлак	около 20	– " – 300
Икан	– " – 20	– " – 300
Саурар	– " – 50	– " – 100
Атрар	– " – 40	– " – 40
Ташанак	– " – 15	– " – 100
Августау	– " – 40	– " – 40
Сюрю	– " – 8	– " – 70
Сосак	– " – 70	– " – 40

Всего во оном владении счисляется ныне около двух тысяч семей, которые все люди пахотные, и от помятуемых владельцев на подобие крестьян употребляется.

VII. О владении ташкентском

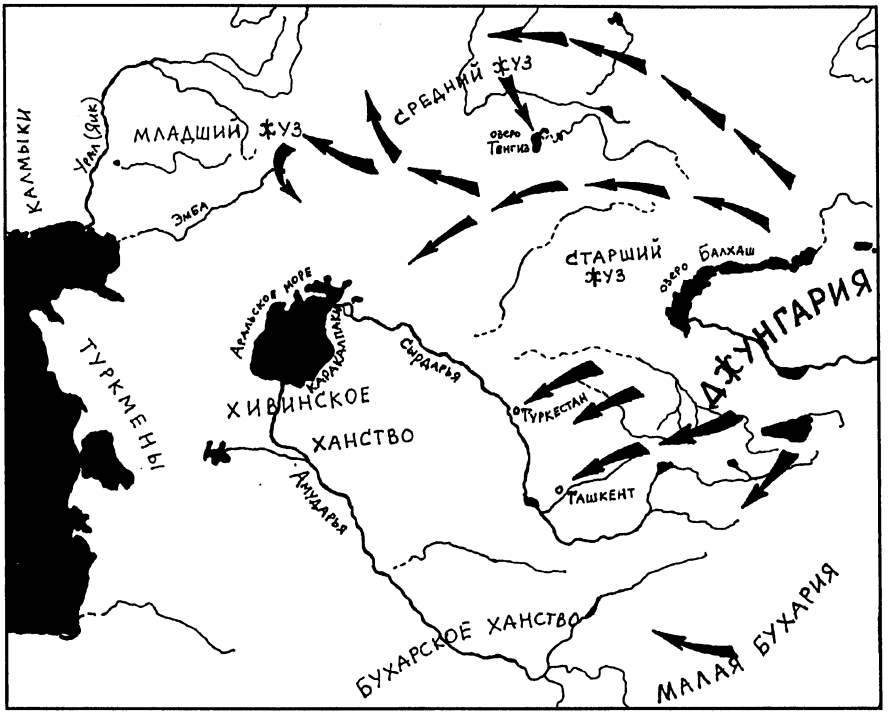
Ташкент город весьма людный, в полуденной стороне от Оренбурга, легкой езды дней двадцать, построен по большей части на ровном месте, величиною в длину и ширину версты на четыре. Реки в нем нет никакой, а имеется верстах в десяти от оного, называемая Чирчик, впадающая в Сырдарью, из которой в город проведены небольшие и неглубокие каналы, коих есть немалое число. Сверх того поделаны колодцы и пруды. Домов в Ташкенте тысяч шесть или более, все глиняные, и по одному только окошку в хоромине[71], да и то наверху. Крышки[72] из камыша, которые служат токмо от ветру, а когда дождь случится, то все пробивает. Снаружи оные дома обмазывают глиною, а внутри выделывают известью, наподобие штукатурной работы, разными фигурами. Больших улиц во всем городе восемь, из которых у каждой на выезде ворота деревянные, а иные и кирпичные, которые называются: 1) Самаркан, 2) Биш-Агач (пять дерев), 3) Терсерек, 4) Шихан-Таугер, 5) Тахтакусь, 6) Тарсахан, 7) Капкан, 8) Кочки. Прочие ж улицы безмерно тесные, сажени по полторы и меньше. Главный базар посредине города и называется Игистан[73], где есть сделанный пруд, выкладен диким камнем, в длину и поперек до десяти сажен, а поверх земли аршина на два, наполнен водою и снабжен великими тутовыми деревьями. Кроме оного есть и другие малые базары, на которых сделаны малые глиняные

лавки, и продают хлопчатую бумагу, пестреди[74] и другие бумажные парчицы.

Из российских же товаров всего охотнее покупают сукно кармазинное[75], бобры заморские и выдры, краски брусковую[76] и кошенель[77]. Мечетей в Ташкенте около ста пятидесяти счисляют, все глиняные и кирпичные. Сверх оных есть там великие, старинные и хорошей архитектуры строения, кои наподобие христианских церквей имеют главы и внутри изрядною работою украшены и называются по тамошнему обыкновению медрессы[78], то есть училища. В одной из оных погребен старинный их Барак-хан[79], которая пред прочими лучшего убранства была, ибо там много золоченой и костьми выкладенной работы, но в таком небрежении у граждан осталась, что в ней ныне скотину запирают. В садах, которых в Ташкенте множество, родится виноград, шаптала[80], винные ягоды[81], яблоки и груши, а на полях сеют пшеницу, ячмень, пшено сорочинское, просо и хлопчатую бумагу и родится оное со многим изобилием. Шелк всякий про себя разводят, но больших заводов в Ташкенте нет; железа, меди и свинцу находят в горах довольно. Впрочем, около Ташкента никакой защиты нет, кроме стены глиняной, вышиною сажени на две. Воздух тамошний теплый, дождей бывает довольно, и зима более трех месяцев никогда там не бывает. Правительство в городе прежде тутошние граждане содержали, потом усилились над ними Большой орды киргизцы, которые во оный город для житья часто приезжают. Ныне же сей город состоит под властью зюнгорского владельца, который, как слышно, содержит в нем своего управителя.

VIII. О зюнгорах

Зюнгоры или зюнгорцы, народ калмыцкий, великий и довольно сильный, прежде был разделен на много тайшей или князей, но от междоусобия не много могли знатного учинить, и от того великая их часть, а особливо все торгоуты, часть хошоутов и малая часть дербетев, перешли к Волге. Между оставшимися в их земле один тайша Чечень, усилившись, многих других тайшей под власть свою покорил. По нем Контайша[82] учинился ханом и сделался единовластным. Сей имел великие войны с китайцами, бухарцами и с киргиз-кайсаками, и сих последних несколько раз победил, а некоторых принудил дань себе платить. Многими городами бухарскими он завладел и, не докончив с китайцами войны, умер. Сын его Галдан-Черин[83] тако ж довольно храбрость свою изъявил, у которого китайцы не малою ценою в 1732 году мир купили.



Завоевания джунгар в первой половине XIX века

Кайсаков великое число в подданство свое принудил. А с Россиею хотя спор имел о границе, но никогда в действительную войну не вступал, а более перепискою с губернатором сибирским дела разбирали, и справедливость в обидах производили. Строение в 1718 году крепостей по Иртышу до Алтайских гор зюнгорцы за обиду себе причитали и с войсками приходили, однако ж, не чиня великого сопротивления, добровольно уступили.

В рассуждении ж Оренбургской губернии надлежит сей к киргиз-кайсакам смежный народ паче прочих уважать, ибо оный между всеми тамошними народами за наисильнейший почитается, и владетели их, имея самодержавную власть и усилившись, издавна стараются владение свое распространить, как то уже и завладели почти всеми местами, в Малой Бухарии лежащими, а особливо всею Еркенскою и Кашкарскою провинциею, отколь получают немалые доходы. Сверх того под власть же свою привели они Ташкент, Туркестан и Большую киргиз-кайсацкую орду; особливо ж тщатся разными образы, силою и ласкою Средней и Меньшей орды киргиз-кайсаков от российского подданства

отторгнуть и себе так, как и первую, то есть Большую орду, покорить. Ибо обе сии орды почитают они себе со здешней стороны за опаснейших соседей, что и подлинно, потому что ежели б киргизцы могли приведены быть в добрый воинский порядок и, соединясь всеми своими силами, стояли против зюнгорцев, то б им и одним управляться было не невозможно. Сего ж не имея, нередко от них побеждаемы и разоряемы бывают. В 1740 году от зюнгорского владельца посланы были на киргизцев две партии, каждая в десяти тысячах человеках, из которых одна за киргизцами гналась под самую Орскую крепость и многих из них побила и в плен побрала, но, увидев оную крепость, остановились, и, когда от тамошнего командира к начальникам той партии посланы были нарочные с объявлением, что киргиз-кайсаки в подданство российское приняты, и зюнгорцы за неприятелей будут почтены, ежели более за ними гнать и еще разорять их будут, то они назад возвратились, объявя токмо, что сие учинено с их стороны во отмщение за то, что киргизцы на смежные к ним зюнгорские улусы чинили частые нападения и из них многих разоряли, и будто б владетель их, ведая, что по реке Яику российские крепости строятся, далее оной реки за киргизцами гнать не велел. Что же киргизцы в подданство российское приняты, то якобы у них было неведомо. После того, оставя воинские действия, покушались разными образы, чтоб киргиз-кайсацких владельцев в свою сторону привлечь, и в том виде, по смерти Галдан-Черина, бывший зюнгорским владетелем сын его Цевень-Даржа-Намжи хотел жениться на дочери киргиз-кайсацкого Абулхаир-хана, которое сватовство смертию ханской дочери пресеклось. После того из Средней орды Абулмаметхан[84] (который с Абулхаир-ханом был в несогласии) интригами зюнгорскими и Абдулхаир-хана до того приведен был, что он в 1742 году из той орды с несколькими улусами откочевал к Туркестану и сына своего зюнгорскому владельцу отдал в аманаты[85], за что получил себе в жительство город Туркестан, где он живет и поныне. Сей немалолюдный народ на войне употребляет так, как и киргизцы, огнестрельное оружие, да и пушки у них есть, заведенные одним шведом, бывшим там в полону при владении Контайши, которые во время войны возят на верблюдах и, не снимая с них, из оных стреляют, но весьма не действительно, и так употребляются больше для страху, нежели для вреда неприятелей. Ныне ж, по известиям, заводят они у себя и горные заводы, употребляя к тому с сибирских заводов беглых мастеров. Впрочем, почитаются зюнгорцы на войне между тамошними народами за храбрых и искусных людей, тем паче, что все они, будучи подвластны одному владетелю, по повелениям своих ноэнов[86], или командиров, точно исполня-

ют. На границах их, в пристойных местах, для всякой осторожности содержатся у них немалолюдные караулы, и на войну может их легко собраться от сорока до пятидесяти тысяч человек и более. Веры все они идолопоклоннической[87], и суть отродия мунгальского[88].

Сему служит в дополнение, что в декабре месяце прошлого 1761 года, в прибавлении к Санктпетербургским и Московским ведомостям, о великой с зюнгорским народом недавно происходившей перемене объявлено, которое известие по важности оного, и для охранения, чего от ведомостей надеяться не можно, здесь присовокупляется.

Краткое известие о бывшем пред несколькими годами в зюнгорском калмыцком народе смятении, и происшедшем от того рассеянии и совершенной оному погибели

Зюнгорский народ, который был закона идолопоклоннического и кочевной, имел свои места близ границ китайских и здешних сибирских, а ханы их или главные владельцы были самовластные, и пребывание свое имели при реке Или[89], впадающей в озеро, называемое на их языке Балхаш-Нур[90] и лежащее под 48 градусом.

Сперва был сей народ не сильный, но потом время от времени в великую силу приходить начал, особливо при последних своих двух владельцах, Цаган-Араптан-Хон-Тайдже, по которому они и хонтайшинцами именовались, и при сыне его Галдан-Черене.

Сии оба владельца, завоевав и поклоня под свою власть некоторые окольные народы, а особливо Малую Бухарию, состоящую в семи городах, называемых Кашкар, Учь, Аксу, Куца, Эркень, Хотон и Керея[91], производили с великою своею пользою чрез сорок лет войну с китайским государством, причем первый, то есть Цаган-Араптан-Хон-Тайджи, нечаянно прошедши чрез пустые степи и пески, делал нападение и на тангутский народ[92], живущий между Китая и Индии, и на подданный оному калмыцкий народ же, именуемый Хошоут, кочующий при Коку-Нуре[93], или Синем Озере, и разорил главное тангутское место Тибет, где живет тангутского народа владелец, и по их калмыцкому суеверию главный духовный Далай-Лама[94], которого они и боготворят; и полученною там великою добычею, а особливо в золоте состоящею, зюнгорский свой народ обогатил.

Галдан-Черен умер в 1746 году, определя по себе владельцем сына своего, Цебек-Доржу, он же назывался и Аджан, и было ему от роду семнадцать лет, но его заисанги или дворяне зюнгорские, присутствовавшие в Зарге, или таком судебном месте, которое всем народом правительствовало, за худое его правление, и что он многие насильства делал, а особливо по дошедшему к ним известию, коим образом он намеренным был их известь, а на место их определить других из своих ближних, низложили его и ослепили, а на место его произвели во владельца другого Галдан-Черенева от подложницы рожденного, сына Ламу-Даржу, которому тогда от роду было тридцать лет, а Аджан послан был в ссылку в Малую Бухарию, где он после и умерщвлен; избранный же при том случае владельцем назван Эрдени-Лама-Батур-Хон-Таиджи, то есть святой отец, храбрый и добрый князь.

По их обычаям владение зюнгорского народа по смерти владельца Аджана принадлежало не ему, Лама-Дарже, как от подложницы рожденному, но другому прежних зюнгорских владельцев ближнему родственнику ноиону, или князю, Дебачи[95], почему сей ноион принужден был уклониться для своей безопасности в соседний киргиз-кайсацкий народ, а с ним туда же уходил и другой ноион из рода Хоит, называемый Амурсанань[96], то есть спокойная мысль, рожденный от дочери бывшего зюнгорского владельца Хон-Таиджи.

Дебачи, будучи в киргиз-кайсацком народе, возымел способ прибрать себе в зюнгорском народе партию[97], после чего с бывшими при нем калмыками и с малою помощью от киргиз-кайсак, вступя в зюнгорский народ, нечаянно напал в ночное время на тогдашнего зюнгорского владельца Ламу-Даржу и его убил, а сам на место его учинился главным владельцем.

При вступлении его в правление некоторые из зюнгорских ноионов ему не покорились и отделились особливыми партиями, а потом такое начинающееся в зюнгорском народе междоусобие товарищ его Дебачин, ноион Амурсанань, столько умножил и распространил, что от того и всеконечная всему народу погибель воспоследовала.

Он в бытность с Дебачею в побеге, в киргиз-кайсацком народе, имел с стороны Дебачиной великие обещания, но тех сей в свое время не исполнил, а Амурсанань, не могши инако получить своего намерения, сам явным образом против Дебачи восстал, а по неудаче в том, будучи Дебачею с бывшею при нем партией разбит, бежал в китайскую сторону.

Китайскому государству по бывшей тягости от соседства зюнгорского народа, конечно, нужно было пользоваться происшедшим в оном смятением, и так Амурсанань легко в Пекине предуспел представлени-

ем и возбуждением своим довести китайский двор до того, что намерение восприято было о завоевании сего народа, для чего Амурсанань от китайского бокдохана[98] пожалован был циньваном, или принцем первой степени, и отправлен при многочисленном войске в Зюнгорию, и притом обнадежен учиненным быть и настоящим в Зюнгории владельцем.

Зюнгорский владелец Дебачи с китайским войском имел великое сражение и, будучи побежден, ретировался в город Турфан[99], но из оного китайцам, которые за ним следовали, руками выдан, а сие происходило в 1754 году.

Между тем Амурсанань, не получа по обещанию бокдоханскому владения в зюнгорском народе, а видя, что с их стороны старание только прилагается о ослаблении оного, и уведомясь, что владелец Дебачи, по привозе его в Пекин, от бокдохана принят благосклонно, и об нем, Амурсанане, будто худое намерение приемлется, умыслил от китайской стороны удалиться и, согласясь с теми из зюнгорского народа, которые тогда при китайском войске были, напал нечаянным[100] образом на один китайский корпус и оный разбил, а потом отошел на реку Или, где наперед сего, как выше примечено, всегда главные зюнгорские владельцы живали. А хотя за ним и послано было в погоню китайское войско, но и то он, совокупя в скорости некоторое число из бывших в рассеянии зюнгорцев, разбил же, после чего и назвал себя главным зюнгорским владельцем, которым званием, однако, не долго пользовался.

При сем его предприятии кажется, ежели он с некоторыми из бывших тогда в походе начальников, подданного китайского мунгальского народа, также при здешних границах от Зюнгории в другой стороне находящегося, не имел какого-либо соглашения. По последней мере оное ему в действо произвесть по их упущению удалось, ибо один из них по имени Хошой-Чин-Ван в 1755 году по взятии в Пекин за него, Амурсананя, казнен, почему другой мунгальский начальник, на зюнгорских же границах с войском бывший, называемый Шидар-Ван, явно от подданства китайского отложился и сделал было в мунгальском народе смятение. Однако ж оное тем пресечено, что и сей последний с своими сообщниками также пойман, и все они в Пекине казнены.

За Амурсананем отправлены были в то ж время с китайской стороны в Зюнгорию войска пред прежним многочисленнейшие, причем и заисанги зюнгорские, присутствовавшие в Зарге, отпущены с награждением из Пекина, где они между тем до того времени продержаны.

По увещанию сих заисангов, многие из зюнгорского народа от него отстали, а другие и без того, будучи он, Амурсанань, не того роду, из которого главные зюнгорские владельцы происходили, ему не покоря-

лись; и так, не возмогши он с своею партиею против китайцев устоять, но, будучи от них разбит, бежал в киргиз-кайсацкий народ, куда он и пред тем с Дебачею уходил; а зюнгорский народ войсками китайскими приведен уже в то время в крайнее изнеможение и рассеяние, которым случаем и киргиз-кайсаки пользоваться не оставили, чиня на зюнгорцев частые нападения и побирая многих в плен, почему такие из зюнгорских заисангов, которые обыкновенно неподалеку здешних границ кочевывали, принуждены были к оным приблизиться, убегая совершенного расхищения, и просили о принятий своем с подчиненными их людьми в российское подданство.

И хотя в приложенном с китайской стороны старании о приведении в рассеяние зюнгорского народа никакого помешательства со здешней стороны не сделано, напротив того, не отказано ж по прошению зюнгорцев, пожелавших вступить в вечное российское подданство. Таким образом, когда дано было им на то позволение и вышло их на здешние границы несколько тысяч семей, в том числе многие ноионы и заисанги, из которых те, которые похотели остаться в прежнем своем законе, препровождены для житья в подданный российской империи торгоутский калмыцкий народ, в Астраханской губернии при Волге пребывающий, а которые пожелали принять христианскую веру, отправлены в город Ставрополь, находящийся в Оренбургской губернии[101] и нарочно для крещеных калмык пред несколькими годами построенный.

Но что касается до Амурсананя, он, не находя себя довольно безопасным и в киргиз-кайсацком народе от подыскательств китайских, отлучился из того народа и по странствовании чрез некоторое время в пустых и непроходимых горах, принужден был напоследок в 1757 году, в июле месяце, спасая себя от разосланных за ним китайских партий, возыметь прибежище в здешние ж сибирские границы, а вскоре за ним вышла на оные ж и жена его, называемая Битей, дочь бывшего главного зюнгорского владельца Галдан-Череня, которая прежде была в замужестве за большим амурсанановым братом, называемым Ишиданжин, и с сыном своим, прижитым от того первого ее мужа, а имя оному ее сыну Пунцук.

Амурсанань, коль скоро вышел в здешние границы, так скоро заболел оспою и умер, а жена его и с сыном ее потом препровождены были в помянутый калмыцкий народ, при реке Волге пребывающий, равно как и прочие из зюнгорского народа, при своем законе оставшиеся.

С китайской стороны предварительно дано было знать в здешнюю сторону о оказанных им от Амурсананя противностях и притом домогательство чинено о выдаче им его, если бы в здешние границы вбежал.

Потом, по получении при китайском дворе известия, что он действительно уже в здешние границы уклонился, то при повторении их требования о его выдаче и такое предложение от них сюда учинено было, как они некоторым образом довольными быть имеют, если Амурсанань в России вечно заключен будет в темницу, и тем в несостояние приведется производить впредь беспокойство. И так, когда дано было знать, напротив того, отсюда китайскому двору о случившейся между тем Амурсананю смерти причиною, то было к великой радости всему Пекину, причем он столь добр был для них, что им хотелось получить и мертвое его тело для учинения над ним таких обрядов, по которым народ их видел бы, какой казни он от них ожидать имел, если бы попался в руки их живой. Но сибирский губернатор почел за непристойное на то поступить, а вместо того удовольствовал их во уважении соседственной между обоими государствами дружбы тем, что с их стороны тело его на границе осматриваемо было двоекратно, сперва присланными от мунгальского командира нарочными, а потом присланным для того ж и из самого Пекина на здешнюю границу знатным человеком, имеющим чин асхани-амба, чем только недоверка их, какую имели о том, не жив ли еще Амурсанань и не может ли и впредь быть им вредным, окончилась.

Жена же его, Амурсананева, Битей, по переезде ее в калмыцкий народ на Волгу просила позволения быть сюда, в Санкт-Петербург, для отдания всеподданнейшего поклона блаженной и вечной славы достойной памяти государыне императрице Елисавете Петровне, на что ей и позволение дано было, почему она пред некоторым временем и с сыном своим сюда приехала. Но вскоре по приезде своем заболела и 7 сентября прошлого 1761 года умерла. Сын же ее, а зюнгорского владельца Галдан-Череня внук, Пунцук, желает принять христианский закон.

Такой имел конец славный в Великой Татарии и в Китайском государстве Амурсанань, а с ним и зюнгорский многочисленный народ, возмогший напредь сего всей китайской силе сопротивляться, но погибший напоследок в самое короткое время, от его одного, Амурсананева, безместного властолюбия, а земля сего народа осталась ныне пустою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О провинциях и дистриктах[102] Оренбургской губернии

Выше сего в первой главе упомянуто, что по именному указу, состоявшемуся марта 15 дня 1744 года, Оренбургской губернии подчинены Уфимская и Исетская провинции, а притом и все от Оренбургской комиссии построенные крепости, которые по определениям, учиненным еще в той комиссии, на разные дистанции[103] разделены, и над каждою учреждены командирами штаб-офицеры с достаточными инструкциями, коим сверх пограничных и воинских дел и гражданские, так как провинциальным воеводам исправлять велено, что указом из Правительствующего сената подтверждено. Потом по указу ж, состоявшемуся в Правительствующем сенате на представление господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева 29 февраля 1745 года, велено к Ставропольской крепости, при которой крещеным калмыкам земли отведены, приписать особый уезд, отделя в оный жилья по способности из Казанского, Синбирского и Самарского уездов, и тутошней канцелярии определено быть на таком же основании, как и провинциальные; и тако в сей Оренбургской губернии можно положить следующее разделение. В начале провинции, между которыми в первых полагается Оренбургская, то есть: Оренбургский дистрикт, или собственно к городу Оренбургу и к губернской канцелярии беспосредственно принадлежащее ведомство. В оном состоят, начав снизу от устья реки Яика, где она впала в Каспийское море, Гурьев городок, от Астраханской губернии к Оренбургской приписанный, где издавна особая канцелярия имеется. Потом Яицкий казачий городок со всеми станицами и форпостами казацкого войска в тех делах, кои по пограничности и по генеральным указам исполнения требуют, да Бугульминская земская контора с подчиненными к ней слободами и жительствами на большой Московской дороге. 2) Уфимская провинция, где сверх Башкирии Осинский, Бирский и Мензелинский уезды. 3) Исетская провинция, в коей, кроме

Зауральской Башкирии и новопостроенных крепостей, три от Сибирской губернии определенные дистрикта, а именно: Исетский, Шадринский и Окуневский. 4) Ставропольская, в которой хотя токмо один имеется дистрикт, но оный состоит из немалого числа жительств, кои прежде принадлежали к Казанскому, Симбирскому и Самарскому уездам. Потом линейные дистанции, где определенным командирам, как выше упомянуто, между прочим и такие дела, как провинциальным воеводам, поручены. Оных дистанций счисляется ныне восемь, а именно, начав снизу от Волги: 1) Самарская, 2) Сакмарская, 3) Нижняя Яицкая, 4) Красногорская, 5) Орская, 6) Верх-Яицкая, 7) Верхняя Уйская, 8) Нижняя Уйская, из которых каждой дистанции командир под ведением и управлением своим по нескольку крепостей имеет.

Какую ж обширность имеют оные провинции и дистанции, где их правление и знатные места, о том, яко же и о прочем в тех провинциях и дистанциях примечанию и описанию подлежащем по предвосприятому плану показано будет во второй части сей «Топографии».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О разности народов, внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему их состоянию

В рассуждении различия народного можно сказать, что из всей Великороссийской империи, по Сибирской, другая губерния едва находится ли, где б в жителях такое различие было, какое ныне в Оренбургской. Все оные народы для удобнейшего их описания могут разделены быть надвое. Во-первых, те, кои в границах сей губернии издавна живали и ныне жительствуют, а именно: 1) российские, 2) татары, 3) башкирцы, 4) мещеряки, 5) калмыки, 6) киргиз-кайсаки, 7) каракалпаки, 8) мордва, 9) черемисы[104], 10) вотяки[105], 11) чуваши. Потом вновь приходящие и по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии в разных местах поселяемые, яко то: бухарцы, хивинцы, ташкентцы, трухменцы, аравитяне[106], персияне и прочие. И хотя к совершенству сей части требуется и сие, чтоб самое начало и происхождение оных народов основательно описать, но понеже к тому многое сведение и справки надобны, того ради впредь все касающееся до них от времени до времени можно собирать; между тем же, елико случай допустил об них спознать, из того приличное по возможности описано и в рассмотрение искуснейшим сообщается ныне следующее.

1. О русских

Когда мы о наших собственных древностях говорим, то почти всегда и во всякой материи принуждены бываем славян упоминать, ибо предков наших состояние и все древние наши случаи описываны большею частию под именем славян, от которых мы происходим. Но понеже под сим именем как наши, так и иностранные писатели, многие народы на разных местах и разными званиями описывали и полагали их иногда в скиф-

ских, иногда ж в сарматских пределах, потому в рассуждении славянских и русских древностей часто происходит великое затруднение и такое смешательство, что мы сущих славян от скифов и сармат доказательно разобрать и точно различить не можем[107]. Самые любопытные и в истории древностей искусные люди нередко в том ошибались, почитая за славян то скифские, то сарматские народы, нимало к ним не принадлежащие. А напротив того, сущих славян в скифские и сарматские имена погружали. Отчего у многих в рассуждении славяно-российских народов разные мнения произошли, так что один народ у одних славянами, у других скифами, а у третьих сарматами быть сказуется.

Сию разность объяснить немало труда и времени, а еще больше того искусства требует, да и то к намерению нашему не нужно. Упоминается оно для того токмо, что говоря о древних обитателях оренбургских мест, а особливо до нашествия татар, в пределах той губернии какие народы жительствовали и были ли они когда подвластны российским государям, имеем мы причину упомянуть о древних козарах[108], болгарах[109], уграх или венграх, о которых как русские, так и иностранные писатели, довольно уверяют, что они до пришествия татар, точно в пределах Оренбургской губернии обитали.

Если о упомянутых народах рассмотрим по нашим российским летописцам, то точно и ясно найдем их в числе славян. Сие многими свидетельствами доказывать, для сокращения сего описания, кажется, не нужно. Довольно сего упомянуть, что нам древнейший и достовернейший наш хронограф и историк Нестор[110] преподобный об них предал, а именно: «Праотцы славянского народа (говорит он) были козары, которые потом названы булгарами, отродие скифское; наследователи ж жилищ их были угры (то есть венгры), кои после перешли на Дунай». Тому ж согласно и в других летописцах о преселении болгар пишется сими словами: «Приидоша от скиф, рекше от козар, рекомии болгаре, и седоша по Дунаю; по сем же приидоша Угрии Белии, и наследиша землю славянскую. Сии убо Угрии начаша быти при Ираклие царе, иже ходиша на Хоздроя царя Персского»[111]. Обстоятельства оных народов, а паче где они находились, и по каким причинам из тутошних пределов выходили, отчасти ниже усмотрятся. При сем довольно мнится сие одно упомянуть, что по всем российским летописцам, яко же и по печатному Киевскому синопсису[112], болгары вообще с славянами и с русскими одним языком говорили.

Но буде рассуждать об них по иностранным писателям, то между сими, а паче из новых, хотя и находятся такие, которые Волжских болгар признают за сармат, а не за сущих славян. Однако они же сами изъяв-

ляют, что в древнейшие времена по Волге и между Волжскими болгарами славян всегда множество находилось и купно с ними на Дунай вышли. Да и о венграх (то есть уграх) сказывают, что они древле, равно как и богемцы, славянский язык имели, но угашен оный в Венгрии, о чем покойный тайный советник Василий Никитич Татищев, из разных авторов любопытно выбрав, в российскую свою историю внес и примечаниями изъяснил; и так по которому б основанию ни рассуждать, однако, намерения нашего не лишаемся. Ибо как по первому, так и по второму, и из нижеписаннаго довольно видим, что до нахождения татар в оренбургских местах славяно-российские народы жительствовали. Гиллиом Рюбрукис[113], посыланный от французского короля Людовика IX[114] в Татарию послом, в лето от Рождества Христова 1253, о сих местах и жителях яснее прочих показал, и потому из иностранных писателей он может в самом начале приведен быть. Сей монах в 23 главе «Путешествия» своего о реке Яике и о народах, тамо жительствовавших, следующее описание учинил: «Ехавши (говорит он) около двенадцати дней от реки Этилия (от Волги, которое расстояние и по нынешнему сведению от Волги реки до Яика посредственною ездою сходственно есть), обрели мы другую большую реку, именуемую Ягаг (Яик), которая истекает из полуночных стран земли Паскатир и впадает в сие море (Каспийское, о коем говорил прежде); язык же паскатирский и венгерский есть един, и оные суть все пастыри, не имеющие ни единого города, ни пригорода; со стороны западной граничат они с Великою Булгариею, и от сея земли к востоку. В сих полуночных странах не находится уже ни единого города, так что Мâлая Булгария (то есть Дунайская) есть последняя страна, где оные есть. Из сей страны Паскатирской вышли гунны, которые после названы были венграми, и та есть собственно Великая Булгария». Потом сказует он и сие, что живущие по ту сторону Дуная, близ Константинополя, булгары из Великой Булгарии, то есть из сих же мест, произошли, а наконец описание сие заключает он сими словами: «что я говорил о земле Паскатир, то об оном уведомился я от братий проповедников, иже были в стране той, прежде нежели татары пришли во оную; и с того времени были они подведены под иго соседов своих болгаров и сарацынов, и многие между ими вошли в магометанство».

Еще в разных описаниях находится, что сии места в древние времена и к Команской земле причитались, а что команы[115] и Русь за един народ признавались и один язык имели, на то не только в иностранных, но и в других описаниях довольно свидетельств находится. Из иностранных Карпеин[116] и Асцелин[117], посыланные от папы Иннокентия IV[118] в 1246 году к татарам, и тако прежде Рюбрукиса за семь лет, в «Путешествии»

своем в главе 2, описуя в Команской земле главные реки, упоминают их четыре: первая Днепр, вторая Дон, третья Волга, четвертая Ягаг, то есть Яик. А в четвертой главе, сию ж землю обстоятельнее описывая, объявляют сими словами: «Команская земля близ севера после России, мордва, билеры, сиречь[119] Булгария, Бастарки иже есть венгры». Потом в сей же главе ниже сказывают тако: «Команская земля есть велика и долгого пространства, ея же народ от большей части искоренен от татар, а прочие все скрылись, остаток пребыл в работе под ними; но и те, которые было укрылись, многие возвратились и подверглися под иго их». Видно по обстаятельствам, что все то говорится о болгарах.

Есть еще сочинение о татарах, собранное из разных древних и новых авторов чрез Петра Бержерона Паризянина[120], в котором пишет вышеписанному ж согласно, а именно: в четвертой главе объявляется, «что команы народ весьма сильный, обитали между Волги и Дона, а после выгнаны от татар, сокрылися в Венгрию». Потом в пятой главе говорится: «что Команская земля распространяется по ту и по сю сторону Волги даже до Дона, или Танаиса, с прибавлением сего, что тут обитали разные народы команские под именем полюки, или половцы». А ниже в шестой главе пишет, «что команы были выгнаны от татар и отошли в Венгрию с их главнейшим воеводою Готанусом около 1221 года, где притворившись благосклонными к христианству приняты изрядно, но после причинили великие бесчинства и разорения; их было тогда близ сорока тысяч». Во окончании ж сей главы объявляется, «что во оных местах издревле находившиеся народы были вышедшие, одни из северных стран, из той Скифии, коя ныне называется Россия, другие от Волги реки, назвавшись от оной болгарами, а напоследок отошли в земли, называемая ныне Венгрия». Тут же из Рюбрукиса вышеписанное приведено с изъяснением, яко он Великую Венгрию называет паскатирскою и башкирскою землею[121], что ныне Югрия[122] и Сибирь, и что из земли оной Паскатир истекает великая река Ягаг, и вливается в Каспийское море, по ту сторону Волги реки к востоку, и оную реку называют ныне Яиком, которая выходит из Сибири.

Рассуждая все оное, а особливо по ситуации и распространению, от Рюбрукиса описанному, довольно видно, что он рекою Ягаг нынешний Яик, а область Паскатир за настоящую Башкирь (которая ныне наибольшую часть Оренбургской губернии сочиняет) разумеет, что и покойный тайный советник Татищев в примечаниях своих на Рюбрукиса утверждал, и башкирский народ в предызвещении своем к российской истории, да и в самой той истории в 22 главе, за отродие древних болгар признает, объявляя, что они по принятии магометанского закона с тата-

рами, татарский язык употреблять начали, чему довольно примеров и в самой России находится. Ибо многие народы с восприятием христианства, оставя особливые свои языки, господствующий, сиречь тот, который государи их имели, употреблять начали, а наконец не только язык прежний, но и звание свое совершенно позабыли. Да и сами славяне, как многие мнят, по пришествии к ним в Новгород из варяг Рюрика[123], оставя имя славян, начали именоваться Русь или русами, так как пришедшие со владетелем их Рюриком варяги прежде именовались. Напротив же того варяги, тако ж и другие многие народы, с восприятия христианского закона, оставя собственные свои языки, славянский употреблять начали, о чем в российских летописцах довольно изъявляется. Да и в самые нынешние времена, не вдавне восприявшие святое крещение иноязычные народы, а наипаче дети их и внучата, в том очевидно нас уверяют; ибо оставя, или и вовсе позабыв, прежние свои языки, один русский употребляют.

Что же до Булгарии принадлежит, то из многих описаний видимо, что она издревле разделялась на двое, то есть: на Великую и Малую, как то и выше упомянуто. О Великой Булгарии в одном из наших российских летописцев (старинного белорусского письма) следующее находится: «Великая Булгария, от нее же мы словации идем, была между Азии и Европы по обе стороны реки Танаис, еже глаголется Волга (здесь видна погрешность, ибо неизвестно, чтоб Волга Танаисом когда именовалась, но называли Танаисом Дон); людие же, живущие тамо, восставше с женами и с детьми, изъидоша оттуда, ищуще добрых мест, покойных к житию; друзии же пишут, их же вытиснули татарове, приидоша на море, глаголемое Понт-Эвксин[124], против Трации[125] до Белого Озера, его же зовут Палус-Меотис[126], где днесь Крымское (государство), и даже до реки Днепра, побывша в тех полях не мало, слышаще государей христианских, цесарей Константинопольских[127], подвигошася с мест своих, во время цесаря Иустиниина Великого[128], со князем своим Дербалом[129], иные водою, иные землею, приидоша до Трации, возвоевашася на государство Греческое, и поседоша Мисию Малую и Великую[130], и прозваша единым именем Болгария (поразили разных греческих царей) Босну[131] посели, чрез угры шли далече, даже до Далмации или Рящи[132], даже до Истра[133], заложили место Истринополин[134], идеже убили Агилмунда царя Лондгобардского[135], иже хотел их оттуду изгнати, и доныне в тех местах сидят». Но предупомянутый тайный советник, описуя Великую Булгарию, объявляет, что границы ее распространились по Волге от устья реки Камы вниз до хвалисов[136], или болгаров нижних, где особые государи были; по Каме же реке народ

арии[137], или вотяки, под властию их были, а к западу, или Дону, как далеко простирались они неизвестно, однако ж, черемисы и чуваши сущие их подданные были. Они, а паче граждане, не столько к войне, как к купечеству прилежали, а простой народ довольствовался множеством жить скотом, пчелами, зверями и рыбами (об них же сказуется, яко бы они и дело юфтей[138] вымыслили первые, и оными немалые торги производили, что несколько и потому вероятно, яко еще доныне в Хиве, в Бухарах и в других тамошних местах, юфтяные кожи называют булгар, то есть товар булгарский). Малую ж Булгарию он же, тайный советник, означает, что под сим именем тех булгар разумели, кои около Дуная к Константинополю жительствовали, и ныне под Турецкою областию[139] находятся, признавая их по разным обстоятельствам за древних козар, и что они, будучи утеснены от неприятелей, между Волжских болгар обитали, а около пятого столетия перешли к Дунаю и, тамо укрепяся, основали сильное государство, с которым российские государи часто войны и союзы имели, и от них первые крещение восприяли.

Впрочем, из разных российских летописцев можно видеть и доказать, что победы и самодержавие российских государей до нижних болгар (то есть на Волге, в Великой Булгарии живших) и по Волге реке до самого моря распространялись, о чем кратко выписав при сем на рассмотрение ж искуснейшим сообщается, а именно.

Святослав, сын Игорев[140], между прочими народами козар и болгар (не только по Дунаю, но и на Волге живших) победив, под властию своею имел. Потом сказуется, что великий князь Владимир[141] в лето бытия 6495 ходил на болгары низовские с Добрынею[142] и, пленив их много, сотворил с ними мир и дань на них возложил. В лето 6635[143] великий же князь Юрий, прозванием Долгорукий[144], сын Владимира Мономаха[145], оных же болгаров пленил и, столичный их город Бряхимов[146] на Каме реке и прочие города взяв, дань на них положил. О сыне ж его Всеволоде[147], который прозван был великим и был на великом княжении в Володимире, объявляется, что владел он всею русскою землею и Волгою-рекою до самого моря, имя его славно было по всей земле; он же и с татар дань имел. Во описании ж Вятской страны, или провинции, которое прислано к географическим делам от поручика Клешнина в 1739 году, объявляется, что новогородцы, по причине бывших с великими князьями ссор, отлучаясь от Новогородских пределов, ходили воевать на Волгу, и кои страны от них были побеждаемы, в тех они и селились. Особливо ж сказуется об них, что в лето 6662[148], во дни великого князя Ярослава[149], сына того ж Владимира, немалое число новогородских жителей пошли судами вниз по Волге, и, дошед до реки

Камы, поставили тут городок, где несколько живши, разделились: одни остались в том городке, а другие пошли вверх по Каме-реке и, дошед Вятки реки, в тамошних местах обселились. Впрочем, о великом князе Андрее Ростовском и Суздальском (кой прозван был Боголюбский[150]) известно, что он к тогдашнему российскому владению немалое присовокупление учинил тем что, построя город Балахну[151], а потом Нижний Новгород[152] и другие города, мордвою, черемисами и чувашами (кои, как выше значится, под властию болгар были) совершенно завладел и, княжение в Нижнем Новгороде установив, старинное Болгарское царство и при устье Камы-реки, где она впадает в Волгу, столичный оного город Бряхимов совсем разорил и опустошил, а понеже владение оного великого князя началось в Суздале и Ростове, в лето 6663 года[153], и так сие присовокупление учинено им лет за восемьдесят до разорения Батыева, около самых тех времен, когда славный в татарской истории Чингиз-хан[154] был, которого сын Зюзи, или Эгу, а по Карпеину Тосхус (отец Батыев)[155], ушед от отца своего, в болгарах жил, а после на бывшей у русских и половцев баталии убит[156]; и потому, вероятно, что во время означенного болгарского разорения находились уже тут по большей части татары, а не древние болгары, ниже венгры, а хотя их несколько и было, но уже под властию татар, а, может быть, и в законе магометанском, как то выше сего из описаний иностранных о болгарах, венграх и команах объявлено, да и то могло статься, что Батый[157] (как то ниже в показании о татарах будет изъявлено), внук Чингизов, а сын сына его, Зюзи, бывшего в болгарах, вышеписанными причинами, к тому ж уведав и сие, что великий князь Юрий Всеволодович[158] 6729 года, для удержания сей страны, Нижний Новгород укрепил, в лето 6745 (1237) подвигнулся и со многочисленным татарским войском в Россию нападение учинил и, почти всю оную разорив, помянутого великого князя убил, а в 1234 году завладел он болгар, в 1238 Белую Русь, а в 1240 году Киев завоевав, пошел чрез Польшу в венгры (после чего помянутые миссионарии Карпеин и Рюбрукис у него находились, и о его делах оставили достоверные известия) и тако учинился властелином над болгарами, Россиею и команами, а брат его меньшей овладел большую часть Персии[159]. По изъявлению ж в Казанской истории, по смерти Батыевой, царство его и болгарское принял[160]. Ордынский царь Саин[161], который, вместо разоренного болгарского города Бряхимова, построил для себя столичный город Казань[162] и, утвердясь тут, он и последователи его российским местам причиняли многие разорения, но в лето 6903[163] посылланные от великого князя Юрия Дмитриевича[164] войска, стоящие на Волге города Казань, Болгары, Жупитин, Керемень[165] и Златую Орду[166]

повоевали и все оные города до основания раскопали, а царя казанского и с царицами и живущих тут варваров и сарацин с женами и с детьми побили, из-за чего город Казань сорок лет пуст находился; но потом великий князь Василий Васильевич[167] одного Золотой Орды царя, который назывался Улу-Ахмет[168] и выгнан был из царства своего с немногими людьми, Заяицкой орды от князя Едигея[169], допустил на время быть около Казани, который тут усилившись, построил город недалеко от того места, где прежде разоренная Казань была, от которого и от его последователей российскому государству еще великие бедствия и разорения произошли; однако ж побеждены они, и город Казань вторично взят был в лето 6995, в 9 день июля[170], великим князем и самодержцем российским Иоанном Васильевичем[171]. Но понеже тогда оставлен был в Казане, от помянутого великого князя, бывший у него в службе казанский же царь Мегмет-Амин-Ибраимов[172], кой по совету жены своей вскоре взбунтовал, и хотя от посыланных из России войск татары неоднократно побеждены, но третичное взятие Казани и совершенное уже покорение усилившихся тут татар воспоследовало не прежде, как при внуке оного великого князя, при царе и великом князе Иоанне Васильевиче[173] в лето 7061, октября во 2 день[174], о чем в Казанской истории[175] обстоятельнее явствует. А затем вскоре и башкирский народ в подданство ж российское пришел[176]. И еще два особые царства, то есть Астраханское[177] и Сибирское[178], при его ж царском величестве завоеваны и к Российской империи присовокуплены.

Из вышеписанных обстоятельств по порядку историческому в рассуждении тутошних мест, все оные происхождения способно могут на три периода разделены быть[179].

В первый приличествует положить самые древние времена, в которые хотя и к славянам принадлежащие народы находились, и российским государям были подвластны, но покрывались все по большей части глубокою тьмою идолослужения, почти по самое то время, как они от соседственных им народов из сих мест вытеснены, или паче судьбами и провидением Божиим по временам в такие места стали быть вывожены, где б им светом христианского благочестия просвещенным быть.

Второй период можно счислить от времен славного в татарских историях Чингис-хана, когда все древние в тамошних местах находившиеся народы, от нападения и усильства варварских и татарских народов, в порабощение их были приведены, и чрез то наибольшая часть от времени до времени из своих мест в другие выходить были принуждены, многие ж (как то можно верить, и выше явствует) оставшись тут и со

оными пришельцами мешаясь, чужие законы и языки восприяли, что все чрез несколько сот лет продолжалось.

Третьему ж периоду 6903 год можно за начало положить, то есть оное благополучное время, когда посыланные от великого князя Юрия Дмитриевича войска город Казань, татарами построенный, взяв, сей и прочие по Волге бывшие разорили, с которого времени в тамошних местах, хотя и с разными переменами, самодержавие российских государей и христианское православие паки возобновляться стало, а при царе Иоанне Васильевиче, в лето 7061, третичным взятием Казани и совершенно укоренилось, так что возрастая от времени до времени, ныне благостию Божиею не только в цветущем состоянии находится, но уже и плоды во всех тамошних местах к приращению высочайших интересов и к пользе Всероссийской империи немалые от того происходят. По реке ж Яику, где, как выше означено, в древние времена гунны[180], или венгры и команские (к славянам принадлежащие) народы смежно к Великой Булгарии находились, а потом все оные места заняты были татарами, ныне город Оренбург находится и, начав от самых ее вершин до устья, то есть до Каспийского моря, крепости и российские служивые регулярные и нерегулярные люди на прямом основании жительствуют, которых по всей линии и внутрь губернии, а именно в Уфимской, Исетской и в Ставропольской провинциях и в Яицком казачьем городке, по штатам действительно служащих до двадцати тысяч человек считается, в том числе десять полков регулярных (шесть гарнизонных, да четыре ландмилицких[181]), не счисляя тех армейских команд, которые повсегодно в летние времена к содержанию форпостов командируемы бывают. А всех российского народа служащих и неслужащих положенных и неположенных в подушный оклад обоего пола будет около двухсот тысяч душ, кроме иноверцев, о чем в разделении Оренбургской губернии по провинциям и дистанциям, во второй части сей «Топографии» яснее будет показано.

II. О татарах

Хотя и не предвидится дальней нужды, чтоб здесь начало и происхождение татарских народов с такою прилежностью изыскивать и рассматривать, как выше сего о великороссийских и славянских народах показано: но понеже[182] татарские народы, включая тут башкирцев и киргиз-кайсаков (подданных России), почти наибольшую часть Оренбургской губернии занимают, потому не бесприлично кажется при сем

и об них ведомое нам ныне сообщить, которое искуснейшие в истории народной со временем рассмотря могут, так как и все выше и ниже писанное, дополнить и поправить.

Все ученые люди согласуются в том, что татарский народ, во многие места рассеявшийся, есть сущее отродие скифов, и все древние, как греческие, так и римские писатели, нынешних татар обыкновенно под именем скифов, а иногда и сарматов тут же включая, описывали, разделяя их надвое, и полагая одних по ту, а других по сю сторону Имайских гор, которые у разных авторов разно описаны. Василий Никитич Татищев по ландкартам Птолемеевым[183] в примечаниях на сего автора мнит, что Имайские горы лежат от Аральского моря к северу и называются по нынешнему Кичик[184]; другие признают их за отрог Тавра, или Кавказа; другие объявляют, что их ныне именуют Алтай; но сие звание чаятельно не право, разве Алтай, или Алтайские горы те, которые великим кряжем лежат к Бухарии, и позади Ташкента прошли чрез Зюнгорское владение даже до Сибири, где многие народы жительствуют, и киргиз-кайсаки пред недавним временем в тех же горах живали, о чем в описании их покажется. Еще разделяли скифов на европейских и азиатских; но между скифов и сарматов включали они множество таких народов, которые к ним весьма не принадлежали, и не приличествуют, чему и из новых некоторые европейские писатели в рассуждении татар последовали, и еще доныне нередко ошибаются.

Что до скифов и сарматов в особливости принадлежит, то бывший при Санктпетербургской Императорской Академии Наук профессор Байер[185] в разных своих диссертациях довольные изъяснения учинил, а потом покойный тайный советник Татищев в собраниях своих к российской истории, выбрав из древних писателей греческих и римских, а особливо из Геродота[186], Страбона[187], старейшего Плиния[188], Клавдия Птолемея, императора Константина Порфирогенита[189], обстоятельнее показал, означа и сие, что между скифами, а паче между сарматами, всегда и немало славян обитало. Но нам о их древностях распространять никакой нужды нет; довольно сего объявить, что Геродот начало скифов до Геркулеса[190] (и так далее Троянской войны[191]) весьма баснословно доводит.

В особливости ж о татарах находятся разные известия в предупомянутом об них сочинении Петра Бержерона и у Страленберга в описании его Северовосточной Азии[192], но мы, сих, яко же и других европейских писателей минуя, вкратце изъявим и рассмотрим то, что сами в татарских своих книгах о себе собственно объявляют. Абулгази Баядур-хан[193] без сомнения есть порядочный и лучший у них историк,

которого татарское родословие чрез бывших в Сибири шведских офицеров с татарского языка переведено, и в 1726 году в Лейдене на французском языке с примечаниями напечатано, а с того и на российский язык переведенное и от Василия Никитича Татищева изрядными примечаниями изъясненное находится. Сей татарский автор, яко же и другие книги у живущих в Оренбурге ученых магометан имеющиеся, тщась род свой возвысить, в самую глубочайщую древность относят, изъявляя, якобы Афис, или Афет, сын Ноев, отлучась от отца своего с людьми своими, пошел к рекам Волге и Яику, где, жив двести пятьдесят лет, умер, оставя после себя владение восьми сыновьям. Старший между ими назывался Тюрк, или Турк, а шестому имя было Русь, из которых от первого турки, а от другого русские произошли, и, умножась, по разным местам рассеялись. И первые, то есть турки, около оренбургских мест (позади Киргиз-кайсацкой степи), построя город, именовали оный в свое имя Туркестан. Сей город в древние времена, как выше упомянуто, весьма славен был, и в его области премногие другие находились, да и ныне остатки оного смежно к Киргиз-кайсацкому владению видимы, и посылаемые из Оренбурга люди нередко там случаются.

В пятом поколении от Турка произошел Аланча или Аламзя-хан, у коего были два сына, в одно время рожденные (близнецы), Могул да Татар, коим он владение свое пополам разделил, и так от Могула род могул, а от Татара имя татар произошло, а понеже оба они жили в великом междоусобии, воюя и побеждая друг друга, то многие мнят, якобы от сего и в историях смятение произошло, что могул под именем татар, татар под именем могул часто описывали. Впрочем не только по татарским книгам, а особливо по обстоятельствам, описанным от Абулгази Баядур-хана, но и по европейским историям, можно рассудить, что в самые древние времена оба оные народа были знатны и многочисленны, но после славного в истории их Огус-хана[194] (которого Страленберг в примечаниях своих полагает задолго прежде Рождества Христова), все они от бывших между ими междоусобных браней пришли в разделение и, рассеявшись паки в разные места, находились под разными именами и владетелями до времен чингисовых, который почти всех их еще соединил и под совершенную власть свою покорил. Сей в татарской истории наиславнейший и доныне за основателя почитаемый хан, по объявлению Абулгази Баябур-хана, по исчислению ж христианскому родился 1148, а умер 1229 года, быв действительно ханом и обладателем многих азиатских народов и государств 25 лет.

По смерти сего великого татарского хана все покоренные им области разделены были между его детьми и знатными людьми, весьма подобно тому, как после смерти Александра Великого[195] было, отчего вновь разные и многие владения произошли, и еще доныне не токмо заяицких степных, но и других дальнейших народов ханы и владельцы природу свою (как бы бедны ни были) почти все до того Чингиса, а по самой меньшей мере до знатных его генералов доводить стараются.

Вышеписанное сокращение татарской истории по меньшей мере может послужить нам за основание к тому, чтоб переход и умножение татарских народов в яицких и волжских местах сколько нибудь ясные, в чем нам в рассуждении тамошних мест наибольшая потребность есть.

В предозначенном описании о русских упомянуто уже, что сын оного славного Чингис-хана, отлучась от отца своего, был в болгарах. Сие взято из Абулгази Баядур-хана, который в «Родословии» своем Болгарию на разных местах Даште-кипчак именует, объявляя притом кратко и сие, что жители ее некогда с урусами, то есть с русскими, соединившись, против могулов воевали (видно по обстоятельствам, яко то было гораздо прежде Чингиса[196]); а в третьей части, в 19 главе, обстоятельно описует, коим образом означенный Чингис-ханов старший сын Зузи (а по Карпеинову изъявлению Тосхус), вознегодовав на отца своего, за то, что в одном походе главную команду над войсками поручил меньшему его брату Угадаю[197], отправился в землю Даште-кипчак (то есть в Болгары), и жители сих пределов приняли его не только с великою склонностию, но, увидев его достоинство и разум, ему и поддались, где он будучи и узнав, что конница отца его, бывшего тогда в походе около Туркестана[198], оскудевает лошадьми, послал к нему сто тысяч лошадей, со многими ему и братьям своим подарками, да и сам к нему ездил и был принят от него весьма ласково.

Впрочем, о сем Зузе изъявляется, что он с великою армиею, в коей было более двухсот тысяч человек, ходил на Русь[199], но россияне, совокупясь с половцами, собрали войска более ста шестидесяти тысяч, имели с ним бой сряду четыре дня и, убив его самого[200], одержали победу на реке Калке[201], впадающей в Азовское море, которая баталия, сказуется, так сильна была, что из татар, по их признанию, на месте более ста тысяч, а русских и половцев до семидесяти тысяч побито; после чего татары несколько лет русских нападениями своими обеспокоить не отваживались.

Выше сего объявлено о великороссийских и славянских народах, в тутошних местах издревле находившихся, и то уже упомянуто, что оного Зузи-хана сын Батый, без сомнения мстя смерть отца своего и пред-

видя дальнейшие опасности от России, с многочисленными войсками на оную пошел и почти всю ее в крайнее разорение и в самое порабощение привед, сделался вольным властелином над болгарами, Россиею и над команами, а притом удержав под своею властию всех татар, основал свою резиденцию на Волге в так называемой Золотой Орде, откуда его и последовавших по нем татарских ханов[202] над Россиею усильство с несказанным свирепством и со многим неистовством не одно сто лет продолжалось, чему в российских летописцах находим с великою жалостию многие разные примеры.

Из того легко можно понять и дознаваться, что при оных обстоятельствах древним тамошних мест обитателям прежде других были насильства и утеснения, и тем принуждены были они либо по воле сих варваров во всем себя содержать, или в другие места выходить, оставляя татарам прежние свои жительства, где они потом два особые государства, то есть Казанское и Астраханское, основали, и разные народы, около тех мест находившиеся, под свою власть привлекли, что все, как выше упомянуто, до государствования царя Иоанна Васильевича продолжалось. А хотя сей великий государь оных татар и совершенно победил, и оба те царства, также и башкирский народ, к России присовокупил, но все оные татарские народы не только в тех местах оставлены были, где они при татарских ханах ожились, но еще многими милостями и привилегиями пожалованы, как от него самого, так и от последовавших ему великих российских государей, следственно, и причины не имели они, чтоб из тех мест в другие выходить, как то принуждены были делать болгары и другие народы, попав под иго татарское, да и весьма немного их вышло; но большею частию остались они под державою Российскою, кроме тех, кои в отдалении, а паче на Заяицкой степи находились.

В рассуждении ж нынешнего татарских народов состояния в описании нашем, касающемся до Оренбургской губернии, никакой потребности нет, чтоб всех, сколько в Российской империи ныне находится, генерально[203] и порознь описывать; довольно к намерению нашему сего, когда мы об одних в Оренбургской губернии находящихся объявим, что их в одной тамошней губернии, включая тут и новоподданных киргизцев[204], також и башкирцев, и живущих в Яицком городке, в Оренбурге и в провинциях (кроме чуваш, черемис, мордвы и вотяков, кои имеют от татарского особые языки и к татарам ни мало не принадлежат), мужеска и женска полу душ по смете будет более четырехсот тысяч, о чем в описании обоих предупомянутых народов и во изъявлении о провинциях и дистанциях подробнее будет показано.

В тех местах, где ныне находятся башкирцы, до нашествия татар какие народы жительствовали, о том выше сего во изъявлении о великороссийских и татарских народах уже показано, о чем здесь не повторяется. Довольно сего упомянуть, что оные места издревле прилежали к Великой Булгарии и именованы были тогда Команскою, а иногда Паскатирскою, или Баскирдскою землею. По описанию же Гилиома Рюбрукиса, паскатирский народ и язык издревле признаваем был за один с венграми и якобы нынешние венгры из сих мест произошли и прочее.

И хотя тайный советник Татищев в «Российской истории», в 22 главе, изъявляя остатки от сарматских народов, нынешних башкирцев точно от древних болгар происшедших быть сказует, и якобы они сами по преданиям объявляют, что от них произошли, но о сем удостовериться от них никакого случая не бывало; а сколько известно по сказкам их самих, то они себя к ногайским татарам причисляют, как то ниже следует. Может быть объявляют они сие по незнанию своему или, будучи все в магометанстве по единоверству с ногайскими татарами, хотят с ними за одно отродие почитаемы быть.

В предварившем описании о татарах видели уже мы и сие, что Абулгази Баядур-хан в описании своем Булгарию Даште-Кипчак именовал (сие, значит, таких людей, которые у себя довольство скота имеют, что и по европейским описаниям с состоянием булгар сходствует); а понеже между настоящими башкирскими волостями, о которых мною при сочинении «Известия о начале Оренбургской комиссии, по то время, как она губерниею учинена»[205], по дорогам особая ведомость сочинена, на Ногайской дороге Кипчакская волость есть больше прочих, ибо в ней одного дворового числа по переписи тысяча триста тридцать два двора и разделяется на разные роды, да и в киргиз-кайсацкой Средней орде народ кипчаки есть, который, как ниже о киргиз-кайсаках показано будет, на пять колен у них разделяется, и почитают его за весьма древний, то по предупомянутому татарскому автору[206] и по мнению Василия Никитича Татищева, не могут ли разве одни оные кипчаки от древних болгар происшедшими почтены быть? Ибо, по вышеписанным обстоятельствам, могло статься, что они, оставшись в прежних своих местах и будучи порабощены татарами, с ними как законом, так и языком соединились, и ныне, за неимением у себя книг и ученых людей, о начале своем подлинно ничего не знают. Но мы, все то оставляя на рассмотрение искуснейшим, объявим токмо то, что башкирцы о своей по-

Башкиры (рисунок XIX в., Германия)

роде сами сказывают, и что по имеющимся в Оренбургской губернской канцелярии делам о их обращениях ведомо.

В бытность при Оренбургской экспедиции командиром статского советника Кирилова, один из знатнейших башкирских старшин Алдар[207] (о коем ниже упомянется) объявил, якобы башкирский народ исстари был одним с ногайцами и жил около сибирских границ, где они от сибирских ханов великие разорения претерпевать были принуждены и оттого, наконец, из тех мест, под предводительством одного своего хана именем Тюрея удалились и пришли в рассеяние, так что некоторые за Яик, а другие за Волгу в степи перешед, там жилища свои основали. Нынешние ж башкирцы, еще будучи под именем ногайцев, отделясь от прочих, возымели намерение в прежних своих местах остаться, но за то от своих владельцев совсем были разграблены и разорены, и пропитание свое имели с крайнею нуждою от ловли зверей и рыбы, и тогда якобы от удалившихся от них ногайцев ругательным именем «башкурт», то есть «главный волк», или «вор», именованы. В таком бедном состоянии достались они сперва казанским и сибирским ханам, которые их

еще в большее разорение привели и несносными податьми обложили. Как царь Иван Васильевич в лето 7061 (1553)[208] Казанское царство взял и оным совершенно овладел, то спустя года с три, оные башкирцы, видя с казанскими татарами добропорядочные поступки и не возмогши более терпеть чиненных им от сибирских ханов и от кайсак утеснений, в российское подданство пришли и за то им не токмо те земли, где они прежде подданства своего, будучи еще в малолюдстве и в крайнем убожестве, жили, а именно: за Камою рекою и около Белой Воложки (коя после Белою рекою названа), им, башкирцам, подтверждены, но и сверх того многими местами и разными выгодами пожалованы.

В предупомянутом об Оренбургской комиссии известии[209], в примечании на 145 параграф*, по сказке[210] Ногайской дороги башкирского старшины Кидряся Муллакаева, еще до башкирцев же принадлежащие обстоятельства показаны. И хотя находятся в них несколько побольше изъяснения, однако ж основание их вышеписанному сходственно, то здесь для сокращения оные не внесены. Сие токмо объявляется, что (по сказке его, Кидрясовой) зауральские башкирцы находились под властию сибирского хана; бельскими, то есть по рекам Белой и Ику жившими, владели ханы казанские, а горские принадлежали ногайским ханам. Но наконец один салтан от поколения тутошних старинных ханов, именем Акназар[211], усилившись, не только всех башкирцев и ногайцев, но и в Великой Татарии разные народы покорил. Усмотря ж их непостоянство и разные от башкирцев бывшие воровства, всячески их изнурял и в бессилие их приводил. Ибо на три двора по одному токмо котлу для варения им пищи допущал и как скот и пожитки, так и детей их, к себе отбирал и землями владеть, тако ж и чрез реку Белую переходить, их не допущал. А кои звероловством промышляли, те за то принуждены были давать ему ясак[212] с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице, от чего наконец пришли они в самое крайнее истощение и убожество.

По принятии башкирцев в подданство российское, обложены они были также ясаком, однако, гораздо меньше и с лучшим учреждением, и то не с каждого человека, но с дворового числа[213], деньгами, по тогдашней цене означенных вещей, который ясак сперва отвозили они в Казань, куда, за неимением у них довольного числа лошадей, и что проезжих дорог тогда еще не было, ходили они на лыжах, отчего они по тогдашней своей бедности немалую трудность несли. Им же в Казани, в рассуждении убожества их, даваема была из казны соль пермянка (ибо

* См. «Сочинения» 1759 года, на август месяц, стр. 100.

они илецкой соли еще тогда не имели, и ездить по оную на Заяицкую степь опасались и были не в состоянии), но потом сия выдача соли отрешена, чего ради по 1754 год[214] вместо оной зачиталось у них в тот ясак деньгами по некоторому числу.

Такая бедность башкирского народа и бывшие на них от сибирских ханов и киргиз-кайсаков нападения, как выше означено, в скором времени принудили их просить, чтоб для платежа им ясака и для защищения их от неприятельских нападений, внутри жилищ их построен был город; почему и построен город Уфа, и учреждены тут дворяне и служивые люди из переведенцев разных городов; однако ж многие башкирцы и в самое то время, когда город Уфа строился, для опасности от помянутых своих неприятелей, принуждены были при самом том городе, особливо ж зимою, в землянках жить, а в летнее время не далее десяти верст от города кочевать. И когда поселенным тут служивым людям под пашни и всякие угодья из ближайших к городу земель отведено вокруг города на пятнадцать верст, то с того времени хотя и начали они, башкирцы, от города отлучаться, однако, большею частию от городовой окружности неподалеку находились; и во время бывших на них неприятельских нападений всегда к городу прибежище свое имели и поселенными тут людьми защищаемы были. Из таких неприятельских на них нападений знатнейший приступ был под оный город сибирских царевичей Аблая и Тевкея, с которыми высланные из Уфы служивые люди за Уфою рекою, от города верстах в пятнадцати, имели жестокий бой, где с обеих сторон многое число побито, а наконец сибирские татары были разбиты; царевичей же атаковали в одном лесу (который доднесь называется Аблаевым), где они десять дней в осаде сидели, а потом взяты в плен и отвезены были в Москву[215]. За оную службу уфимцы жалованы были золотыми деньгами, и что кому дано, в особую книгу записано, которая книга поныне в Уфимской провинциальной канцелярии имеется и называется Золотою. С того времени Уфимский уезд, или паче вся Башкирь, разделена на четыре дороги, именованные по сему: к Сибири лежащая сторона названа Сибирская дорога, к Казани Казанская, к пригороду Осе (кой построен на Каме реке) Осинская, а к степным народам прозвана Ногайскою, которые именования в рассуждении всей Башкирии и поныне наблюдаются.

Может быть, что по принятии в подданство башкирцев, яко от бессильного и весьма изнуренного народа, противностей не надеялись, и потому к содержанию их в подданстве более посторонния города Уфы, и определения тут некоторого числа служилых людей, никаких других учреждений было не учинено, но они, яко от природы непостоянный

народ, получа довольство во всем от многих пожалованных им угодий и набрав в сожитие к себе многих беглых иноверцев магометан и идолопоклонников (то есть чуваш, черемис и им подобных), в коротком времени так усилились и в такую вольность пришли, что многие продерзости чинить отважились, а, наконец, явным уже образом бунтовали, с таким намерением, чтоб им, отрешившись от подданства российского, восстановить особливое владение.

Из таковых их бунтов под державою Российскою, прежде нежели Оренбургская комиссия учреждена, наиглавнейшими и пущими были два.

Первый в 1676 году[216], в котором главным зачинщиком и предводителем был башкирский их старшина Сеит, от которого и называется бунт сей Сеитовский. Он не токмо на ту противность всю Башкирию преклонил, но, и с киргиз-кайсаками соединясь, года с три то свое бунтовщичье намерение продолжал, и все закамские пригороды с большею частию Казанского уезда разорил и многие тысячи христиан победил. Для усмирения сего бунта прислан был с Москвы полковой воевода Федор Васильев сын Зеленин с стрелецкими полками, у которого в команде донские, яицкие и украинские казаки находились, и едва оный их бунт по претерпении бесчисленных убытков успокоен без всякого тем злодеям отмщения.

Второй бунт называется Алдаровский и Кусюмовский, который начался в 1707 году[217], в декабре месяце, под предводительством Алдара и Кусюма[218]. Говорят, якобы причина к оному бунту произошла от нерассудных поступков бывшего в Уфе Александра Сергеева, который неумеренною строгостию требовал с них лошадей и выдачи беглых людей, в их жилищах укрывавшихся, и будто б несколько старшин башкирских на одном у себя обеде до смерти запорол. В сие замешание не только вся Башкирь поголовно, но и уездные татары, мещеряки и другие иноверцы совершенно уклонились и многие тысячи людей побили, а жила[219] все выжгли. К городам же к Уфе, Бирску и Мензелинску, сильные приступы чинили, и до самой Казани, токмо за тридцать верст не дошедши, отколь они едва отбиты изрядными учреждениями тогдашнего Казанского губернатора Кудрявцева, который живущих в Казани татар жен и детей забрав в аманаты, прочих всех выслал против оных злодеев, и ими, тако ж и другими наряженными и позволенными от него партиями, оные башкирцы внутрь Башкирии прогнаны. Для конечного же пресечения того их башкирского злодейства, в марте месяце 1708 г. командирован был ближний боярин князь Хованский и при нем восемь полков воинских людей и довольное число нерегулярных, который, дошед пригорода Алабуги (Елабуги), остановился, а внутрь Башкирии

посланы были от него два полка под командою полковников Хохлова и Аристова, коих Хохлова полк, не доходя Табынского Соловарного городка, почти весь от тех воров разбит, а Аристов близ пригорода Бирска и под деревнею Тальламасами многие ж с ними сражения имел. И тако едва оный их бунт успокоен в 1708 году пожалованным всем ворам генеральным прощением.

К тому за третий и последний их башкирский бунт упоминается тот, который от них начался в 1735 году, по причине отправления статского советника Кирилова для построения города Оренбурга позади всего их башкирского жила, то есть при реке Ори, впадающей в реку Яик. Ибо предвидя они, что вся Башкирь городом сим и прочими по реке Яику строить назначенными крепостями будет окружена, следовательно, к наглостям и своевольствам, какие они прежде делывали, не будет уже им возможности, крайне и всеми силами до пролития крови старались, строение оного города и прочих крепостей и поселение в них военных регулярных людей воспрепятствовать. Начинателями и предводителями сего бунта были сперва Ногайской дороги Кильмяк-абыз[220], да Казанской дороги старшина Акай[221], сын упомянутого во втором бунте Кусюма. Сей последний бунт продолжался почти чрез целые шесть лет, то есть от 1735 по 1741 г., со многими затруднениями и с немалым кровопролитием. А понеже о всех во время оного бунта бывших приключениях обстоятельно объявлено в сочиненном об Оренбургской комиссии, того ради об нем распространять здесь нужды нет. Сие токмо для известия напоминается, что во время оного последнего бунта из тех бунтавщиков казнено и побито при сражениях, послано в ссылку в остзейские места[222] и роздано разным людям жен и детей их для поселения внутрь России, по рапортам и канцелярским запискам, двадцать восемь тысяч четыреста девяносто одна душа, не счисляя вольницей и легкими партиями (из коих многие письменно не рапортовали) побитых и в разные места развезенных, от которых пропало их также число не малое, и деревень их выжжено множество[223].

Впрочем, надлежит знать, что все башкирцы, как выше упомянуто, исстари обложены были ясачным платежом деньгами, которого, наконец, (за выключкою тептярей и бобылей) единственно с них в казну по 1754 год, сбиралось на каждый год токмо по две тысячи по пятьдесят по четыре рубля по семьдесят по восьми копеек, которого платежа по дворовому их числу более двадцати пяти копеек на двор не доставалось, а в каждом дворе живет у них обыкновенно по нескольку семей; притом позволено им было довольствоваться илецкою солью без покупки. Но с начала 1754 года и оный ясак с них снят, а вместо того, по их же башкирскому прошению, велено им помянутую соль покупать уже из казны по указ-

ной цене и служить по Оренбургу, как и прежде служили, куда их на каждое лето наряжается, для содержания форпостов в осторожность от набегов киргиз-кайсацких, на их собственном коште[224], с мещеряками около полуторы тысячи человек. Они ж, по старинному обыкновению, внутри Башкирии проезжающим должны давать по подорожным подводы без прогонов. О числе их, башкирцев, подлинного известия хотя и нет, но в рассуждении соляных дел, по недавно присланным от провинциальных воевод ведомостям, показано их мужеска и женска полу душ по одному разведыванию, а не по переписи, в Уфимской провинции восемьдесят шесть тысяч триста восемьдесят четыре, в Исетской девятнадцать тысяч семьсот девяносто две, а всего сто шесть тысяч сто семьдесят шесть душ. По дворовому ж числу счисляется ныне одной Уфимской провинции, кроме живущих за Уралом, по старшинским ведомостям, как то в приложенной при сем табели о разделении их по волостям и родам значится, восемь тысяч восемьсот девяносто два двора; но сие дворовое их число повсегодно прибывает тем, что от многоженства весьма умножаются, и отделяясь дети от отцов и братья от братьев в особые домы переходят.

Разделение башкирского народа по волостям и родам

Ногайской дороги			
	настоящие роды или волости		происшедшие от оных тюбы и аймаки
1	Минская, в ней 477 дворов	1	Чубинский
		2	Кыркулинский
		3	Яиксубянский
		4	Кули-Минский
		5	Слы-Минский
		6	Нагай-Лар-Минский
		7	Миркитский
		8	Уршек-Минский
		9	Илькей-Минский
		10	Саралинский
		11	Кубовский
		12	Ик-Минский
2	Табынская, в ней 387 дворов	1	Биш-Аулинский
		2	Кси-Табынский
		3	Юрман-Табынский
		4	Калчир-Табынский
		5	Кумрутский
		6	Дуван-Табынский
		7	Мялля-Табынский

	настоящие роды или волости		происшедшие от оных тюбы и аймаки
3	Юрматынская, в ней 521 двор	1	Мешер-Юрматынский
		2	Тяльтинский
		3	Бакаевский
		4	Арларский
		5	Биш-Казанский
		6	Макарвский
4	Кипчатская, в ней 1332 двора	1	Бушмаский
		2	Сун-Кипчатский
		3	Чанкимский
		4	Сарыш-Кипчатский
		5	Геряс-Кипчатский
		6	Карагай-Кипчатский
5	Бурзенская, в ней 448 дворов	1	Жанса-Бурзенский
		2	Байулинский
		3	Мушашевский
		4	Емашевский
		5	Карагай-Бурзенский
		6	Дир-Бурзенский
		7	Нагайларский
6	Усергенская, в ней 381 двор	1	Ай-Усергенский
		2	Жаутюбя-Усергенский
		3	Шишайлярский
		4	Бишайлярский
		5	Сурянский
		6	Чурашевский
7	Тингаурская, в ней 80 дворов	1	Урман-Тингаурский
		2	Ялан-Тингаурский
8	Тамьянская, в ней 196 дворов	1	Коянеицкий
		2	Мылтыцкий
		3	Мясауцкий
		4	Ик-Тамъянский
9	Табынская, в ней 472 двора	1	Кубеляцкий
		2	Телевский
		3	Карагай
		4	Кси
		5	Емурантаянский
10	Катайская, в ней 300 дворов	1	Идиль-Катайский
		2	Кошек-Катайский
		3	Инзер-Катайский
		4	Кузгун-Катайский

Сибирской дороги

	настоящие роды или волости		происшедшие от оных тюбы и аймаки
1	Кудейская, в ней 475 дворов	1	Урман-Кудейский
		2	Билекей-Кудейский
		3	Кир-Кудейский
		4	Шетан-Кудейский
		5	Нагайларский
		6	Зюббердинский
		7	Усрак-Кудейский
		8	Урусба-Кудейский
		9	Куллар-Кудейский
		10	Дуван-Кудейский
		11	Трухменский
		12	Лямес-Трухменский
2	Таныпская, в ней 335 дворов	1	Кыр-Таныпский
		2	Балахчинский
		3	Су-Таныпский
		4	Унларский
		5	Кыр-Унларский
		6	Су-Унларский
		7	Байкинский
		8	Кайпанский
		9	Укунщинский
3	Айлинская, в ней 113 дворов	1	Аршинский
		2	Елан-Айлинский
		3	Упейский
		4	Дуванский
		5	Таз-Дуванский
		6	Сызенский
		7	Еирлинский
		8	Мурзаларский
		9	Тарнаклинский
		10	Каратаулинский
		11	Сартовский
		12	Тюбелясский
		13	Чублисызгинский
4	Куваканская, ведомства Исетской провинции	1	Елан-Куваканский
		2	Тау-Куваканский
		3	Сатка-Куваканский
		4	Сагит-Куваканский
		5	Киркули-Куваканский
5	Барын-Табынская, в Исетской провинции		

	настоящие роды или волости		происшедшие от оных тюбы и аймаки
6	Кара-Табынская, в Исетской провинции	1	Аила-Табынский
		2	Кукзюрряк-Табынский
		3	Кипчак-Табынский
		4	Мусюл-Табынский
		5	Акшураз-Табынский
7	Катайская, за Уралом	1	Бала-Катайский
		2	Бучкурский
		3	Синрянский
		4	Сызгинский
		5	Баллы-Катайский
		6	Чирлинский
		7	Терсатский
		8	Бекатинский
		9	Чалжаутский
		10	Сартларский

Казанской дороги

	настоящие роды или волости		происшедшие от оных тюбы и аймаки
1	Каршинская, в ней 77 дворов	1	Акбашевский
		2	Карганарский
		3	Кадряевой
2	Кайлинская, в ней 123 двора	1	Идил-Кайлинский
		2	Кир-Кайлинский
		3	Юрактау-Кайлинский
		4	Актау-Кайлинский
3	Елдятская, в ней 201 двор	1	Уфа-Елдятский
		2	Кир-Елдятский
		3	Бура-Елдятский
4	Гирейская, в ней 273 двора	1	Урман-Гирейский
		2	Идиль-Гирейский
5	Тугузларская		
6	Енейская, в ней 400 дворов		
7	Байлярская, в ней 561 двор		
8	Дуванская, в ней 82 двора	1	Дуванейшев
		2	Аджеево-Дуваней
		3	Рысмекеевой
		4	Бакаевский
		5	Талбазинский
9	Иланская, в ней 382 двора	1	Кыр-Иланский
		2	Идиль-Иланский
		3	Бадрацкий

	настоящие роды или волости		происшедшие от оных тюбы и аймаки
10	Зирян-Юрты		
11	Киргизская, в ней 113 дворов		
12	Бюлярская, в ней 231 двор		

Осинской дороги

	настоящие роды или волости		происшедшие от оных тюбы и аймаки
1	Тазларская		
2	Уванышская		
3	Уранская, в ней 218 дворов		
4	Ирехтинская, в ней 148 дворов		
5	Гайнинская, в ней 562 двора	1	Муль-Гайнинская
		2	Туль-Гайнинский

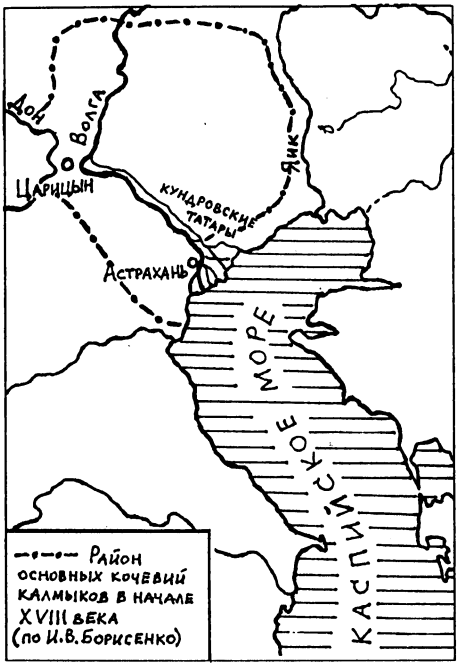
IV. О мещеряках

Хотя все в Уфимской и в Исетской провинции в Башкирии живущие мещеряки как татарский язык, так и магометанский закон употребляют и живут вообще с находящимися тут башкирцами и татарами, но по древнему их состоянию можно ль их причесть к татарам, сие требует особливого рассмотрения. В одном из российских летописцев, около устья реки Оки между прочим упоминается народ мещера, свой особый язык имеющий, тако: «а по Оце реке, идеже вошла в Волгу, седят мурома язык свой, мещера свой, мордва свой, черемиса свой». В том же летописце объявлено: «В лето 6901[225], при Мануиле царе греческом[226], князь великий Василий Дмитриевич ходил в Орду к царю Токтамышу в другие (то есть в другой раз) и даст ему царь Новоград Нижний и Муром, и Мещеру, и Тарусу». В описаниях Василия Никитича Татищева о мещере двояко значится, а именно: описуя татарские народы, мещеру причитает он к ним, объявляя, яко они при царе Иоанне Васильевиче в Воронежской губернии поселены, а ныне большею частию крещение приняли, и яко б их города бывали Темников, Кадом, Елатьма[227] и прочее. Но в другом месте, в рассуждении сармат, мещеру причитает к сарматам и кладет жилища их, где ныне Шацкая и Елецкая провинции. По Сибирской же истории, сочиненной профессором Миллером[228], из некоторых приложений, внесенных в ту историю, явно, что

бывали в Москве разряды званием Казанского и Мещерского дворца[229], в которые посылаемые от сибирских воевод ведомости и отписки отдавать велено. Видно, что дела мещеряцкого народа в вышеозначенных местах были ведомы. Из дел же по Оренбургской губернской канцелярии известно, что находящиеся в Уфимской провинции мещеряки суть сходцы из Алатырского и Синбирского уездов, которым по грамоте 7196 года[230] повелено было служить по городу Уфе обще с тутошними дворянами и иноземцами, что они и отправляли, и в казну никакого платежа с них не было. А в 7207 году (1699), по особливой грамоте, на Уфу к стольнику и воеводе Ивану Пушкину, повелено было собрать с них вместо камышенской службы на оный 7207 год со всякого человека по рублю, что и собрано тогда с семисот сорока восьми человек; затем по 1718 год паки никакого сбору с них не сбирано. А в том году еще со стольких же человек по одному рублю взято, после чего по 1747 год ничего они не платили, токмо в 1732 году указом из Правительствующего сената от 26 июня подтверждено, что им, мещерякам, по той 7196 года грамоте, служить по прежнему при городе Уфе с уфимскими дворянами и иноземцами, которую службу они с ними и отправляли по 1734 год; а в том году оные дворяне и иноземцы определены в Оренбургский и Уфимский драгунские полки, а они, мещеряки, оставались без службы. Но с 1735 года служили они при искоренении бунтовавших воров башкирцев, за которую их службу, и что они от башкирцев весьма были разорены, пожалованы они всеми теми землями, на которых прежде жили, платя башкирцам оброки (ибо собственных земель у них не имелось). По успокоении ж башкирских замешаний несколько лет, да и при бывшей ревизии, оставлены они были без всякого платежа. Но в 1747 году положены они были с башкирцами в равномерный ясак по двадцати пяти копеек с двора, коего причлось четыреста шестьдесят три рубля семьдесят пять копеек, и велено служить им обще с ними каждое лето по линии Оренбургской на форпостах. Однако в 1754 году и тот ясак, как с башкирцев, так и с них, снят, а вместо того велено им довольствоваться солью, покупая оную из казны. По сказкам старшин их, числится их ныне в Уфимской провинции тысяча пятьсот тридцать, да в Исетской двести девятнадцать дворов. А по людству мужеска и женска пола, в том числе несколько служивых татар (но сии с мещеряками одного состояния, разнствуют только именем), в Уфимской провинции тринадцать тысяч восемьсот тридцать четыре, в Исетской тысяча шестьсот восемьдесят три, итого пятнадцать тысяч пятьсот тридцать душ. Происходят ли они от мещеры, о которой выше сего означено, о том, со временем исследовав, можно обстоятельнее и достовернее показать.

V. О калмыках

Калмыки, находящиеся ныне в пределах Оренбургской губернии, суть двоякого состояния: одни крещеные, а другие некрещеные. Последние, то есть некрещеные, до прихода киргиз-кайсаков в нынешние места и до принятия оных в российское подданство множественным числом кочевали от Яицкого городка вниз по обеим сторонам реки Яика, и на той степи, которая от оного городка к городу Самаре (что на Волге) находится, а иногда располагались они и вверх по Самаре реке, по правой стороне, и, кочуя тут, с русскими торговали, что еще поныне многие памятуют. Но притом происходили у них с киргиз-кайсаками частые ссоры, и одни на других каждое почти лето немалолюдными партиями чинили набеги, отгоняя конские табуны, и людей, имая в плен, к себе отвозили. А понеже киргизцы по вступлении их в российское подданство от оренбургского торга пред прежним гораздо в лучшее состояние пришли и обогатились, а, напротив того, калмыки от многих у владельцев их бывших ссор и междоусобий весьма обеднели, то напоследок киргизцы гораздо более вреда причинять калмыкам и вместо того, что калмыцкие партии у киргизцев лошадей отгоняли, последние, собираясь многочисленно, целые калмыцкие улусы разорять и людей в плен многое число увозить стали. И того ради калмыки принуждены были от реки Яика удалиться, а, наконец, для совершенного пресечения оных ссор (от чего великие затруднения и вредности случались) указом запрещено, чтоб калмыкам за рекою Яиком не кочевать, и как тех, так и других чрез оную реку имеющимся на форпостах служивым людям не перепущать, что и наблюдается. И так весь оный калмыцкий народ ныне от реки Яика кочеванием своим к реке Волге отдалился, да и к городу Самаре, где ныне крещеные калмыки почти всегда случаются (с которыми некрещеным сообщения иметь не велено), тако ж и по Самаре реке вверх более уже не кочуют. Однако и затем воровские их калмыцкие партии нередко тут являлись и грабили, как то и в 1750 году одна такая калмыцкая партия, напав на идущий из Оренбурга купеческий обоз, в степи между Борскою и Красносамарскою крепостьми[231], оный разбили и увезли купеческого товара по цене около семидесяти тысяч рублей, в том числе одного серебра пятьдесят семь пуд. Из сих же некрещеных калмык, по переписи полковника Захарова и по грамоте из Военной коллегии, присланной к войску яицкому от 14 октября 1725 г., определены в корпус яицкого войска в казаки сто десять человек, которые с яицкими казаками равномерную службу отправляют. Да и калмыцкие владельцы в них уже не вступаются. А хотя и сверх оных



при Яицком городке несколько кибиток кочуют: но сии все по указам из Государственной коллегии иностранных дел должны войском яицким принимаемы быть с письменными от владельцев их видами, а когда оные владельцы к себе их потребуют, то всех, кроме желающих святое крещение восприять, велено, не удерживая, присланным от тех владельцев отдавать.

Что же до крещеных калмык принадлежит, то находится их ныне в ведомстве Оренбургской губернии уже немалое число, которые и впредь из некрещеных всегда могут прибавляться, чего ради, при описании Оренбургской губернии, не беспотребно показать об них впредь для ведома с большим изъяснением. Оные также двойственно могут разделены быть: одни называются ставропольские, то есть в Ставрополе и в дистрикте оного находящиеся, а другие оренбургские, то есть при Оренбурге пребывающие.

В рассуждении калмыцкого крещения, во-первых, надлежит знать, что в 7181 и в 7185, и в 7191 годах[232] Аюка-тайша, который после был ханом, и братья его Монцак да Зомсо-тайша, и еще тогдашние ж калмыцкие владельцы Солом-Серен-тайша, Назар-Мамут да Нелеш-тайша дали так называемыя шертовальные, то есть присяжные, записи, в коих точно написано: «Которые калмыки по своим желательствам похотят в православную христианскую веру креститься, и тех для православные христианские веры им, тайшам, и улусным их людям не просить и не бить челом, а некрещеных калмык и татар их улусов, которые будут уходить в российские города, отдавать к ним, тайшам, возвратно», в чем оные владельцы и присягою утвердились. Но с того времени по 1724 год, и тако слишком чрез пятьдесят лет, были ль из калмык самопроизвольно святое крещение воспринявшие, о сем в Оренбургской губернской канцелярии никакого известия не имеется. Одно токмо по сказаниям ведомо, что владелец Дугар, Аюке-хану брат двоюродный, был крещен, а с 1724 по 1736 год (как то значится в

выписке, сообщенной статскому советнику Кирилову, при указе из Коллегии иностранных дел от 7 числа ноября того года), в города Астраханской губернии вышло и крещено разных улусов тысяча четыреста сорок шесть кибиток, или семей, в коих было пять тысяч двести восемьдесят две души; да при Дубовке крещены и приняты были атаманом персидским пятьдесят кибиток. Сверх сего показано еще тринадцать душ, о которых в 1734 и в 1735 году калмыцкий владелец Дондук-Омбо представлял, чтоб их отдать к нему; а ежели по-прежнему в калмыцкие улусы возвратить их будет невозможно, то б отдавать для содержания крещеному владельцу Петру Тайшину, на что ему в 1735 году, между прочим, в грамоте ее Императорского величества дано знать: «что о крещеных калмыках будет поступано по прежним обыкновениям, и по шертовальным записям предков их, и те крещеные калмыки отданы будут в команду владельца крещеного брата Петра Тайшина». А в 1736 году оный же владелец Дондук-Омбо еще писал, и посланец его Джимба-Джамсо именем его словесно представлял: «дабы тех крещеных калмык отдать в его сторону, а впредь бы крестить запретить. Ежели ж те крещеные калмыки в его улусы не отдадутся, то б их все от Волги отвести в дальние российские места, и тамо яко сущих россиян поселить и употреблять бы в службу; да и впредь, ежели таковых приходящих для крещения принимать запрещения учинено не будет, то б таковых в волжских городах жить не оставлять, а брать бы их в столичные города в Санкт-Петербург и в Москву, и где имеется довольное число искусных попов, которые могут их в христианском законе наставлять и утверждать». На то ему, Дондук-Омбе, по резолюции тогдашних кабинет-министров, следующий ответ был учинен: «что крещеных калмык в сторону его отдать, и впредь для принятия крещения добровольно приходящих калмык принимать, запрещения учинить весьма невозможно, и противно христианскому закону, и для того будет в том поступлено по шертовальным записям прежних калмыцких владельцев. Что же он представлял об отвозе всех крещеных калмык от Волги в дальние российские места, и впредь которые будут в волжские города для крещения приходить о недопущении их при тех городах жить, и то его представление для показанных им резонов апробуется, и оное всемерно учинено будет и отдадутся они в команду крещеного владельца Петра Тайшина, которые ж калмыки в улусах учиня убивство, или какое явное злодейство, для крещения будут приходить в российские города, таковых принимать не велено, а велено отдавать по-прежнему в калмыцкие улусы, да и прочих некрещеных калмык при городах без писем и прошения

владельцев их жить допускать не велено ж», и о том надлежащие указы тогда ж отправлены.

В том же 1736 году вышепомянутый крещеный владелец Петр Тайшин, внук Аюки-хана, подал в Коллегию иностранных дел доношение, которым между прочего просил: «чтоб ему отдать собственный его улус, с теми улусами, кои от родственников его по наследству и по праву ему надлежат, да ему ж бы отдавать и крещеных калмык, которые обретаются по разным городам и при устье реки Илавлы[233], и в способном месте повелеть построить ему город».

Между тем, в том же 1736 году покойный генерал Александр Иванович Румянцев на посланный к нему из вышереченной Коллегии указ представил той Коллегии, что, по его мнению, иных мест к поселению крещеных калмык удобнее не находится, как в вершинах реки Ика, объявляя, что тут пришла степь великая, между рек Кинеля и Сока, где для их кочевья немалое есть пространство до самого Яика и до новопостроенного казацкого городка Сакмарска, а места весьма угожие, и реки рыбные, и по берегу лесов довольно, показав на то и статские резоны, и какая государственная польза из того последует, ежели на сих местах оные калмыки будут поселены. Сие генерала Румянцева мнение при вышеозначенном указе от 7 числа ноября сообщено было к статскому советнику Кирилову с таким повелением: дабы он о всех тамошних местах, тогда в его ведомстве бывших, рассмотрел, найдутся ли такие удобные, в которых бы пристойнее всех крещеных калмык пребывание и кочевье вместе могло быть, и туда их перевесть; и крещеному владельцу Петру Тайшину, который имеет быть у них командиром, в пристойном и крепком месте построить двор, и для заисангов и людей двора его несколько жилищ, а калмыкам бы сперва кочевать, со временем же и их к поселению дворами и к пашне приохочивать и приводить; еже все рассмотря, повелено ему, Кирилову, во оную Коллегию рапортовать со мнением.

На оный указ помянутый Кирилов в Государственную коллегию иностранных дел, быв в Мензелинске, от 23 декабря того же 1736 года доносил, что он в тамошних местах за наилучшее к поселению калмык признает, в полувершинах реки Тока[234], коя впала в Самару северной широты на 53 градусе, объявя притом, что они, будучи тут, лошадей и скот чрез всю зиму могут содержать в степях, которых кругом верст по полтораста и больше; и ежели оная Коллегия соизволит помянутого крещеного владельца с крещеными калмыками тут селить, то он сие место сам осмотрит и небольшой гарнизон определит, а пашни де ожидать разве от внучат или правнучат оных калмык и прочее.

И хотя на оное его, Кирилова, представление последовал указ от 7 апреля 1737 года, коим повелено ему к прибытию княгини Анны Тайшиной, жены помянутого Тайшина (ибо оный Тайшин между тем, будучи в Санкт-Петербурге, умер), и для будущих с нею калмык построит в пристойном месте небольшую крепость и в ней церковь, и оной княгине и знатным при ней заисангам, тако ж и полковнику Змееву, во оную крепость комендантом определенному, поставить дворы заблаговременно, а о содержании их тамо прислать мнение. Но понеже он, Кирилов, между тем 14 апреля, и тако до получения оного указа, будучи в Самаре умер, дела ж по Оренбургской экспедиции поручены были тайному советнику Татищеву; к тому ж помянутый полковник Змеев Коллегии иностранных дел доношением от 12 мая того ж 1737 года представлял, что на оных от Кирилова избранных местах, помянутых княгиню и крещеных калмык для разных обстоятельств селить не сходно и неудобно; а лучше, по его мнению, поселить их внутри Закамской линии и построить бы крепость для оной княгини и для будущих при ней заисангов по рекам Волге, Соку или Кондурче, объявя на все то особые свои резоны: того ради указом из бывшего тогда Кабинета от 21 мая того ж 1737 года оному тайному советнику повелено: как Кирилова, так и Змеева доношения рассмотреть и, осведомясь подлинно о тех местах, а паче ежели время и случай допустить, самому осмотря, возыметь рассуждение и, рассмотря из тех мест, одно определить, и в том крепостцу, церковь и дворы построить, и прочее распорядить по отправленным к Кирилову указам, что все положено на его, тайного советника, искусство и рассмотрение.

В силу оного указа он, тайный советник, определил ту крепость строить в урочище Куньей Воложке, близ самой Волги, признав сие место для поселения оной княгини и для содержания тут крещеных калмык способнейшим; и о том от 24 сентября отрапортовав, в указе из Государственной коллегии иностранных дел от 31 октября того ж 1737 года и апробацию получил, с подтверждением, чтоб все оное строение по силе прежде посланных указов скорее оканчивать, и тому месту, тако ж и угодиям, которые крещеным калмыкам отведены будут, велеть сочинить карту, а городу и строению чертеж, и прислать в оную Коллегию, который город потом особливым указом именован Ставрополь. Но что собственно до оного и до окружности его принадлежит, о том во второй части обстоятельнее будет показано.

Впрочем, надлежит знать, что полковник Змеев с помянутою княгинею прибыв в Саратов, у полковника и воеводы Беклемишева принял из оных крещеных калмык мужеска и женска полу в семистах кибитках

две тысячи сто четыре души, которым на первый случай для зимования отведена была на краю Закамской линии Красноярская крепость[235] близ Алексеевска[236], где построенных и штаб и обер-офицерских домов впусте имелось довольно. По прошествии ж зимы оная княгиня с имевшимися при ней заисангами в новую Ставропольскую крепость введена и оставлена под призрением означенного полковника и коменданта Змеева, который в 1751 году бригадиром пожалован.

С того начала оные крещеные калмыки от времени до времени прибывали, приходом из Астрахани и из других мест, ибо по воспоследовавшим указам всех из калмык, желающих святое крещение воспринимать, велено содержать совокупно с ставропольскими. Знатные их прибавления (не считая порознь и в малом числе прибывших) были следующие:

		Кибитки
В 1741 году	с войсковым писарем Ильей Кашкой пришло из Астрахани	100
« 1743 «	из кочевавших при Кизляре прислано с поручиком Ярцовым	20
« 1744 «	владельца Артемья Торгоутского улусных его калмык из Астрахани пришло	10
« « «	владельца ж Павла Торгоутского с женою Верою Андреевой из Астрахани и из Красного Яра пришло	20
« 1745 «	с заисангом Иваном Аджей из Астрахани пришло	78
« « «	предупомянутый Кашка из Яицкого казачьего городка привел	30
« « «	со владельцем Чиданом, который по крещении именовался Никита Дербетев, из Черкасского донского городка пришло	150
« « «	со владельцем Андреяном Хошоутовым, при провождении вышеупомянутой Аюки-хана внуки Елены	150
« 1747 «	с заисангом Болдай Ишиевым, который по прибытии в Ставрополе до крещения умер	15

Всего по рапорту ставропольской канцелярии, в июне месяце 1754 года показано их мужеска и женска полу 8695 душ.

При жизни помянутой княгини все оные крещеные калмыки состояли под ведением и управлением ее, а на каком основании ей быть, и оных

калмык содержать, о том пожалована ей 20 июля 1737 года за государственною печатью грамота. Ко удовольствию ж их, калмык, сперва назначены были земли и угодья от устья реки Черемшана вниз Волгою, до деревни Царевщины, и до дач Красноярской крепости ландмилицких солдат; а поперек, вверх по реке Кондурче, до Чолнинской дороги, по которой ездят из пригородка Сергеевка в Казань; и в тех дачах велено им, калмыкам, кочевать, зверей ловить, лес и дрова рубить, и скотом траву травить, и в озерах рыбу ловить свободно, и теми и другими способами казать им удовольствие, и всякими мерами приохочивать, чтоб они сперва к кошению сена, а потом и к пашне хлеба возымели охоту. После того указом из Правительствующего сената, февраля от 19 числа 1739 года, из тех земель по чинам на всех порознь отводы учинить велено; и в силе оного указа для поселения их семи слобод назначено, в коих особливому указу для житья калмыкам до ста изб, а в четырех слободах и церкви построить, и священников с причетниками определить велено.

По смерти княгини Тайшиной управление оных крещеных калмык поручено было сперва племяннику ее, князю Петру Торгоутскому. А по смерти его управляли оставшиеся из владельцев и из заисангов лучшие люди обществом, над которыми крещеному владельцу Никите Дербетеву дано было первенство. И состояли они все под главною дирекцию Государственной коллегии иностранных дел по 1744 год, а в том году все они, яко же и Ставрополь, по представлению оной Коллегии и по указу из Правительствующего сената от 18 апреля отданы в точное ведомство Оренбургской губернии, из-за чего в том же году все их прежние обстоятельства в Оренбургской губернской канцелярии рассматриваны и на каком им основании быть о том о всем действительным тайным советником, кавалером и Оренбургской губернии губернатором Иваном Ивановичем Неплюевым с присутствующими в той канцелярии учинено определение, которое отправлено к рассмотрению и апробации в Правительствующий сенат, при доношении его от 8 числа ноября того ж 1744 года. На что в 1745 г. января 22 и 23 чисел и резолюция воспоследовала, и для надлежащего исполнения сообщена при указе от 19 февраля того ж 1745 года. Сие определение во всех тамошних делах содержится ныне за главное основание, по которому вместо того, что сначала оные калмыки под управлением одной персоны находились, учрежден особый калмыцкий суд, в коем тамошнему градскому командиру обще с ними присутствовать и председание иметь велено, и все оные калмыки разделены на восемь рот. И рассуждено на каждое лето брать из них в Оренбурге для службы (или других резонов) с лучшими заисангами до трехсот человек; а за ту службу каждому рядовому про-

изводить жалованья так долго, как они в походе пробудут, по пятидесяти копеек на месяц, да месячный провиант, а заисангов наградить по их состоянию, почему с ними и исполняется. Какие ж чины положены у них по тому штату, о том значится в приложенной при сем табели.

По штату Ставропольскому, при крещеных калмыках положено быть в калмыцком суде

	Окладного жалованья			
	одному		всем	
	р.	к.	р.	к.
1. Из владельцев первенствующий член 1	150	–	150	–
2. Войсковой полковник 1	120	–	120	–
3. Войсковой судья 1	100	–	100	–
4. Войсковой писарь 1	40	–	40	–
Над улусами				
5. Надзиратель, или управитель улусов 1	50	–	50	–
А ежели из владельцев будет, то по 80 рублей				
6. Войсковой есаул 1	50	–	50	–
7. Войсковой квартермистр 1	30	–	30	–
8. Хорунжий войсковой 1	30	–	30	–
А ежели будет из владельцев, то по 60 рублей				
Оные восемь чинов имеют быть наподобие генеральной старшины				
В сотнях ротмистров восемь в том числе..... 2	30	–	60	–
" " " 3	25	–	75	–
" " " 3	20	–	60	–
Хорунжих восемь, в том числе 2	20	–	40	–
" " " 3	15	–	45	–
" " " 3	10	–	30	–
Есаулов восемь, в том числе 2	10	–	20	–
" " " 3	8	–	24	–
" " " 3	7	–	21	–
Итого на калмыцких чиновных 32	715	–	945	–

Сверх того, для обучения калмыцких детей по-российски, велено иметь школу, в которой и священнических детей калмыцкому языку обучать велено. На содержание оной положено четыреста семьдесят шесть рублей; на семенной хлеб для бедных калмык шестьсот пятьдесят три рубля; на прочие расходы и на жалованье тем, кои будут на

службе, тысяча рублей; всего на них по тому штату определено в год две тысячи семьдесят четыре рубля, а на весь ставропольский штат пять тысяч семьсот рублей, которую сумму велено отпускать и отпускается повсегодно из Казанской губернской канцелярии.

Что же до оренбургских калмык принадлежит, то сперва допущены они были на житье по их желанию из находившихся при Яицком городке некрещеных в силу указа, состоявшегося в Правительствующем сенате июня 19 числа 1745 года, по доношениям вышепомянутого действительного тайного советника и Государственной коллегии иностранных дел, чтоб им, будучи тут на основании пожалованной городу Оренбургу привилегии, случающиеся службы служить, а притом торговать и промыслы иметь с таким подтверждением, ежели владельцы калмыцкие усильно будут их требовать возвратно к себе, а они тогда святого крещения не примут, то удержаны быть не могут; к тому же и публичного идольского капища иметь там не велено. Они все перекочевали туда хотя и в совершенной бедности, но от Оренбургского торгу, а паче скорнячным их мастерством (в чем они имеют особливое искусство) вскоре исправились как лошадьми, так и скотом, о чем чрез приезжавших из Калмыцкой орды для торгу Калмыцкого ханства наместник Додук-Даши уведать в 1749 году прислал нарочного заисанга Наувата с требованием, дабы все они к нему в орду с помянутым заисангом были отправлены.

Но оному заисангу, по силе вышеизображенного указа, объявлено было, яко он может их всех забрать, кроме тех, которые святое крещение восприять пожелают, что и им самим сказано было, из-за чего, не хотя отлучиться от Оренбурга, при самом том заисанге явилось из них желающих восприять крещение двадцать четыре кибитки, в них мужеска и женска полу восемьдесят четыре души, кои тогда ж и крещены. Да прежде того из них же крестилось двадцать восемь душ, а остальные, кои креститься не пожелали, всего сто двадцать два человека, с оным заисангом в Калмыцкую орду отосланы. Потом число их выходящими из орды пленниками, и еще с Яика нарочно для крещения пришедшими, поумножилось, так что в 1754 году счислялось их при Оренбурге, под командою предупомянутого владельца Семена Хошоутова, пятьдесят шесть кибиток, в них мужеска и женска полу двести пять душ, в том числе, кроме владельца, один заисанг и два старшины. Из оных летнею порою некоторая часть употребляется на форпостах вообще с ставропольскими крещеными калмыками и с другими нерегулярными; жалованья ж они никакого не получают, токмо дается означенному владельцу по десяти, да заисангу по три рубля на месяц. Со временем число их может умножено быть, а особливо когда к просвещению

сих тьмою идолослужения помраченных людей тутошних духовных и светских управителей старание не оскудеет.

Из вышеозначенных обстоятельств видимо, что все в Оренбургской губернии находящиеся калмыки, как крещеные, так и некрещеные, происходят от волжских калмык, кочующих множественным числом по обеим сторонам реки Волги в Астраханской губернии, где они и ведомы; и хотя описание оных волжских калмык до Оренбургской губернии и не принадлежит. Но какое их число, откуда и когда они к России приблизились и в подданство вступили, в рассуждении преднаписанных в Оренбургской губернии находящихся калмык, признается не за излишнее здесь сообщить впредь для сведения и рассмотрения, а паче к дополнению и поправлению основательно об них знающим, как то следует.

Все, под именем калмык известные народы, вообще под именем мунгалов или могульцев, заключаются. Выше сего в рассуждении татар из родословной истории Абулгази-Баядур-хана показано, что в пятом поколении от Турка (коего он называет старшим сыном Афисовым или Афетовым) произошел Аланча или Аланзя-хан, у коего были два сына – Могул да Татар, которым он все свое владение пополам разделил. И так от одного могульцы, а от другого татары произошли, но основательно ли сие описание или нет, сие могут искуснейшие в древностях рассматривать. Сия есть истина неоспоримая, что волжские калмыки с зюнгорцами (о коих в смежных к Оренбургской губернии народах описание выше учинено) исстари вместе кочевали и за один народ всегда признавались. Но по причине больших у владельцев их ссор около 1620 года двое из таких владельцев, именами Лоузанг и Елден (которые известного Аюки-хана деду были братья родные), согласясь с некоторыми подвластными им людьми от зюнгорцев отделились и, усилясь над татарскими народами, кои тогда находились в тех местах, где ныне по большей части киргиз-кайсаки кочуют, оными овладели и во первых со всеми своими людьми пришли к реке Эмбе, которую татары называли Джен, а оные владельцы именовали Зен, что значит «ягодную реку», потому что по ней ягод родится множество, а потом перешли к Яику, где и по впадающим в Эмбу и в Яик рекам несколько времени кочевали. А особливо располагались они по реке Ори, которая еще поныне (как то ставропольский протопоп Губовский, калмыцкого языка сведующий, изъявлял) в их, калмыцких, песнях в том рассуждении упоминается. Но побывши в сих местах несколько времени, услышали они, что река Волга гораздо больше Яика и для того помянутый владелец Лоузанг посылал от себя нарочно проведывать, какие около оной места находятся; уведомясь же, что тут пажитных и для кочевания их способных место довольно, в ту сторону покоче-

вали и, перешед Яик, в тамошних местах расположились. Тогда бывших тут кочевных ногайских татар до сорока тысяч кибиток завоевали, да и трухменцев, на восточной стороне Каспийского моря кочующих, многих себе покорили. По приходе ж к Волге помянутых двух владельцев родной брат Шукур-Дачин, отделясь от зюнгор, к ним же пришед, ногайских татар преклонил в свое подданство, за что Лоузанг, поссорясь с ним, откочевал за Яик к реке Ори и намерился идти к Тибету, где далай-ламы резиденция. Тогда оный Шукур находившихся под владением лоузанговым калмык всех в свою власть привлек. А оный Лоузанг с малым числом кибиток убежал к Тибету и оттуда уже не возвращался. В подданство ж Российской империи когда и как они пршли, о том в Оренбургской губернской канцелярии обстоятельного известия хотя и нет, однако, сие не безызвестно, что все оное происходило во время государствования царя Алексея Михайловича[237].

Вышеупомянутый же крещеный владелец Петр Тайшин, в 1736 году будучи в Санкт-Петербурге, в челобитной своей именно написал, что предки его великим российским государям поддались от того 1736 году назад сто шесть лет (итак, в 1630 году). Владелец же, который о бытии в подданстве просил, по изъявлению предупомянутого отца протопопа, назывался Хоаюрлык, о чем достовернейшему и полному описанию надлежит быть по Астраханской губернии.

Вся оная Калмыцкая орда при Аюке-хане назывались аюкинские, ныне ж просто именуются волжские калмыки. По различию народов разделяются они на три части: в первой счисляются торгоуты, во второй хошоуты, а в третьей дербеты, и кочуют по обеим сторонам Волги. К стороне ж Оренбургской губернии знатное их кочевье на сей стороне Волги-реки, в так называемых Рын-песках[238], которые расстоянием от Каспийского моря дня три, а от реки Яика в ближних местах с полтора дня конной верховой езды.

Что касается до помянутых трех родов или званий, то хотя об них в Оренбургской губернской канцелярии никаких известий не находится, однако по сказаниям знающих людей из калмык следующее об них ведомо.

1. О торгоутах сказуется, что они начало и происхождение свое взяли от Тибета, что есть азиятское владение, коего границы: к востоку Китайское государство, к западу узбеки, к северу степи мунгальские, а к югу река Инд. От Тибета ж отделясь, пристали они к славному Чингис-хану, и яко бы им от сего хана в призрение поручен был один из его сыновей, коего они возрастя вошли чрез то в старинную калмыцкую фамилию, называемую Арит. Владельцев их известные имена суть: 1) Богой-Орлюк, 2) сын его

Зюлзугу-Орлюк, 3) того сын Хоо-Орлюк, 4) сын его Шукур-Даичин, 5) сего сын Бунчак, 6) Бунчаков сын был известный Аюка-хан, у которого имелось восемь сыновей: 1) Чапдурджан, 2) Араптан, 3) Санджиб, 4) Гунделек, 5) Генжаб (сего сын Дондук-Омбо после Черен-Дондука был ханом), 6) Черен-Дондук, который после отца своего Аюки на место его был ханом, 7) Галдан-Данджин, 8) Баранг-Черен. Старшего Аюки-ханского сына Чандурджапа сын, Дондук-Даши, был после Дондук-Омбо Калмыцкого ханства наместником (а потом хан, коего сын Убаши ныне оным наместничеством управляет). Оных же торгоутских владельцев отродия два брата: Аюша да Тундат, в прошлых 1743 и 1744 годах, будучи в Санкт-Петербурге и в Москве восприяли святое крещение, и названы Петр да Павел Торгоутские, которые при первом учреждении штата о Ставропольских крещеных калмыках написаны были в воинские чины: Петр войсковым судьею, а Павел надзирателем улусов. Имя Торгоут на калмыцком языке значит великана или великорослого. Сие есть отродие в помянутой Калмыцкой орде пред прочими гораздо многолюднее.

2. Хошоуты между волжскими калмыками хотя и не так многолюдны, как торгоуты, но по природе почитают они себя выше их для того, что род их между калмыками признается за древнейший. Старинное их звание было эолет. Сказывают, якобы они в древние времена, бывши на войне против мунгал, с великим их ханом, именем Алтан, учинили прежде других нападение на неприятеля и, сбив его, победили. Потому и прозваны они были хошоут, что по их языку значит главного или первенствующего воина. Впрочем, сказуется об них, якобы славный Чингис-хан у сих хошоутов ханом был, и нынешние отродие хошоутов владельцы род свой к сему хану следующим образом доводят, а именно: объявляют они, что помянутый хан имел у себя двух братьев, которым имена были – первому Хабуту-Хасар, а другому Беке-Белгете. Из сих от последнего якобы оные владельцы произошли тако: 1) Беки-Белгетея сын был Беки-Юрюктемир. 2) Его сын Эбеучинсан. 3) Сего сын Бабай-Мирза. 4) Того сын Ханай-Ноион-Хонгор. 5) Хонгоров сын Банбугас. 6) У того сын был Цецен-хан. 7) Цеценов сын Галдамай, с которым прямая линия пресеклась. В наследие ж вступил упомянутого (под № 5) Банбугаса брат, Киенделенг-Убуша. 8) После Убуши сын его Дорджи-Тайша. 9) По нем сын его Доурисху-Данчин-Хошоучи. 10) У него сын Тарба-Чирин. 11) У него сын Сербет, который в 1742 году, будучи в Казани, восприял святое крещение и называется Семен Хошоутов. Сей в Калмыцкой орде оставил жену и сына в неверии. По восприятии ж святого крещения, женился в Ставрополе на внучке Аюки-хана, а на дочери бывшего владельца Галдан-Данджина (который был Аюке-хану сын и означен выше сего под № 7),

коя по крещении именована Еленой, и ныне находятся они в Оренбурге, как выше упомянуто, при крещеных калмыках.

3. О дербетах сказуется, что они с зюнгорцами издревле одного отродия, и якобы в старину на берегу Аральского моря найден был один младенец сирота, которого именовали Улиндай-Бадон-Тайша. Сей возмужавши учинился великим человеком, и от него нынешние между волжскими калмыками находящиеся дербетской фамилии владельцы род свой производят тако: 1) Помянутый Бадон-Тайша имел двух сыновей, из коих назывался первый Онгоцой, второй Онгорхо. 2) Онгоцоев сын был Хутугаиту-Харахула. 3) Его сын Батур-Контайша. 4) Его дети Бушуктухан да Сенга. 5) Сего сын был известный зюнгорский главный владелец Контайша, от которого иногда и все зюнгорцы контайшинцами называются. 6) Сын оного Галдан-Черен был также главный зюнгорский владелец. У второго ж Бадон-Тайши сына Онгорхоя был сын Нанис-Тайша. 2) Его сын Далай-Тайша. 3) Сего сын Тарган-Тайша. 4) Оного сын был Менко-Темир. 5) Сего сын Четер. 6) Его сын Лаван-Дондук. 7) У него сын Галдан-Черен, который ныне между волжскими калмыками в Дербетевской фамилии есть главный. У сей Дербетевской фамилии один владелец Чидан в 1745 году в Оренбурге с двумя его сыновьями крещен и именован Никита Дербетев, которому над всеми крещеных калмык владельцами по указу из Государственной коллегии иностранных дел повелено иметь первенство, как то он при первом учреждении Ставропольского штата в первый чин и определен был, но в 1747 году умер. Дети его Иван Большой да Иван Меньшой Дербетовы поныне обретаются в Ставрополе при крещеных калмыках, первый войсковым хорунжим, а другой ротмистром, из которых последний женат на дочери хана Дондук-Омбы, которая крещена в Санкт-Петербурге и именуется Надежда.

VI. О киргиз-кайсаках или киргизцах

Под именем киргизов и киргизцев три народа нам ведомы. Абулгази-Баядур-хан во второй части родословной своей истории, в 9 главе, неоднократно говорит, что границы их были от реки Икар, или Икран-Муран; а потом в третьей части, в главе 8, объявляет, что мунгалов, или могульцев, заключаются. Выше сего, в рассуждении татар, из родословной истории Абулгази-Баядур-хана показано, что в пятом поколении от Турка (коего он называет старшим сыном Афисовым, или Афетовым) произошел Аланча, или Аланзя-хан, у коего были два сына: Могул да Татар, которым он все свое владение пополам разделил. И так от одного мо-

гульцы, а от другого татары произошли; но основательно ли сие описание или нет, сие могут искуснейшие в древностях рассматривать. Сия есть истина неоспоримая, что волжские калмыки с зюнгорцами (о коих в смежных к Оренбургской губернии народах описание выше учинено) исстари вместе кочевали и за один народ всегда признавались. Но по причине больших у владельцев их ссор около 1620 года двое из таких владельцев, именами Лоузанг и Елденг (которые известного Арки-хана деду были братья родные), согласясь с некоторыми подвластными им людьми, от зюнгорцев отделились, и, усилясь над татарскими народами, кои тогда находились в тех местах, где ныне по большей части киргиз-кайсаки кочуют, оными овладели и во первых со всеми своими людьми пришли к реке Эмбе, которую татары называли Джен, а оные владельцы именовали Зен, что значит ягодную реку, потому что по ней ягод родится множество, а потом перешли к Яику, где и по впадающим в Эмбу и в Яик рекам несколько времени кочевали. А особливо располагались они по реке Ори, которая еще поныне (как то ставропольский протопоп Губовский, калмыцкого языка довольно сведущий, изъявлял) в их, калмыцких, песнях в том рассуждении упоминается. Но побывши в сих местах несколько времени, услышали они, что река Волга гораздо больше Яика, и для того помянутый владелец Лоузанг посылал от себя нарочно проведывать, какие около оной места находятся. Уведомясь же, что тут пажитных и для кочевания их способных мест довольно, в ту сторону покочевали, и, перешед реку Яик, Чингис-хан посылал к ним двух послов. Главный у них, киргизцев, был тогда именем Урус-Инал, который, усмотря, что Чингисхану противиться не может, поддался ему и послал из первых своих вельмож с подарками уверить его о своей верности. Господин профессор Миллер в «Сибирской истории» в первой главе в 16 параграфе изъявил, что они в старину внутри Сибири у реки Енисея жили и на то, что Абулгази-хан об них написал, пространное изъяснение учинил. А особливо в пятой главе объявляет, что те киргизцы ясак плачивали в Кецкий острог и против россиян неоднократно бунтовали и, уходя за реку Енисей, причиняли пакости, но в 7123 и 7124 годах с немалым их уроном в чувство приведены и вновь присягу учинили и некоторое число ясаку дали. При сем, в той же главе, в 49 параграфе, напоминается, что они в Санктпетербургских Примечаниях при Ведомостях 1734 года несправедливо смешаны с живущими на бухарских границах от Яика реки к востоку (то есть с нашими) киргиз-кайсаками. И Василий Никитич Татищев в расписании своем, учиненном от него для пользы обстоятельной российской географии, признав их за остатки сибирских татар, истолковал имя киргиз, что значит ходящего по степи, степного и бездомового человека, а казак, ра-

зумеется, отпадший или ушлец. Может быть, последовал он в том вышеозначенным академическим примечаниям и мнил паче о киргиз-кайсаках Средней орды, яко и жилища их токмо в вершинах Тобола и Ишима рек близ гор, коих они называют Итык, то есть выломанные, описал, но в историческом своем Лексиконе описал уже их обстоятельнее и с нынешним состоянием сходственнее. Видно, что при первом описании в бытность его в Сибири основательного известия у него не было.

По имеющимся же в Оренбурге известиям, кроме здешних в российском подданстве состоящих, есть еще сильный и многолюдный народ киргизцы за Ташкентом, около городов Ходжанта, Наймачина и Мадталана, которые кочуют там в каменистых и неудобоприступных горах, называемых Алатау, от коих гор и называются они алатай-киргизы. Их несколько состоит под зюнгорским владением, а большая часть ни от кого не зависит. С зюнгорцами имеют они частые войны, и хотя их на войну сбирается не более как около тридцати тысяч человек, но по ситуации жилищ их зюнгорцы и никто из тамошних владетелей преодолеть их не могут. О помянутых горах сказуется, что лежат они великим кряжем[239] между зюнгорского владения и реки, называемой Сыр-Дарьи, и подошли к тамошним знатным урочищам Бахалжи и Куркор (по обстоятельствам едва не несходно ль их соединить с древним Имаем, который Скифию на две части разделял). А понеже Карпеин в «Путешествии» своем написал, что Чингис-хан киргизов покорить не мог, а покорил уже их сын его Октай[240], употребя на то генерала своего Циподана[241], в чем он, как выше означено, с Абдулгази-ханом разнствует, то можно их в том таким образом согласить, что по сказанию Абдулгази-Баядур-хана самим Чингисом покорены были или паче поддались ему, те киргизы, кои в сибирской стороне находились, и коих профессор Миллер обстоятельно описал. А по Карпеину, Чингис не мог покорить сих, яко в неприступных местах живших, и будучи многими походами и намерениями обязан, может быть оставил их непокоренных, а покорены уже они были при сыне его, как выше упомянуто, но нам в том дальней потребности нет. Сие только надлежит знать, что наши киргиз-кайсаки от оных алатай-киргизов подлинно произошли и в нынешних местах не весьма давно усилились.

Все они, киргизцы, разделяются на три орды, кои именуются Большая, Средняя и Меньшая, которое разделение от чего происходит, поныне еще неизвестно, но из оных первая, то есть Большая орда, в подданстве российском не числится, того ради и описана она выше сего, обще с другими Оренбургской губернии смежными народами. Что же до Меньшей и Средней принадлежит, то происходящие в Оренбургской губернии пограничные дела наипаче до сих обеих орд касаются;

следственно, и о состоянии оных обстоятельно знать всегда немалая будет потребность.

Вообще надлежит знать о жительствах обеих орд, что к России за предел оных почитается, с одной стороны, начав от Каспийского моря, река Яик до Верхояицкой крепости, а оттоль, перешед на вершины реки Уя вниз до реки Тобола на Звериноголовную крепость, отсюда ж на реку Ишим и вверх по Иртышу, оставляя по течению сих рек левую сторону в их стороне. За внешние ж их пределы, начав от Каспийского ж моря с устья реки Эмбы, может почтен быть по генеральной Оренбургской ландкарте (как выше сего о границах в сей губернии показано) весь 44 градус ширины с верхнею частию Аральского моря к реке Сыр-Дарье, где она означенный градус пересекает; а оттоль на реку Сарасу, которая киргизцев от зюнгорцев отграничивает; отсюда ж паки на вершины Ишима реки, которую окружность обе оные орды кочевьями своими занимают, яко тут не только городов, но и никакого жила, кроме их киргиз-кайсацких кочевьев, не имеется. Однако ж по пространству степи так они располагаются, что иногда дня два или три, а иногда и больше, конною ездою до улусов их пустоты бывает. Сие, как выше означено, в рассуждении обеих орд вообще, а о каждой порознь известно следующее.

Меньшая киргиз-кайсацкая орда кочует обыкновенно летом: 1) по двум рекам Бердам[242] и по впадающим в них речкам, из которых первая Берда впала в Яик выше Оренбурга верстах в пятнадцати, а другая верстах в семидесяти, немного ниже Красногорской крепости; 2) по реке Илеку (до которой от Оренбурга конной езды один день) и по впадающим в оную с обеих сторон многим речкам. Илек же впал в реку Яик немного пониже Илецкого городка, но и по самому Яику нередко они располагаются, хотя им то, а паче близ крепостей, непозволительно, для бережения лугов и сенных покосов; 3) по реке Кобде[243], коя течет за рекою Илеком в полуднях и впала в Илек близ устья оного, и по впадающим в Кобду речкам, коих есть там много; 4) по реке Ибеите и по текущим в нее речкам. Ибеит же впадает в реку Яик против Ильинской крепости, до которой от Оренбурга сто пятьдесят четыре версты; 5) по реке Ори, коя впала в Яик ниже Орской крепости верстах в четырех, и по впадающим в оную многим речкам, а особливо с левой стороны по Минлибаю, коя в Орь реку впала от устья Орской крепости верстах в двадцати, да по Камышле, коя вошла в Орь с правой стороны, от устья конной езды полдня; 6) по реке Мурзабулаку, коя впала в Яик ниже Орска верстах в пятнадцати, и по другим в Мурзабулак впадающим речкам; 7) по рекам Ярлыке и Кумаке, кои сошлись в одно устье и впали в Яик выше Орска верстах в двадцати пяти и по впадающим в них многим речкам; 8) по реке Сундуке и по

текущим в нее речкам, которая впала в реку Яик против Кизильской крепости, расстоянием от Оренбурга вверх по Яику четыреста пятьдесят четыре версты. Однако ж случается иногда и то, что по оным рекам и речкам, особливо ж по Ори, Минлибаю, Камышле и по другим в реку Орь впадающим, тако ж по Ярлыке, Кумаке и по Сундуке[244], и Средней орды киргизцы по нескольку кочуют. Ибо у них между собою в том никакого раздела нет, и споров не бывает.

Зимовья ж сей орды знатнейшие суть следующие, а именно, от Оренбурга к стороне Орской крепости: 1) по двум рекам, называемым Камышла-Иргиз и Таил-Иргиз, которые вышли от севера из-за Орских вершин и впали в реку Улу-Иргиз, коя, также вышед с северной стороны, впала в озеро Аксакал. Вершины всех оных от Орской крепости скорою ездою дней около трех; 2) по озеру Аксакалу, до которого от Орской крепости в правую сторону конной езды дней с семь. Из оного ж озера вышли разные протоки и впали в реку Сыр-Дарью; 3) при урочище, называемом Кара-Кум, то есть черный песок, которое есть по сю сторону Сыр-Дарьи, а от Аксакала расстоянием один день, а от Орской крепости дней с восемь. Отсюда по самую Сыр-Дарью пошли пески, и киргизцы, кочуя тут, довольствуются водою из выкопанных колодцев и из текучих ключей; 4) при урочище Турнаке; Турнак же называется большой камень, который лежит на самом устье Сыр-Дарьи, на берегу. Сие урочище от Оренбурга расстоянием конной езды дней с пятнадцать. В другую ж, то есть в сторону Каспийского моря, сей же Меньшей орды киргизцы зимуют по Эмбе и по текущим в нее с обеих сторон речкам, почти до самого ее устья, где она в Каспийское море впала. Ближайшее к сей реке расстояние от Оренбурга дней восемь; 5) по ту сторону реки Эмбы, при урочищах Большом и Малом Бурсуках, то есть песках, от Эмбы реки конной езды дня четыре, от Оренбурга ж прямо в полдень дней двенадцать, где зимуя, довольствуются снежною водою, а пока снегу нет, то из колодцев; 7) при озере Каракуле, между Эмбы и Яика рек, расстоянием от Яицкого Антонова форпоста три дня; 8) по двум рекам Уиле и Кииле, которые текут с западной стороны в озеро Каракуль, расстоянием от Оренбурга до тех мест дней шесть или семь; 9) по речкам Галдыгаиты[245] и Бултурды[246], которые вышли с полуденной стороны и впали одним устьем в реку Яик. Казаки называют их Утвы. Расстоянием они от Илецкого городка вниз дня полтора. Кроме означенных урочищ нередко случается, что оная орда за недостатком кормов по самому Яику зимует, а иногда табуны их лошадиные и на сю сторону Яика реки перепускаются. Но в таком случае для спокойства их киргиз-кайсацкого берутся от них аманаты. Тако ж и сие случалось,

что многие улусы около Аральского моря, а иногда и в каракалпацком владении зимовали.

Впрочем, вся Меньшая орда разделяется на две части: одни называются алчинцы, а другие семиродцы, по их именованию Джатыр, из которых первые гораздо сильнее последних.

Роды ж, или аймаки, знатнейшие в сей орде: 1) Алчинский, в котором настоящие алчинцы. 2) Адажский. 3) Машкарский. 4) Таминский. 5) Табынский. 6) Китейский. 7) Кара-Китейский. 8) Чумакайский. 9) Чиклинский. 10) Джигал-Байлинский. Понеже они к Хиве и к трухменцам смежно находятся, да и от волжских калмык, а паче когда они к Каспийскому морю и к реке Яику прикочевывают, весьма недалеко живут, то по особливой их склонности к войне и воровству бывают у них с теми народами частые сражения. Особливо хивинских и других чрез орду их в Оренбург и из Оренбурга проезжающих купцов обижают и грабят, и тем в распространении оренбургской коммерции великое помешательство причиняют. И хотя о пресечении того несколько уже лет старание прилагается, но по беспутству и бессилию владельцев их и старшин и по ветренному состоянию сего народа, доныне почти никакого успеха в том нет. Что до бывших от них на волжских калмык нападений принадлежит, то от сего удерживаются они ныне расположенными от Яицкого городка вниз по реке Яику яицкими казаками, которых для того на тамошних форпостах всегда тысячу человек содержать велено, и содержатся. Ибо им, идучи на калмык и оттуда возвращаясь, реку Яик необходимо переходить. И хотя они иногда по морю да и сквозь форпосты прокрадывались к калмыкам, однако нередко случалось, что они, возвращалось от калмык с добычею, переловлены, а иногда и на смерть побиваемы были, отчего уже они ныне на воровство туда не так охотно отваживаются. Да и русских купцов, когда они в Хиву или в Бухары из Оренбурга едут и оттуда возвращаются, не грабят, а довольствуются грабежем одних тамошних народов. Людства в сей орде до смете уповательно быть до двадцати тысяч кибиток. Богатство их состоит наипаче в лошадях и в баранах, которыми они в Оренбурге и в Хиве торгуют, однако пред недавним временем некоторые из киргизцев, а особливо ж те, кои посмышленне и к воровству несклонны, покупая в Оренбурге разные товары, у себя в орде торговать стали, да и хлеб (которого они прежде не употребляли, а довольствовались одним мясом и молоком) выменивать и в пищу зимою употреблять начали, из чего можно надеяться, что они со временем также могут быть, как и башкирцы, которые сначала не только хлебопашества и другой домашней экономии, но и домов себе не имели, да и поныне такие из них еще есть, а паче на сей стороне Урала, что для одной зимы, да и то самые

Киргизка (казашка) и башкирка (по И.И.Георги, XVIII в.)

худые хижины содержат, а летом, по старому обыкновению, со всем своим скотом с места на место переходя кочуют.

Средняя ж киргиз-кайсацкая орда знатные кочевья имеет в нижеписанных местах, а именно: 1) дальние улусы обыкновенно кочуют по реке Сарасу, которая вышла из Зюнгор, и течет близ Туркестана, расстоянием от Орской крепости от пятнадцати до двадцати дней конной езды; 2) по вершинам реки Ишима, расстоянием от реки Жилана в левую сторону дней шесть, а от Орской крепости дней пятнадцать; 3) по реке Жилану, которая вышла от Зюнгорской стороны из горы, называемой Улу-Тау, то есть большая гора, и скрылась в землю от Орска в левую сторону расстоянием скорой езды девять дней, а от реки Большой Турт до оного Жилана один день; 4) с вершин Тобола-реки по оной и по впадающим в нее рекам и рекам до устья реки Уя, при котором построена Усть-Уйская крепость, от Оренбурга расстоянием девятьсот шестнадцать верст; 5) по рекам Чертанлыку и Гилкувару, кои впали в реку Тобол недалеко от вершин оного, и по впадающим в те две реки мелким речкам, расстоянием от Верхояицкой крепости конной езды полтретья дня. Верхояицкая ж от Оренбурга пятьсот восемьдесят две версты; 6) по реке Кают, коя впала в Тобол пониже Чертанлыка и Гилкувара, и по текущим в Кают мелким речкам, от Усть-Уйской крепости расстоянием конною ездою дня два; 7) по озеру Чалкару, которое находится при горе

Абулхаир-хан (по рисунку 1784 г.)

Карачатау, куда надлежит ехать вверх по Ори реке, а потом, оставя оную вправе, вверх по Камышле до вершины оной, а с тех вершин до помянутого озера три дня, и так будет оно от Орска в левую сторону, 8) по трем рекам, называемым Ул-Куяки, которые вышли от вершин Тобола и впали в реку Тургай. До вершин их расстояние от предупомянутаго озера два, а от Орска влево пять дней, 9) по речке Текутурмас, коя вышла из гор от стороны Тобольских вершин и впала в реку Сара-Тургай, расстоянием от Улкуяков день, а от Орска влево семь дней, 10) по реке Сара-Тургай, коя вышла с Сибирской стороны от вершин Ишимских и впала в Большой Тургай, расстоянием от Текутурмаса полдня, от Орска ж влево семь дней с половиною, 11) по реке Большому Тургаю, которая вышла из гор неподалеку ж от Ишимских вершин и впала в озеро Аксакал, расстоянием от Сара-Тургая полдня, от Орска же влево восемь дней, 12) по озерам, именуемым Карсак-Баши, коих в Тобольских и Сара-Тургайских вершинах есть немало; 13) по Аксакалу озеру, от Орска с левой стороны, при котором по правую сторону обыкновенно Меньшая, а по левую Средняя орда кочуют, и тем озером обе оные орды разделяются; 14) по Усь Узюке, то есть по трем истокам, которые вышли от полудня из Бухарской стороны и впали в Аксакал озеро, по ту сторону оного. Сверх сих еще разные речки и урочища есть, где оная орда кочевьями своими располагается, но они не все ведомы и не так знатны, для того сюда и не внесены.

В сей Средней орде генерально четыре рода состоят, яко то: найманы, аргинцы, увак-гирейцы и кипчаки, из которых найманский против всех прочих людней и богатее. По историям татарским значится, что звание найманов еще при Огус-хане, который был до Рождества Христова лет за триста, произошло, и якобы Чингис-хан у сего народа особливым ханом бывал. Да и Абулгази-Баядур-хан во 2 части, в II главе «Родословной истории» объявляет, что поколение найманов есть очень старое и весьма богатое и жили они в могульской земле, на месте, называемом Каракум, то есть черный песок, и что во время чингизово владельцем у них был Таян-

Жена Абулхаира с детьми (по рисунку 1784 г.)

хан. Аргинский же род разделяется на девять поколений: 1-е именуется у них Чакчат, 2) Чарджит, 3) Тюртюул, 4) Караул, 5) Каракисяк, 6) Канджагалы, 7) Атчай, 8) Тараклы и 9) Кулчан-Аргинское. Кипчаки ж разделяют себя на пять колен, а именно: 1) Кипчакское само собою, потом 2) Кунделен, 3) Узун, 4) Танабуга, 5) Карабалык-Кипчакское. Сия орда пред Меньшею люднее и богатее, а особливо лошадьми, которые у них больше и лучше, нежели в Меньшей орде находящиеся. Да и народ сей орды посостоятельнее; сего ради и купцы азиатские для торгу в Оренбург и в Троицкую крепость чрез улусы Средней орды охотнее и безопаснее ездят, да и лесов, по сказкам, посыланных туда из Оренбурга людей, всякого звания находится там довольно, которых в Меньшей орде весьма недостаточно.

Ежели кто похочет все вышеписанное с тем сличить, что в «Примечаниях» Императорской Академии наук 1734 года под № 28, 29, 30 и 31 о киргиз-кайсаках и башкирцах показано, то подлинно в описании обоих оных народов окажутся немалые разности; но мы в доказательство вышеписанного более ссылаемся на нынешнее обоих тех народов состояние; ибо писано то самое, о чем от самих тех народов, тако ж и от бывалых там людей, в разные времена уведомлялось. По делам покойного Кирилова значится и сие: якобы киргиз-кайсацкие владельцы напред сего имели разные города, кои у них зюнгорский владелец отобрал, но то весьма видится не доказательно, а хотя б они когда и владе-

ли некоторыми городскими народами, токмо не наследственно, и, может быть, по избранию и призыву оных народов, как то и Абулхаир-хан и сын его, Нурали-хан, в Хиве ханами находились по призыву хивинцев, да и нынешний хивинский Гаиб-хан из киргиз-кайсацких же владельцев там ханствует, по приему хивинцев, а не по наследию.

Что до принятия обеих оных орд в подданство Российской империи принадлежит, то о сем обстоятельнее описание находится в «Известии», сочиненном от меня, «О начале и состоянии Оренбургской комиссии, по то время, как она губернией учинена»[247], о чем здесь распространять хотя и нет потребности, однако, не неприлично и о том кратко упомянуть. Меньшей орды Абулхаир-хан, будучи пред прочими киргиз-кайсацкими владельцами гораздо умнее и проворнее, и видя, что оная орда с одной стороны от зюнгорцев, а с другой от башкирцев частые набеги и разорения претерпевает, рассудил искать и просить о принятии со всеми его людьми в подданство российское, и с тем в 1730 году прислал на Уфу, к воеводе бригадиру Бутурлину, бывшего у него башкирского старшину Алдара-бая, с посланцами своими, который с теми посланцами от помянутого бригадира и ко двору отправлен был. По сему в 1731 году послан был к нему, хану, из Государственной коллегии иностранных дел переводчик (что ныне генерал-майор) Тевкелев, при котором командировано было несколько геодезии офицеров, уфимских дворян и несколько ж башкирских старшин, в том числе и помянутый Алдар, с такою инструкцией, чтоб оного хана со всею ордою в подданство принять и присягою утвердить и о состоянии сего народа обстоятельное известие получить; при том и те, у двора бывшие, его ханские посланцы с награждением и с грамотою к нему, хану, были отправлены. По прибытии его, Тевкелева, в орду от народа хану многие укоризны были, что он то без их ведома чинил и происходили великие затруднения; но наконец хан и Тевкелев превозмогли, так что купно с ханом многие из знатных киргиз-кайсацких старшин о бытии в вечном российском подданстве публично присягали. В 1733 году отправил он, хан, с ним, Тевкелевым, ко двору российскому сына своего Эрали-салтана[248] да брата двоюроднаго Нияз-салтана с несколькими старшинами, которые в январе месяце 1734 года в Санкт-Петербург прибыли и 10 февраля того года имели публичную аудиенцию, о чем в «Примечаниях» академических того года под № 29 напечатано.

Между прошениями Абулхаир-хана главное было то, чтоб при устье реки Орь построен был российский город, для чего по данным инструкциям и отправлен в 1734 году статский советник Иван Кирилов и с ним помянутый Тевкелев, который тогда для сей комиссии пожалован полковником. И хотя он, Кирилов, при устье реки Орь город Оренбург в 1735

году и заложил, однако, для случившихся тогда башкирских замешаний с ним, ханом, не видался, и, не видавшись, в 1737 году, апреля 14 дня, умер. По смерти Кирилова, еще в том же 1737 году, главная в Оренбургской комиссии команда поручена была тайному советнику Василию Никитичу Татищеву, который, того ж года в Самару прибыв, в 1738 году 7 числа июня в Оренбург с командою пошел и прибыл в оный 15 июля, куда и вышепомянутый Абулхаир-хан с большим своим сыном Нуралеем-салтаном, с знатными киргиз-кайсацкими старшинами и с немалым числом народа приезжал и о бытии в вечном российском подданстве со всеми его людьми того ж года августа 3 дня публичную и торжественную присягу учинил, а сын его и старшины, тако ж и народ, особо присягали; которые их присяги от него, тайного советника, в бывший тогда Кабинет отправлены. Каким же образом оное происходило о том, яко же и о всем, что в конференциях с ним, ханом, говорено и поставлено, сие описано в содержанном тогда особом журнале, да и в вышепомянутом описании «О начале Оренбургской комиссии» отчасти показано ж.

Что до Средней орды принадлежит, то она всегда особливых своих владельцев имела. В то ж время, как Кирилов из Санкт-Петербурга отправляем был, находился в сей орде Шемяка-хан[249], чего ради с ним, Кириловым, на имя сего хана и грамота дана была особая. В сей грамоте именно назначено, что оный Шемяка-хан в бытность переводчика Тевкелева в орде 1731 года в подданство российское вступил, и присягу верности учинил, потому он, равномерно как и Абулхаир-хан, в оной грамоте именован подданным. Но киргизцы его, преступя ту присягу, ходили на башкирцев войною, а потому и сам он, хан, собравшись с киргизцами, дважды на башкирцев ходил; будучи ж от башкирцев побеждены, в последнем приходе помирились, и он, хан, по-прежнему, а старшина и войско (то есть бывшие с ним киргизцы) вновь присягали, и о принятии в подданство с прошением нарочных своих посланцев на Уфу присылали, которые к ним и назад отпущены. Впрочем, тою ж грамотою дано знать об отправлении Кирилова и Тевкелева, и что учиненная оным Шемякою-ханом по первой его присяге проступка, ежели он и киргизцы его в подданство российское верно прийти и быть желают, из милосердия к киргиз-кайсацкому народу прощается. Что ж ему, хану, и всему войску кайсацкому Средней орды (как к Абулхаиру, так и к сему хану в тогдашних грамотах киргиз-кайсацкий народ именован был киргиз-кайсацким войском) делать, и как поступать, в том сослано сь на Кирилова и Тевкелева, яко указ о сем они объявят.

С Абулхаир-ханом из владельцев Средней орды не только при первом свидании, но и после, никто никогда не приезживал, потому что они род

свой ставят гораздо выше, нежели оное поколение, от которого Абулхаир-хан произошел. Приезжал токмо с Абулхаиром один из знатных сей орды старшин Джанбек-батырь, который почти всегда Абулхаир-хана больше, нежели Средней орды владельцев, придерживался. А хотя от помянутого тайного советника в тогдашнюю ж его, в Оренбурге бытность, и в Среднюю орду к знатнейшим владельцам, к Абулмамет и Аблаю-салтанам (ибо Шемяки-хана тогда в живых уже не было) посылан был нарочный офицер с тем, чтоб они для свидания с ним, для учинения присяги и для принятия присланной к ним грамоты, к нему приехали. Но они, прислав от себя посланцев, ответствовали тогда, что в подданстве и верности пребывать всеусердно желают: для учинения ж присяги будут к нему, тайному советнику, предбудущею весною. В то ж время отговаривались дальним расстоянием (кочевали они тогда близ Иртыша), но в самой вещи можно было усмотреть, что хотелось им одним и самим собою, а не вместе, или по примеру Абулхаир-ханову, приехать.

Между тем, Абулмамет-салтан по избранию тамошнего народа в 1739 году учинен был в той Средней орде ханом, а на место тайного советника Татищева в том же году к Оренбургской комиссии главным командиром определен генерал-лейтенант князь Василий Алексеевич Урусов, который как для усмирения продолжавшихся тогда башкирских замешаний, так и для заграничных дел, а паче для принятия помянутых Средней орды владельцев и всей оной орды в точное подданство и утверждения их в том присягою, отправился из Самары мая 13 дня. При нем было тогда регулярных и нерегулярных пять тысяч восемьсот семьдесят восемь человек и, имев он для поисков над ворами башкирцами лагерь свой несколько времени в вершинах реки Сакмары, при озере Талкасе[250], в Оренбург прибыл 25 числа июля.

Означенные Средней орды владельцы Абулмамет-хан и Аблай-салтан (которые между собою братья, чаятельно, двоюродные) с их лучшими старшинами и со многим числом народа 24 августа туда ж прибыли. 28 числа того ж месяца был им публичный прием, причем вместо того, что Абулхаир-хан речь говорил, они оба речи свои с прошением подданства помянутому генерал-лейтенанту подали на письме за своими печатьми, и как они с старшинами, так и весь их тогда бывший с ними народ, о бытии в вечном подданстве всею ордою присягали. Каким же порядком все оное чинилось и что на бывших с ними конференциях поставлено, об оном держан особый журнал, да и в вышеозначенном описании явствует, о чем здесь для сокращения не распространяется.

Выше сего уже упомянуто, что владельцы Средней орды в рассуждении своей породы как Абулхаир-хану самому, так и всей его фамилии

при разных случаях вид некоторого уничтожения делывали и при свиданиях обще с ними никогда быть не хотели. Напротив того, Абулхаир-хан, будучи гораздо хитрее и проворнее, а притом признавая себя основателем Оренбурга и всей той пользы, которую киргиз-кайсацкий народ от подданства российского возымел, всячески тщился оных Средней орды владельцев обесславить, и чрез интриги свои то то, то другое об них разглашал. А наконец до сего дошло, что Абулмамет-хан, имея тихий и покойный нрав, принужден из орды удалиться и, отъехав в Туркестан, как слышно, еще доныне там находится. Однако ж к российской стороне никакой противности от него не бывало. Да из киргизцев с собою из орды почти никого он не отлучил, но сие, может быть, по невозможности, ибо киргизцы ханов своих слушают токмо тогда, когда хотят, а паче, когда видят в том собственную свою пользу.

Напротив того, Абулхаир-хан, не уважая сего, что его дети всегда в аманатах содержаны были, не только в требованиях своих многие неумеренности возымел, но когда ему по желанию и прихотям своим получать всего не удавалось, яко весьма горячий человек, некоторые и худости делывал, и народ свой, склонный к воровству и наглостям, нередко на оные возбуждал. Особливо было то от него в 1742 году, когда в перемене сына его Ходжи-Ахмет-салтана побочным его сыном Чингис-салтаном отказывать начато. Но сии его поступки тогда ж подали причину для пресечения всяких по легкомыслию и непостоянству киргиз-кайсацкого народа чаемых и быть иногда могущих противностей запасной план учинить, который и указом из Правительствующего сената 18 марта 1744 года по всем пунктам опробован, и в таких случаях может служить на всегдашнее время основанием.

Наконец интриги и замыслы Абулхаир-хановы владельцев Средней орды так много огорчили, что он от людей Барак-салтановых, который в сильнейшем найманском роде[251] владельцем, а по отлучении Абулмаметевом в Туркестан и во всей Средней орде за главного почитаем был, на одном междоусобном сражении (кое происходило у них из того, что Абулхаир пришедших к Бараку каракалпаков к себе присвоить хотел) до смерти убит. На место ж его, Абулхаирово, по прошению Меньшей орды киргизцев и по представлению из Оренбурга от действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева определен в 1749 году в ханы большой его, Абулхаиров, сын Нурали, и в том достоинстве, того ж 1749 года, чрез помянутого тайного советника в Оренбурге пред народом публично объявлен, и на то ханство особливая грамота ему пожалована, который и поныне в сей Меньшей орде ханом находится. Братья его родные, Эрали и Айчувак-салтаны[252], в той же

орде некоторыми улусами управляют. Но и кроме их еще другие салтаны тут есть, а особливо знатен между ими Батырь-салтан, у коего сын, именем Гаип, как выше означено, в Хиве уже несколько лет ханствует, и, обогащая отца своего разными из Хивы присылками, в киргиз-кайсацком народе его подкрепляет, и так уже усилил, что он и народ, придержащийся его, Батырь-салтана, Нурали-хана весьма мало уважают, и от него ни чем не зависят.

Впрочем, хотя в «Примечаниях» 1734 года под № 29 и означено, якобы Абулхаир-хан больше ста тысяч человек в поле поставить мог, но по нынешнему сведению их людства из обеих орд, ежели б их можно было соединить, от сорока до пятидесяти тысяч легко и скоро может собраться, а ста тысяч не чаемо. Может быть, по тогдашнему рассуждению, включены тут были и Большой орды киргизцы и каракалпаки, о которых Абулхаир-хан, чтоб им в подданстве российском быть, старание прилагал.

Наконец в рассуждении киргиз-кайсаков надлежит знать и сие, что они не только никаких податей в казну не платят, но и пошлин с торгу их в Оренбурге и в Троицкой крепости, где чрез все лето бывает такая ж ярмарка, как и в Оренбурге, ничего от них не берется, а берется оная пошлина за них с русских купцов, которые товары из их рук покупают, да и ханы их с народа никогда ничего себе требовать не могут, но еще сами лучших из них людей ласкают и дарят, чтоб они и народ почитали их и слушали. Язык их есть диалект от татарского, с такою малою разностию от того, коим находящиеся в Казани татары, тако ж и башкирцы, говорят, так что всякий без толмача их свободно разумеет[253]. Вера у всех у них, как и у прочих татар, магометанская. Но понеже между ими грамотных людей и абызов[254] весьма мало, то они и содержат закон сей слабо, и никаких мечетей в орде у них нет. Сами себя называют они сара-кайсаки, что с арабскаго языка значит степного казака. Но больше и обыкновенно именуются они просто кайсаки или казаки.

В заключение сего пункта не за излишнее признается и сие сообщить, ежели б кто спросил, какая от подданства сего народа Российской империи польза есть? Ибо они, как выше означено, ясаку и никаких податей не платят, да и служеб не служат. Тому можно припомнить, какие великие вредности бывали от сего народа до вступления оного в подданство, а именно. Каждый почти год, набегая, они многочисленно не только в Башкирии, но и в русских жительствах Казанской и Сибирской губерний, причиняли великие разорения и многое число людей в плен уваживали, а особливо в стороне Сибирской губернии крайние к ним жительства такими своими нападениями от времени до времени на

несколько сот верст опустошили, как то по делам в обеих оных, да и в Оренбургской губернии значится. Сие же со вступления их в подданство не только пресеклось, но и бывших у них в плену российских подданных, яко то: русских, калмык, башкирцев и других разными образами с 1742 года по 3 число июля 1754 высвобождено тысяча сто восемьдесят два человека. Да разных наций у сих же бывших в полону вышло двести двенадцать, из которых шестьдесят восемь человек восприяли святое крещение, да и всегда оные выходят и киргизцы, по учиненному о том с ними условию никакой претензии об них уже не чинят, а требуют тех токмо, кто из неподданных народов выбежав, святого крещения восприять не желают, которые им по силе указа из Государственной коллегии иностранных дел от 16 марта 1752 года и отдаются обратно со всем тем, что при них ни сыщется, не упоминая той еще пользы, которая чрез них же от азиатской коммерции происходит и впредь со умножением может происходить, ежели поступки командиров к благосостоянию и к дальнейшему распространению оного надлежащими учреждениями и распорядками всегда и предусмотрительно будут споспешествовать.

VII. О каракалпаках

Каракалпацкого народа бедственное и от киргиз-кайсаков весьма утесненное состояние[255] требует, чтоб здесь обстоятельства оного, а паче ж то, что до вступления и принятия их в подданство Российской империи надлежит впредь для знания и для всяких иногда могущих быть потребностей попространнее и основательнее описать. Ибо хотя ныне касающихся до них дел в Оренбургской губернии почитай ничего не происходит, но со временем может быть подастся случай и сей народ в пользу высочайших интересов употреблять, а особливо в рассуждении Аральского моря и по ситуации тех мест, где они находятся.

Выше сего в описании смежных Оренбургской губернии народов показано уже, что все каракалпаки разделяются на две части и именуются верхние и нижние каракалпаки, и хотя верхние по нынешнему их состоянию к подданным России народам не причитаются и по делам в Оренбургской губернии ведомо, что находятся они ныне в протекции зюнгорской[256], яко и жилища их от зюнгорского владения неподалеку, чего ради в сей «Топографии» и описаны они между смежными народами, но по обстоятельствам происходивших об них дел, о том их двойственном разделении до начала Оренбургской экспедиции едва было ль ведомо, и потому, может быть, при отправлении статского советника Кирилова и пол-

ковника Тевкелева в помянутую экспедицию, и грамота к каракалпацкому народу отправлена была, одних от других не различая. Ибо в ней, сначала не упоминая того их двучастного разделения, но на весь народ общественно написано в ней тако: «Нашим подданным каракалпацким Гаип-хану, ходжам, шейхам, бекам, батырям и прочей старшине и всему каракалпацкому народу нашу императорскую милость». Во оной грамоте именно означено, что они в бытность помянутого Тевкелева в Киргиз-кайсацкой орде о принятии их в подданство били челом и в том присягу свою дали и, руками своими подписав, утвердили, с чего они в той грамоте, как видно, и подданными именованы (ибо в то ж время и в данной в Большую киргиз-кайсацкую орду грамоте, оная орда подданною именована, хотя от нее и посланцы ко двору были не присланы). Потому весь оный каракалпацкий народ тою грамотою о принятии его в подданство тогда ж обнадежен, и на каком основании оному быть в ней довольно предписано. Однако по 1741 год не только от верхних, но и от нижних каракалпак к оренбургским командирам никого в присылке не бывало, да и к ним от оных командиров никто не посылыван.

А в том 1741 году послан был из Самары в Киргиз-кайсацкую орду к Абулхаир-хану Оренбургского драгунского полка поручик Димитрий Гладышев, который в 1742 году, в апреле, возвратясь оттуда, объявил, что в бытность его в той орде при помянутом хане между реками Сыр-Дарья и Адаматом кочевавшие там каракалпацкие старшины: 1) Абейдулла, 2) Мурат-ших с сыном, 3) Уразан-батырь, 4) Токумбет-бий, 5) Убелай-салтан, 6) Хозя-мерзень и с ними трое ходжей (кои у них были главными духовными, наподобие архиереев), приехав к нему, Гладышеву, объявили, что они со всем нижним каракалпацким народом, коего де будет до тридцати тысяч кибиток, желают быть у России в вечном подданстве и сами от себя просили, чтоб их утвердить в том присягою. И понеже он, Гладышев, небезызвестен был, коим образом некоторые из них еще при Тевкелеве в подданство присягали и оным обнадежены, то он их при самом Абулхаир-хане к присяге допустил, и они как за себя, так и за весь свой народ присягали и к присяжным листам подписались, кои он, Гладышев, в канцелярию Оренбургской комиссии и объявил.

Оные их присяги ими ж самими кратко были сочинены и состояли токмо в следующих словах: «Божиим повелением по своей вере пришли в Российское подданство и, поцеловав Коран, присягали мы, нижеписанные каракалпаки», за чем следовали их имена и тамги. Некоторые из них подписались просто, означа свой род, и что они за себя и за весь род подписались, а другие именно означили, у кого сколько в роде кибиток. По счислению ж в тех присягах означено всего двенадцать

тысяч кибиток. В письме ж, кое они с ним же, Гладышевым, прислали, объявили, что они издавна имели желание верными российскими рабами быть, и хотя в бытность мурзы Тевкелева у Абулхаир-хана милостию были они обнадежены, но с того времени не допускали их к тому бывшие между ими неспокойства, чему следуя, при Гладышеве присягу учинили, дабы им во веки в подданстве быть, и что им повелено будет, то они исполнять должны, обещая на будущее лето с Абулхаир-ханом приехать в Оренбург для свидания и о всех своих нуждах донести. Оное письмо подписано было Габайдуллою-салтаном, Мурат-шихом и другими их знатнейшими старшинами, а сверх того тут же приложены были три чернильные печати.

На то их письмо в том же 1742 году от 2 числа мая ответствовал к ним действительный тайный советник и кавалер Иван Иванович Неплюев с обнадеживанием милости, и званы они как для того, так и для рассуждения о всех их делах в Оренбург, о чем и помянутому Гладышеву при вторичном его отправлении к Абулхаир-хану в данной инструкции между прочего было определено. Потому посланцы их Мамор-батырь да Кушан-батырь в том же 1742 году вместе с Абулхаир-ханом и приехали, которые тогда ж именем своего салтана и всего народа публично присягали, после чего от вышереченного господина действительного тайного советника публично ж объявлено им было, что они приемляются в число прямых российских подданных.

Из-за того со оными посланцами послан был часто помянутый Гладышев с письмом прямо к их каракалпацкому салтану и к прочим, которому в данной инструкции определено было, во-первых, объявить, что их салтан, старшины и весь их нижний каракалпацкий народ, состоящий в десяти тысячах кибиток, по их прошению в прямое российское подданство приняты (о чем и в письме его, действительного тайного советника, было писано ж), и требовано, чтоб они в том подданническую присягу формально учинили и в засвидетельствование б того, всех имеющихся у них российских пленников собрав, ему, Гладышеву, отдали. Притом велено было ему, Гладышеву, истолковывая им оренбургскую привилегию, приохочивать их не только к оренбургскому торгу, но и на поселение при Оренбурге, и кои пожелают при Оренбурге жить, тех отправлять, и о тамошних их обращениях, яко же и о смежных к ним народах, разведывать, а особливо по смежности определено было об аральцах узнать, и стараться чтоб от них с равномерным же прошением, как и от каракалпак, посланцы посланы были.

По прибытии Гладышева в помянутую орду учинили публичную и формальную присягу в начале два тогда у них имевшиеся хана, а именно:

Гаип-хан, сын Ишим-хана, с двумя сыновьями, и Урускул-хан с сыном, Габай Абдулла-салтан, родной брат Гаип-ханов, с тремя сыновьями, а потом и старшины с немалым числом народа присягали ж. В сих присягах упоминаются их три рода: кнуратский, абынский и хатайский, и с тем со оным Гладышевым, для отправления ко двору прислали они тогда особливых посланцев восемь человек да двух освобожденных пленников: одного русского, а другого мещеряка. В письме ж, кое они тогда отправили ко двору, объявили они, что нижний каракалпацкий народ четыре сана, то есть сорок тысяч, со всею морскою волостию в подданство пришли и просили притом, дабы киргиз-кайсаки, которые их часто разоряют, тако ж посланцев не пропускают, усмирены были, обещая из-за того отправить настоящего посла и купцов до трех тысяч человек и находящихся у них российских пленников высвободить. Из оных присланных от них посланцев Маман-батырь, Аблай-ших, да Полат-ясаул и при них один Кощей с поручиком Гладышевым отправлены были ко двору, а между тем к помянутым ханам, салтанам и старшинам посланы были из Оренбурга знающий татарский язык унтер-офицер Филат Гордеев да толмач Мансур Дельный, с которыми для подарка ханам и старшинам несколько портищ сукна и другие недорогие вещи были посланы. Они возвратились оттоль в 1743 году 1 числа ноября, еще с их каракалпацкими посланцами ж, между коими знатнейший был старшина их Халвет-ших, сын вышеупомянутого первого их духовного Мурат-шиха.

С оными посланцами Гаип и Урускул-ханы и пр. писали к действительному тайному советнику и кавалеру Неплюеву, объявляя, что предбудущею весною с салтанами и с знатнейшими старшинами будут они сами и пленников, которые у них от хозяев освобождены, привезут, и просили, чтоб посланцев их посланных ко двору, ежели они оттуда прибыли, с ними возвратить, а о прочем бы спросить предупомянутого Халвет-шиха.

Оный Халвет-ших в имевшихся с ним конференциях объявил, что он от своего народа отправлен наипаче ради сего, дабы удостовериться о своем состоянии и принять потребные наставления как себя содержать. Но по окрестностям тогдашним можно было догадаться, что он, Халвет-ших, послан был рассмотреть о бывшем тогда от киргиз-кайсаков разглашении, якобы они все новые крепости разорили, и узнать, где посланцы их ко двору посланные находятся. Сей Халвет-ших по поданной от него челобитной при отпуске его из Оренбурга, для особливой знатности его, а паче для отца его Мурат-шиха пожалован тарханом, которое достоинство отцу его, тако ж ему и детям его наследственно иметь велено, на что ему при отлучке и указ 10 числа ноября дан, и отпущен из Оренбурга с надлежащим удовольствием.

Что ж до отправленных от сего народа ко двору предупомянутых посланцев надлежит, то по прибытии их в Санкт-Петербург Государственная коллегия иностранных дел, рассмотря учиненные об них представления, Правительствующему сенату 12 августа 1743 года представила такое мнение: что, хотя оный народ за весьма великим отдалением от российских границ, в действительной протекции и защищении содержать и неудобно. Однако ж, по тогдашней оного склонности и по обнадеживанию их об отдаче российских имеющихся у них пленников, кажется, и от подданства отказать непристойно. И для того, по рассуждению той Коллегии, к каракалпацким ханам и старшинам сочинена была грамота, и на рассмотрение Правительствующего сената при том доношении подана. Особливо ж за потребное признано сие, чтоб действительному тайному советнику и кавалеру Неплюеву старание возыметь о освобождении из их каракалпацкого плена всех российских подданных, а паче христиан, с приложением такого мнения, что за то на жалованье ханам и старшинам можно некоторую сумму денег издержать, и в прочем тому народу приласкание чинить, что все указом из Правительствующего сената в ту Коллегию от 26 числа августа апробовано; а какое за освобождение оных подданных награждение чинить, о сем велено той Коллегии снабдить помянутого тайного советника достаточною резолюциею.

По тому указу оные каракалпацкие посланцы 14 числа августа 1743 года представлены были ко двору ее императорского величества, блаженные и вечнодостойные памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны, причем первый из них, Маман-батырь, говорил речь, благодаря за принятие всего их народа в подданство и просил о содержании их со всем народом в высочайшей императорской милости, на которую его речь от лица ее величества сказан ответ государственным канцлером такого содержания, что ее императорское величество каракалпацких ханов и старшин с их народом вступление в подданство приемлет милостиво и обнадеживает их своею императорскою милостию и жалованьем. А потом 17 августа оные ж посланцы представлены были и его императорскому высочеству, а ныне всемилостивейшему государю императору, причем тот же посланец говорил краткую речь, а на оную ответствовал от лица его императорского высочества обер-егермейстер господин Бредаль. И так отпущены были оные посланцы возвратно в их отечество с грамотою к помянутым своим ханам, и к Мурат-шиху, и Габейдулле-салтану, и к старшинам, и ко всему народу, в которой точно было объявлено, что они приемлются в число подданных и обнадежены высокою милостию. К часторечённому ж действительному тайному советнику именным указом от 5 числа октября того ж года повелено оную грамоту от-

править с нарочным офицером и о освобождении из их каракалпацкого плена российских подданных, а паче христиан, возыметь старание, и за освобождение оных хозяевам их и другим, кому они надлежать, давать за каждого человека из казны от пяти до десяти рублей или сколько по тутошнему состоянию дел, усматривая случаи, за благо рассудится. При отправлении же оной грамоты для приласкания тех ханов и старшин велено к ним послать небольшое награждение, а в прочем с тем каракалпацким народом поступать по тому указу, усматривая пользы интересов государственных, и что будет происходить, о том от времени до времени во оную Коллегию рапортовать, и на что потребны будут в сих делах указы, о том приобщать мнения.

По прибытии оных посланцев с помянутым Гладышевым, который за посылки его к ним в бытность с ними у двора пожалован капитаном, отправлены они в их отечество с надлежащим награждением и удовольствием. С вышеозначенною ж грамотою послан туда оный же капитан Гладышев с полною инструкцией, каким образом, приехав ему в ту орду, оную грамоту ханам, салтанам и старшинам при собрании народа подав, вычесть, и о принятии их всех в подданство объявить и милостию обнадежить, а зачем и о собрании, и об отдаче ему пленников старание прилагать и прочее.

А понеже из Оренбурга туда ехать другого способнейшего пути нет, как токмо чрез Меньшую киргиз-кайсацкую орду. Того ради как он, Гладышев, так и помянутые посланцы, для препровождения адресованы были сперва той орды к Абулхаир-хану. Но по прибытии их к нему Гладышев уведал, что сей хан, озлобясь на каракалпак и собрав немалое число киргиз-кайсаков, с детьми своими Нуралием и Эралием-салтанами и с Джанбек-тарханом, тою ж зимою ходил на них войною и, напав нечаянно, побил из них немалое число людей, а многих побрал в полон, да и в прочем великое причинил им разорение, ибо по письму Гаип-хана, которое он прислал в Оренбург к действительному тайному советнику с прежде посланным к нему урядником Гордеевым, кой с Гладышевым в орде съехался, значилось в отгоне одного скота двадцать тысяч коров и столько ж овец, не упоминая прочего. Между пленниками ж захвачен был им, Абулхаиром, и хан их Урускул, о котором выше упоминалось, с его женами и с детьми, которого, держав у себя Абулхаир-хан несколько времени, отпустил обратно в дом с тем, чтоб к нему опять приехал и для того жену его и детей у себя тогда оставил.

Причина той Абулхаир-хановой злобы объявлена была сия, что он посылал к ним по прежнему обыкновению требовать на зимнее время запасу немалого числа, на что объявили они о себе, яко состоят уже в

российском подданстве так, как и киргиз-кайсаки. Следовательно, должности их нет отпускать к нему, хану, запасу. Но в самом деле известно было, что он по неспокойному своему нраву за вступление их в российское подданство возревновал. А паче, по бытности в Оренбурге вышеозначенного Халвет-шиха, которого отец Мурат-ших у всех каракалпак за святого и знатнейшего человека почитается (да и он, Халвет-ших, в немалом же почтении состоит), возымел подозрение, что они его со временем превозмогут, и якобы при свидании оного Халвет-шиха соглашенось, чтоб на киргиз-кайсаков напасть с одной стороны российским войскам, а с другой им, каракалпакам, и так их со всех сторон стеснить и разорить, что он, хан, и в народ разглашал.

В том бешенстве будучи, Абулхаир-хан отправленную к каракалпакам грамоту, распечатав своевольно, читал, и оных у двора бывших посланцев, не сказав капитану Гладышеву, обоих отослал, и по причине усильно требованной от него тогда перемены сыну его, Ходже-Ахмет-салтану (кой в аманатах содержался), столь сумасбродно поступал, что он, Гладышев, принужден был, не быв в каракалпаках, возвратиться в Оренбург, из-за чего сей народ оным ханом и киргиз-кайсакам еще утесняем и разоряем был, и в такое бедное состояние приведен, что после того в Оренбург почти никто уже от них не езживал. А как слышно, что опасаются киргизцев, и кочует их в тех местах, где прежде кочевали, весьма мало, а подвинулись больше к верхним каракалпакам, которые, как выше упомянуто, их же киргизцев боясь, поддались в протекцию зюнгорского владельца, ибо, как те, так и другие, довольно знают, что киргиз-кайсацкие ханы и народ давно старались и всегда стараются, чтоб им всеми их местами совершенно завладеть, для своего убежища на такие случаи, когда им случится опасность от России.

Что до древнего состояния сего народа принадлежит, то в татарских книгах пишут об них, якобы по разорении татарским царем Миртамуром города их Болгора, пошли они в старый Урганич, или в Хиву, и, остановясь на устье Сыр-Дарьи, усмотрели тут способные места, на которых и расположились. Живучи ж тут, от солнечного жару, а особливо якобы сожалея о прежних своих весьма привольных местах, как муженск, так и женск пол, носили на головах своих каракалпаки, то есть черные шляпы, от чего и звание свое получили. Вышеозначенные ж присланные от них посланцы в Оренбург при приеме их в речи своей объявили и после при разных случаях повторяли, да и помянутый Мурат-шиха (почитаемого у них святым, а притом и ученым человеком) сын Халвет-ших сказывал, что все они издревле бывали подданными России и живали на нагорной стороне Волги реки, между Астраханско-

го и Казанского царств, откуда вышли они от того времени назад с двести семьдесят лет по причине, что тогда на оные оба царства наступали российские войска, при которых обстоятельствах были они весьма утесняемы и разоряемы, от чего удаляясь, перешли сперва на Бухарскую сторону, а потом, дошед до Аральского моря, около оного и близ старинного и впусте на устье Сыр-Дарьи имевшагося города Джанкента (коего остатки поныне тут видимы, и Абулхаир-хан о возобновлении оного просил) и по реке Куван-Дарье расположились.

Достойны ль вероятия вышеозначенные сказания, сие оставляется другим на рассмотрение. Но оба оные обстоятельства легко можно согласить с тем, что Василий Никитич Татищев объявил в 26 главе российской своей истории, а именно: в бытность его в Астрахани достаточно ученый бухарец сказывал ему из древней истории, яко тамошние, то есть астраханские, народы от Волги до гор и по Дону все именовались кипчак, которых татары завоевав, многую часть за Аральское море перевели, и одни кара-кипчак, в различие от других, издавна там бывших, именованы. Тут же он и сие приводит, якобы и бухарцы о себе сказывают, что они от Волги за Аральское море переведены. Но что мне по разведыванию в Оренбурге о начале бухарцев известно, сие описано в сочиненном мною о татарских народах кратком известии, которое с вышеозначенным объявлением едва можно согласить, но в том при сем и потребности нет.

Впрочем, все каракалпаки как законом, так и языком с киргизцами и с другими тамошними народами не рознятся, токмо что в магометанстве ученых и грамотных людей у них больше, следственно, и закон магометанский знают и содержат они тверже, нежели киргизцы. Потому между ими немалое число находится ходжей, которых магометане за отродие и учеников магометовых почитают. Пропитание свое имеют они наипаче от хлебопашества. Лошадей у них недостаточно; напротив того, рогатого скота имеют много, который они у себя продают, и в окрестные тамошние места, а паче в Хиву, для продажи гоняют. Киргизцы покупают у них порох, свинец и ружья, что все они сами делают, для защищения себя от киргиз-кайсаков. Имеют они земляные городки, в которых они от их набегов спасаются, а зимою уходят в камыши около Аральского моря. Но со всем тем, будучи они народ невоенный и покой любящий, как выше означено, претерпевают частые от них разорения, а паче ныне от них изнурены, и уже не одна тысяча из них от частых и несносных киргиз-кайсацких нападений, не имея себе другого убежища, сами из своих мест вышли на житье в киргиз-кайсацкие улусы, прося, чтоб они к ним были приобщены. Но и

затем при приходе в киргизцы, а иные еще на пути, киргизскими владельцами и знатными старшинами по рукам разобраны; и хотя живут у них особыми кибитками, но принуждены всякие их неистовства сносить. Со здешней же стороны та им отрада, что выбегающие из оной неволи по силе вышеозначенного 1752 года 16 марта указа, яко подданные приемлются и отсылаются на житье в Уфимскую провинцию. Однако поныне вышло их оттоль еще самое малое число, может быть, впредь, более будут выбегать.

VIII и IX. О мордве и черемисах общественно

По описаниям Василия Никитича Татищева в «Российской истории» оба оные народа по древнему их состоянию за один и за остатки древних сармат признаются с объявлением сего, что мордва издревле именовалась меря[257], а сами ж себя доныне называют моря. Имя ж черемис произошло от того, что оное на их языке значит восточного, или к востоку живущего человека, которым именем живущие от них к востоку черемисы именованы. О мордве особливо изъявляет он, что древнее их поселение (чаятельно, до прихода славян) бывало около Ростова, Галича и Костромы, до устья Оки и за Оку, где ныне Нижегородская, Арзамасская и Шацкая провинции, так пространно, что едва не вся Белая Русь ими наполнялась. Но по расписанию древних народов, от него ж сочиненному, описаны они тако: «Мордва народ сарматский, идолопоклонники, живут в Пензенской и Алаторской провинциях, но есть и в Арзамасской провинции. Они, быв долгое время под властию татар, язык свой со оным весьма помешали, и ныне находится их несколько в Казанском, Уфимском и других уездах; саж ж себя называют «морди». О черемисах же в особливости объявляет он в помянутом описании следующее: «Черемисы народ сарматский, идолопоклонники, возрастные и мужественные; они, как видимо, издавна между Волги и Дона живали, где многие древних сарматов точное жилище описывают». Потом мнит, что они русским под именем печенегов, да и после того, многие противности чинили, но от царя Иоанна Васильевича покорены, однако ж и потом от них в разные времена многие пакости и бунты были. Они хотя грамоты не имеют, но по преданиям сказывают, что по нашествии татар перешли в леса за Волгу, и тем разделились надвое, почему русские одних называли луговыми, а оставшихся на правой стороне нагорными. Сами же себя зовут мори, единственно ж морь. Карпеин кладет мордву ближе всех к России и объявляет, что Батый, в лето 1247, побив

венгров и возвращаясь оттуда, прошел землю мордванскую, и сей народ языческий победил, отсюда ж пошел против билеров, разумея великую Булгарию, и там все выжег и высек.

С вышеписанным Василия Никитича Татищева показанием в рассуждении черемис согласуется несколько «Казанская история», в которой кратко упоминаются черемисы ростовские, и объявляется, что они бежали за Каму, в Малый Болгорец (кой в той «Истории» разумеется между Волги и Белой Воложки, то есть Белой-реки, до великой орды нагайской), не хотя принять святого крещения (может быть, было то во время Владимирово), и платили дань российским государям и Батыю, царю болгарскому. А из описания Вятской страны видно, что около 6689 (1181) года вверх по реке Вятке были черемисские жилища, да и город, именем Кашкаров, под властию черемис упоминается. Наконец, по многим бывшим от черемис вятчанам в поселении их препятствиям упоминается, что черемисы луговые ушли лесом на Пижму-реку[258]. И хотя ныне черемис в Вятской провинции, как слышно, нет, однако ж разных урочищ имеющиеся там звания свидетельствуют, что они в сей провинции в старину живали.

Напротив того, в российских летописцах находятся такие обстоятельства, которые с тем его превосходительства мнением едва можно ль соглашать, а именно. Народ меря хотя и упоминается над Ростовским и Клещинским озерами, но тут же мордва и черемисы особливо означены с показанием сего, что все оные народы от славянского особые языки имели и дань давали русским. О помянутом же народе меря особливо пишется, что они в лето 6415 (907) с Олегом между прочих народов на греков ходили, а потом объявляется, что в лето 6889 (1381) один мордовский князь привел рать от Мамаевой орды, и на реке Пьяной[259] (коя находится в Арзамасском и Алаторском уездах) нечаянно и с тылу напал на войска великого князя Димитрия Константиновича Суздальского[260], при которых был сын его, князь Иван, и многое число людей побил и потопил. Причем и помянутого великого князя сын, князь Иван Димитриевич, в реке Пьяной утонул, и Новгород Нижний от того мордовского князя был пограблен, а великий князь Димитрий принужден был уйти в Суздаль.

Татары поныне еще мордву именуют мокша[261]. Мокши ж, или мокшане, по мнению Василия Никитича Татищева, в 22 главе Российской его истории, были сарматы, кои у древних мосхи, моши и максобии именованы были, и якобы река Москва, где они во время Птолемеево жили, от них или они от нее, имя свое взяли, или названы по реке Мокше, где, тако ж и по Суре[262], их доныне немалая часть жительствует.

Впрочем, объявляет он, что язык их с мордвою не разнится, который они с русским и татарским смешали. А принявшие христианство, оставя свой, русский употребляют, так что от русских и различить их нельзя. А в 21 главе той же «Истории» называет мокшан мордии, изъявляя, что они ныне живут в Нижегородской и Шацкой провинциях.

В Оренбургской губернии из мордвы в Ставропольском уезде около реки Черемшана, по последней генеральной ревизии, между государственными крестьянами, кроме крещеных, положено в подушный оклад восемьсот восемьдесят одна душа, да в Исетской провинции четыреста дворов, а черемис в Уфимской провинции находится около тысячи дворов. И хотя по канцелярским делам все они признаются за сходцев в Башкирь из других уездов, а именно черемисы из Казанского, Чебоксарского и из Курмышского, а мордва более из Курмышского уездов, но, может быть, между ими несколько есть и из тех, о коих в «Казанской истории» упоминается, ибо сами они, за неимением у себя грамоты, ничего про то не знают.

Они по нынешнему их состоянию в языках между собою почти никакого сходства не имеют, да и обычаи их в платье и в домашнем поведении разные. В том токмо согласуют, что оба сии народа Николая Чудотворца почитают, и у мордвы образ его во всяком почти доме поставляется, да и свечи, тако ж и воск, в церкви дают, с тем, чтоб пред образом его были поставлены. Сколько ж ведомо, то у черемис главная их молитва в сих токмо кратких словах состоит: «мом серляга манеж», то есть «Господи помилуй». Жертву приносят они в называемых у них кереметях, которые ничто иное, как загороженные пряслами березовые и другие кустья, где они, раскладывая огонь, режут лошадей и, варя, едят, употребляя вышеозначенную молитву, а кожи с головою и с ногами в тех своих кереметях, или огородках, развешивают на деревьях. Черемисы ж сами себя называют маре[263] (что с именем мор или мори сходствует). Напротив же того, мордва именует себя мокши, которым именем, как выше упомянуто, и татары их называют. Некоторые ж из них есть, кои называются эрзя, и в языке с мокшами несколько имеют разности[264]. Закона они так же, как и черемисы, никакого не имеют, однако ж бога исповедуют, коего они именуют Шкай[265], хотя о существе его ничего не знают. Главная молитва их в сих словах состоит: «трякшкай боас, тряктон вактон», то есть: «даждь, Боже, пропитание всему миру». Николаю ж Чудотворцу молятся сими словами: «тряктон вактон», потом прилагают сии слова: «Николай Милостивый» и просят, кому что надобно, например, здоровья, скота, лошадей, овец, свиней, пчел и прочее.

Впрочем, мордва и черемисы, в Уфимской и Исетской провинциях находящиеся, по нынешнюю генеральную ревизию платили все куничный и денежный ясак, а именно: за куницу по сорока копеек, подымных по четыре копейки, да на откуп полонянников, который сбор по старине назывался ямским, по пяти копеек, всего по сорока девяти копеек с двора, сколько б во дворе душ ни было. Но с бедных сбиралось вместо сорока по двадцать и по пятнадцати копеек с двора, да сверх того подымные и ямские. За земли и угодья платили они башкирцам оброки (ибо собственых не имели), но по последней генеральной ревизии с 1747 года положены они в ясак с каждой души по восьмидесяти копеек и состоят общественно в числе тептярей и бобылей, с которыми они и в Оренбург для казенных работ наряжаются. За земли ж, на которых они живут и за угодья башкирцам никаких оброков ныне не платят, да и за подводы, которые у них по подорожным берутся, велено давать им прогоны по плакату, вместо того, что у башкирцев оные по прежним обыкновениям берутся безденежно.

X. О вотяках

Разные писатели мнят, что вотяки с сибирскими остяками, тако ж с пермяками и чухонцами, одного отродия[266], и якобы до пришествия славян издревле живали они по реке Неве, меж Ладожского озера и реки Наровы[267], отчего оная страна поднесь Вотская зовется. Василий Никитич Татищев в 21 и 22 главе «Российской истории», объявя вышеписанное, причитает их к сарматам и мнит, что сие их имя дано им от славян, которые, яко пришельцы, назвали их вотами, то есть тутошними, в различие от себя. В оренбургские и в сибирские места вселились они от утеснения, или паче от крещения, и то имя вотяки с собою принесли, и якобы по преданиям сказывают о себе, что они от Финляндии перешли. Сами ж себя именуют они ари[268], что значит крайние, или дальние, чего ради он и народ аринцы, в вершинах реки Оби живущий, признает точно одного с ними роду. Но в расписании древних народов он же объявил, что воты живали, где ныне Ингерманландия[269], которую сторону новогородцы оттого Вотскою Пятиною именуют, да тут же означивает он собственное их сказание чрез предание предков их, что жили они издавна в водной земле, чем разумеет он либо страну около Белого моря, или около Ладоги, и якобы там их вотами именовали, приобща к тому и сие, что финны свою землю зовут Сувома, то есть водная страна, что все кажется не безвероятно и по сему, что вотякский язык с финским

имеет во многом сходство, как то знающие сей язык довольно примечают[270]. Но по тутошнему сведению ар, или ари, называют их татары, а сами себя именуют они морди[271].

Настоящие вотякские жительства в Вятской провинции вверх по Каме, а больше в Слободском уезде, по Цепце-реке[272] и по впадающим в нее Легме, Ободе, Сипаче, Кепе, Лозе, Ките[273] и по другим речкам, так что длиною простираются они верст ста на три, а в ширину верст на сто, где их по бывшей генеральной ревизии, как слышно, до пятнадцати тысяч душ нашлось, которые уже почти все без остатка крещение приняли. Но еще более их в Казанском уезде по Арской дороге (может быть, что сторона, или дорога сия, яко же и Арское поле, а чаятельно и пригород Арск от сего народа у татар Ар, или Ари, именуемого, звания свои имеют), а именно: по рекам Кельмезе, Вале[274], Нелге и по впадающим в Вятку-реку речкам, где их жительства распространяются по длине верст на триста, а по ширине ста на полтора, и, как сказывают, около тридцати тысяч душ их в оном уезде есть, и уже близ половины из них крестилось. В Оренбургской же губернии, а именно в Уфимский уезд, на башкирских землях поселились и платили башкирцам оброки, а в казну ясак, так как выше сего о черемисах объявлено. Но в 1747 году положены они обще ж с ними в тептярский ясак по восьмидесяти копеек с души, и состоят как они, так и черемисы и чуваши, в числе тептярей и бобылей во всем равенственно. Закона никакого у них нет, но Бога исповедуют и призывают. В суевериях же во многом равны они с чувашами и приносят жертву, режут лошадей, коров и овец, но в поминании мертвых и в одежде имеют они от чуваш особливость, а именно: на поминках варят кашу, пекут блины, и в избах своих, положа оное на столе в чашках, ставят и зажигают вокруг каши вощаных по шести свеч, призывают по своей вере в помощь Бога, употребляя сии слова: «оста козма», причем некоторые и плачут. А как те свечи сгорят, то они блины, накладенные на каше и на столе, бросают собакам, и по сгорении свеч ту кашу и оставшиеся на столе блины все собакам разбрасывают, после того для себя уже другую пищу припасают и едят. Платье на себе носят мужеск пол суконные кафтаны простые сермяжные и холщевые так, как чуваши, токмо назади нашивают воротники, подобно тому, как у раскольников. А женск пол на головах носят сделанную наподобие рогов бересту и накрывают сверху платками, вышитыми шелком и мишурой, а которые побогатее, те и золотом; иные на лбу нанизывают серебряные и оловянныя деньги, что по их называется иника и ашкун. Немногие из них имеют по две жены, а больше держат по одной.

XI. О чувашах

Сей народ в общественном рассуждении по древности также принадлежит к сарматам. Василий Никитич Татищев в 22 главе Российской своей истории почитает их болгарским народом, кой назывался чолматы и живали вниз по Каме-реке, изъявляя, что они реку Каму именуют Чолма, а татары Чолман-Идель; сами ж себя называют они также чуваш. Наибольшее их людство имеется ныне в Казанской губернии, а паче в Свияжском и в Симбирском уездах. Однако и в Оренбургской губернии, а именно, в Башкирии, Уфимской провинции, находится их дворов до пятисот, куда они, как по делам ведомо, пришли большею частию из Казанского, Курмышского и Чебоксарского уездов и называются от уфимцев горными татарами, но язык их не только от татарского, но и от прочих вышеписанных народов разнствует. Закона никакого они не имеют, однако Бога исповедуют и называют его Тор[275] и в жертву приносят ему лошадей, коров и овец, коих режут и, сваря мясо, едят с призыванием его в помощь. Молитва ж их наиболее в сих двух словах состоит: «тор серлаг», то есть «Боже спаси» или «помилуй». Вместо попов имеются у них ворожеи из мужиков и из баб, которые ворожат и прорицают чрез бобы. Некоторые из них, и то немногие, имеют по две и по три жены, а больше держат по одной. Жены у них такое ж платье носят, какое у татар. Впрочем все оные, в Уфимской провинции находящиеся, чуваши состоят в числе тептярей и бобылей и платят ясак о каждой души по восьмидесяти копеек, да сверх того повсегодно наряжается из них с шести, а иногда и с пяти дворов в Оренбург для казенных работ по человеку. До положения ж их в оный восьмигривенный ясак жили они в Башкирии все на таком же основании, как выше сего о вотяках и черемисах показано. Сверх оных, в Башкирии Уфимской провинции находящихся, чуваш Оренбургской губернии имеется их в Ставропольском ведомстве по последней генеральной ревизии в подушный оклад положенных две тысячи шестьсот восемьдесят шесть душ, в том числе сто тридцать семь приписных к Казанскому адмиралтейству, кои называются лашманами. Из живущих же в Казанской губернии, как известно, немалая уже часть крещение приняла.

XII. О новопришедших и в Оренбургской губернии поселившихся азиятских народах

По привилегии, пожалованной городу Оренбургу, за собственноручным подписанием блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны июля 7 числа 1734 года, первым пунктом позволено всем и

всякого народа российским (кроме беглых из службы и людей и крестьян в подушный оклад положенных) купечеству, мастеровым и разночинцам, также иностранных европейских государств иноземцам, купцам и художникам, и тутошним башкирскому народу, и живущим с ними новоподданным киргизским и каракалпацким народам, из азиятских стран приезжим грекам, армянам, индейцам[276], персиянам, бухарцам, хивинцам, ташкентцам и иным всякого звания и веры, в город Оренбург приходить, селиться, жить, торговать, и всяким ремеслом промышлять, и паки на прежние свои жилища отходить свободно и невозбранно, без всякой опасности и удержения. По третьему ж пункту оной привилегии повелено установить и иметь суд каждого народа по указам, сколько возможно, согласуясь с их обычаями и правами, и для того о судах оных народов и справедливостях, по которым правые удовольствие имеют, а винные штрафуются, повелено, сколько возможно, на российском и их языках описать, дабы всяк знал на своем языке, почему он оправлен или обвинен. А по первому на десять пункту всемилостивейше соизволено и сие, чтоб в сем новом городе европейским иноземцам и азиятским народам иметь свободное содержание их вер и духовных персон и строение по своим законам церквей, с подтверждением притом, чтоб содержали себя в настоящем порядке, не примещиваясь к тому, от чего б могло быть предосуждение христианской церкви и государственным правам и уставам. И хотя в силу оной городу Оренбургу пожалованной привилегии по сие время из тех азиятских народов еще самое малое число поселиться там пожелали, а именно, по определениям Оренбургской губернской канцелярии поселены обще с оренбургскими торговыми татарами в подгородной Сеитовой слободе, по Сакмаре реке, от Оренбурга в восемнадцати верстах: из хивинцев восемь, кашкарцев три, ташкенец один, бухарец один, из жителей города Балха один, итого четырнадцать человек, кои все при приеме их и присягою обязаны, и оженившись в оной слободе живут ныне домами. Но можно надеяться, что со временем не только оных, но и других тамошних народов число знатно умножится, а паче, когда к дальнейшему распространению оренбургской коммерции по предвосприятым намерениям в тамошних и в дальних азиатских странах оренбургских командиров надлежащие к пользе его императорского величества высочайших интересов страны с добропорядочными поступками оскудевать не будут. Сверх оных, по собственному желанию при Оренбурге поселившихся, еще есть выбежавшие из киргиз-кайсацкого плена разных наций народы, а именно: персиян сто шесть, аравитян семнадцать, турок пятнадцать, армян четверо, каракалпак двадцать один, бухарцев семь, хивинцев четыре,

кубанцев четыре, узбеков пять, бадакшанец один, талыжского народу четыре, афганцев два и других наций, всего поныне двести двенадцать человек, кои по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии до 1752 года приняты и отосланы на житье в Башкирь. Из них же восприяли святое крещение шестьдесят восемь человек, в том числе персиян сорок пять, аравитян двенадцать, бухарцев три, каракалпак два, которые по определению Оренбургской канцелярии селятся на назначенных им местах в Уфимской провинции, около Нагайбакской крепости, между тамошними новокрещенными. А хотя по указу из Государственной коллегии иностранных дел от 16 марта 1752 года и повелено выбегающих из киргиз-кайсацкого полону таких народов, кои не подданные российские (кроме одних турок), никого не принимать, но отдавать обратно киргиз-кайсакам во удовольствие их, оставляя токмо тех, кои пожелают, восприять святое крещение, что и наблюдается. Однако ныне из таких выбегающих большая часть уже с тем приходят, чтоб им принять крещение, которого они и сподобляются, и, по надлежащем в силу указов снабдении, туда ж на житье отсылаются; и чаятельно, что они от времени до времени всегда будут приходить и умножаться, чего не только всегда желать, но о том по крайней возможности и стараться христианская должность от нас требует.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сокращенное описание местоположения всей Оренбургской губернии, о поверхностях и внутренней земли

Из учиненной генеральной Оренбургской губернии ландкарты видимо есть, что оная губерния по вышеозначенной окружности пределами своими, включая тут и киргиз-кайсаков, и нижних каракалпак с частью Аральского моря, собственным своим местоположением занимает по ширине в большом месте более 12 градусов, а именно: от 44 до 56 1/2 градуса, а по длине от Ставрополя на 20 градусов, главный же той губернии город Оренбург находится между тем по ширине 51 градуса 51 минуты. А понеже оный город, по силе пожалованной ему привилегии, как выше упомянуто, в рассуждении коммерции должен быть пристанищем и портом столь многим азиатским народам, и по особливому его положению не токмо для хивинской и бухарской коммерции, которая год от году умножается, но и для дальнейших тамошних стран из всех великороссийских городов со внешней стороны есть самый способнейший, и можно надеяться, что с разными азиатскими народами хотя еще и недавно начавшаяся в нем коммерция со временем гораздо далее распространится; а может быть когда-нибудь и из самого Индостана, то есть из Восточной Индии, сюда или отсель туда способный и безопасный путь отворится; а особливо когда к такому полезному делу российские капитальные купцы возохотятся и надлежащие средства с потребною предосторожностию употребятся; яко уже и ныне у приезжающих в Оренбург азиатских купцов индийские товары и тамошние дорогие каменья в нарочитом числе являются. Того ради при сочинении оной генеральной ландкарты и сие за потребное признано, означить на ней и все те места, которые в рассуждении той коммерции знать и уважать надобно, и тако для внесения оных мест та генеральная ландкарта заложена на таком пространстве, которое по ширине с 34-го по 57, и потому чрез 24 градуса продолжается, а по длине, начав от Став-

рополя, 30 градусов сочиняет. К лучшему ж тех дальнейших мест познанию впредь не невозможно и оные по примеру смежных описать, и к сей же «Топографии» приобщить, что, ежели время допустит, по окончании второй части имеет быть и сочинено, яко к тому потребных известий собрать не трудно, а несколько и собранных уже находится.

Со здешней же стороны, то есть к внутренним российским местам, в особом рассуждении города Оренбурга надлежит знать, что расстояние оного от Санкт-Петербурга, чрез Москву и Казань, сочиняет тысяча девятьсот девяносто, а от Москвы будет тысяча двести пятьдесят шесть, от Казани ж пятьсот двадцать одна верста. Что ж до водяного сообщения надлежит, то хотя оное к обоим вышепомянутым государственным резиденциям, яко же и ко всем по Волге (и по впадающим в нее большим рекам) лежащим городам, не невозможно есть, а именно от самого Оренбурга вниз по реке Яику до крепости, называемой Татищева пристань, верст со сто с небольшим (а сухим путем шестьдесят четыре версты), свободный ход, а от оной чрез Уральский Сырт токмо восемнадцать верст переезду до Переволоцкой крепости, построенной в вершинах реки Самары, которая под городом Самарою пала в Волгу, а по Волге и по впадающим в нее рекам во все вышеписанные места путь уже известный, но понеже в летних месяцах в Самаре-реке на многих местах, а особливо выше Сорочинской крепости, воды не бывает довольно, к тому ж на строение судов и лодок годного лесу там нет: для того хотя оное водяное сообщение напред сего в рассуждениях и уважалось, но покинуто, и ныне не употребляется. Есть еще и другой к тому способ, употребя от Оренбурга сухой путь до урочища Бугулчана[277] (от Оренбурга верст с полтораста), на берегу Белой реки имеющегося, отколь оною рекою мимо города Уфы может быть свободный ход в Каму, которая ниже Казани верст с шестьдесят пала в Волгу ж, но за великою окружностию оных рек и сей способ поныне не в употреблении есть, да и нужды в том дальней нет. Ибо для торгующих в Оренбурге российских купцов есть две весьма способные дороги: одна, чрез Казань и Кичуйский фельдшанец нарочно проложенная и населенная немалыми деревнями, называется Большая Московская, потому что московская почта по оной чрез Казань отправляется, да и купцы московские с их товарами большею частию по сей же дороге ездят. Вторая, Самарская, – чрез город Самару и чрез новые крепости, по реке Самаре построенные. Напротив того, по реке Яику, с Верхояицкой крепости наперед сего до самого Оренбурга прихаживало судов по сто и более с казенным провиантом, но понеже и около помянутой крепости, где оные суда строятся, лесов становится уже не много, при сплавке ж провианта

до Оренбурга чинились разные затруднения и убытки, а между тем подряды провиантские в самом Оренбурге стали быть ниже табельных цен: то и оную поставку в Оренбург для убережения лесов и казенной пользы оставить рассуждено; а ставится оный провиант (собираемый в Исетской провинции с государственных крестьян) в верхние только крепости, в которые к подряду охотников нет, или, являясь, требуют надмерную цену; от Оренбурга ж по Яику вниз, не только в Яицкий казачий город, но и в самый Гурьев, имеющийся на устье оной реки, где она в Каспийское море впала, в полую воду немалые суда могут проходить. Но за тем, что таких судов за неимением годного лесу сделать и иметь там невозможно, сей способ ненадежен, да и нужды в том по нынешнему состоянию не предвидится, разве для одного Каспийского моря, где ежели б со временем для распространения коммерции вознадобилось российскому порту быть в Гурьеве или на устье Эмбы-реки, то в таком случае потребные суда и припасы могут способно получаемы быть чрез Астрахань.

Из вышеписанного всей Оренбургской губернии, а особливо города Оренбурга, местоположение с удобностию и с способами оного как для внешнего, так и внутреннего сообщения, явствует. Теперь следует описать по возможности то, что в помянутой губернии поверхность и внутренность земли имеет и производит; но понеже всего того обстоятельное описание требует достаточного знания в физике и в вещах натуральных, и ежели все оное подробно описать, то одно сие может сочинить особую и немалую книгу; того ради оставляя оное искусным в физике, при сем то одно для сведения сообщается, что Оренбургская губерния против прочих имеет особливо знатное и примечания достойное, а что против других мест равенственно, сие все для сокращения будет оставлено.

На всей поверхности земной выше всего и повсюду распространется воздух, который, яко материя самая тонкая и проницательная всю нашу атмосферу наполняет, и к содержанию жизни нашей и всех тварей за самую нужнейшую вещь почитается, как то англичанин Дергам[278] в «Физикотеологии» своей достаточно описал и многими экспериментами доказал. А понеже при всегдашних переменах оного в нас самих и в натуре всех вещей разные действа происходят, из коих тепло и стужа, следственно, и дожди, снега, ветры и громы всем известнее и чувствительнее: того ради по предвосприятому плану, означив Оренбургской губернии ситуацию между натуральных ее обстоятельств, на земной поверхности имеющихся, во-первых, воздух с вышепомянутыми его переменами по состоянии оной губернии просто и кратко описать не неприлично.

Легко понять, что по всей Оренбургской губернии, и в такой обширности, которая, как выше означено, по ширине с собственно принадлежащими к ней местами более 12 градусов занимает, долженствуют быть разные климаты. Но понеже от Оренбурга по западную сторону Уральских гор имеются по большей части тучные и хлебородные земли и лесные места, а по восточную сторону оных гор, яко же и в киргиз-кайсаках, имеются степи, на которых множество текущих вод и преизрядных трав, а болотных, тиноватых и топких мест так мало, что в рассуждении добрых ни за что почитать их не надобно, то почти во всех городах и жительствах оной губернии воздух натурально здоровый и благорастворенный, исключая разве один Гурьев городок, на устье Яикареки имеющийся, где, как сказывают, от морского наводнения не только весною, но и летом случается мокрота и грязи, воздух огущающие, но и там благостию Божиею не только цынготной, но и никаких особливых болезней, больше от худого воздуха бываемых, не случается. А хотя при самом начале Оренбурга оная цынготная болезнь, появившись тут, из бывших в работе солдат так было многих заразила, что в 1743 г. (когда сей город на нынешнем месте заложен был) в тутошнем госпитале около шестисот человек в той болезни находилось. Но сие более произошло от того, что все люди с начала весны утруждены были многими лесными и другими работами, а при всем том по новости места, за неимением казарм, принуждены были жить в землянках и шалашах, в которых от внешних мокрот осушить и огревать себя было им негде. Однако ж и тогда чрез милость Божескую много урону не было, а как скоро потребное число домов построено, и все работные люди в теплые покои введены были, то оная болезнь, еще и тогда умалилась, а ныне и совершенно пресеклась.

В рассуждении ж тепла и стужи надлежит знать, что Оренбургская губерния в том против прочих российских стран имеет немалые особливости, а именно: в самые летние месяцы, то есть в июне, июле и августе, по обеим сторонах Уральских гор, около Оренбурга и Орской крепости, кои из всех прочих к полудню ближе, такие великие жары случаются, что босою ногою на песок и ни на какой твердый корпус ступить, и железо, ежели оно на солнце несколько часов лежало, в руках удержать невозможно, и теплота чрез всю иногда ночь продолжается. Но ежели в то ж самое время случится ветер с севера, от стороны Уральских гор, где в некоторых местах снег никогда не сходит, то оный великий жар того ж дня в стужу претворяется. Бывает, что в летние месяцы снег в воздухе оказывается, и такой иней ложится, от чего огородные овощи позябают. А в 1735 году, когда статский советник Кирилов тот

Оренбург, что ныне Орская крепость, заложил, после бывших немалых жаров в последних числах августа, в той самой крепости стужа наступила, а с 7 числа сентября великий снег пошел, и зима началась, от чего отправленная от него, Кирилова, из Оренбурга при полковнике Тевкелеве в сибирские слободы команда самые крайние нужды претерпела, да и он, Кирилов, до Уфы с командою своею не без великого затруднения дошел.

Что до дождей надлежит, то по северо-западную сторону Уральские гор везде оных не оскудевает, и как там почти во всех местах земли тучные и хлебородные, потому из всяких жит родится там с избытком, выключая токмо Башкирию, где хотя также земли самые лучшие и к хлебопашеству способные, но башкирский народ к пашне не склонен. А хотя некоторые из них и сеют, но токмо про свою нужду и то самое малое число. Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодьев. По другую же сторону Уральских гор, а паче близ Оренбурга и около линейных крепостей, дождливые дни хотя и случаются, но изредка, а больше бывают дни теплые и сухие, отчего всякий хлеб родится против внутренних и по сю сторону Урала лежащих мест гораздо с уменьшением, да и земля там такой тучности не имеет, зачем при некоторых крепостях и севу никакого не бывает. Однако ж около Оренбурга года по три дождь более прежних лет перепадает, и хлеб оттого, особливо ж яровой, родится нарочито.

Снега около Уральских гор, а особливо в Уфимской и Исетской провинциях, бывают глубокие, так что в некоторых местах случаются иногда глубины аршина в три и больше, но близ Оренбурга и около линейных крепостей, что ближе к Яику и далее в Киргиз-кайсацкую степь, то меньше, а в Гурьеве, к Каспийскому морю и около Аральского моря, хотя оные и бывают, но в сравнении против оренбургских весьма уже мелкие. Они исходят в последних числах февраля и в первых марта, чего ради и киргиз-кайсаки зимовыми своими кочевьями большею частию около тамошних мест и параллельно с оными располагаются.

Ветры, по рассуждению физиков, признаются за такой воздух, который происходящими из земли и из воды парами будучи приведен в движение, наподобие реки течет, или волнуется, а понеже в оренбургских местах для многих гор и минералов как из земли, так и из воды происходят многие пары и воскурения, от коих воздух, лишаясь своего равновесия, производить частые ветры, то по состоянию тамошних безлесных и степных мест нередко так сильны случаются, что едва на ногах можно устоять, и не по одни сутки продолжаются. Особливо ж зимою, в декабре и январе месяцах, бури, по тамошнему названию бу-

раны[279], бывают со снегом, и при самом жестоком морозе, что оттого многие люди замерзают и пропадают, которые тем паче опаснее, что иногда при весьма тихой и умеренной погоде в один час такая туча или буран наступит, и такой штурм причинит, что при сильном снеге сверху и лежащий на земле несет, и оным весь воздух столько сгустит, что в трех саженях ничего видеть невозможно. Кроме оных бурь и зимних буранов, еще случаются в самые ясные дни вихри, или круговые ветры, от которых людям хотя никакой опасности нет, но достойны примечания и удивления, потому что вдруг завертит пыль или сор подобно и с такою ж скоростью, как мелет жерновой камень, и ту пыль, поднимая кверху, несет столбом, и что дале, то более окружности делает, забирая все легкие вещи вверх, притом бывает нередко, что и крыши с домов срывает. И таким образом идет по линии сажен на сто и более, а в вышину сочиняет от двадцати до тридцати сажен. Бывает же иногда таких вихрей не по одному, но вдруг по нескольку на разных местах, и от самой земли наподобие высоких столбов видимы, которые тем паче удивительны, что между ими ветра никакого нет, и почти до самого того места, где такой вихрь несет, подойти свободно.

Громы в летние времена хотя и бывают немалые, от коих в некоторых жительствах и зажжение случалось, и людей и скот убивало, но понеже при том никаких особливостей не примечено, того ради об оных, яко же и о прочих воздушных приключениях, для сокращения здесь не упоминается.

Впрочем, из генеральной Оренбургской губернии ландкарты видимо, что к пределам оной губернии два моря прилегли, а именно: небольшая часть Каспийского, и одна сторона Аральского, из которых каждое к лучшему изъяснению требует здесь краткого описания.

Море Каспийское древние греки называли Гирканским; русские ж именовали его Хвалынским и Хвалисским от народа хвалиссов, при устье Волги реки жившего; татары зовут Ак-Дингис, то есть белое море; грузинцы Курченским, а персияне Гурзем от древней персидской столицы Гурган, который город бывал в Астрабатской провинции[280] от моря верстах в семи, отчего и греческое имя ирканское, то есть персидское, произошло. Ибо персидские шахи не пишут Персидское, но Ирканское государство. Древние историки, по сказаниям, с севера, с запада и юга многих и великих рек течение в него признавали, а восточной стороны не зная, мнили ему быть совокупно с Северным, или Ледовитым морем, как то из Иродота[281] и Плиния видно, а другие мнили ему быть совокупно с Черным морем. Птолемей хотя оное вокруг описал, но, не зная из него прохода, подле западной стороны положил свирла, или

пучины, яко бы чрез оные в Черное море проход имеет. Плиний же весьма смутно иногда совокупляет оное с Азовским, иногда с Северным, иногда видится с Восточным. Новые же, уведав, что того нет, прилежали смету делать, колико в оное воды всеми реками приходит, и сколько воскурением восходит*, но оное более за хитрость и остроумие, нежели за истину, принять можно. Блаженной и вечной славы достойные памяти государь император Петр Великий[282] в 1719 году, послав искусных мореплавателей, повелел оное описать, которые три или четыре раза поверяя, достаточные карты сделали и нашли, что оное от севера к югу около тысячи, а поперек в широком месте не более четырехсот верст простирается; у него ж на восточной стороне нашли залив, Карабугас[283] именуемый, который в 1725 году совершенно описан. В оный непрестанно нарочитое из моря течение бывает сквозь проток, которого около пяти верст, а весь залив верст более шестидесяти или восьмидесяти и почитай кругл. На средину оного от берегов никак ехать невозможно для сильного в нем течения, из чего достаточно признается, что оный залив подземною пучиною в Восточное, или Северное море происходит, и столько, что никогда и от полой в реках воды никакой прибыли в море не видно, и, может, из Аральского моря в оный же залив под землею проток присовокупляется. Что же до рек, впадающих в сие море, принадлежит, то как Птолемей, так Плиний и другие, много таких рек положили, которых нет. Особливо с восточной стороны Яксарт и другая Оксус[284] с прочими не находятся. И никакой реки с восточной стороны от Эмбы, которая близ Яика, и до реки Юрган при Астрабате нет, и для того никакой народ, кроме обитание имеющего в горах, там не жительствует. Известные ж реки, текущие в него, суть следующие: Эмба, Яик, Волга, Бузан[285], Балда, Чурка, Кума, Терек, Сулак[286], Аграхань, Кура, Арас[287] и прочие. Есть еще другое обстоятельство сего моря, что в нем вода чрез тридцать или тридцать пять лет прибывает и чрез столько ж убывает. Некоторые сказывают, что той прибыли в море сажен на пять или на шесть будет, то есть около сорока футов английских. В 1715 году, как все уверяют, стало прибывать, и в 1742 году была самая высокая вода, а в 1743 нечто малое упадать стало, но в 1744 довольно примечено, что в ярках на острове к морю около трех фут убыло; и потому оное прибывание продолжалось двадцать семь лет. Однако ж то не весьма надежно, что подлинно с 1715 вода прибывать стала, ибо без искусного опыта в таком деле точно поверить не можно.

---

* О сем можно читать описание о России, учиненное английским капитаном Перриem[288], на английском, французском и немецком языках напечатанное.

Притом же, если не обманываются обыватели (которые, не имея никакой науки, легко погрешить могут), при высокой воде в море стужа, а при низкой жары около оного умножаются. Однако то достоверно, что в 1741 и в 1742 году едва не все сады, особливо нежные деревья, персики, орехи и тем подобные, вызябли, и все единогласно сказывают, что уже лет с десять жары летом меньше стали, что искусным в физике примечать остается. А вышеозначенное Каспийского моря описание сочинено часто упомянутым господином тайным советником Татищевым и находится в историческом и географическом его лексиконе[289]. Тут же, описуя слово бурун, изъявляет сего ж моря особливое свойство, что к оному ж описанию приобщить не неприлично, и сообщается так, как оно в том же лексиконе положено, а именно: бурун в море Каспийском есть чрезвычайное движение моря близ берегов от самого острова Чечня[290] к югу подле западного и южного берегов мимо Зензелинского даже и до Астрабатского залива, выключая только два места, которые от морских ветров закрыты островами, а именно: Апшеронский пролив и залив у города Баку. А подле восточного берега от Астрабата к северу до Красных Вод бурун бывает же только не таков велик, как подле западных и южных берегов, потому что тут место отмелое и берега низкие, к которым такого упора воде быть не можно, как к крутым берегам, а от Красных Вод подле берега к северу, мимо Карабугасского залива, и до Тюк-Караганского угла берег высокий, и подле берега глубоко, чего ради бурун там опять великий бывает. От угла же Тюк-Караганского за остров Куланы, подле берега, чрез Эмбенский залив до реки Яика и от Яика до Четырех Бугров и до острова Чечня берега все низкие и отмелые, для того в тех местах никогда не бывает. Оный бурун случается обыкновенно от морских ветров, ударяющих прямо или накос на берег, и по различию мест расстоянием от берегов разнствует. Например: при Дербенте примечается оный от берега за версту, или малым чем больше, потому что тут место глубокое, а при низовых реках за шесть и больше, потому что тут место отмелое, и при Зензелях версты за две, или за три: а с глубины воды при Дербенте и при низовых реках сажен с шести, а при Зензелях сажен с десяти. Также и при других портах тот бурун зачинается от моря с разной глубины воды, и что ближе к берегу, то больше валы бывают, и не так как на прочих морях, ибо сверх великого вала вода высоко становится, так как гребень с наклоном под ветер, которым идущие с моря к берегу малые лодки, шлюпки и боты всегда сзади накрыть может, ежели те малые суда от таких валов уходить не могут. А когда к берегу пристанут, то всеми мерами нужно те суда тотчас вытащить на берег; ежели же не уско-

рить, то никакие судовые крепости удержаться не могут: всякое судно разбивает в щепы. Также и с берегу в такое время, когда бурун бывает, на море ехать никоим образом не можно. Случается и то, что на море ветер утихнет так, что самая тишина бывает, но бурун после ветра столько продолжается, как был ветер, или по то время, как ветер хотя малый с берега случится, тогда перестанет. Еще же бурун бывает и в тихое время, пред начатием ветра с моря незадолго, и то оттого, что вдали от берега на море ветер уже в то время есть, и волнение на море разводит, а к берегу зыбь показываться будет. Сие волнение, называемое бурун, весьма опасно для судов, которые в оное заходят. Хотя б и на якорях стояли, то выкидывает на берег или в том буруне разбивает, ежели вскоре ветра с берегу не будет, ибо когда судно попадет с моря в бурун и якоря, не доходя до берега задержат, тогда в том буруне разбивает или залить может, а ежели якоря не задержат, то оное судно на берег выкинет и разобьет.

Море Аральское в некоторых русских летописцах названо Синим морем, и оттого Синяя орда в рассуждении татар за Яиком упоминается. Татары ж называют оное Араль-Дингиз, что значит островитое море, ибо на нем есть множество островов, на которых аральский народ жительствует. В 1741 году посыланный в Киргиз-кайсацкую Меньщую орду и в Хиву геодезист Муравин помянутое море объехал и на карту положил близ половины, что восемьсот девять верст сочиняет. Оно почти во всем такого ж состояния, как и Каспийское, ибо в него также многие и большие реки впали, а из него никакой реки и видимого протока нет. Рыбы в нем такое ж множество и тех же родов, как и в Каспийском, потому есть резон думать, не имеет ли оно с сим морем или с какими-нибудь другими водами подземного сообщения. Вода в нем хотя и соленая, однако по нужде и в пищу употреблять ее можно. Берега по большой части низкие, около которых так, как и у Каспийского моря, на немалое расстояние растет камыш. Местами находятся при берегах оного и горы. Какая в нем глубина, о том обстоятельного известия хотя еще нет, однако, по сказке многократно бывалых там людей, в некоторых местах у самых берегов довольно глубоко и дно песчаное. Аральский народ, на островах оного живущий, для ходу по нем хотя одни и то малые лодки употребляют, но сказывают, что по нем морским и немалым судам ходить можно. Из знатных и ведомых рек впали в него следующие, а именно: первая и знатная Сыр-Дарья, вершина ее между полуднем и востоком из горы Ак-Тау, которая лежит выше Ташкента. Вторая вверх от Сырдарьи протоком шириною версты на две (но имя ее в описании Муравина пропущено), она для тихого течения подобна боль-

ше болоту, нежели реке. Третья Улу или Амударья, шириною более восьмидесяти сажен и имеет довольную глубину. По сей вверх могли б ходить немалые суда, ежели б от имеющихся на ней порогов препятствия не было. Вершины ее из вышепомянутой же горы Ак-Тау. Впрочем, по Аральскому морю судами ходить можно в каракалпаки и аральцы. А по оным двум рекам – до Туркестана, Самарканда и Ташкента, кои построены на каналах, из оных рек проведенных. Из того ж моря по Улударье можно ходить судами в Хиву, в Бухарию и далее, токмо около оного моря на строение судов годного лесу не находится. Сего ради в предложениях статского советника Кирилова рассуждаемо было, чтоб потребные для тамошнего ходу суда, построя около Оренбурга и разобрав по частям, с потребными припасами туда вывозить и проч., как то по имеющимся в Оренбургской губернской канцелярии делам явно. По сказаниям каракалпак и аральцев, около сего моря жительствующих, в средине оного находится горло, или пучина, куда в близость никакому судну не можно подходить, ибо, втянув в себя, затопляет.

Описавши помянутые два моря, которых берега пределам Оренбургской губернии касаются, надлежит описать и известные в той губернии озера, пресные и соляные реки, горы, пещеры, городища или развалины, камни, пески, глины, металлы и минералы, а потом означить разных родов животные, но для сокращения объявляется здесь токмо то, что за знатнейшее почитается, и в рассуждении всех губерний подлежит особому примечанию; прочие ж обстоятельства предоставляются во вторую часть, где они в провинциальных разделениях по уездам и местам своим могут быть описаны. Сему последуя, в первых представляются.

I. Озера киргизские

Харгалджин, в Средней орде к Сибирской стороне против Семипалатной крепости[291], которая на реке Иртыше, расстоянием от оной крепости дней десять верховой езды. Величина оного вокруг конною ездою дней шесть, и тако можно положить от трех до четырехсот верст. Многие в нем острова и камыши. Вода с одной стороны, где впала в него река Нура, пресная, а с другой соленая. Рыбы в нем разных родов довольно. Около сего озера, а зимою и на островах оного, кочуют той орды киргизцы, алтайского, найманского и табуклинского родов.

Аксакал-Барды. Окружность оного почитается верст на двести и более, расстоянием от Орской крепости верховой езды дней с пять. Вода

в нем несколько солоновата и довольной глубины, рыбы имеет множество. Лес, кругом оного тальник, или кустарник, а поодаль – называемый саксеул. В сие озеро впали степные реки Тургай, коих счисляется шестьдесят шесть, да Улкияки, которых счисляют тридцать шесть, и три Иргиза. Между киргизцами Средней и Меньшей орд есть оно почти на самой средине, и обе оные разделяет, так что с одной стороны Меньшей, а с другой Средней орды кочевья.

Телегуль, близ Сыр-дарьи, от устья оной днях в пяти, весьма островитое и много тростника, то есть камыша, имеющее. Окружность оного счистятся дня на два верховой езды, и потому около ста семидесяти верст. Вода в нем соленая; рыбы имеет довольно, и лесу немало, называемого саксеул. Киргизцы Средней, а иногда и Меньшей орды по нем кочуют.

Наурзым[292], против вершин речки Улу-Тургая, на другой стороне сырта, называемого Алгый, великостию, сказывают, кругом верст на сорок. Вода в нем солоноватая, но пить можно; рыбы имеет довольно. По нем от помянутого сырта бор лесной именуемый Наурзым-Карагай[293], которого в длину верст на двадцать, а в ширину верст на десять. При оном озере кочуют киргизцы Средней орды.

Тазган-Каракуль, от реки Яика по течению ее влево дня с два, ниже Яицкого городка. В него впадает река Уил; окружностию считается верст на пятьдесят. Близ оного есть множество малых озер и великие камыши, где киргизцы Меньшей орды кочуют. Лес по нем тальник и осинник; рыбы имеется множество.

Каркал-Куль, два озера, при горе Карачетау, между коими расстояния не более двадцати сажен. Одно из них окружностию верст на тридцать, а другое верст на десять. Воду имеют солоноватую, однако ж пить можно. Кочуют тут Средней, а иногда и Меньшей орды киргизцы.

Чанили-Куль, окружностию верст на десять, воду имеет пресную и кругом камыши; рыбы довольно. Оно знатно в кочевьях Средней орды киргизцев.

Бурлук, из которого вышла река Бурлук. Расстоянием оное от реки Ишима по течению ее с правой стороны три дня; величиной вокруг верст на двадцать. Кочуют около оного киргизцы Средней орды.

Беляй, или *Эбелей*, от Троицкой крепости, которая на Уйской линии, для имеющейся в ней повсегодно ярмарки, есть знатнейшее, верст с двести, окружностию версты на четыре. Оно особливо знатно и славно для множества доброй соли, которою не только зауральские башкирцы, но и вся Исетская провинция, довольствуются, да и в Екатеринбургское ведомство вывозят ее для продажи из казны немалое число. Оная соль

в жаркие дни садится от натуры по берегу оного озера; но ежели случатся дождливые дни, то всю ее размывает, и делается тузлуком, то есть густым рассолом, чего ради обыкновенно запасают ее в жаркие дни, сгребая в кучи, а потом берут и развозят, куда надобно. Есть в той стране и другое соляное озеро, называемое *Бакланово*, от линии только пятьдесят четыре версты, но оно в количестве и в доброте соли не таково, чего ради и ездят на оное за солью редко.

Грязное, за рекою Яиком, от Яицкого казачьего городка двесть семьдесят, а от реки Яика сто семь верст. Окружность оного сочиняет пять верст девяносто сажен. На нем так же, как и на Эбелее, в жаркие дни садится соли множество, которую яицкие казаки добывают и на свои расходы употребляют, но в дождливую погоду всю ту соль размывает и претворяет в тузлук.

Индерское[294], в Киргизской же степи при Индерских горах, от Яицкого городка по Яику реке вниз триста девяносто семь, а от Яика реки девять верст, от предписанного ж Грязного озера степью и по Яику двести девяносто три версты. Окружность оного двадцать шесть верст сто сажен. На поверхности оного лежит заматеревшая соль, подобно льду, так что и ходить по ней можно, которую пробив пешнею[295], является рассол, а в оном лежит соль мелкая серая, и пошла так глубоко, что измерить невозможно. И тако, ежели б она была не в таком отдаленном и пустом месте, то б ею все государство удовольствовать можно было, но за отдаленностию никто ее не берет, кроме яицких казаков, да и те употребляют ее токмо тогда, когда на рыбных своих промыслах около тех мест находятся. Наверху ж сего озера в жаркие дни садится на полвершка толщины особливая соль, которая называется самосадкой, весьма чистая и белая, но ее в дождливую погоду всегда размывает.

II. Знатные озера в Башкирии

Уялей, в Уфимской провинции на Сибирской дороге в Чирлинской волости, близ Уральских гор. Окружность его, сказывают, более ста двадцати верст; островов на нем такое множество, что до пятисот их считают, рыбы в нем великое множество, а кругом лес красный и черный.

Маян[296], на Сибирской же дороге, в Чалзаутской волости. Окружность оного до ста тридцати верст почитают, рыбы в нем также множество.

Иреляш, от предупомянутого Уялея расстоянием от пятнадцати до двадцати верст, по длине верст на тридцать, а шириной верст на десять, от которого вышла река Теча. Островов на нем счисляют до двадцати,

лесу на берегах оного всякого множество. На степной стороне на берегу того озера в Мякотинской волости находится старинный вал, такой высокий, что в некоторых местах саженей до четырех, а ров в глубину сажени полторы.

В Башкирии ж, в Исетской провинции, имеются соляные озера, называемые от русских *Медвежье*, *Пименово*, оно ж и Каменное, *Гашново*, *Кривое*, *Сорочье*, *Аткуль*, оно ж и Тузаткуль, *Угловое* и *Кулат*, из которых дальнейшие от Уйской линии шестьдесят четыре, семьдесят одна и семьдесят восемь верст. Но понеже на них соль добротою хуже эбелейской и не повсегодно случается, ибо в дождливые годы всю ее размывает, то добывание ее подвержено бывает многим трудностям, и затем в оной провинции, как выше означено, употребляют более эбелейскую. О всех оных соляных озерах, яко же и о Табынских соляных ключах, где до последнего башкирского замешания были соляные варницы, в 1744 г. от 21 числа декабря, в Кабинет обстоятельное представление учинено. А за Яиком-рекою в Киргиз-кайсацких ордах, кроме вышеозначенных соляных озер, такое находится множество, что их всех исчислить невозможно.

III. Знатнейшие реки

Волга не токмо в России, но и во всей Европе за великую и знатную реку почитается, и хотя она берегами своими к Оренбургской губернии более не касается, как токмо верст на сто с небольшим по Ставропольскому ведомству, да и то с одной левой стороны по ее течению, а на другой, то есть на нагорной стороне, никаких к Оренбургской губернии принадлежащих мест не находится. Но понеже Ставрополь со всем его вышеозначенным уездом состоит в точном Оренбургской губернской канцелярии ведомстве, и часть оной реки как в генеральной, так и в специальных той губернии ландкартах значится, то и описание оной для всякого сведения здесь не беспотребно есть.

Вершина сей великой реки сказуется в Тверской провинции, близ Ржевы Володимировой, из многих малых озер и болот. Течение ее продолжается более трех тысяч верст и, приняв многие великие реки, впадает близ Астрахани между множеством островов в море Каспийское. Имя ее толкуется с сарматского языка ходовая, или судовая, то есть такая, по которой большие торговые суда ходят, но то ее имя было не далее, как до устья Оки, а ниже именовалась она от сармат Раа, еже значит обилие. По пришествии к оной татар в начале 13-го столетия

названа от них Идель, Адель и Эдель, которые имена по-татарски и арабски значат обилие, привольство и щедрость, что и весьма ей прилично. Ибо едва есть и другая река, коя б множеством разных рыб и к житью способных в пажитях и пашнях мест сравняться ей могла. Она способною к судовому ходу быть началась при монастыре Селижаровском, где с левой стороны из озера Селигера пришла немалая река Селижар. По ней находятся города: Ржева-Володимирова, Зубцов[297], Старица[298], Тверь, Углич[299], Романов, Ярославль, Юрьевец, Кинешма, Балахна, Нижний Новгород, Василь, Козьмодемьянск, Чебоксары, Кокшайск, Свияжск, Казань, Тетюши[300], Синбирск, Белый Яр, Ставрополь, Самара, Сызрань, Каспир, Саратов, Дмитриевск, Дубовка, Царицын, Черный Яр, Енатаевский, Чигит, Красный Яр, Астрахань, Седлистобугорский. Выше Царицына, между горами, великих слобод, сел и деревень великое множество. Также и немало повсюду видимо запустелых и татарами разоренных городищ, из чего о древних там бывших поселениях заключить можно. О торгах, по Волге реке отправляемых, потому рассуждается, что одних работных людей всегда на судах вверх и вниз ходящих и рыбу ловящих по малой мере до миллиона счисляют.

Кама, по Волге из всех находящихся в Оренбургской губернии, тако ж и из впадающих в Волгу рек, есть наибольшая. Оной, так как и Волги, около ста верст к Уфимской провинции принадлежит, и по большей части по течению ее с левой стороны, однако ж и на правой стороне есть несколько башкирских жилищ. Между прочими лежащий при Каме городок Оса в ведомстве Уфимской же провинции, следственно, в Оренбургской губернии находится. Вершины сей реки в Пермской провинции, в Кайгородском уезде, из болот. Течение имеет в юг более тысячи верст и, приняв в себя много немалых рек, впадает с левой стороны в Волгу, против села Богородского, ниже Казани шестьдесят верст. Татары называют ее Чолман-Идель. По ней вверх, а более вниз, с пермскою солью и с сибирских заводов с железом и со всякими железными припасами ходят немалые суда. Рыбы в ней довольство всякой, а особливо белой рыбицы и лососей более, нежели в Волге. Белуги редко до устья Белой, а осетры до Сарапуля доходят. Вся камская рыба здоровее волжской признается, и она отменна от волжской тем, что имеет черные пятна, а когда паки в Волге несколько времени пробудет, то те пятна пропадают.

Яик вершину имеет за Уральскими горами на Сибирской дороге, в Куваканской волости, из горы, называемой Калган-Тау, что значит крайняя, или остальная гора в Урале. Течение ее близ трех тысяч верст, при котором, забрав в себя с обеих сторон многие реки, впала она в Каспийское море между камышей ниже Гурьева городка около десяти верст.

Рыб всяких имеет она великое множество, кои вкусом многим лучше волжских, но осетры и белуги весьма редко проходят к Оренбургу, для имеющегося близ Яицкого казачьего городка чрез всю реку запора, называемого по тамошнему наречению, как то и около Астрахани, учугом. Оттуда до самого ее устья яицкие казаки в уреченные времена разными снастьями рыболовство отправляют, и несколько сот тысяч осетров, белуг и севрюг, свежих и просоленных, и немалое ж число икры и клею в разные великороссийские города отправляют, в чем их, яицких казаков, главный промысел и содержание состоит. Но за то, что бывшие при Гурьеве городке казенные учуги и рыбные промыслы уничтожены, с 1753 года платят они в Оренбургскую губернскую канцелярию для отсылки в Камер-коллегию весь тот доход, поскольку от оных казенных промыслов происходило, а именно: по четыре тысячи по шестисот по девяносто по два рубля по шестидесяти по девяти копеек с третью, да за таможенные и кабацкие сборы семьсот пятьдесят четыре рубля десять копеек на каждый год. Сия река исстари разделяет башкирцев с киргиз-кайсаками. Построенные по ней крепости содержат осторожность от заграничных народов, в которых крепостях регулярные гарнизоны поселены, а во многих и нерегулярные служивые люди имеются. Оные крепости, начав сверху, суть следующие: 1. Верхояицкая пристань, 2. Магнитная при горе Магнитной, 3. Кизильская, 4. Уртазымская, 5. Таналыкская, 6. Орская (что прежде Оренбург), 7. Губерлинская, 8. Ильинская, 9. Озерная, 10. Красногорская, при которой такожде Оренбург застроен был, 11. Оренбург, 12. Чернореченская, 13. Татищева пристань, 14. Новая казачья слобода, 15. Рассыпная, 16. Илецкая. Затем яицких казаков называемый Яицкий городок: да от оных казаков вновь построенные два городка Кулагин и Калмыков, а на конец Гурьев городок близ устья оной реки, позади которого впадает она в Каспийское море. Между оными ж крепостями в разных местах находятся редуты и форпосты.

Эмба, вершины ее в Киргиз-кайсацкой степи под 49 градусом ширины, из Мугалжарских гор[301], неподалеку от Орских вершин, впадает прямо в Каспийское море. В вершинах ее есть довольно бродов, и течет по камню, но что ниже, то глубже становится, течет по песку и бродов уже не имеет. Ширина ее сажен на тридцать, а инде и многим шире. Рыбы в ней множество всяких родов, особливо сомы и сазаны весьма крупные, а к устью находятся белуги и осетры. Лес по ней осокорь, ветла, тал, осина, джадовник, черемха, жимолость, а местами есть и камыши; но в вершинах оного мало. Киргиз-кайсаки Меньшей орды часто и многим числом по сей реке зимуют, а понеже тогда находятся

они от Волги (где калмыки кочуют) недалеко, а к Яику реке ближе: того ради для недопущения обоих сих народов ко взаимному воровству потребна тогда наибольшая осторожность.

Сыр-Дарья, вершины ее взялись из-под Зюнгорского владения, где сначала живет по ней ходжайтский народ, за которым верхние каракалпаки, но к устью, коим она впадает в Аральское море, находятся при ней нижние каракалпаки, счисляющиеся между российскими подданными, а нередко и киргиз-кайсаки Меньшей орды по ней располагаются. Сего ради, яко же и по вышеизображенной Оренбургской губернии окружности, ко внесению здесь она приличествует. Имя ее, Сыр, значит красный цвет, или краску. Течение ее, сказуют, быстрое, шириной и глубиной почитается против Яика, берега у нее низкие и песчаные, и по обеим сторонам находятся солонцы и великие камыши; по ней же есть и острова. Лес к устью находится изредка тальник, а к вершинам с одной стороны ветла, осокорь, тополь, джадовник, яблонь, черемха, крушина, жимолость, тал; а с другой, то есть с левой, саксеул. Бродов по ней нет, а переправляются на судах, которые тамошние жители делают наподобие барок. Рыбы в ней, осетров, белуг, стерлядей и других родов, весьма довольно. На устье ж сей реки находятся развалины стариннаго города Джанкента, о коем Абулхаир-хан киргизский просил, чтоб оный возобновить, которое место по тому его ханскому прошению и осмотреть было повелено.

Куван-Дарья есть особый пролив из реки Сыр-Дарьи с левой стороны, которого течение, сказывают, верст на триста, а устье в Аральское море ниже устья Сыр-Дарьи близ ста верст. Около ее берегов имеются камыши и лес тальник, где каракалпаки, а иногда и киргизцы кочуют. Рыба в ней такая ж, как и в Сыр-Дарье.

Сарасу. Сия река между прочими степными реками потому особливого примечания достойна, что она Киргиз-кайсацкую степь от Зюнгорского владения разделяет и почитается за границу обоих народов, да и в Оренбургской губернии, как выше об окружности ее показано, за предел положена. Вершины ее почитают от реки Иртыша дней пять конной езды из горы Ак-Тау, или Ар-Тау. В вершинах, как сказывают, имеет она беспрерывное течение, а потом скрывается в землю. Она же местами делает и озера сажен по восьми, из которых в иных пресная, а в других и соленая вода. И такими озерами впадает она в вышеозначенное озеро Телегуль, близ реки Сыр-Дарья, от Аральского ж моря в пяти днях. От ее устья вверх один день имеется лес черный, называемый кара-агач, который подобен вязу. В длину оного лесу сказывают верст на сорок, а в ширину по обе стороны той реки от одной

до пяти верст; но в нем и камыша имеется много, в котором месте киргизцы Средней орды кочуют, а конские табуны пасут тогда при устье оной реки около помянутого озера. Вверх же и вниз по обеим сторонам той реки, к реке ж Сыр-Дарье, находится лес саксеул.

Ишим. Вершины сей реки в Киргиз-кайсацкой степи из горы Эйреймен, неподалеку от вершины прежде описанной реки Сарасу. Сия река может за предел Оренбургской губернии почтена быть в тамошней стороне, потому что киргизцы Средней орды обыкновенно по ней и по впадающим в нее рекам располагаются, а к Иртышу реке, в которую она впала в Сибирской губернии, кочевьями своими весьма редко приближаются.

Тобол в Сибирской и Оренбургской губерниях. Татары именуют сию реку Табул от множества растущего по ней дерева, по их табул называемого, а по-российски таволга. Она начинается в Оренбургской губернии на Заяицкой степи, в Киргиз-кайсацком владении, неподалеку от Орской крепости, из разных озер и болот, которые прошед, многократно под землю скрывается, и чрез несколько верст паки показывается; потом, приняв несколько рек, течет на север до совокупления с Турою, а оттуда поворотилась на летний восток и при Тобольске впадает в реку Иртыш. Вода в ней сначала кислая и вяжущая от множества квасцовой земли, сквозь которую она проходит, а потому прибавкою других рек исправляется. Все ее течение не меньше двухсот верст. При берегах ее стоят Звериноголовская и Усть-Уйская крепости, к Оренбургской Уйской линии надлежащие.

Уй, сия в Оренбургской губернии хотя не из больших рек, но потому знатна, что на ней основана крепостьми помянутая Уйская линия, на которой во осторожность от набегов степных народов в построенных крепостях регулярные гарнизоны определены. Крепости ж оные, начав от вершин, именуются: Уйская, Уклы-Карагайская, Петропавловская, Степная, Троицкая, Каракульская, Крутоярская и Усть-Уйская; за сими ж одна на Тоболе вышепомянутая Звериноголовская. Вершины сей реки взялись в Башкирии весьма недалеко от вершин реки Яика, а впала она в Тобол пониже Усть-Уйской крепости версты с три.

Исеть, в Оренбургской губернии в Исетской провинции, вышла из озера Исетского выше Екатеринбурга верст с двадцать, течет на восток мимо Екатеринбурга, Каменского, Китайского, Шадринского и Исетского острогов и впадает в Тобол близ Ялуторовского острога Тобольского уезда. По ней каменистые места и пороги. Новоучрежденная Исетская провинция от нее звание свое имеет.

Уфа, по-татарски Уфа-Идель, вышла из Уральских гор на Сибирской дороге, в вотчине Куваканской и Каратабынской волостей башкир-

цев, в урочище, называемом Кара-Таш, то есть черный камень. В вершинах течением своим захватывает она несколько Пермской провинции, потом идет почти самою срединою Уфимской провинции и выше города Уфы версты с две впала в реку Белую. Во время последнего башкирского замешания построены по ней две крепости: Красноуфимская и Елдятская, в коих поныне регулярные гарнизоны и нерегулярные служивые люди содержатся. По ней и по впадающим в нее рекам медных и железных руд, тако ж и всяких лесов, имеется довольно, для которых заводчиком Петром Осокиным построен железный завод, но по продаже от него, Осокина, состоит ныне за тулянами Масаловыми; и хотя оный завод построен близ ее вершин, однако вниз по ней суда с железом свободно ходят.

Белая, по Волге и Каме, из находящихся в Оренбургской губернии рек, почитается за наибольшую. Вершины ее в Урале ж из горы Иримяли-Тау[302]. Сия гора столь велика и высока, что с Бухарской стороны смотря к Башкирии дня за два видима, и в некоторых местах снег никогда не сходит. В оную реку впадают разные и немалые реки, а именно: Нугуш, Ашкадар, Бирь, Танып, Уршек, Сим, Уфа, Дема, Сюнь, Ик и Мензела[303]. В верховье долго течет подле самых Уральских гор, а потом к Оренбургу подошла около урочища, называемого Бугулчан, не далее полутораста верст, где для водяного сообщения в Каму и в Волгу (как выше объявлено) назначена была судовая пристань, отколь несколько тысяч пудов илецкой соли в Казань и далее действительно отправлено было на судах, и в Волгу реку свободно вышло; однако ж сей способ за разными неудобствами, а паче за великою окружностию, оставлен. Города, на сей реке имеющиеся, суть: Табынск, Уфа и Бирск. Руд и минералов в верховье ее множество, для которых заводчиком Иваном Твердышевым[304] два медные завода построены, кои из всех находящихся в Башкирии медных заводов почитаются за лучшие. Впрочем, сия река близ пригорода Мензелинска впала в реку Каму.

Сакмара, вершины ее в Урале ж. Она в рассуждении Оренбургской губернии потому достойна примечания, что по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, состоявшемуся в 1739 году, по ней с устья до ее вершин велено строить крепости и селить в них регулярных людей, которые при генерал-лейтенанте князе Урусове в девяти местах и назначены; но потом строение оных отменено, а построены токмо две: Воздвиженская[305] и Пречистенская, в которых расположен поселением ландмилицкий драгунский Шешминский полк. Сверх того вверху есть слобода кундровских[306], из Астрахани переведенных татар, да ниже помянутых двух крепостей Сакмарский го-

родок, в котором станица яицких казаков находится, от Оренбурга в двадцати девяти верстах. Неподалеку от вершин сей реки имеется предупомянутого ж Твердышева медный завод, называемый Преображенским, на речке Зилаире[307]. Впрочем, сосновые и другие к строению годные леса в Оренбург сею рекою сплавляются. Впала она в реку Яик ниже Оренбурга в семи верстах.

Самара, вершины ее из Урала ж, к реке Яику так близко, что от Татищевой пристани, на Яике имеющейся, к Переволоцкой крепости, которая в верховье реки Самары построена, чрез Уральский Сырт по мере токмо восемнадцать верст. Потому, ежели б она достаточна была водою, и в Оренбурге, также б и при помянутой крепости на строение судов годного лесу не оскудевало, то б в обе государственные резиденции, выключая оные восемнадцать верст, был водяной ход самый способный. По сей реке построены следующие крепости: в вершине оной Переволоцкая, потом Новосергиевская, Сорочинская, Тоцкая, Бузулукская, Елшанская, Борская, Красносамарская, в которых регулярные и нерегулярные служивые люди поселены. За сими ж имеется Мочинская слобода, где служивые татары живут, а далее внутри уже Закамской линии пригород Алексеевск и город Самара, при котором сия река в Волгу впала.

IV. О горах

Уральские горы не только в Оренбургской губернии, но и во всей Российской империи суть славнейшие. У древних знатны они под именем Иперборейских (то есть северных) и Рифейских гор. Татары именуют их Урал или Пояс, а русские, живущие в Башкирии, большею частию называют Общий Сырт. Некоторые географы из новых кладут их за предел Европы с Азиею. Начинаются они при Северном или Ледовитом море, от Обской губы, или залива, и продолжаются между рек Оби и Печоры, оставляя города Пелым[308] и Верхотурье в левой, а Чердынь и Соликамскую в правой стороне. По левую ж их сторону с востока живут разные народы, яко то: самоядь, остяки, вогуличи, татары и русские. Не вступя еще в пределы Оренбургской губернии, разделились они на три части.

Первая лежит на вершины Белой и Яика рек и чрез всю Башкирию, между рек Яика и Самары, где от русских Общий Сырт слывет, и, разделясь паки надвое, одна часть продолжается до Волги, а другая от вершин речек Салмыша и Каргалы, впадающих в Самару, идет чрез

Башкирь же на Казань между рек Белой и Самары на Заянские и Кичуйские вершины.

Вторая часть Уральских гор пошла от вершин Яика реки в полудню и лежит между вершинами рек Ори и Эмбы до озера Каракуля, кое близ Каспийского моря. Вся сия часть в татарских историях называется Ауро-Урук.

Третье и наибольшее оных гор отделение есть к востоку чрез Киргизскую степь, между вершин речек Тургаев, кои, как выше упомянуто, все в озеро Аксакал впали; отсюда ж пошло оно прямо к реке Иртышу, между озера Нор-Зайсан и вершин рек Гануд и Сыр-Дарьи, в Малую Бухарию и соединяется в Зюнгорском владении с Алтайскими горами (которые от древних Имаус именованы), отколь идут чрез Зюнгоры к городу Кашкару и к Песчаному морю, где разделившись надвое, лежит одна часть чрез Китай прямо к Китайскому океану, а другая наибольшая часть пошла к вершинам реки Инда и, поворотясь в западную сторону к Бадакшанским горам (где добывают ляпис-лазули), отсюда ж к стороне Каспийского моря в Персию и чрез Тавриз прошли в Турцию. По разности мест имеют они разные и многие названия, и в некоторых местах находятся довольно широки и высоки, а в других посредственны и с немалыми лощинами; но вообще о всех сказуется, что их нигде никакая река не пробила, токмо из них самих с обеих сторон премногие источники рек вышли, которые безчисленное множество больших и малых рек составляют.

Василий Никитич Татищев в Сибирской своей истории[309] в рассуждении границ из Страленбергова описания[310] объявляет, что сии горы за наилучшее и природное разделение Европы с Азиею полагаются. Начались они от самого Ледовитого моря, между рек Печоры и Оби, и широтою более ста верст к югу до 50 градуса северной широты, то есть до вершины реки Самары продолжаются, откуда они прямо на восток к морю Японскому поворотили, и прочее.

В его ж Российском историческом, географическом и политическом лексиконе Урал описан следующим образом.

Великий пояс гор каменных, на севере Азию от Европы отделяющих, начинается на севере при Вайгаче, меж Печоры и Оби, и продолжается гребнем, или грядою, до вершины Яика и по Яику до Оренбурга, откуда разделились надвое: одни на запад по реке Самаре и до Волги, однако ж не весьма велики, другие поворотили к востоку до Китая, и по долгому оных положению разделяются на разные имена, яко Павдинские у Верхотурья, Волчьи против Екатеринбурга; далее ж в Башкирии разные имена имеют, но собственно все по-татарски Урал, или Пояс.

От вершины Яика на восток Кичик, или Малые, далее около вершины Тобола Кичип, то есть щербатые и гребень, около вершины Иртыша Алтай, по вершине Оби и до Енисея Саян и Хатай, и прочие. Поперек их не равно от пятидесяти до ста верст счисляют. Сии горы от запада к востоку древние географы, не имея об них никакого обстоятельного известия, просто Иперборей, то есть Северные горы, а к северу, как мнится, Рифеи именовали, или Рифеи те, что от Печоры к Двине продолжаются.

Алгынские или *Алгыдын-Жано*[311], сырт, или кряж гор, начинающийся меж Яицких и Тобольских вершин, и сколько ведомо простирается до вершин рек Ишима и Сарасу к реке Иртышу. О нем, так как и об Уральском Сырте, сказуют, что никакая река его не перешла. Руд и минералов находят в нем множество, и лесов довольно. Имя его произошло от некоторого древнего батыря, который по сему сырту, как киргизцы по преданиям повествуют, имел свои походы и назывался Алгый. По обстоятельствам есть оный сырт отрог, или отделение Уральских гор, называемый Ауро-Урук, о коем выше сего упомянуто; с чем и положение оного на генеральной карте Оренбургской губернии довольно согласует.

Эремейские горы[312], из которых вышла река Ишим, от Ямышевской крепости дня с три верховой езды, в длину простираются верст на пятьдесят, а в ширину верст на шесть. Между оными так высокие холмы находятся, что в Уральских горах столь высоких нет. По сим горам находится сосновый, березовый и прочий лес, кроме дуба и липы. Звери дикие, лоси, маралы, дикие бараны, сайгаки, куланы (дикие лошади, подобные ослам), тарпаны (дикие ж лошади, схожие с домашними лошадями), кабаны (или дикие свиньи), лисицы, волки и корсаки. Есть ли в сих горах руды и минералы, неизвестно; только в одном дне от оных лежащая гора Баян-Улу[313] (о коей ниже особо упоминается) железными и медными рудами весьма богата. Сказывают, якобы в ней и золотая и серебряная руда есть. Сия из всех в Киргиз-Кайсацкой орде имеющихся гор за превысочайшую почитается. Окружность ее почитают верховой езды дня на два. Леса по ней такие ж, как выше сего упомянуто. По положению обеих сих гор признаются они за протяжение означенного Алгынского Сырта, или Уральскаго отрога. При обеих оных горах кочуют киргизцы Средней орды.

Кукчинские горы, между рек Иртыша и Ишима, расстоянием от крепости Святого Петра (по новой Сибирской линии на реке Ишиме имеющейся) в полуденную сторону два дня, а от реки Иртыша дней с пять. Длина сих гор верст на двадцать, а в ширину верст на десять. Они

хотя не столь высоки, как Эремейские, но лесов всяких (кроме дуба и липы) на них весьма довольно. Руды в них медные и железные, а сказывают, якобы есть и серебряная. Звери те ж, что и в Эремейских горах; из птиц беркуты или орлы, кречеты, соколы и ястребы. Около сих гор множество озер пресных и соляных, на которых садится соль, а в пресных весьма довольно рыбы. Кочуют тут киргизцы Средней орды.

Мугулжарские горы от Оренбурга в полуденно-восточную сторону верховой езды дней восемь. Длина их на пятнадцать, а в ширину до пяти верст. По сторонам оных имеется лес осина, ветла и тал, а наверху никакого лесу нет. Из зверей, лисиц, волков и корсаков, сказывают, тут множество. В летние времена кочуют в них киргизцы Меньшей орды.

Буглы-Тагайские горы начались от Эремейских гор верстах в двадцати и продолжаются под разными званиями в Зюнгорское владение, имея многие и весьма великие холмы. Тамошние народы называют их Буглы-Тага от множества маралов (род оленей), которых киргизцы называют единственно буга, а во множественном числе буглы. Наверху сих гор лесу нет, но места каменистые, токмо в буераках и в ущельях растет лес сосновый, березовый и осиновый. Зверей всяких, сказуют, в них много, а особливо маралов и сайг (род диких коз). В сих горах зимуют киргизцы Средней орды.

Индерские горы, подле реки Яика, между Гурьева и Яицкого казачьего городка на половине пути; звание их происходит от славного соляного озера Индерского, выше сего описанного.

Губерлинские горы[314] в Башкирии на Нагайской дороге, в Усерганской волости, между Орскою и Ильинскою крепостями. По средине сих гор течет в Яик речка, называемая Губерля[315], на которой близ устья построена крепость Губерлинская, от Орска в пятидесяти верстах. В 1735 году, когда статский советник Кирилов шел с командою к реке Ори для заложения Оренбурга, будучи в сих горах, от крутостей и ущельев оных в переходе чрез них имел такое великое затруднение, что большая часть артиллерии и тяжелого багажа, переломавши колеса, и, несмотря на большую тогда от башкирцев опасность, принуждена была в разных ущелинах ночевать, и уже на другой день с превеликим трудом на степь выправилась; но в 1740 году найдена дорога, по которой оные горы, следуя в Орск, способно можно обходить, почему видно, что сей способный путь бывшие с Кириловым в походе башкирцы умышленно потаили.

По описании вышеупомянутых сыртами, или увалами, то есть кряжем лежащих гор, следуют те, кои особо состоят и за знатнейшие почитаются, а именно:

Баян-Ула в Киргиз-кайсацкой Средней орде. Имя ея значит богатую гору, потому что в ней железных и медных руд множество, а сказывают, якобы и золотой и серебряной руды признаки в ней есть. Она из всех в Оренбургской губернии находящихся гор за высочайшую почитается. Лесов разных находится по ней довольно и множество степных зверей, о чем выше сего при описании Эремейских гор подробнее означено. В ней же сказывают пещеру, в которой имеется озеро, при коем находятся небольшие птички особого рода. Тут же есть гроб у магометан за святого почитаемого, куда киргизцы по обещаниям ходят купаться и верят, якобы чрез то купанье вылечиваются от разных болезней.

Улу-Тау по генеральной Оренбургской ландкарте есть самая крайняя в Алгынском сырте, расстоянием от Орской крепости на восток верховою ездою дней десять, а от Ямышевской дней семь или восемь. Величина ее кругом верст на десять; лесу по ней соснового и березового и медной руды много. Вышли из нее три реки: первая Кара (то есть черный) Кангыр[316], вторая Джезли (то есть медный) Кангыр[317]. По сей весьма много медной руды и старинных пустых городков, где, сказывают, бывали рудокопные заводы, и поныне не только того признаки, но и горны плавильные еще видимы. Третья Джиланлы(или змеиный) Кангыр, потому что тут есть много змей, да и медных руд там множество. Киргизцы мнят, якобы тут и золота и серебра много. Означенные три реки, соединясь вкупе, впали в реку Сарасу. В сем месте зимуют киргизцы Средней орды, а летом для великого множества змей, кочуют поодаль.

Караче-Тау, от Орской крепости на восток дня с четыре или пять. Окружность ее почитается верст на десять; лесу по ней немного, и то небольшой, осинник и тальник. Лисиц, волков и корсаков находится тут довольно. Кочуют около нее к вершинам Иргизским летом и зимою киргизцы Меньшей, а иногда и Средней орды. От сей горы в полуднях имеются озера, на которых в жаркие дни садится соль, и киргизцы оную употребляют в пищу.

Шиша-Тау, гора хрустальная, в Киргизской же степи, по сю сторону реки Сарасу, от Орской крепости расстоянием дней двенадцать по пути к Туркестану. Она при солнечном сиянии рефракциею лучей разные колеры и весьма приятный вид являет, ибо хрусталь в сей горе натурально полируется гранями и вырастает штуками величиной с голову и больше, из которых штук выходят отрасли, как пальцы, гранями ж разных цветов. Около сей горы имеются многие родники весьма чистой и студеной воды. Кочуют около нея киргизцы Средней и Меньшей орды.

Ак-Тау, то есть белая гора, неподалеку от вышеписанной Улу-Тау. Знатнейшее сей горы обстоятельство есть то, что из нее вышла река Сарасу, которая киргизцев с зюнгорцами граничит.

VI. Горы ж, в Башкирии лежащие

Ирямяли-Тау, знатнейшая и высочайшая в Урале, на Нагайской дороге в Каратабынской волости. Она видна с Бухарской стороны для ее высоты дня за два, и местами снег никогда с нее не сходит. В ней находят хрусталь, она же имеет и железную руду и вышла из-под нее знатнейшая и наибольшая в Башкирии река Белая.

Яман-Тау, то есть худая, или злая гора, на Нагайской дороге, на которой также всегда снега лежат.

Джигалги или *Джигала*, Сибирской дороги в Куваканской волости, меж рек Илина и Инзеры, где также снега лежат во все лето.

Калган или *Калкан-Тау* (то есть остальная, или крайняя гора)[318] на Сибирской дороге в Каратабынской волости, из-под которой вышла река Яик.

Каракай, за Белою рекою, на Нагайской дороге в Юрматынской волости, куда, яко в неудобоприступные места, бывшие в бунте башкирцы всегда уходили.

Тура-Тау, Кош-Тау, Юрак-Тау[319], три высокие горы на Белой реке по течению ее с правой стороны в Юрматынский волости, одна от другой версты по три или по четыре. На первой имеется земляная крепость, где по сказанию башкирцев живал некоторый нагайский хан, почему она и называется Тура. Ибо «тура» по нагайскому наречию значит земляной городок, или вал. На второй, то есть на Кош-Тау (что значит двойную гору), на самом верху имеется озеро, в котором рыба, караси и лини. Третья, Юрак-Тау, на татарском языке значит гора-сердце.

Атачи, на берегу Яика реки с Киргизской стороны, гора высокая и немалая, вся она состоит из самой лучшей железной руды и из магнитного камня.

VII. Пещеры

На Сибирской дороге в Кудейской волости, в каменной горе на берегу реки Сима, по объявлению переводчика Уразлина, есть пещера, в которую он, Уразлин, по присланному к нему от генерал-лейтенанта

Соймонова ордеру, для осмотра селитры сам ходил и, взяв оной потребное число на пробу, делал порох. Сия пещера с половины разделилась на две части, из которых одна по мере явилась более шестидесяти сажен печатных, а в конце ее выделана весьма немалая палата о двух покоях, довольно высокая и чистой работы, и знать, что тут раскладываи бывал огонь, а в другой части, в двадцати саженях, нашли маленькое озерко, из которого вода имеет быстрое течение вдаль, и от того течения делается великий шум, ибо вода пошла вниз и затем далее идти не посмели. Повыше сей пещеры, с небольшим в сорока саженях, чрез всю помянутую реку высокая лежит гора, которую гору оная река пробивает, и сквозь нея течет удивительным образом.

Другая пещера, по его ж, Уразлина, сказанию, имеется в Каратабынской волости, от предписанной верстах в двадцати, на берегу реки Эрезени, в которую войти хотя и можно, но вдаль проходить страховито, потому что в ней всегда слышан шум, может быть от понурного течения воды, или от подземного ветра.

Под городом Уфою, над рекою Белою, находятся две пещеры, одна на правой, а другая на левой стороне, о которых у тамошних обывателей носится слух, якобы в них с начала города Уфы пустынники живали.

В Исетской провинции известны две пещеры: одна от села Коельского по дороге, коя лежит к Челябинску и к Оренбургу, в четырех верстах, на ровном месте в ямине. Оная во время сыску раскольников осматривана капитаном Крыловым. В длину можно свободно в нее идти сажен до тридцати, а ширина и вышина ее на сажень. В конце оной, сказуют, яма небольшой окружности, но глубина ее неведома. Башкирцы объявляли, якобы они напред сего в той пещере видывали змею чрезвычайной величины.

Другая пещера от помянутого села в двадцати верстах, не в дальнем расстоянии от речки Кабанки, и от деревни секретаря Черемисинова, на ровном же месте, длиною такова ж, как и первая, токмо шириною просторнее, и по сторонам имеются в ней расселины, наподобие камер. В 1750 году найдено в ней челябинским протопопом несколько крывшихся тут раскольников.

Из всех в Башкирии находящихся пещер за славнейшую и наибольшую почитается та, которая Уфимского уезда на Нагайской дороге, в Бурзенской волости, при реке Белой; но понеже оная при сочинении сей «Топографии» еще была неизвестна, то ездил туда господин сочинитель уже в январе месяце 1760 года и учинил ей особливое описание, которое напечатано того ж года «Ежемесячных сочинений» в марте месяце, чего ради здесь об ней не повторяется[320].

В киргизских ордах на разных местах по реке Эмбе и по впадающим в нее речкам сказуют многим быть пещерам, но порознь об них еще не известно. Знатнейшая из всех оных в горе Улу-Баян, о которой в описании той горы выше сего объявлено.

Впрочем, из тех вещей, которые во внутренности и на поверхности земной находятся, всем известные суть камни, пески и глины, того ради об оных прежде руд и минералов здесь упоминается, а именно:

VIII. О камнях

Плитной камень, способный к строениям, при самом городе Оренбурге из набережной горы множественным числом добывают, и употребляется оный как к крепостному, так и к прочим строениям, что по недовольству лесов около Оренбурга за великий и споручный способ признавать надлежит. Ибо сей камень добыванием весьма нетруден, потому что при ломке из горы бывает мягок, а когда на воздухе побудет, то крепчает. Его в оной горе такое множество, что никогда оскудеть не может. Такого ж качества камень и в других местах есть; но самый лучший находится в урочище Гребенях, от Оренбурга в двадцати двух верстах, который весьма крепок, и вырубается штуками и брусьями, не только по сажени, но ежели б вознадобилось и были б тому искусные мастера, то хотя б в несколько сажен без всяких трещин цельные штуки можно вырубать и к самым лучшим строениям употреблять на пьедесталы, карнизы и на прочие архитектурные украшения.

Известь, или известной камень, находится близ Оренбурга верстах в пяти; но казенные известные заводы в помянутом урочище Гребенях, где на жжение извести вышеозначенный же камень ломают и употребляют.

Горновые, жерновые и *точильные камни* в Башкирии на разных местах находятся. Но самые лучшие из горновых и жерновых около Табынска, а точильные около озера Талкаса, на речке Ташле[321], впадающей в Самару, которая от многих имеющихся на ней точильных брусков, весьма мягких и к точению ножей способных, при переходе чрез нее покойного генерал-лейтенанта князя Урусова с командою, прозвана Каменкою.

Мел находится вниз по реке Яику около Татищевой пристани, за рекою Камыш-Самарою, откуда мел и в Оренбург на казенные потребности получается.

Алебастр есть близ Озерной крепости, откуда его и в Оренбург достают, ибо ближе его не находят, но в Башкирии оного на разных мес-

тах много. А особливо в 1750 году, в походе генерал-лейтенанта князя Урусова с командою к озеру Талкасу, между рекой Карасу и Сосновым Ключем найден самый чистый и твердый алебастр.

Из твердых же и цветных каменьев во многих местах находятся в речках и в горах, иногда ж и на ровных местах, *хрустали* и *тумпасы* большими и малыми штуками, *мрамор*, *яшма* и *агаты* разных цветов, которые в полировке не только не хуже, но едва и не лучше ль иностранных. Ибо по их твердости весьма чистый глянц дают и различные фигуры показывают, чего ради и присланные за тем из Санкт-Петербурга каменотесцы в разных местах оные сыскивают, и по данным им моделям обделав, а иные и большими штуками, в Оренбург присылают, откуда они в Санкт-Петербург на имеющуюся в Петергофе точильную мельницу, нарочно для таких камней сделанную, в зимние времена отправляются.

Азбест, или амиант, есть такой камень, который видом желто-беловат с прозеленью, и когда растолчен, то бывает подобен хлопчатой бумаге, так что умеющие могут его прясть и делать из него полотно, которое на огне не сгорает, но выгорая вся рудность оставит его белым, как бы то было вымыто. Сей камень находится в Башкирии за Уралом, на одном немалом бугре, в вотчине Каратабынской волости башкирцев, от реки Яика неподалеку.

Слюда некоторым образом может также к прозрачным камням причтена быть. Она в Башкирии в Уральских горах на разных местах находится, особливо же в Мякотинской волости около вершин речки Бабай, и в Чалджаутской волости между озер Уялей и Иреляша. Она хуже Архангелогородской, чего ради весьма мало и употребляется, но может быть от сего, что добывать и очищать ее знающие люди в тех местах не бывали.

Между Ильинскою и Озерною крепостями, в горе, называемой Гирьял, слюда ж находится, коя в Оренбурге употребляется. Она хотя довольно прозрачна и бела, но понеже в ней серной материи много, и затем она не весьма тонко делится, и ломка, то ее в лучших домах и не употребляют. На Заяицкой степи, по ту сторону Тургаев, в горах на речке Блеуте (то есть оселок; ибо тут в горах хорошие оселки находят), от горы Улу-Тау на полдень конной езды дня полтора, находится слюда ж и состоит из превеликих камней, видом, сказывают, беловата ж, и делится весьма способно; токмо ее никто не добывает, и от российских жил удалена.

Окаменелые деревья и другие вещи в Башкирии на разных местах находятся, и мне самому в походе 1735 года при одном озере, которому имя припомнить не могу, случилось быть, где на берегу из лежащих

древесных сучьев некоторые все, а некоторые до половины, каменным соком закрепли, а иные и совершенно окаменели. Да и при заложении Оренбурга немалые штуки окаменелого дерева из земли были вырыты, кои снаружи вид свежего дерева и все слои оного показывали, но по тягости и твердости были совершенным камнем.

IX. О песках

Пески береговые на всех больших реках во многих местах находятся; но сии ни во что не употребляются, как токмо что на оных песках рыбная ловля большими и малыми неводами способно производится. Белые ж чистые и мягкие пески, годные в дело стекла и хрусталя, в немногих местах находятся и, сколько ведомо, есть такой песок около Табынска, по реке Белой, в рассуждении которых при покойном генерал-лейтенанте Соймонове в помянутом городке определено было строить казенный стеклянный завод, но за неполучением мастеров оный завод отменен. Еще от Оренбурга верстах в пятидесяти, а от Пречистенской крепости верстах в десяти, близ Сакмары реки в горе, весьма белый и чистый песок добывают. Сверх оных двух мест такой же белый и чистый песок находится близ Яицкого казачьего городка, а более есть ли где – неизвестно. Что до степных песков принадлежит, то сии места у кочующих народов на зимние их кочевья признаются способными, потому что снегу глубокого на них не бывает, и сходит он тут ранее, а трава во многих, а паче в нижних местах и между оными родится. Из таких песчаных мест знатнейшие суть следующие.

Рын-пески, от реки Яика к Волге, то есть в правую сторону, ближайшее их расстояние дня с два, и хотя они наиболее к Астраханской, а не к Оренбургской губернии принадлежат, и кочуют тут калмыки; но понеже сие калмыцкое кочевание и в Оренбургской губернии, следственно и к киргиз-кайсакам есть самое ближайшее, то их знать и в рассуждении обоих оных народов уважать не беспотребно. Сие песчаное место окружено немалым солончаком и так велико, что в то время, когда Волга разлив свой имеет, до десяти тысяч калмыцких кибиток с их перекочевками вмещаются, и бывает у них тут наилучшее и славное кочеванье. Близ солончака в колодезях вода горькая, солоноватая, а внутри оных песков вода сладкая и так близко, что малые ребята руками ее добывают. Около сего места находятся черви, коих по-калмыцки называют бихорхой, они столь вредительны, что если человека укусят, то, распухнув, чрез две недели умирает.

Пески Уркарские белые, на Киргизской степи, в вершинах реки Темира, в длину продолжаются верст на пятьдесят. По них находится множество песчаных бугров, по местам же колками и лес, осинник и тальник.

Пески ж, называемые *Большой* и *Малый Барсук*. Малые начинаются от Орской крепости по пути к Аральскому морю, от озера, называемого Ак-Сакал-Барды, дней с пять. Вид имеют красный. За сими ж Большой Барсук, а затем *Кара-Кум*, то есть черный песок, за которым до самой Сыр-Дарьи пески ж продолжаются, и между ими множество песчаных бугров находится.

Пески Кунгурские начинаются по ту сторону реки Сарасу, дня с два от оной к Зюнгорской земле. Длину их счисляют верст на сто, а ширину верст на пятьдесят. Около оных песков множество соляных озер, на которых садится соль, а в некоторых местах и лес есть, тальник и саксеул.

Пески Джидель-Мамут, от Орской крепости по пути к озеру Ак-Сакалу, дня с четыре верховой езды. Звание их происходит от растущего по ним леса, кой киргизцы называют джидель, местами ж есть и тальник. Длина их верст на тридцать, а ширина верст на десять. По ним есть не малые ж песчаные бугры и выкопанные колодцы, в которых вода пресная.

На всех оных песчаных местах, в Киргиз-кайсацкой степи имеющихся, растет трава, кою киргизцы называют юшан, видом и духом подобна полыни, токмо весьма низка; и понеже скотина сию траву охотно ест, и в зимние времена снега бывают тут мелкие, и недолго держатся, того ради киргиз-кайсаки обыкновенно в тех песчаных местах зимуют.

X. О глинах

Глина есть материя вязкая и клейкая, разных видов и качеств, из которых та, коя в дело кирпича употребляется, есть известнейшая и нужнейшая. Около Оренбурга в самой близости, на сей и на той стороне Яика, находится ее довольно, и для делания кирпича немалые казенные, а несколько и партикулярных заводов тут имеются. Деланный на сих заводах кирпич в палатном строении хотя и довольно крепок, но тем несовершен, что в сильном огне плывет, что делается от особливого свойства оной глины. Напротив того, в других Оренбургской губернии местах такие глины находятся, которым внутри России в доброте подобные едва сыщутся ль. Самые лучшие из них следующие почитаются.

Чебаркульская белая глина в Исетской провинции подле озера Большого Мисяша от Чебаркульской крепости к северу в пяти верстах на ровном сенокосном месте. Сия глина, из всех в Кабинет из Оренбурга на пробу посыланных тутошних глин, за самую лучшую признана и в дело фарфора оказалась весьма способною. Для того в 1752 году из Кабинета отправлен на то место порцелейной фабрики промывальщик, который ее по наставлению бергмейстера Виноградова в помянутой крепости промывает, к чему потребною посудою и работными людьми снабжает его и над всем тем имеет надзирание Исетская провинциальная канцелярия. Изготовленная ж по тому наставлению глина, каждый год по зимнему пути, на помянутую порцелейную фабрику отправляется в Санкт-Петербург. Еще от той же Чебаркульской крепости в пятнадцати верстах к югу, у озера Кундраса, на западной стороне, при деревне Кундравинской, глина черная. Тут же находится в старинных погребах называемая золотуха двух сортов: одна светло-голубая, а другая кирпичного цвета. Обе иные от тамошних обывателей употребляются к мазке печей, отчего делается изрядный вид и глянец.

Увельская в Исетской же провинции от Верхоувельской Красильниковой слободы верстах в десяти на ровном месте, сысканная секретарем той провинции Черемисиновым. Она промываема была означенным же промывальщиком, и из полупуда вышло самой чистой два кирпича, весом в пять фунтов. Оные кирпичи посыланы были в Санкт-Петербург на порцелейную фабрику, и по пробе в фарфоровое дело явилась сия глина так же годна, как чебаркульская, да еще и выгоднее, ибо содержит четвертую долю чистой, а три доли песку, и скорее оседает, почему она в промывку ныне больше и употребляется. С помянутого места возят ее в Чебаркуль сухим путем, ибо расстояние от Чебаркуля не более сорока верст.

Приготовление или промывание тех глин делается сим порядком: в первых той белой глины накладывают в чан, наполняя третью часть оного, и наливают половину того чана чистой воды, и так мешают в три или четыре весла столь долго, пока оная глина совсем распустится; потом дополняют весь чан чистою ж водою, и, размешавши веслами, оставляют суток на трое или на четверо, чтоб устоялась, и пока видно будет, что песок, отделившись от глины, на дно осел. Сие усмотря, начинают распустившуюся глину из того чана вычерпывать ведром или бадьею и процеживать сквозь волосяное сито в другой чан, а когда она в первом чане огустится, тогда доливают его вновь свежею водою и еще мешают веслами. Давши устояться по вышеписанному, цедят еще сквозь шелковое сито в бочки и дают устаиваться,

а потом выпускают гвоздями пока сядет, после чего наливают в парусинные ящики и, таким образом очистив ее от песку совершенно, делают из нее кирпичи.

Кизильская глина от Кизильской крепости[322] к стороне Орской крепости версты с четыре. Она для ее белости обще с чебаркульскою посылана была на пробу, но в дело фарфора оказалась не столь способною. Сего ради не употребляется более, как токмо к белению печей, к чему она и весьма способна, и сделанные из нея горшки сильный огонь выдерживают.

Орская, или губерлинская, глина находится в Губерлинских горах, вверх по речке Чебакле. Из Губерлинской крепости ездят за нею и возвращаются в четыре дня. Она такого ж качества, как и кизильская.

В Киргиз-кайсацкой Средней орде, по реке Кынгыру, коя течет из горы, называемой Улу-Тау, от горы в одном дне, сказывают глину, которая белизною как снег и весьма мягка, где ее, по объявлению толмача Аралова, лежит немало.

XI. Развалины старинных городов и строений

На всей той обширности, которую генеральная Оренбургской губернии ландкарта занимает, хотя и многие развалины и признаки великих старинных городов и строений находятся, но понеже оные большею частию за пределами той губернии, того ради описание их ныне оставляется, а вносятся токмо те, которые в пределах Оренбургской губернии знатнейшими почитаются; прочие ж во второй части при описании провинции имеют быть показаны.

Джанкент по признакам и развалинам бывал немалый город близ устья реки Сыр-Дарьи, где она впадает в Аральское море. От кого оный построен и какие в нем живали народы – о сем известия не находится. Токмо между киргиз-кайсаками носится слух, якобы жители из сего города в древние времена выгнаны змеями, но ныне тут змей весьма мало, и живут около оного нижние каракалпаки, а иногда и киргизцы кочуют. В сем месте около моря и по Сыр-Дарье в камышах, сказывают, множество бобров, кои скоту живущих тут каракалпак великий вред делают. Бывший киргиз-кайсацкий Абулхаир-хан просил, чтоб сей город повелено было возобновить и населить для разных способов, в чем ему от времени до времени и надежда подавана, да и в 1752 году, при рассуждениях о распространении оренбургской коммерции в дальнейшие азиатские места, от Государственной Коллегии иностранных дел

он уважен, как то по имеющимся в Оренбургской губернской канцелярии делам обстоятельно значится.

Сарачик, признак великого ж города на берегу реки Яика, не доезжая до Гурьева за пятьдесят восемь верст, где ныне яицких казаков форпост, называемый Сарачик. Сей город, по объявлению яицких казаков, бывал нагайских татар. Там еще поныне в земле находят многие палатки: видно, что бывали они кладбища знатных людей, ибо во многих находят гробы и кости. Сказывают, что на строение Гурьева городка кирпича много взято из сих развалин. Да и ныне яицкие казаки, около сего места на форпостах находящиеся, на дело печей и на другие потребности кирпич из оных развалин и из тех палаток выбирают.

Татагай, развалины великого ж города в Киргиз-кайсацкой Средней орде на реке Нуре, впадающей в озеро Харгалджин, от устья оной реки верст с тридцать. По признакам был сей город положением верстах на десяти, и еще видны тут четвероугольныя палаты, наподобие замка, так велики, что вокруг сажен на триста. Тут же одна мечеть и весьма много развалившегося каменного ж строения. Киргизцы сказывают, что тут в старину живали нагайцы.

Джуван-Ана, признак немалого ж города, на реке Кингире, впадающей в Сарасу, от устья оной верст с восемь. Тут поныне видимо мечетей до пяти, и одни палаты, кои немало опустились в землю. Киргизцы объявляют, что тут бывало жилище некоторого нагайского хана.

Белян-Ана, городовые ж развалины на берегу реки Сарасу, от озера Телегуля (в которое сия река впала) вверх один день, где поныне пять мечетей видны; и знатно, что сей город бывал по длине верст на шесть, а поперек с версту. Киргизцы сказывают, что имя сие происходит от женщины, у них святою почитаемой.

Сверх оных в прошлом 1750 году посыланный в Киргиз-кайсацкую орду инженер-подпоручик Ригельман, будучи в той орде на речке Карасу, впадающей в Большую Кобду (где тогда было ханское кочевье), неподалеку от устья той реки, от Оренбурга ж верстах в полутораста, нашел и срисовал немалые каменные строения, наподобие пирамид сделанные, которые у киргизцев называются астаны, и сказуют, якобы тут погребены были знатные люди, из которых одного называют они Байтан. Они ж объявляли ему, Ригельману, что тут в старину и город бывал. При оных астанах знатные киргизцы поныне имеют свои кладбища и молятся за умерших.

Около Уйской линии, как на киргизской, так и на башкирской стороне реки Уя, в разных местах находятся развалины каменных строений, из коих некоторые поныне еще в целости. О сих из живущих в

Исетской провинции татар один престарелый человек подполковнику Ренненкампфу по преданию предков своих объявлял, якобы в древние времена жившие в сих местах народы отошли в Китайское государство. Оные доныне видимые строения ничто иное, как знатных их людей кладбища, в которых они погребены.

XII. О соляных и минеральных землях

Понеже химики бытие, или начало всех металлов признают в солях, того ради прежде металлов объявляется здесь об оных, а притом и о минералах, сколько об них поныне ведомо.

Соль по просторечию хотя та одна называется, которую в пищу употребляем, но в рассуждениях физических разные вещества под сим званием разумеются, яко то: соль обыкновенная, или поваренная, селитра, квасцы, купорос, нашатырь, сера горючая и прочая, о которых здесь упоминается, а именно.

О соляных озерах, на которых в пищу употребляемая соль садится, выше сего уже упомянуто; и так осталось здесь объявить о той одной, которая знатна есть под именем *илецкой соли*.

Сия находится на Заяицкой степи, близ реки Илека (по которой она и звание свое имеет), от Оренбурга пятьдесят шесть верст. По 1754 год находящиеся в Оренбурге и в новых линейных крепостях обыватели, и все башкирцы, мещеряки и живущие между ими иноверцы довольствовались безденежно, ездя для добывания оной сами. Но с начала 1754 года по указам, состоявшимся в Правительствующем сенате мая 24 1753 и марта 24 1754 годов, как с башкирцев, так и с мещеряков, ясак снят, а вместо того им и всем между ими живущим иноверцам, яко же и русским в Оренбурге и в новых крепостях обретающимся, повелено покупать из казны по той же цене, как она во всем государстве продается, а именно: в тридцать пять копеек пуд, и для того в Оренбурге построены казенные довольного пространства соляные магазины, в которые привозимая с Илека соль складывается, и не только в Оренбурге в продажу производится, но и во все для довольствия людского учреждаемые магазины развозится; чего ради на том месте, где она лежит, построена крепостца, в которую и регулярной команды определена пехотная рота в полном комплекте, и потребное число артиллерии. С добыванием и поставкою в Оренбург становится оная соль по шести копеек пуд.

Что до ее доброты принадлежит, то чистотою и твердостию едва ль сыщется где подобная ей, ибо истолченая бывает она так бела, что по

виду от чистого толченого сахару распознать ее не можно. Ломают оную такими штуками неподобие брусьев, что в них от тридцати до сорока пуд, а вырубают и гораздо большие штуки, но их для удобности в провозе разбивают. В таких больших штуках, а иногда и в меньших, при ломке ее, находят особливую соль, которая так прозрачна, как хрусталь, и называют сердцем. Сего сердца бывают куски от одного до трех фунтов и более, однако признают, что оно не толь солко, как прочая соль. Для чистоты оного простой народ употребляет его к лечению глаз.

О положении сей соли, какую имеет обширность, обстоятельного и достоверного рассмотрения еще не учинено. В 1744 году посылан был туда для сего майор Кублицкий, который, возвратясь, рапортовал, что она лежит покрытая землею в некоторых местах меньше сажени, а в других и больше, и что далее от того места, где ее берут, то земля на ней толще, а затем уже и озера находятся с пресною водою. Он, срывая землю, в пятидесяти трех местах осматривал, и везде соль находил. И хотя он вглубь аршина на три и более ее разрабатывал, но до конца не мог дойти, к тому ж воспрепятствовал ему тузлук, или рассол, который сквозь ту соль проходит, и что глубже, то более оного рассолу делается, а особливо когда дождливая и сырая погода, то сия работа от мокроты и множества оного рассолу делается весьма затруднительною. В 1745 году для такого ж осмотра посылан был Ревельскаго драгунского полка полковник англичанин Иннис, который, так же как и помянутый Кублицкий, разрабатывая в разных местах, находил что глубже, то больше рассолу. Однако ж оба они показали, что имеется тут соли довольно, и в добывании ее, кроме означенного рассола, никаких других затруднений нет, как то и поныне оказывается; но со временем, когда сие место будут разрабатывать порядочно, и для течения оного рассола в способных местах сделать канальцы и несколько бассейнов, откуда б оный рассол насосами выливать, то уповательно сия трудность минется, и добывание соли будет способнее.

По вышеписанным обстоятельствам можно признать, что сия соль в земле имеет овальное положение, а по примеру Индерского соляного озера не невозможно и то помыслить не происходит ли оный тузлук из каких-нибудь соляных вод в исподи или около сторон ее в земле имеющихся, но сие исследование принадлежит искуснейшим в физике.

От сего места в степь около ста верст сказывают, что еще такая ж соль находится; однако ж оное место, яко отдаленное, и что илецкая соль гораздо ближе, поныне не свидетельствовано.

Селитра в Башкирии на Сибирской дороге, в Кудейской волости, при реке Симе, в пещере обыскана, которую по ордеру генерал-лейте-

нанта Соймонова осматривал переводчик Уразлин, и вываренная им на пробу, тако ж и порох из той же селитры сделанный, объявлены им были в Башкирскую комиссию, но и в других местах, а особливо в киргиз-кайсацких ордах (где, как выше означено, немалые старинные городища) селитряных земель сыскаться может довольно. Самое знатное на селитру место известно по сю сторону Туркестана, днях в трех, тут, где бывал городок Созак, при котором отчасти Большой орды, а иногда и Средней, кунратского рода киргизцы кочуют. На сем месте, сказывают, множество самородной селитры лежит, кою, как киргизцы, так и другие тамошние народы, берут и в дело употребляют.

Квасцы в Башкирии на Сибирской дороге, в Айлинской волости, в горах обысканы переводчиком Уразлиным, и вываренные явлены им были в комиссию Башкирских дел, но и еще в разных местах Башкирии минералу сему быть сказывают, токмо знающими людьми не искан и не свидетельствован. На Заяицкой степи, сказывают, что сей минерал есть в Алгынском сырте по берегам реки Ачу-Ташли-Тургай (то есть квасцовый Тургай), от Орской крепости днях в шести, и лежит в горе, обширностию на версту. Сии квасцы хотя не совершенно чисты, но не худы и довольно кислы. Киргизцы в сие место нарочно за ними ездят и употребляют к крашению шерсти. Еще сказывают их в вершинах реки Тобола, как выше в описании сей реки упомянуто. Еще ж между Илецких и Бердетских вершин, от Оренбурга днях в трех, на ровном месте, по сказкам киргизцев, чистые самородные квасцы есть, но то место они не указывают и поныне еще не найдено.

Купорос есть ли где в Башкирии, неизвестно, разве в горьких озерах, которых, яко же и колчедана, во многих местах довольно. Господин доктор медицины Риндер объявлял, что купоросных вод в бытность его в Исетской провинции, в Окуневском дистрикте, около села Кислятского, приметил он довольно, токмо оные поныне не пробованы. А за Яиком минерал сей едва есть ли, потому что азиатские купцы сами покупают оный у российских в Оренбурге и в Троицкой крепости, но сие может быть оттого, что они делать его сами не умеют, а самородного нигде у них не находится.

Нашатырь есть ли где в Оренбургской губернии, тому поныне никаких признаков не объявлено. Сказывают токмо, что самородный нашатырь находится в Туркестанских горах, от Ташкента в зюнгорскую сторону дней с пять конной езды, который и в Оренбург тамошними купцами приваживан и по пробе найден совершенно действительным.

Сера горючая на Заяицкой степи находится по реке Сыр-Дарье вверх, близ нижних каракалпак, где, как слышно, тамошние народы достают

ее множество, но самородную ль, или вываривают, о том неизвестно. Внутри Оренбургской губернии находится она по реке Соку, близ Сергиевска, что на Закамской линии, где и серные заводы бывали, но переведены на Волгу реку, где ныне Серный городок от города Самары вверх по Волге верстах в двадцати имеется. В Башкирии есть ли где сия материя – подлинно неизвестно[323].

Нефтяные ключи около помянутого ж Сергиевска в разных местах имеются, где и нефтяные заводы напредь сего бывали. По определению Государственной Берг-коллегии, июня 16 дня 1754 года на прошение татарского старшины Надыра Уразметева дан ему, Надыру, с сыном его Юсупом, указ около Закамской же линии, на речке Карамале, завод завести, для которого они в близости четыре нефтяных ключа сыскали, и ту материю оной Коллегии на пробу объявили, которая, по учиненному в той Коллегии опыту, явилась действительна. На Заяицкой же степи, от Оренбурга в полуденную сторону верховой езды дней двенадцать, в вершинах речки Сагыз (коя впадает в реку Эмбу), на степи, в полуверсте от той речки, сказывают, есть нефтяное место, кое по тамошнему Смоляным называют, в длину сажен на полтораста, а в ширину до ста сажен. Сия материя завсегда поднимается, опускается и расплывается, так как бы кипела, но не горяча; и ежели верблюд или лошадь зайдет в сие место, то так увязнет, что и вытащить не можно. Такой тяжелый тут дух, что никакая птица сего места перелететь не может.

XIII. Минеральные земли

В Башкирии на Сибирской дороге, в Мурзаларской волости, на берегу реки Эрезеня, в горе, переводчиком Уразлиным обыскана красная краска, а такая ж и около Орской крепости находится.

В Башкирии ж и на той же Сибирской дороге, в Кудейской волости, меж рек Сима и Эрезена, помянутым же переводчиком обыскана в болоте краска синяя. В ведомстве старшины Шиганая Бурчакова, на реке Бердяше, от жилища оного старшины верст с пять, найдена Карачевского форпоста крестьянами Скородумовыми синяя ж краска, видом весьма схожая с брусковою.

В Исетской провинции помянутыми ж крестьянами в 1752 году найдена такая ж синяя краска, подле реки Синары, по течению ее с правой стороны, при ключе от Усть-Багаряцкого юрта с версту.

В Ставропольском ведомстве, около пригорода Сергиевска, находят желтую охру.

На Заяицкой степи в разных же местах минеральные земли быть сказываются, а именно: желтая охра по ту сторону Тургаев, при речке Отлеуте, от горы Улу-Тау вправо дня с полтора (где и слюда находится); красная при речке Яланчик, или Змеиный Тургай, от Орска дней восемь; красная и синяя по речке Иотшалы-Тургай, от Орска днях в шести. Киргизцы все оные земли употребляют на крашение своих кибиток и шерсти, из которой они кошмы делают.

XIV. О металлах

Металлов обыкновенно счисляется шесть, а именно: золото, серебро, медь, олово, свинец и железо, но чтоб их сравнить с числом планет, для того химики прибавили к ним ртуть и тем соглашают их к семи планетам. Прилична ль ртуть металлам, о том между физиками имеющийся спор к сему не принадлежит, но объявляется здесь следующее.

Золота и *серебра* во всей Оренбургской губернии поныне еще не изобретено, а хотя с самого Оренбургской губернии начала по делам и значится, что разные люди и из разных мест под именем золотой и серебряной руды камни объявляли, но по пробам ничего в них, кроме горючей серы не являлось; разве окажется что-либо впредь, а особливо когда вышеописанные в киргиз-кайсацких ордах находящиеся горы, а именно: Алгынский сырт, Эремейские[324], Кукчинские, Баян-Ула, Улу-Тау и другие тамошние горы знающими людьми будут осмотрены. Ибо хотя и сказывают, якобы в них золотые и серебряные руды находятся, но без осмотра и свидетельства увериться в том невозможно. Что в Бухарии и около Ташкента в горах и реках золото находится, сие довольно ведомо, о чем со временем в третьей части обстоятельно может быть объявлено.

Медных руд в Башкирии, в Уральских горах и по обеим сторонам оных, тадо ж и в других разных местах находится множество. Для сыска и плавки оных в прошлом 1743 году явился первый в тамошних местах охотник, синбирянин Иван Борисов сын Твердышев, и получа по определению Правительствующего сената те казенные рудники, для которых еще в 1735 и 1736 годах при статском советнике Кирилове зачат был медный завод (но за бывшим башкирским замешанием покинут), и к ним приискав еще многие и достойные руды на реке Торе, впадающей в Нугуш (а сия пала в реку Белую), построил первый завод, именовав его Воскресенским, так как и при Кирилове застроенный назывался[325]. Потом им же, Твердышевым, с компанейщиком его синби-

рянином же Иваном Мясниковым[326], построены медные ж заводы, а именно: в 1748 году на реке Урмаин-Елаире, впадающей в Сакмару, Преображенский; в 1751 году на речке Бармете, впадающей в Зиган, а сия пала в реку Белую, Богоявленский; в 1752 году на речке Ак-Сыме, коя ниже пригорода Табынске пала в Белую ж, Архангелогородский; да на речке Торе, от Воскресенского в 9 верстах, Верхоторский[327]. Все оные заводы строены им, Твердышевым, по заключенным им в Оренбургской губернской канцелярии контрактам в силу указа, состоявшегося в Правительствующем сенате апреля 16 числа 1744 г., и находятся в исправном действии. Сверх оных ему ж, Твердышеву, в 1754 году от Государственной Берг-коллегии дано позволение еще построить завод на речке Сукане; и так за ним обще о компанейщиком его Мясниковым имеет быть шесть медных заводов.

Кроме оных твердышевских, медные ж заводы состоят: за тулянами Максимом да Иваном Масаловыми с 1751 года на речке Кане, впадающей в реку Белую, Каноникольский[328]; за синбирянином Матвеем Мясниковым, на речке Укашле, Благовещенский[329]; за балахонцем Иваном Осокиным[330] с 1752 года, на речке Кидаше Троицкий[331]; ему же, Осокину, позволено строить завод на речке Усене[332], за тулянами Петром да Григорием Красильниковыми на речке Шаране, впадающей в реку Сюнь, с 1752 года Архангельский[333]; за заводчиком Герасимом Глазовым, на речке Кичуе, Богословский[334]; да с 1754 года, по данным из Государственной Берг-коллегии указам, построены медные ж заводы их сиятельств: графа Петра Ивановича Шувалова, на речках Курпуте и Уреске, три[335]; графа Александра Ивановича Шувалова, в вершинах Большого и Малого Ика, Покровский[336]; графа Карла Ефимовича фон Сиверса[337], на речке Иргизле, Вознесенский[338]; еще в назначено строить на речках Тувле, Шермянке, Еркуле и Сыпе медиплавильный завод его превосходительству Александру Ивановичу Плещееву[339]; всего поныне в действии имеющихся и строением позволенных в Башкирии одного Уфимского уезда восемнадцать медных заводов.

Олова, иже минерала, из коего оное делается, поныне во всей Башкирии не слышно, и никаких признаков не объявливано, разве на Заяицкой степи в вышеписанных горах впредь не откроется ли, когда оные искуснейшими в горной науке людьми будут осмотрены.

О *свинцовых рудах* сказывается, что в Уральских горах на разных местах много, а при статском советнике Кирилове оные с Губерлинских гор и из других мест приношены, но все за происшедшим тогда башкирским замешанием оставались без надлежащего осмотра, а бывший тогда пробователь Яспер о доброте их хотя и

уверял и об некоторых сказывал, якобы по пробе и серебро содержат, но понеже он прежде того был серебряного дела мастер, человек престарелый, и в пробах незнание его неоднократно присмотрено, то увериться о том не можно, а надлежит искусными людьми достовернее осмотреть и поверить.

Железных руд в Башкирии, как по ту, так и по сю сторону Уральских гор, и в обеих провинциях, то есть в Уфимской и Исетской, на разных местах находится множество, но из всех оных самая лучшая есть в Магнитной горе, на той стороне реки Яика, близ Магнитной крепости, которая гора по башкирскому названию Атачи именуется и описана выше сего.

Поныне в Оренбургской губернии из железных заводов, действительно построенных в Исетской провинции, Каслинский[340], на Каслинском истоке, который называется и Кургулак (а оный истекает из озера Касли и впадает в озеро Кизыл-Таш), заведен в 1746 году тулянином Коробковым, а по продаже от него состоит ныне за статским советником Никитою Демидовым; Киштымский[341], на речке Киштыме, его ж, Демидова; в Уфимской провинции на реке Назе, впадающей в реку Уфу, застроен в 1747 году балахонцем Петром Осокиным, а по продаже от него состоит ныне за тулянами Масаловыми и называется Назепетровским[342].

Да с 1754 года его сиятельства графа Петра Ивановича Шувалова, по определениям Государственной Берг-коллегии, на речках Авзяне, Нижнем Узяне и на Каге, впадающих в реку Белую, три домны и десять молотовых амбаров, во всех оных тридцать два молота. Да в Гирей-Кипчакской волости, на речках Зигазе да Шишеняге, два завода, при одном домна, а при другом молотовые, итого пять заводов.

По данному в 1751 году от Оренбургской губернской канцелярии позволению на речке Сатке и Куваше, а потом по особливому их Государственной Берг-коллегии указу, за малостию в тех речках воды, на реке Ае, в которую обе оные речки впали, тулян Ивана да Василия Масаловых, – Златоустовский[343]; на той речке Сатке его сиятельства графа Александра Сергеевича Строгонова, завод Саткинский[344]; да другой его же сиятельства завод Артинский, на речке Арте, впадающей в реку Уфу[345]. Еще упоминаются железные заводы Ивана Твердышева да Ивана Мясникова: Катав-Ивановский[346], Юрюзенский, Симский. Да им же позволено строить на речке Тирляне, она же и Тердень, которая с правой стороны впала в реку Белую.

Всего железных заводов, доныне построенных и строить позволенных, тринадцать.

XV. О скотах и зверях

Об оных по алфавитному порядку упоминать имеем.

Аркар, зверь степной, схож к оленю, имеет копыта как у коровы, шерсть на нем желтовата, рога наподобие бараньих, и когда бежит, то голову держит кверху, а рога на спине, хвост имеет короткий, не более четверти, и весьма резво бегает. Их много в каракалпаках по Сыр-Дарье, около тамошних песков; каракалпаки бьют сих зверей и употребляют в пищу.

Бараны и *овцы* в Оренбургской губернии трех родов находятся: русские, черкасские и киргизские; но в Башкирии русские гораздо больше обыкновенных, токмо башкирцы и между ними живущие татары держат их не помногу. Черкасские заведены бывшими при Оренбурге на поселении черкасами, которых и ныне по реке Кинелю особливая немалая слобода имеется, и овцами весьма достаточны. Киргизские овцы весьма сходны с каракалпацкими и от русских, тако ж и от калмыцких в виде и доброте мяса имеют немалую особливость. Головы у них покляпые[347] и большие, уши большие ж и повислые. Величиною гораздо больше не только русских, но и черкасских, хвостов у них нет, но вместо оных имеют курдюки, кои у жирных бывают более тридцати фунтов, а во всем баране и овце с курдюком около пяти пуд случается. Мясо их весьма сочное и вкусное. Киргиз-кайсаки имеют их такое множество, что у одного киргизца от одной до трех тысяч овец бывает. Они спускают их с баранами в такую пору, чтоб ягнились всегда по первой траве; ибо в зимнее время за стужами и за неприготовлением сена, ягнят соблюсти им не можно. Каждое лето для промена российским пригоняют в Оренбург и в Троицкую крепость от тридцати до пятидесяти тысяч и получают на лучшую овцу товару по цене от пятидесяти до восьмидесяти копеек, а по тарифу оренбургскому оценены большие по семидесяти, а молодые и ягнята по двадцати по пяти копеек. Сало сих овец подобно говяжьему, и торгующие в Оренбурге купцы, скупая и перетапливая, отпускают оное, тако ж и кожи, в российские города. Шерсть сих овец для ея жестокости, кроме войлоков и кошем, почти ни во что негодна, но овчинки с ягнят для того, что они шерстью не столь мягки, как русские, и не лезут, а притом весьма чисты и курчеваты, некоторые ж волнисты и с глянцем, на дело тулупов и епанчей весьма способны. Продаются от десяти до двадцати, а лучшие и до тридцати копеек одна и так самый лучший тулуп от черных киргизских овчинок от двадцати до двадцати пяти рублей становится. Оренбургские обыватели и новых крепостей,

ближних к Киргиз-кайсацкой степи, кроме оных киргизских овец, других весьма немного имеют, однако ж и бухарского отродия овцы у них случаются, которыя киргизских меньше, и вместо курдюков имеют широкие хвосты лопатками, и шерсть у них мягкая, как у русских.

Бабр[348] есть отродие тигров, видом сход к рыси или к кошке. Шерсть на нем желтоватая с полосами, глаза весьма быстрые, шея короткая, и когти пребезмерно твердые. Оных множество находится в камышах около Аральского моря и по реке Сыр-Дарье, которые случающимся тут людям, а особливо верблюдам и лошадям, великий вред причиняют. Они такую скорость и силу имеют, что не только лошадь, но и верблюда поймав, тотчас убивают. Они хотя не весьма высоки, но так длинны, что большие из них по сажени и больше бывают. Их ловят молодых и сказывают, что старые бабры три года молодых кормят, в которое время они так смирны, что их ловить безопасно, только б старых притом не было, щенятся чрез три года. По тарифу оренбургскому кожи их положены большой руки по тринадцати, средней по восьми, а меньшей по пяти рублей каждая.

Барсук, зверь степной и под землею в норах живущий, которого в степных местах находится немало. Калмыки, убивая их, едят, и для многого их жиру мясо их почитают за весьма вкусное, но кожи их весьма мало в употреблении.

Бобр есть такое животное, которое живет на сухом пути и в воде, видом несколько похож на свинью, токмо имеет шерсть остистую, и вместо хвоста лопатку с чешуею. Гнездо обыкновенно делают они в берегу, так чтоб всегда сквозь воду в оное проходить, а ежели вода обмелеет, то деревьями и хворостом подпруживают воду, чтоб вход в нору всегда был под водою. О их натуре и о порядке, какой они между собою наблюдают, охотники много особливостей и невероятного сказывают. Их в Башкирии во многих реках ловят капканами (инструмент стальной, напряжен или натянут пружиною, кой, будучи тронут, вдруг стесняет и давит), кожи их продают азиатским народам, ценою от двух рублей и выше каждую, а ядра, или струя, именуемая касториум, продаются особо, фунт от восьмидесяти копеек до рубля, а иногда и свыше. Из кож черные почитаются за лучшие, и называются у охотников корольками или князьками. По тарифу оренбургскому расценены российские бобры на три статьи: меньшие по рублю, средние по рублю по двадцати, а большой руки по рублю по пятидесяти копеек.

Быки и *коровы* у башкирцев крупнее обыкновенных русских, у калмык крупнее башкирских, а у каракалпак и калмыцких гораздо крупнее. Они схожи к архангелогородским. Киргизцы весьма их мало содержат,

и когда им удается отогнать от каракалпак, то, пригоняя в Оренбург, продают русским. В тарифе оренбургском положена цена азиатскому рогатому скоту от двух до трех и четырех рублей. Около Зюнгорских границ между горами есть быки и коровы дикие, коих довольно калмыки ловя, употребляют так, как и обыкновенных. Видом они домашних ниже, токмо длиннее, рогов не имеют, хвосты короткие, не более четверти аршина, токмо на конце хвостов великие шишки, шерсть у всех чубарая, длинная и курчеватая, мясо их хотя и весьма жирно, но слабо.

Белка, зверок лесной; оных в Башкирии и в других лесных местах бьют из луков и другими инструментами ловят, в чем особливо черемисы и чуваши искусны, но лучшая белка почитается в Самарском и в Ставропольском уездах, в Исетской же провинции лучшая называется илецкая, однако ж не столь хороша и крупна, как якутская. Продаются они по семи и по восьми копеек одна, а по тарифу оренбургскому простой белки положен десяток по двадцати копеек.

Верблюды; в Башкирии их не весьма много, а больше у калмык. Киргиз-кайсаки и азиатские купцы выменивают и покупают их в Оренбурге и в Троицкой крепости и дают от сорока до шестидесяти рублей, а иногда и более за одного верблюда. Киргиз-кайсаки, перекочевывая с места на место, вьючат на них кибитки свои и всякий багаж. Купцы ж азиатские в уездах своих больше верблюдов нежели лошадей употребляют, потому что в степных, а паче в безводных и в бестравных местах всякую нужду больше вытерпливают и вьючат на них тягости от пятнадцати до двадцати пуд, и переходят в день обыкновенною ездою верст по сорока и по пятидесяти. По тарифу положены: меньший по тридцати, средний по сорока, а большой верблюд по шестидесяти рублей.

Волки; в Башкирии оных весьма мало, ибо башкирцы для бережения конских своих табунов, усмотря их, совокупно и всякими образами убивать и искоренять стараются. Напротив того, на Заяицкой степи и в обеих киргиз-кайсацких ордах киргизцы бьют их множество и, привозя в Оренбург и в Троицкую крепость, продают и меняют от рубля двадцати до рубля пятидесяти копеек одного. Они живут по степям в норах, и хотя киргиз-кайсацкие волки не столь велики, как в Башкирии и в русских местах находящиеся, однако ж для мягкой их мездры, и что гораздо легче русских, то оным предпочитаются. Иногда случаются из них такие белые, что подобны туруханским. Повсегодно в обоих помянутых местах, от киргиз-кайсаков и от других азиатских народов, выменивают их от пятнадцати до двадцати тысяч и отпускают больше в Польшу и в Турцию. По сказкам, около крепостей Уйской линии бывают изредка совершенно черные волки, но близ Оренбурга таких еще не

видано, да и в Сибири почитают таких за диковинку и покупают от десяти до пятнадцати рублей одного. Киргизцы степных волков бьют плетьми и копьями, гоняясь за ними на лошадях, а некоторые к тому употребляют птиц, называемых беркуты (род больших орлов), которых обучают так, что налетев на волка, хватают когтями, одною ногою за голову, а паче за глаза, а другою за пах, и, так его стянув, удерживают или глаза выклевывают; а между тем киргизцы, наскакав на лошадях, копьем или какое при них случится оружие, убивают. По тарифу положена на волков цена: за большие и лучшие по рублю по двадцати, за средние по девяносто, а меньшей руки по шестидесяти копеек.

Выдра, так как и бобр, и в воде и в земле находится, величиною поменьше бобра, хвост имеет длинный с шерстью. Ловят их немало в Башкирии и в других местах такими ж инструментами, как и бобров. Кожи их при Оренбургской и Троицкой ярмарках азиатским народам продаются, хорошие от трех до четырех рублей, а по тарифу положены по рублю по двадцати и по рублю по пятидесяти копеек.

Выхухоль, зверок водяной, видом и величиною с большую мышь, хвост имеет подобен бобровому, с шелухою треугольный. Кожа его для одного духу употребляется, и мнят, якобы от ней моль не вредит платье. Они изредка в некоторых тамошних реках попадают и наибольшие в реке Волге. По тарифу положена им цена по две копейки.

Горностаев, как в Уфимской, так и в Исетской провинциях, и около новых крепостей, а особливо близ Кичуйского фельдшанца и Черемшана реки, разными инструментами бьют множество, но лучшие и крупнее те, кои в Исетской провинции. Торговые люди покупают их по уездам и дают за одного от десяти до пятнадцати копеек, а иногда и свыше. По тарифу положены русские по двенадцати, а сибирские по пятнадцати копеек.

Зайцы в Оренбургской губернии трех родов находятся: белые и серые, коих зовут русаками, третьи земляные[349], у которых передние ноги коротки, а задние чрезвычайно длинны. И сии последние в степных местах бывают и живут в норах, однако ж всех оных в Башкирии и за Яиком не весьма много, а больше в Исетской и в Ставропольской провинциях. По тарифу положена цена за сто русаков по восьми рублей.

Ишаки, или ослы, в Оренбурге и в других местах сей губернии появились с того времени, как с азиатскими купцами коммерция умножаться стала, ибо те купцы часто пригоняют их, навьюча своими товарами. Они ростом весьма мелки, и редко находится такой, который бы был больше годовалого крестьянского жеребенка, но самого большого человека поднимают. Азиатские ж купцы кладут на них обыкновенно

по два вьюка, на каждую сторону по одному, так что в обоих от восьми до девяти пуд бывает. Продают их в Оренбурге от трех до четырех рублей, токмо весьма редко бывают кобылы, но все почти жеребцы и кладеные. Русские их весьма мало покупают, чего ради оные купцы по большей части отгоняют их с собою. А хотя их в Оренбурге некоторые и имеют, но ни во что не употребляют.

Кабаны, или дикие свиньи, в Башкирии и на здешней стороне реки Яика редко случаются. Напротив того, за рекою Яиком, по Илеку реке вверх, а особливо около тех озер, на которых камыш растет, яицкие и илецкие казаки в зимние времена бьют их для пищи весьма не мало, а иногда и в Оренбург для продажи битых привозят. Из них так велики бывают, что в одной туше от пятнадцати до двадцати пуд мяса случается. Вепри, или борова, имеют обыкновенно клыки, то есть зубья кривые, кои изо рта наружу вырастают, подобием серпа, вершка на три, а у больших и на четверть, и так остры, что они ими деревья в оглоблю и толще одним разом пересекают. Стреляют их из винтовок, а притом бьют и копьями.

Козы и *козлы домашние* у киргизцев гораздо крупнее русских, головы и уши имеют большие и понурые, но держат они их немного. Пригоняемые от них на ярмарку, продаются противу овец малым дешевле. По тарифу оценены: большие по шестидесяти, средние по сорока, а меньшие по тридцати копеек. Козы ж дикие, называемая *сайги*, внутри Башкирии весьма редко, но около Яика, а особливо на Заяицкой степи, табунами случаются, и так резвы, что никакой собаке угнать невозможно, разве по насту, когда собака может скакать, а они для острых копыт снег проламывают и чрез то ноги себе обрезывают. Но казаки и киргизцы умеют искусно к ним подкрадываться и бьют их на пищу из ружей. Мясо их хотя не жирно, но вкус имеет изрядный. Величиною они не больше домашней козы, только тонки, и ноги имеют длинные и сухие. Шерсть на всех желтовата, или светло-рыжая. Молодые ягнята в домах легко привыкают и так ручными делаются, что и выросшенный не уходит, хотя б и на степь был выпущен.

Кошки дикие в киргизских ордах на степях бывают, но не много их в Оренбург и в Троицкую крепость для продажи киргиз-кайсаки привозят. Они гораздо больше домашних кошек и схожи к рыси, но меньше и шерстью плоше. Продаются от шестнадцати до двадцати копеек одна, а по тарифу пошлина берется с десяти копеек.

Корсаки, зверь степной, живут в норах, которых на Заяицкой степи киргиз-кайсаки ловят беркутами и собаками и, догнав на лошади, плетьми бьют множество и повсегодно русским от сорока до пятидесяти

тысяч в Оренбурге и в Троицкой крепости променивают. По оренбургскому тарифу положена им цена по сорока копеек каждой. Они несколько схожи к лисицам, но меньше, и шерсть на них серая и неостистая. Российские купцы, а особливо курчане, отправляют их в Турцию. Кроме того что на Заяицкой степи, в других местах Оренбургской губернии нигде их не видно. Киргизцы в торгах и менах между собою употребляют их почти так, как деньги, и вещи свои ценят по тому, сколько корсаков стоит.

Куница во многих соболю подобна, но меха куньи против собольих добротою многим хуже. В разных местах в Башкирии, а особливо в Гайнинской волооти, бьют их довольно и продают от сорока до пятидесяти, а лучшие и по шестидесяти копеек каждую. По тарифу положены в пятьдесят копеек.

Кони дикие на Заяицкой степи, а иногда и на сей стороне реки Яика, двух родов, а именно: *тарпаны* да *куланы*, или турханы.

Тарпаны ростом против средней лошади только круглее, шерстью саврасые и голубые, а хотя и другими шерстьми бывают, но редко. От киргизских лошадей отменны они головами, потому что головы у них больше и на лбу имеют западины. Киргиз-кайсаки, собираясь человек по двадцати о-дву-конь[350], их ловят и привязывают к своим лошадям за шеи арканами и так привязанных держат по месяцу и более, и тем приобыча их, употребляют к езде, как и своих лошадей.

Куланы бывают больше на Заяицкой степи, около реки Сарасу, а иногда и по Эмбе. Ростом они выше тарпанов, поджарые, уши имеют долгие стоячие, но хвосты короче нежели у обыкновенных, гривы небольшие, шерсть на них густая и немалая, схожа к мышьей, ходят великими табунами, так что по тысяче и больше случается. Киргизцы, стреляя их, употребляют себе в пищу.

Ласка, зверок, подобный горностаю, токмо меньше оного и на хвосте ничего черного у него нет. Ловят их в разных местах, а особливо около больших рек, и, мешая между горностаями, незнающим продают.

Лисицы в Башкирии красные, а изредка бурые и чернобурые попадают. Можно сказать, что в Башкирии наилучшая прибыль от ловли сего зверя и от бортевых пчел состоит; напротив того в киргиз-кайсацких лисицы мельче, нежели башкирские и русские, точно превосходят душками, и продается одна лучшая душка от семидесяти и до восьмидесяти копеек. Киргизцы ловят их беркутами, и, гоняясь на лошадях, бьют плетьми так много, что в Оренбурге и в Троицкой крепости[351] во время ярмарки каждое лето бывает их в привозе и в продаже русским

купцам от тридцати до сорока тысяч и более. По Оренбургскому тарифу ценятся они каждая по восьмидесяти копеек, а прочие по их доброте. Русские купцы покупают их более для отсылки в Украйну и в Польшу, тако ж и в Турцию.

Лошади башкирские издавна в России за крепких лошадей почитаются, между которыми многие сходами, и так резвые иноходцы бывают, что во всю силу скачущая лошадь едва может равняться, и то ненадолго, которых продают в Башкирии от тридцати до пятидесяти рублей и выше. До последнего бунта башкирский народ весьма богат был лошадьми, но в бывшее им замешание многие оскудели. Некоторые ж из них и всего имения лишились; однако ныне паки те свои заводы многие возобновили, и уже немало находится таких, кои от трех до четырехсот кобыл имеют. Башкирцы, как зимою, так и летом, все свои табуны содержат на степи, ибо как бы ни глубок был снег, однако лошади их обыкли разгребать, а по их названию тебенить ногою, и так подснежною травою, имея на себе от лета довольно жиру, содержатся; токмо для немногих лошадей, которых башкирцы в зимние времена для езды употребляют, заготовляют они сено, потому что степная лошадь с виду хотя и кажется не тоща, однако ж будучи употреблена к езде дальней или тяжелой вскоре слабеет. Напротив того, *киргизские лошади*, в киргизских руках будучи, сена не знают, ибо киргизцы никогда его не запасают, а содержат лошадей своих и всякий скот, как летом, так и зимою, на степях, подобно башкирскому, и для того на зимние свои кочевья избирают они всегда места теплые, и где меньше снегов, например пески (о коих выше упомянуто) или камыши при больших реках или озерах, и так далеко отгоняют, что от их кибиток бывает расстояния конной езды по неделе и больше. Сие чинится того ради, чтоб мелкому скоту, а притом и верблюдам (кои у них на нужное время, то есть для перекочевания, всегда близ жила содержатся), корм в близости оставался. Коровы ж ходят у них в камышах, ибо они в степях тебенить не могут, для того киргизцы мало их и содержат, и у самого богатого более двадцати не бывает. Овцы ж по степям тебенят сами, и хотя все они зимою несколько худы и тощи, но по наступлении лета вскоре оправляются и жиреют. Киргизцы лошадьми так достаточны, что нередко у одного есть тысячи по две. Лошади их крупнее башкирских и видом статнее и легче, потому они к драгунской службе, когда приобыкнут к русскому содержанию и к езде умеючи будут обучены, почитаются весьма способными. Они же и ружейной пальбы не весьма боятся. Их во время ярмарки в Оренбурге и в Троицкой кре-

пости киргиз-кайсаки на надобные им российские товары променивают от десяти до пятнадцати тысяч лошадей, и годную под драгуна лошадь от пятнадцати до восемнадцати рублей купить можно. Между киргизскими лошадьми такие ж хорошие иноходцы случаются, как и из башкирских, а особливо с легкими ходами нарочито статные лошади бывают. По оренбургскому тарифу на киргизских лошадей положена оценка генерально по двенадцати рублей, а с борзых иноходцев и с бегунов берется пошлина с цены.

Лоси внутри Башкирии весьма мало и изредка попадаются, но по сю сторону Урала, особливо ж между Кинелем и Самарою реками, а паче около Борской крепости, по последнему зимнему пути тамошние казаки бьют их повсегодно число немалое, да и в Исетской провинции оные есть.

Морал, зверь степной, во всем подобен лосю, токмо менее, в Сибирской стороне находится между горами, и киргиз-кайсаки довольно их стреляют и употребляют в пищу.

Медведей не токмо в Башкирии, но и в Киргизской Средней орде везде, где лесные места, находится довольно, но они против тех, которые внутри России, никакой отмены не имеют. Кожи их продаются по великости их от одного до двух и до трех рублей. По тарифу положены они по восьмидесяти, по рублю по двадцати, и по рублю по пятидесяти копеек.

Норка, зверок водяной, схожа на куницу, токмо длиннее и шерстью хороша, малым чем плоше соболя. В Башкирии и во многих степных реках ловят их собакам и лучками и продаются от тридцати до сорока копеек, по тарифу ж положены по тридцати копеек.

Росомак[352], зверь лесной, ростом побольше лисицы, шерсть имеет длинную и остистую; оных в Башкирии, где есть лесные места, особливо ж в Гайнинской волости, бьют, но не весьма много. Продается хорошая кожа от одного до полутора рубля, по тарифу оценена она в рубль.

Рысь видом похожа на кошку, шерсть имеет пушистую и теплую. Оных довольно бьют в Уфимской провинции, где лесные места, а особливо в Гайнинской волости. Кожи их продаются от трех и до шести рублей, по тарифу положены лучшие по четыре, средние по три, а меньшой руки по полтора рубля.

Собаки у башкирцев и у живущих между ими татар видом от русских дворовых собак почти ни в чем не разнятся, но та в них особливость, что к ловле волков и лисиц натуральную имеют склонность и весьма способны, чего ради охотники покупают их между собою хоро-

шую рублей до десяти. Яицкие казаки при звероловстве своем таких же собак употребляют.

Соболи в Оренбургской губернии нигде не находятся.

Сурок, зверь степной, коих по нескольку в одной норе живет, где вырывают для житья себе довольной величины ямину, а по сторонам особые печурки, в коих во всю зиму не выходя лежат, пока вешняя и теплая погода не наступит. В хорошую погоду, выходя, они станицами и, поднимая передние ноги, садятся на задние, и свищут подобно человеческому свистанию. Они ни на что не употребляются, токмо калмыки, убивая их, употребляют в пищу и почитают мясо от много жиру деликатным. В степных местах весьма их много.

Суслик, так же, как сурок, живет на степях в земле, токмо ростом гораздо меньше сурка, шерсть имеет желтоватую, а иногда пеструю, весьма низкую, почему недавно начали зимнее платье сими кожами подбивать, которые для их пестроты изрядный вид имеют. Во всех степных местах находятся в великом множестве, весною и летом свищут так же, как и сурки.

Тюлени живут в Каспийском море и около Гурьева ловят их довольно, да и в Аральском море, как слышно, есть[353], но для ловли их особливых промыслов нет.

Черепахи в Каспийском же море в довольном числе находятся, тако ж и около реки Яика по обеим сторонам в озерах и в степных речках, а особливо где густой кустарник, их много, токмо мелки, и весьма изредка такие попадают, которых скорлупа больше ординарной[354] тарелки. Сказывают, ежели она человека уязвит[355], то многие от того умирают. От них же молодым уткам и гусям случается вред, а особливо когда они заплывут к их гнездам.

XVI. Инсекты, или насекомые, и гадины

Пчелы между всеми в инсектах счисляющимися животными, по получаемым от них меду и воску, в употреблении человеческом без сомнения суть полезнейшие. Они бывают домашние, то есть ульевые, и бортевые, которые в лесах содержатся. Домашние или ульевые пчелы по большей части у русских, а бортевых премножество в Башкирии, к чему содержатели их выдалбливают наподобие ульев сосны, дубы, липы и другие толстые деревья, отчего оным деревьям никакого вреда не делается, и к тому времени, как роятся пчелы, вычищают, а к зиме их закрывают, чтоб мокрота и снег не вредили. Башкирцы, у которых лес-

ные места, от сих бортевых пчел получают себе великий доход, и в размножении оных так искусны, что много таких, из которых у одного по нескольку тысяч бортевых деревьев имеется, и потом почти целые бортевые леса у них находятся, и на одном дереве бывает по два, а иногда и по три бортя с пчелами. Они более никакого смотрения не требуют, как токмо сего, чтоб для молодых пчел всегда новые и чистые борти находились, и в свое время, выбирая из бортей мед, к зиме их покрывать по вышеписанному, что при целой тысяче бортей человека три или четыре управляют.

Что ж до прочих инсектов надлежит, то как в качестве, так и в количестве, в Оренбургской губернии никаких особливостей не примечено, токмо по сказке толмача Арапова около Туркестана, где киргизцы Средней орды нередко кочуют, есть гадина наподобие паука, величиной немного меньшей грецкого ореха, цветом черная и мохнатая, живет в норе, над которою делает она тенета, и выходит из норы больше по ночам, а днем редко[356]. Когда она укусит человека или скотину, тогда выпускает из себя яд белый, как молоко, отчего человек и скотина, распухнув, дрожит и умирает, токмо овец вредить не может. Киргизцы лечатся от того заговорами по их суеверию, упоминая в тех заговорах овцу, ибо она, нашед сию гадину, без всякого вреда съедает, а скотину, сверх заговоров, становят и привязывают в воде.

В прочем к гадинам всякого звания *черви*, следственно, и все ползающие, а по просторечию к тому ж и *змеи* и *ящерицы* причитаются. Между червями находится много таких, которых в других губерниях нет, а особливо изнутри земли выкапывают таких, которые величиною и толщиною близ куриного яйца, а по длине почти вдвое, цветом белые и синие, весьма гадки.

В змеях и ящерицах внутри Башкирии, чтоб какие особливости были, поныне неизвестно. Киргиз-кайсаки сказывают, якобы около реки Сыр-Дарьи есть такие змеи, у которых с обоих концов по голове, и ползают на оба конца, длиною они не более аршина, а цветом серые. Еще есть у них род, называемый ок-джилан[357], видом власно как медныя. Про сих говорят, якобы они, как стрела бросаяся на человека, насквозь его пробивают, почему и называются они ок-джилан, то есть стреляные; токмо из русских, бывших там в разных местах, ни того, ни другого никто не видывал.

Ящерицы около Туркестана, по сказкам толмача Арапова, такие есть, у коих ноги вышиной на четверть, голову имеют круглую, величиною в грецкий орех, хвост держат кверху и весьма скоро бегают, а видом серые; также и *скорпионы* находятся.

XVII. Птицы знатные, и против других мест некоторыя особливости имеющие, по порядку алфавитному

Аист или стерх, несколько схож к журавлю, токмо ноги не так высоки и нос покороче; живет охотно в жилых местах и питается рыбою. При Оренбурге изредка случаются, уповательно залетом из Хивы и из других тамошних мест, где их гнезд по кровлям на высоких строениях, сказывают, множество. Они ж и при озерах в Киргиз-кайсацкой Средней орде случаются. Питаются змеями, лягушками, тако ж и рыбою.

Баба[358] подобна несколько лебедю, но величиною гораздо больше, перо имеет белое. Живут обыкновенно при больших реках, как-то и по реке Яику в летнее время бывает их немало, питаются рыбою, которую ловят удивительным образом, а именно: собравшись их несколько около песчаного места, плывут к берегу рядом, а когда в близость берега приплывут, то сплачивают свои крылья и, запуская их вглубь, делают полуциркуль и, таким образом, как бреднем, сгоняют рыбу в место; пригнав же ее к берегу, нападают на нее все и пожирают.

Беркуты, род орлиный, токмо ординарных орлов крупнее. Киргизцы, как выше упомянуто, обучая их употребляют к ловле волков, лисиц и корсаков, потому что сия птица имеет немалую силу в ногах и острое зрение. На ловле садят они их, приделывая к седлам седушку, и тогда, как увидят зверя, спускают, которого беркут, нагнав, острыми своими когтями хватает за глаза и за пах или за горло и так, скорча его, останавливает. А между тем киргизец, на лошади наскакав, убивает его копьем или что при нем случится. Ловят их всегда в Башкирии молодых, таким образом, что, узнав гнездо беркутов, наблюдают, когда старые молодых высидят и когда молодые оперятся, то вынув их из гнезда, под тем же деревом, где гнездо, привязывают за ногу ремнем, или волосяною веревкою, чтобы старым переклевать ее было не можно, куда старые беркуты, прилетая, молодых кормят, которых охотники так скоро, как они начнут мясо есть, берут, и, отвозя в Оренбург, продают на ярмарке по их доброте и берут за самого хорошего рублей по пяти и по десяти, а иногда и больше.

Гуси дикие разных родов; во время жнитва около новых крепостей бывает их чрезвычайное множество, и поспелому и жатому хлебу великий вред от них делается, и тогда бывают они так велики и жирны, как лучшие домашние. Обыватели в новых крепостях, ловя молодых диких гусей, кормят с домашними, из-за чего они столь смирны делаются, как дворовые. В Исетской провинции на озерах между дикими гусями, сказывают, случаются белые, однако изредка. В Киргизской Средней орде

на озерах белые ж гуси есть, у коих на конце хвостов перья серые. Гнезда имеют в норах, где они и детей выводят, для чего киргизцы называют их ит-каз, то есть гусь-собака.

Драхва, дудак, или тудак[359], птица степная, видом и вкусом весьма схожая в индейке. Сих хотя не очень много, однако нередко около новых крепостей стреляют.

Журавлей во всех степных местах довольно, которые от прочих мест не разнятся; токмо в Киргизской Средней орде сказывают особый род журавлей, у которых под шеей перья черные, весьма длинные, и висят наподобие гривы до самой земли.

Колп[360], птица белая, величиною с небольшого гуся, токмо нос и ноги имеет красные и длиннее, нежели у гуся. Оные на степных озерах в Исетской провинции бывают, однако изредка.

Кречеты, род соколов, бывают разных родов, а именно: набережные, горные и степные, которых во многих местах довольно.

Лебедей на больших озерах везде, тако ж и около берегов Каспийского моря, много, но против прочих мест никаких особливостей в них нет. С оных, снимая кожу от грудей и из-под брюха, делают из нее меха, которые бывают весьма мягки и теплы.

Лелек[361] – птица во всем подобная аисту, токмо белая; в Ташкенте и Туркестане их множество, живут по хоромам, питаются так, как и аист, змеями и лягушками. У них голосу никакого нет, кроме того, что щелкают.

Орлы разных родов – почти во всех местах, а больше по горам в Башкирии, и кроме беркутов (о коих выше упомянуто) ни на что не употребляются.

Ремез – птица величиною не больше синицы. Она для того примечания достойна, что гнездо свое делает особливым искусством наподобие мешка, власно как бы оно было тканое, или как чулок вязаное, и привешивает его на ветвь дерева, так что можно почесть за немалую хитрость, а особливо по малости сей птички.

Соколы разных родов; в горах Уфимской провинции ловят их множество, и от охотников уфимские соколы почитаются за самые лучшие.

Утки дикие многих родов, а особливо на озерах близ Уйской линии бывает их множество, где изредка, а больше в Киргиз-кайсацкой Средней орде, красных и белых уток довольно.

Ястребы большие и малые, разных родов, но из употребляемых охотниками за лучшие почитаются уфимские. Из оных больших ястребов во время ярмарки в Оренбург для киргиз-кайсаков привозят и продают одного хорошего от трех до шести рублей и свыше. Прочие пти-

цы, как в качестве, так и в количестве, от других мест ни в чем не разнятся и никаких особливостей не имеют, чего ради, избегая пространства, здесь об оных не упоминается.

XVIII. Рыбы знатнейшие, по порядку алфавитному ж

Белая рыбица[362] в Яике реке изредка, а больше в Волге и в Белой, впадающей в Каму, тако ж и в Каме реке, которые вкусом предпочитаются волжским.

Белуга и *осетры* в реке Яике вкусом гораздо лучше волжских, но вверх по той реке до Оренбурга весьма мало их заходит, а ловят их яицкие казаки по большей части ниже Яицкого казачьего городка, летом неводами, что называется по их плавленье, а зимою баграми, отчего сию ловлю и именуют они багреньем. Оное чинится у них от других мест весьма особым образом, а именно: понеже сия рыба на зимнее время ищет всегда глубоких мест, где ложится стадами и рядами, так что от самого дна до поверхности льда одна на другой стоит, и воды между рядами их не бывает более как на ладонь, и такими своими стадами занимает глубокие места или ямины, по версте и больше, которые места яицкие казаки, зная, присматривают и, узнав, где рыба лежит, в войске атаману и старшинам объявляют, а от них крепкое наблюдение чинится, чтоб в тех местах до уреченного времени никто не ловил, и рыбы б не тревожил. Когда ж к багренью назначенный день придет (что обыкновенно бывает у них после Рождества Христова), то все яицкие действительно служащие и жалованные казаки (ибо отставных и неслужащих действительно к багренью не допускают) сбираются к войсковой канцелярии на лошадях, запряженных в сани; и когда дается сигнал выстрелом из пушки, то каждый из всей мочи поскачет на то место, где багренью быть, и, прискакав, пробив прорубь, багрит, и сколько кто похочет, столько прорубей пробивает; токмо б всяк про себя в одной проруби багрил, не употребляя к тому работников. К сему багренью употребляется у них острый крюк, который посажен на длинном шесте, и прикреплен к вершине, то есть к тонкому концу шеста, а толстый конец остается всегда в руках у ловца; и так ловец, запустя оный в воду, подобно как уду, во все стороны обращает. А понеже стадо рыб на той ямине от многих прорубей и ловцов бывает тогда потревожено и, плывучи вниз по течению воды, вся рыба ходит врознь, то осетры и белуги на оные крюки попадают; и так их ловцы теми баграми вытаскивают на берег, и многие тут же

на месте приезжающим из великороссийских городов купцам, а другие, отвозя в городок, продают. И так случается, что один казак, которому посчастливится, во время багренья (кое иногда месяц на разных местах продолжается) от сорока до пятидесяти и более осетров поймает, и так рублей на двадцать и на тридцать выбагрить, а когда зацепить большого осетра или матерую белугу, и одному из воды на лед вытащить невозможно, то в таком случае в помощь призывает ближних, кои, увелича прорубь, помогают вытащить, и ту рыбу обще продают. Из сих рыб осетры гораздо смирнее, нежели белуги, ибо когда осетры бывают потревожены, то вниз по воде спускаются хвостом, имея голову впереди. Напротив того, белуга весьма скоро бежит и голову держит по течению вниз. У белуги во внутренностях находят камень, который в больших рыбах близ куриного яйца величиною бывает, и сказывают, якобы он весьма способен женам при рождении детей. Сие великое множество рыб в реку Яик заходит из Каспийского моря, и мнят, что они в Яике не плодятся, ибо никогда не случается, чтоб осетра или белугу в реке Яике величиною меньше четверти аршина поймали. Прочие обстоятельства тех рыбных промыслов, кои яицкими казаками производятся, во второй части, при описании Яицкого казачьего городка, описаны быть могут.

Карась, рыба везде знакомая, но в Оренбургской губернии поблизости к линии в озерах караси особливой величины бывают, а именно четверти полторы и слишком.

Красною рыбою обыкновенно называются в Оренбурге *лосось* и *лохи*[363], которых в реках Белой, Каме и в Ике (кой впадает в Каму) ловится довольно, а в Яике весьма редко попадаются.

Кутема[364], род красных рыб, но вкус имеет отменный. Оных во многих каменистых речках, по ту и по сю сторону Уральских гор, ловится довольно.

Лакс-форели в тех же речках попадают и называются по тамошнему пеструшки, от имеющихся на них красных пятен. В Сибири именуют их тайменами и бывают иногда длиною в два аршина и больше.

Лини, лещи, окуни, судаки, щуки и *язи* в разных озерах, а особливо в тех, кои около рек Яика, Сакмары, Самары и Кинеля, тако ж и около Уйской линии, во многих крупнее тех, кои внутри России ловятся.

Сазаны, коих в Германии называют карпами, в реке Яике во множестве находятся, и так крупны, что в некоторых бывает весу с пуд и больше. Они не так вкусны и здоровы свежие, как соленые, а особливо копченые так удаются, что для многого в них жиру от хорошей ветчины различить не можно.

Севрюги, род красных морских рыб, схожи к стерлядям, токмо крупнее, ибо бывают аршина по два и больше. Яицкие казаки в реке Яике летнею порою несколько сот тысяч вылавливают и, просолив, сушеную продают в великороссийские города, которая по их называется коренная. Они заходят в Яик из Каспийского моря, изредка попадают столь малые, что не более двух вершков. Почему, вероятно, что плодятся и в реке Яике.

Сом, рыба схожая к налиму, бывает столь великая, что аршина по три и больше. В реке Яике ловится их весьма много, но в пищу она для слабости тела и многого жиру нездорова. Плеск, или хвост, почитается у нее за лучшую часть. Она такой великий зев, или рот, имеет, что нередко глотает молодых гусей и уток, а иногда случается, что купающихся людей, ухватив за ногу, утопляет.

Шип[365], род осетров, токмо голову имеет острее, и вкусом не столь приятен. Нередко и около Оренбурга в реке Яике попадаются.

О прочих речных рыбах, в которых пред внутренними местами никаких особливостей нет, для сокращения не упоминается, но токмо еще одно примечание достойно, что во всей Оренбургской губернии нет *угрей, сигов* и *сельдей*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О внутренних и внешних обстоятельствах коммерции прежней, нынешней и впредь быть могущей

Самые искуснейшие политики в рассуждении общих дел коммерцию всегда за такое средство почитали, от которого обществам и государствам многие пользы происходят. Здравое сие и основательное рассуждение возбуждало всегда народы спознавать самые отдаленные места, превозмогать в том всякие трудности и убытки по крайней своей возможности, утверждать, не только с окрестными, но и с дальнейшими народами союзы и мир, где никаких жилищ не бывало, населять колонии, учреждать порты, ярмарки и все то, что могло споспешествовать возвращению и умножению коммерции. Читая истории, довольно из них видим, коим образом для удобнейшего произведения коммерции в разных местах сочинились многие и сильные общества, обогатились и прославились тем великие государства, не только европейские области одна с другой, но и все четыре части мира вступили для того между собою в коммуникацию и в заимство, и где чего нет или оскудевает, то одна другой сообщает, как то английский «Спектатор»[366] в рассуждениях своих под № 69 хотя и кратко, но весьма изрядно и остроумно объяснил.

До впадения Татарской области в тутошних пределах какие народы жительствовали, о том по возможности выше сего означено. При чем и сие упомянуто, что болгарские народы, по свидетельству многих писателей, ни в чем столько, как в купечестве упражнялись, а подлый народ к разным промыслам и рукоделиям прилежал. Особливо ж сказуется о нижних болгарах, кои именовались хвалиссами, и около берегов Хвалинского, то есть Каспийского, моря жительствовали, что их коммерция в Азии до самой Индии распространялась. Чему поныне знак звание юфтяных кож, которые, как выше упомянуто, доднесь в Хиве и в Бухариях и во всех тамошних местах булгары, то есть болгарский то-

вар, именуются. Можно мнить, что сей народ, первые делая юфти, во все те места оные важивали и продавали. К тому ж и старинные признаки рудокопных ям и плавильных горнов, во многих местах в Башкирии и в киргизских ордах находящиеся, с довольною вероятностию почитаемы быть могут за остатки и знаки имевшихся у них промыслов.

Страленберг из северных писателей приводит, что в самые древние времена в России для произведения водяным путем коммерции, две пристани были: первая прежде, нежели Новгород славен учинился, была в Ладоге, которую готфы[367] Холмгард[368] и Гардерик[369], а датские историки Остергард и Хунигард[370] именовали. Откуда торги отправлялись чрез Ладожское озеро в Финский залив и в Балтийское море и ходили в Готландию[371] до города Визбия[372], который в древности для имевшегося в нем сильного купечества весьма славен был, чему свидетельство, что тут в буграх поныне сирских, арабских, греческих и цимбрских денег немало находится. Он приводит к тому, что и Константин Багрянородный в завещании своем к сыну в 62 главе сему согласует, объявляя, что российские торги свои чрез Черное море в Константинополь и в Сирию отправляли. Вторая пристань по его ж Страленбергову сказанию была в Биармии[373], то есть в Великой Перми, около города Чердыня[374], на Каме реке, к которой из многих стран, а особливо из Индии, чрез Каспийское море в Волгу, а по оной в Каму и вверх по Каме до той пристани ходили; оттуда ж якобы другими реками переходили в Скифское, или Ледовитое, море и далее, токмо все подле берегов, в Норвегию, а иногда и в Северное море. Он же, Страленберг, не невероятными обстоятельствами доказывает, что издревле индийские и бухарские купцы не только в Россию, но чрез оную и далее езживали. Ежели употребляли они водяной путь, то конечно чрез Каспийское море и вверх по Волге, а буде сухим путем ездили, то без сомнения чрез нынешние Оренбургской губернии пределы, ибо обоим оным народам в Россию сухим путем другого столь близкого и удобного пути нет.

От благосостояния государств происходит и благосостояние коммерции. Потому ежели в рассуждении оной издавна бывшей в тутошних местах коммерции вспомнить те смутные и ужасные времена, когда татарские народы болгар и прочих тамошних старинных обывателей из их пределов почали вытеснять, то без всякого сомнения, как промыслы их, так и славная их коммерция, от времени до времени начала упадать, а наконец совершенным овладением их мест, и от много оных варваров утеснения, терпела она и конечное разорение; а хотя Карпеин в конце путешествия своего в татары объявляет, якобы в бытность его в

Татарии (около 1246 года) разные и многие европейские купцы, ездя чрез Россию, в Великой Татарии торговали; но зная из истории состояние оных времен и народов, все те с татарскими народами бывшие торги пред древнею оных мест коммерцией никакого сравнения иметь не могут. Подлинно, что с самого того времени, когда российские государи, превозмогши всю татарскую силу, в оной стороне самодержавие свое паки утвердили, коммерция тамошняя вновь возрастать начала; особливо ж умножилась она совершенным завоеванием трех царств: Казанского, Астраханского и Сибирского. Но при всем том никаких знаков не находится, чтоб она в тамошней стороне и чрез оные места в Азию и оттоль в Россию, в славе была. Ибо хотя и вскоре после казанского взятия город Уфа построен и людьми населен, но чтоб тут производились когда знатные с заграничными азиатскими народами торги, на то до учреждения Оренбургской экспедиции никаких доказательств не найдено. Русские ж купцы хотя сначала, может быть, тут находились, но капитальные едва бывали ль, и весь уфимский торг, как видно, далее Башкирии не простирался, где русские на надобные башкирцам товары выменивали и покупали у них лошадей, мед, воск и несколько пушного зверя, то есть волков, лисиц и горностаев. Но все сие состояло в небольшом числе. Может быть, по тогдашним башкирского народа непостоянствам и зверским обычаям, к ним ездить и торги свои распространять у них опасались, или о смежных с Башкириею местах и народах, не имея довольного сведения, всю сию провинцию так признавали, якобы тут к дальнейшему размножению азиатской коммерции никаких способов на находится.

В 1734 году воспоследовало действительное учреждение помянутой экспедиции, а в 1735 году и город Оренбург на Яике, близ устья реки Ори, заложен по именным указам блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, состоявшимся на представлении Правительствующего сената обер-секретаря Ивана Кирилова, бывшего потом статским советником и в Оренбургской экспедиции первым командиром. Из пожалованной городу Оренбургу привилегии ясно можно усмотреть, что сей город заложен наипаче для восстановления азиатской коммерции, и дано в нем соизволение всем и всякого народа российским (кроме беглых из службы людей и крестьян в подушный оклад положенных) купечеству, мастеровым и разночинцам, также иностранных европейских государств иноземцам, купцам и художникам, и тутошним башкирскому народу, и живущим с ними, и новоподданным киргизским и каракалпацким народам и из азиатских стран приезжим грекам, армянам, индийцам, персам,

бухарцам, хивинцам, ташкентцам, калмыкам и иным всякого звания и веры приходить, селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышлять, и паки на прежние свои жилища отходить свободно и невозбранно, без всякой опасности и удержания. А каким образом распространять оную коммерцию не только до Хивы и Бухарии, но и в другие дальнейшие места, посылкою туда российских караванов, о том и о прочем в данных ему, Кирилову, инструкциях и в воспоследовавших на представлении его именных указах довольно предписано.

До учреждения оной экспедиции по самое то время азиатские купцы, яко то: хивинцы, бухарцы, ташкентцы и им подобные, к российской стороне далее киргиз-кайсацких орд никогда не приближались, а торговали токмо в улусах обеих оных орд, которые в летние времена часто по самому Яику и по впадающим в оный речкам располагались, да и торг их весь состоял токмо в мене бумажных их холстов и в сделанном из того по их обыкновению платье, на которые вещи выменивали они от киргизцев лошадей и баранов и, отгоняя их в Хиву и в другие места, где их не довольно, продавали с прибылью.

Из тех азиатских купцов несколько ташкентских сартов, будучи в Меньшей орде у Абулхаир-хана и уведомясь, что хан со всею своею ордою в российское подданство вступил, и сына своего ко двору послал с прошением, дабы для произведения российской коммерции в Азию, а азиатской в Россию, при устье реки Ори построен был российский город, и что по тому его ханскому прошению оный город строить повелено, и для того отправлен помянутый Кирилов, с сыном его ханским на Уфу, сообщили о том городским своим старшинам, и с их позволения тогда ж некоторые из них с имевшимися у них товарами поехали в Уфу, с позволения Абулхаир-ханова и за его ханскими провожатыми, куда они чрез Башкирь в начале 1735 года и прибыли и, увидевшись тут с Кириловым, объявляя ему всенародное свое желание, чтоб в новом городе для произведения с ними и с другими тамошними народами учреждена была знатная ярмарка, обещаясь впредь повсегодно в тот новый город немалыми караванами и с довольным числом товаров на ярмарку приезжать. При том и сего требовали, чтоб российские купцы с российскими европейскими товарами к ним в Ташкент ездили. За неимением в Уфе достойных и капитальных[375] купцов, как выше упомянуто, все они для продажи имевшихся у них товаров отпущены были по их прошению в Казань с рекомендациею, чтоб им там для первого случая показано было всякое приласкание и увольнение от пошлин; где они быв и расторговавшись, еще в том же 1735 году в отечество их чрез

новый Оренбург (кой заложен уже был помянутым Кириловым того года 25 августа) и отпущены.

В 1736 и в 1737 годах за бывшим башкирским бунтом проезд в новый Оренбург был не только затруднителен, но и весьма опасен, чего ради из российских купцов с товарами почти никто туда не ездил. Однако ж азиатские купцы и киргиз-кайсаки, приезжая туда, имевшиеся у них товары, тако ж лошадей и скот, бывшим тогда в Оренбурге людям меняли, имая[376] от оных надобные им вещи, у кого что было, но за небытием российского купечества вся та мена состояла в небольшом, и никаких пошлин не сбирано.

В 1738 году со вступления в Оренбург тайного советника Василия Никитича Татищева вне крепости для мены с киргиз-кайсаками и с прибывшими тогда хивинцами и ташкентцами построен был меновой двор с потребным числом лавок, и о бытии тут торгу, о пошлинном и о прочих сборах учинены надлежащие учреждения. Тогда и в город Ташкент с данными от Абулхаир-хана провожатыми отправлен был первый российский караван, но оный киргиз-кайсаки Большой орды по ту сторону Туркестана, не допустив до Ташкента дня за два, разграбили, и тем первое сие отправление учинилось бесплодно.

Что до сбора пошлин надлежит, то по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии, в первые три года, то есть с 1736 по 1738 год, никаких пошлин брать было не повелено, кроме одной градской части по два процента с рубля. А в 1736 году февраля 11 числа по состоявшемуся именному указу велено было ту градскую часть для новости места продолжать от того времени еще шесть лет, что следовало по 1742 год. Потом именным же указом, присланным к генерал-лейтенанту князю Урусову, от 20 августа 1739 года, повелено торгу быть в новом Оренбурге (сие разумелось тогда о Красногорске) и кои купцы торговать будут в нем, с тех для приохочивания их повелено брать пошлину от того времени десять лет (и тако по 20 число августа 1749 года) против торгующих в Астрахани иноземцев с уменьшением, а именно: по три копейки с рубля, а по прошествии десяти лет велено оную брать по торговому уставу по пяти копеек с рубля, что и исполнялось.

Каким же образом с того 1738 года весь оный торг, сперва в прежде заложенном при реке Ори, а потом и в настоящем Оренбурге, тако ж и на Уйской линии в Троицкой крепости, умножился, сие отчасти можно узнавать по казенным доходам, коих для сокращения выписаны и следуют при сем одни годовые перечни по справке с подлинными делами, а именно:

	Всяких сборов		В том числе одних таможенных	
1738 года	1375 руб.	64 коп.	546 руб.	98 1/2 коп.
1739 «	2543 «	13 1/2 «	687 «	63 1/4 «
1740 «	4313 «	19 «	3083 «	23 1/4 «
1741 «	4524 «	73 «	3872 «	39 1/4 «
1742 «	4799 «	51 «	3384 «	50 1/4 «
1743 «	6411 «	3 1/4 «	4182 «	63 1/2 «
1744 «	6835 «	94 «	4806 «	19 «
1745 «	10719 «	13 1/2 «	6893 «	25 «
1746 «	13645 «	63 1/4 «	8027 «	95 1/4 «
1747 «	21458 «	33 «	12627 «	95 1/4 «
1748 «	33000 «	15 «	19689 «	34 «
1749 «	60267 «	98 «	44188 «	61 1/4 «
1750 «	72404 «	98 «	52506 «	84 1/4 «
1751 «	106569«	2 1/4 «	85123 «	84 1/2 «
1752 «	90839 «	16 1/2 «	73233 «	49 1/2 «
1753 «	53301 «	69 «	33884 «	48 «
1754 «	65912 «	54 1/2 «	50362 «	64 1/4 «

В вышеписанных новых оренбургских доходах собираемые с тептярей и бобылей, хотя и новые ж доходы, изобретенные по Оренбургской экспедиции, яко ясачные и до коммерции не принадлежащие, не включены, которых от 1747 года повсегодно сбирается двадцать три тысячи сто шестьдесят шесть рублей восемь копеек с половиною.

Означенных с 1748 года доходов могло б быть еще гораздо больше, ежели б азиатскими купцами вместо золота и серебра, чему вывоз с того года начался, привозимы были другие товары, с коих пошлина берется; яко с золота и серебра и с дорогих каменьев по силе указов и по особливому оренбургскому тарифу никаких пошлин не брано и не берется, а по запискам и документам канцелярским, с того 1748 года по 1755 год имелось в вывозе золота около пятидесяти, а серебра около четырех тысяч шестисот пуд, не упоминая того, что из оного и из каменьев в мену не вошло, и русскими купцами внутрь государства без всякой явки вывезено, чего за ними усматривать невозможно.

Еще ж и немалая прибыль та, коя в Оренбурге и в новопостроенных крепостях сбирается от винной продажи, и по нынешним учреждениям в Государственную Камер-Коллегию отсылается, да к тому можно приложить и посторонние от Оренбургской комиссии внутри Уфимской провинции четыре крепости и от горных заводов десятину, из которых с

помянутых крепостей все доходы из оренбургских выключены с 1747 года и определены на дополнку к содержанию Уфимской провинции штата; а десятинный сбор с горных заводов по указу, состоявшемуся в Правительствующем сенате 1753 года октября 20 числа, с начала того года отдан весь в сумму Государственной Берг-Коллегии и по Оренбургской губернской канцелярии более не сбирается.

Впрочем, рассуждая об оренбургской коммерции и о прочих пользах, происшедших от построения города Оренбурга и новых крепостей, невозможно преминуть, дабы не объявить сего, что хотя начало тутошней азиатской коммерции и всех оных казенных доходов и значится из вышеписанного начала Оренбургской экспедиции и города Оренбурга, то есть 1734 и 1735 годов, а основательное происшествие всего того в 1738 году последовало; но всем довольно известно, что всего нынешнего Российской империи, следственно и новой оренбургской коммерции, цветущее состояние, существенное начало и основание свое имеет в самом благополучном государствовании блаженной и вечной славы достойные памяти государя императора Петра Великого. Сей наш великий монарх и отец отечества, зная совершенно все то, что внутри и вне империи к славе и благополучию оных следовало, а особливо какая польза от размножения внутренней и внешней коммерции подданным его быть может, не оставил о всем том предусматривать, рассуждать и определять, что по тогдашнему времени между других его величества важнейших и полезнейших государственных дел к восстановлению в тамошней стороне азиатской коммерции споспешествовать могло. Свидетельствуют о том по его императорского величества высочайшим указам разные и в разные места чиненные экспедиции и посылки, о чем здесь для сокращения не распространяется. Токмо сие одно упомянем, что покойный статский советник Кирилов, быв при его императорском величестве секретарем, а потом и обер-секретарем Правительствующего сената, и имея довольный случай ведать о всех его императорского величества вечной славы достойные памяти высочайших намерениях к восстановлению и распространению азиатской коммерции, во время государствования императрицы Анны Иоанновны, не новую, но прежнюю материю по тогдашнему времени и по возможности сил своих представлял, которое его, Кирилова, представление, яко же и построение Оренбурга, как выше означено, апробованы именными указами в 1734 году, и он, Кирилов, для произведения их в действо, в том же году отправлен. По нынешнее время вся оренбургская заграничная коммерция по большей части происходит с бухарцами, кашкарцами, с ташкентцами и хивинцами; но с ними ж в караванах, под их званием и под

именами степных народов, нередко и других дальнейших городов купцы и жители приезжают. Из привозимых же ими товаров знатнейшие, во-первых, золото и серебро, состоящее по большей части в индийских, персидских и бухарских монетах; потом простые бумажные, отчасти полушелковые, разных сортов парчицы, занавесы и полотна, известные бухарские серенькие и черные овчинки; камень, называемый лапис-лазули[377], который из всех тамошних мест в одном Бадакшанском владении близ индийских пределов в горах добывают, а золото и в Бухарии из песков некоторых рек вымывают, и тем, как слышно, многие из тамошних обывателей промышляют; но с умножением золота и серебра в индийской монете состоящего у помянутых купцов, а особливо у бухарцев, начали уже появляться индийские товары, а именно: хорошие и широкие кисеи, и другие бумажные полотна, шелковые и полушелковые парчицы, что к восстановлению и умножению коммерции с жительствующими в Восточной Индии народами подает несомненную надежду, а особливо когда в ближайшем от Оренбурга торговом месте, то есть в Бухарии, возобновится издревле в великой славе бывшая, а пред недавним временем ослабевшая коммерция, умножением там здешних и всяких на азиатскую руку европейских товаров, которыми, как слышно, тамошние купцы, покупая в Оренбурге несколько лет, так себя и все свои места снабдили, что уже в нарочитом состоянии находятся оные не только в отдаленные от них землицы рассылать, но и из Индии к ним, а больше в город Балх, приезжим купцам уделять, и тем ознакомить им здешнюю коммерцию, да и самих к здешней стороне помаленьку приближать, а по меньшей мере приохотить к тому, чтоб они в рассуждении здешней коммерции купеческие свои кампании наперед в Балхе, или и в самой Бухарии, яко в безопасном и в ближайшем от Оренбурга месте, умножали. Ибо довольно знают, что во всей Восточной Индии жительствующие народы надобные им российские и прочие европейские товары ни откуда столь прямо и дешево получить не могут, как из Оренбурга чрез Бухарию, куда купеческим караванам и не захватывая непостоянного Хивинскаго владения, прямой и способный путь от самих бухарских купцов недавно проложен.

При сочинении особливого описания всем оным местам, а особливо тем, которые в рассуждении оренбургской коммерции уважать надобно, прилично будет, о всех тамошних продуктах, и какие где средства и способы к лучшему произведению купечества есть и могут быть, обстоятельство изъявить, что здесь для сокращения первой сей части ныне оставлено. То токмо объявляется, что в ближайших от Оренбурга владениях, то есть в Хиве и в Бухарии, шелк и хлопчатую бумагу можно почесть

за главные продукты, от которых немалая б польза не только обоим оным владениям, но и в оренбургской коммерции быть могла, ежели б тамошние обыватели к умножению бумажного сева, и имеющихся у них небольших шелковых заводов, и о сделании из того пред нынешним гораздо лучших мануфактур, возымели большее и лучшее старание; но со временем, когда они с российскими людьми вступят в большую знаемость и торги, может быть, потщатся сами оба те их продукта по способности тамошнего климата гораздо умножать, и плохие свои мануфактуры (хотя б и чрез здешних людей) в такое состояние привесть, чтоб они годились в России к лучшему употреблению, к чему, как чаятельно, бухарцы прежде хивинцев могут склонны быть, ибо они приезжающих к ним греков, армян и прочих против других тамошних народов не только лучше принимают, но и в самом городе Бухарах домами жить и около оного покупные хуторы иметь не воспрещают.

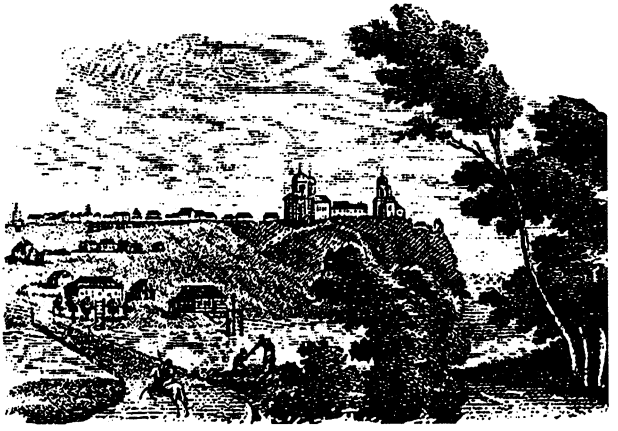
Что до киргизского торга принадлежит, то из собственного их продукта самый лучший есть лошади, которых от них в Оренбурге и в Троицкой крепости от десяти до пятнадцати тысяч российскими купцами выменивается, потом бараны и овцы, коих в лето от сорока до пятидесяти тысяч и более бывает; наконец овчинки с молодых ягнят, шерсть верблюжья, волки, лисицы и корсаки. Однако нередко случается, что оный пушной товар и азиатские купцы, будучи у них в улусах, на бумажные свои полотна и на другие киргизцам надобные товары выменивая, в Оренбург и в Троицкую крепость привозят и российским купцам продают.

Из российских же и прочих европейских товаров, которые в Оренбурге и в Троицкой крепости в продажу и в мену азиатским купцам и народам происходят, знатнейшие суть следующие: сукна разных доброт, а особливо кармазинные и мясного цвета, краски кошениль и индиго, по простому ж названию семя канцелярское и брусковая краска, олово в деле и не в деле, котлы медные и чугунные, мишура, сахар, бобры немецкие и выдры, юфти черные, а больше красные, лисицы черные и чернобурые, бархат разных цветов, а паче черный, голи[378], корольки[379] и бисер разных колеров, иглы, наперстки и прочая мелочь. Напротив того, в отпуск запрещенные товары суть: ружья, золото и серебро в деньгах, свинец, уклад[380], сталь, медь и железо (а в деле незапретно); из привозных же из Азии между запретными товарами один ревень почитается.

Наконец и в заключение сей части следует нечто упомянуть и о собственных Оренбургской губернии продуктах, из которых без сомнения металлы и минералы (включая тут и славную илецкую соль) знатнейшие суть; но об оных уже выше сего в пятой главе объявлено,

а притом и сие означено, сколько для изобретенных в помянутой губернии медных и железных руд вододействуемых заводов действительно построено и вновь строить определено и строится; после того можно почесть за оренбургский продукт и лошадей башкирских и киргиз-кайсацких, которых российские купцы, покупая от киргизцев и башкирцев, из Оренбургской губернии во внутренние российские места на разные употребления, а больше для укомплектования драгунских полков, как выше упомянуто, повсегодно от десяти до пятнадцати тысяч выгоняют, и гораздо ниже табельных цен продают. К тому принадлежит и множество вышеозначенного пушного товара, то есть корсаков, лисиц и волков, киргиз-кайсацкой, башкирской и яицких казаков ловли; потом башкирский бортевой мед и воск, который русские купцы и казанские татары скупают в Башкирии и для продажи в разные места отвозят оного немалое число. Тако ж к оренбургскому продукту можно причесть и рыбные яицких казаков промыслы, от коих, как известно, несколько сот тысяч осетров, белуг, севрюг, сазанов и других рыб и немалое ж число пудов разного приготовления икры и клею внутрь государства отправляется. Но подробное и обстоятельное описание о всех Оренбургской губернии продуктах, что их ныне есть и впредь быть может с принадлежащими к тому средствами и способами может быть учинено при описании провинции с их городами и уездами во второй части сей «Топографии».

Часть вторая



ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляя ныне вторую часть «Оренбургской топографии», долженствую объявить здесь и признаться, что она, как новая и самая первая, а паче по недостаткам моим, не только от совершенства, но и от надлежащей исправности весьма еще далеко отстоит, и служит токмо к сему, чтоб подать повод и некоторые способы искусснейшим в истории и географии описание здешней губернии когда-нибудь сделать исправное и совершенное. В сем состоит сие мое намерение!

Великая Заяицкая степь, где располагаются две киргиз-кайсацкие и одна каракалпацкая многолюдные орды, ныне подданные Российской империи, и обширные Башкирские места, наполненные разных минеральных и древних признаков[1], в рассуждении всех частей истории достойны осмотров и испытания от людей, во всех науках совершенных. Российская наша история могла б из того иметь знатное приращение, тем паче, что от оных обитающих здесь народов, между которыми никаких ученых людей не бывало и нет, о таких местах и вещах обстоятельно и достоверно выведать невозможно. В рассуждении сего немало надлежит сожалеть, что посланные от Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, господа профессоры Миллер и Гмелин[2], за прежде бывшим башкирским бунтом, здешней губернии один токмо край с сибирской стороны, да и сего небольшую часть, видели; а притом по тогдашним обстоятельствам не могло им быть без препятствий и опасностей в их намерениях. Напротив же того, Сибирская губерния и самая отдаленнейшая Камчатка счастливее были тем, что от оных в науках столь славных мужей без всякого помешательства[3] осмотрены и описаны. И так остается желать, дабы и Оренбургская губерния со временем такими ж искусными людьми была исследована и описана. А между тем сие мое первое и простое описание служить может для известия.

Старался я по крайней моей возможности сбирать к тому нужные справки, как по губернской канцелярии, так и из других мест, да и то,

что я по долговременной моей бытности в здешних местах, сам ведая и от других осведомляясь, описывал и посылал к главным командирам тех самых мест, требуя от них поправления и дополнений; но со всем тем весьма немного приобрел. Осталось еще во многих местах и много таких обстоятельств, которые, как выше упомянуто, требуют рассмотрения от людей к тому искусных и прилежных. Собранное ж мною по сие время далее у себя держать не рассудил, для разных учиненных мне о том напоминаний, по коим должен я был исполнить.

А понеже прежде бывшие здесь командиры высочайшими именными указами уполномочены были в потребных местах строить новые крепости и редуты, учреждать форпосты и предосторожности, о свободной коммуникации и о всяких способах для государственной и народной пользы, не описываясь никуда, но по благоизобретению своему, всякие распоряжения и старания чинить, чему следуя, могли они прежде застроенные крепости и редуты по резонам и по надобности на другие способнейшие места переносить и новые строить, переменять их звания и дистанции командиров, изыскивать удобнейшие и ближайшие к ним дороги летние и зимние, уменьшать и умножать гарнизоны и прочее, отчего ныне против прежних ведомостей не только в расстояниях, но и в самых званиях и в других обстоятельствах произошли немалые разности, особливо ж в расстояниях от Оренбурга и от места до места по собранным ведомостям столько находил я разности, что с трудом соображать ее мог, ибо оная ныне от Оренбурга при некоторых местах, против прежних весьма окружных мер, близ ста, а к Верхояицку[4] и Челябинску и около двухсот верст, ближе сочиняет. Может статься, что и впредь по новым мерам и при других, подобных сему, сочинениях будет оказываться не без разности; особливо ж когда и пред нынешними еще удобнейшие и ближайшие дороги изыщутся и учредятся. Означивая таковые расстояния и не смотря на изданные уже в печать, держался я тех справок и ведомостей, которые казались мне достовернее и с нынешним расстоянием сходнее.

Ежели отступил я где от обыкновенного порядка, употребляемого учеными людьми в таковых описаниях, и приложил к тому в некоторых местах собственные мои примечания, то извиняю я себя, в первом, моим недознанием, а во втором, планом, означенным от меня при вступлении в первую часть, которая удостоена уже благосклонной апробации. Намерение мое состояло в том, чтоб сочиняя описание здешних мест, означивать притом имущества и недостатки их, да и способы нынешние и впредь быть могущие, что я и вмещал по сходству и приличности на разных местах, сколько было мне ведомо и понятно.

Даждь, Боже! чтоб главные правители здешних дел и народов с их помощниками всегда просвещаемы были совершенным знанием всего того, что внутри и вне сей обширной губернии для государственных интересов надобно и полезно, и здешняя б азиатская коммерция действительно распространялась и умножалась во всей полуденной Азии до самой Индии, по известным намерениям блаженной и вечной славы достойные памяти государя императора Петра Великого, а чрез то б и описание Оренбургской губернии от искуснейших людей приведено было в полное совершенство, чего я, как верный раб и сын отечества, всеусердно желаю. Писано в Оренбурге апреля 22 дня 1760 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О городе Оренбурге и о тех местах, которые беспосредственно к сему городу принадлежат и составляют Оренбургскую провинцию

В описании «Оренбургской истории» по то время, как высочайшим указом, состоявшимся за собственноручным подписанием марта 15 числа 1744 года, Оренбургское правление учинено губернию (которое в «Ежемесячных сочинениях» 1759 года в печать издано), показано уже, что по оному высочайшему именному указу оренбургскому губернатору повелено ведать и киргиз-кайсацкий народ, так как оный в Оренбургской комиссии находился; почему, следственно, вся Заяицкая степь, которая обеими в российском подданстве состоящими киргиз-кайсацкими ордами, описанными в первой части сей «Топографии», еще до вступления их в то подданство занята, беспосредственно к оренбургскому ведомству принадлежит. На оной степи, рассуждая о положении тех орд к России, то есть к линейным крепостям и форпостам, летние и зимние киргиз-кайсацкие кочевья, начинаясь от самого Каспийского моря или от Гурьева городка (в котором ныне оренбургский гарнизон содержится, и тамошняя канцелярия о всяких делах указы и определения беспосредственно от Оренбургской губернской канцелярии получает), простираются к вершинам Яицким, а потом к рекам Ую и Тоболу, до Звериноголовской крепости, чрез 1600 верст по ландкарте; по положению же мест может быть гораздо больше. А затем прилежат уже они ведомства Сибирской губернии к реке Ишиму; потом на Иртыш и вверх по оному до Ямышевской крепости (где и торг с киргизцами Средней орды производится), которого расстояния еще будет около 1000 верст. Позади же оных орд в смежности к ним находятся разные народы, а именно: от стороны Каспийского моря трухменцы, хивинцы, аральцы, нижние каракалпаки, киргизцы Большой орды, туркестанское и Ташкентское владения, о коих в первой части описание уже учинено. А за-

тем бывшее зюнгорское владение, в той же части описанное, от китайцев и мунгалов совсем уже разорено и опустошено. И так вся сия окружность по генеральной Оренбургской губернии ландкарте сочиняет гораздо более 4000 верст.

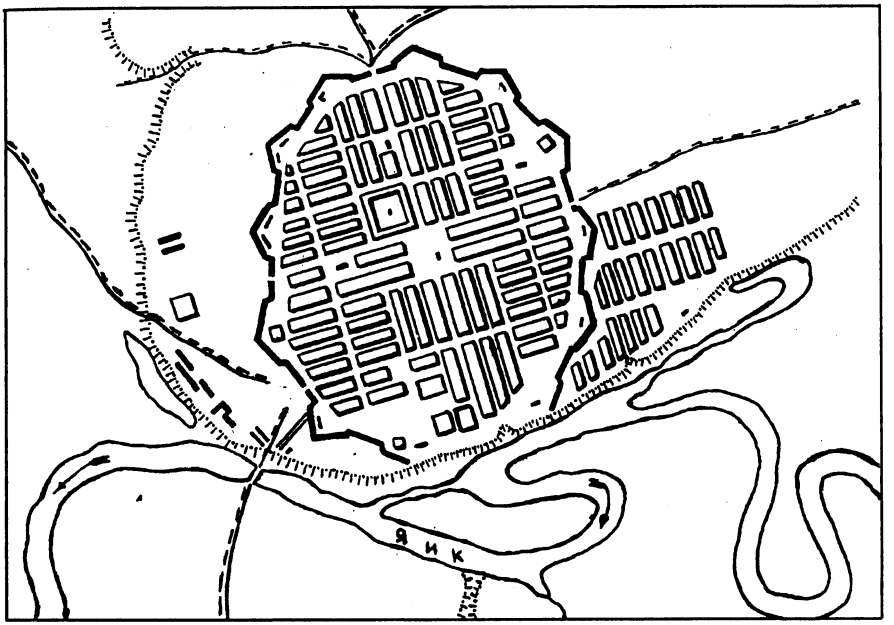
По сем кочующем степном народе к Оренбургской провинции, то есть к настоящему и беспосредственному Оренбургскому ведомству, принадлежат: Гурьев городок близ устья реки Яика, которым она в Каспийское море впадает; Илецкая крепостца или Защита, где чинится ныне добывание славной Илецкой соли; имеющиеся по реке Сакмаре две слободы, Бердская казачья и Сеитова торговая; а за сими по той же реке вверх Сакмарский казачий городок; да по тракту в Исетскую провинцию Зелаирская крепость, а затем по большой Московской дороге Бугульминская земская слобода с ее ведомством.

О городе Оренбурге в предозначенном описании показано уже, что по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, мая 1 числа 1734 года, по прошению киргиз-кайсацкого Абулхаир-хана, повелено было строить его, во-первых, при устье реки Ори, впадающей в реку Яик, со степной стороны, где он в 1735 году августа 15 дня статским советником Кириловым и застроен. По том по ее ж величества именному указу, состоявшемуся в 1739 году августа 20 числа за собственноручным же ее величества подписанием, на представлении бывшего в Оренбургской комиссии главным командиром тайного советника Татищева, велено ему быть при урочище Красной Горе, потому что Орское место признано им неспособным, где он августа 1 числа 1744 года также застроен был. Но и сие второе, по вступлении в ту комиссию действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева в 1742 году признано для столь великого города неудобным. По избранию ж и по представлению его, господина действительного тайного советника, высочайшим ее императорского величества именным указом, состоявшимся за собственноручным ее величества подписанием, по посланному и апробованному плану повелено его строить и строен, на нынешнем его месте, а прежде застроенные остались: первое под именем Орской крепости, от Оренбурга вверх по Яику сухим путем 252 1/2, а другое под именем Красногорской крепости, также вверх 70 верст, о чем о всем обстоятельно упомянуто в описании «Оренбургской истории», что здесь не повторяется.

По самой справедливости надлежит признаться, что последнее сие место, не только пред обоими вышеозначенными, но и по всему яицкому берегу находящимися, есть самое наилучшее, и к старинным российским жилам, следственно, и к получению оттуда всяких потребнос-

тей, а лесных припасов с реки Сакмары (ибо по ней вверху, тако ж и по впадающим в нее рекам, леса имеются), способнейшее. Тут же, как сказуется, в старину и нагайский хан именем Басман стан или жилище свое, под именем Актюбы, имел, о чем в предупомянутом первом описании в примечании на 145 параграфе показано. По астрономическим обсервациям находится оно в ширине от экватора 51 градус 51 минута расстоянием от Санкт-Петербурга чрез Москву, Володимир, Муром, Нижний и Казань, на Кичуйский фельдшанец 1990 по той же дороге от Москвы 1256, а от Казани 522, до Астрахани чрез Гурьев с 1200, а до Тобольска чрез Челябинскую крепость 1228 верст. От Оренбурга ж подчиненные ему знатные места: Ставрополь 505, Самара 421 1/2, Яицкий казачий город 269, Уфа 333, Челябинск, где Исетской провинции провинциальное правление, по новому почтовому тракту чрез Зелаирскую крепость, 572; Троицкая крепость, где с киргиз-кайсаками Средней орды и с азиатскими купцами подобная оренбургской ярмарка, по почтовой же дороге чрез Челябинск 682 версты, а прямо от Верхояицка чрез линейные крепости 543. Есть еще и другая от Москвы к Оренбургу дорога, по которой большею частию купеческие обозы приходят, а именно: от Москвы на Володимир и Муром по предписанному тракту, а с Мурома, оставляя Нижний в левой стороне, на Арзамас, с Арзамаса ж на Самару, и чрез лежащие по реке Самаре крепости, а сие все сочиняет от Москвы до Оренбурга 1215 верст. Что ж до азиатских областей принадлежит, то ежели бы проезд туда и сюда безопасен был от грабительств степных народов, можно бы поспевать, по достоверным известиям, тихою караванною ездою: в Хиву в 20, в Бухары в 30 дней, а и в самую Индию, как-то бывалые там люди уверяли, ходу на вьючных лошадях и верблюдах более бы трех месяцев не востребовалось.

Крепостное строение города Оренбурга состоит все на ровном месте, но по ситуации оного расположено иррегулярно, овальною фигурою об одиннадцати полигонах[5]. Имеет в себе десять целых бастионов и два полубастиона[6], которые, начинаясь от большой соборной церкви Преображения Господня, называются: Успенский, Преображенский, Неплюевский, Никольский (от церкви Николая Чудотворца, близ его имеющейся), потом Штокманский, Галафеевский, Губернский, Петропавловский, Провиантский, Бердский (от места, где бывала Бердская крепость), Торговый и Воскресенский; притом на поверхности той горы, коя к реке Яику лежит, между полубастионов от Воскресенского до Успенского, по длине на 275 саженях, по прямой линии положено быть брустверному укреплению с одним редантом[7], о средине для закрытия в том месте строения и для всякой обороны с речной стороны с тем намерением, чтоб под ним



План Оренбурга с казачьей слободой в 1760-е годы (по В. Н. Витевскому)

крутость горы, коя из природного камня, со временем обрезать. Высота крепостному валу по разным местам 12 футов, но по низким более, а по высоким менее, шириною рампар[8] шесть сажен, глубина рва 12, а ширина 35 футов. Наружная крутость оной крепости лицуется вся плитным камнем. Ширина сего города по интервалу в широком месте 570, а длина 677 сажен, считая по средине. Окружность сей фортеции[9], идучи по валу, сочиняет пять верст 192 сажени, а с внешней стороны четыре версты и 289 сажен, не причисляя к тому Казачей слободы, пред двумя полигонами, Преображенским и Неплюевским, застроенной, около которой, начиная от Неплюевского бастиона, положено быть по длине на 388 саженях с тремя бастионами ретраншементу[10] с одним к реке редантом, что яснее видно на плане. Для въезда в город, и для выезда, имеется четверо ворот, называемых: первые Сакмарские, потому что состоят к стороне Сакмары-реки, прямо от Губернской канцелярии по большой Губернской улице; другие Орские для того, что сквозь их лежит дорога в Орскую крепость; третьи Яицкие к реке Яику; четвертые Самарские посему, что на Самарскую дистанцию и к городу Самаре зимняя дорога туда лежит; а к тому может причислен быть и взвоз от реки Яика на гору, где положено быть сквозь вал же пятым водяным воротам. Домов всякого звания людей, а по большей части служивых, воинских и статских чинов, внутри и вне

города построенных, по переписи по нынешний 1760 год (кроме имеющихся за городом землянок), 2866. Знатные улицы внутри города именуются: первая Губернская, потом Орская, Яицкая, Пензенская, Самарская, Гостиная, Петропавловская, Троицкая, Воскресенская, Посадская, Садовая, Нижняя, Комисская, Преображенская, Успенская, Артиллерийская, Уфимская и Никольская.

Церквей во всем городе и с теми, что за городом в Казачей слободе и за Яиком на меновом дворе, девять, из которых две соборные, первая во имя Преображения Господня, а другая Введения Пресвятой Богородицы, а третья приходская на главной улице, при въезде в город, во имя святых апостолов Петра и Павла, каменные и со сводами, для их пространства и изрядной архитектуры достойны особливого примечания; наипаче же первая, яко главная, украшена преизрядным иконостасом и богатою ж церковною утварью, покрыта она вся белым листовым железом, и куполы, как на церкви, так и над колокольнею, вызолочены.

Публичные каменные строения: во-первых, губернская канцелярия о двух этажах, из которых нижний этаж для архива и денежной казны сделан со сводами. В рассуждении сего здания можно сказать, что в прочих губерниях для такого канцелярского правления лучшее едва где находится. По ней губернаторский дом, который ныне состоит еще из двух флигелей (однако около 20 покоев имеет); к настоящему ж дому, по определению вышепомянутого господина действительного тайного советника, сделан только фундамент; и когда б он по назначенному плану и фасаду отделан быть мог, то б достойно было почесть его между лучших строений, в резиденциях императорских имеющихся. Цейхгауз[11] и артиллерийский двор достойны особливого ж примечания. Полицейская и корчемная конторы[12], под которыми для привозимого на оренбургские кружечные дворы вина сделаны большие выходы со сводами. Почтовый и аманатный[13] двор, где и для приезжих штаб и обер-офицеров изрядные покои сделаны. Гауптвахта о средине самого города, с несколькими покоями, над которыми сделан купол, где стоят и боевые градские[14] часы с небольшими колоколами, а наверху ее государственный герб. Тут же и площадь довольного пространства и колодезь с изрядною кровлею. Гарнизонная и полковая канцелярия, аптека и госпиталь с принадлежащими к ним каменными ж казармами (при чем доктор, аптекарь, лекарь и несколько подлекарей и учеников содержатся); тако ж провиантские и соляные магазины, для которых под ведением губернской канцелярии особые конторы учреждены.

Для купечества внутри города построен каменный гостиный двор четвероугольный, которого длина по большой улице, называемой Губерн-

ской, 104 сажени с полуаршином, а ширина 94 сажени; лавки все внутрь двора со сводами и с навесом, так что никакая погода торгующих тут не беспокоит, и у каждой лавки подъемные затворы. Всех лавок и анбаров[15] счисляется 150; для въезда и выезда сделаны с двух сторон, на самой средине, ворота, из которых над первыми, кои от Большой Губернской улицы, для купечества церковь с изрядным украшением во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а над другими сделана с куполом колокольня. Среди оного двора построена каменная ж таможня о четырех покоях, между которыми пространный пакгауз[16], где для всякого развесу учреждены весы; все оное строение покрыто листовым железом и вычернено смолою. При сем же гостином дворе бывает повседневный базар, и становятся приезжающие из уездов с хлебом и со всякими харчевыми и прочими припасами; а под осень, когда на меновом дворе торгу нет, и киргизцы, а иногда и азиатские купцы, тут же торгуют.

Меновой двор, на котором с азиатскими народами чрез все лето до самой осени торг и мена производятся, построен на степной стороне реки Яика в виду из города, расстоянием от берега версты с две, ибо ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все место низменное и водопоемное. Для въезда и выезда сделаны двое ворот со сводами, из которых над теми, кои к реке Яику и к городу, для таможенного директора изрядные и довольно просторные покои, а над другими, кои на степь, и бывает в них въезд и выезд азиатских народов, пограничная таможня. Лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140, кои все внутрь двора и со сводами. Внутри ж того менового двора построен особливый двор для азиатских купцов и называется Азиатским, имеет также двое ворот, из коих над теми, что к таможне, построена изрядной архитектуры церковь во имя Захария и Елисаветы[17]. На сем азиатском дворе таких же лавок 98, да по углам по два, итого восемь анбаров. Всего-на-все сто сорок восемь анбаров и 344 лавки. С них полавочных денег положено в год 4854 рубля. Большая часть того менового двора покрыта уже листовым железом, а остальные лавки покрывают. По углам, кои на степь, сделаны две батареи, и поставлены на них пушки. В рассуждении пространства и хорошества сего строения можно объявить, что внутри государства для купечества столь великое здание едва где имеется ль. Записного в оренбургское гражданство купечества в подушном окладе состоит только еще 29 душ, а притом и оренбургским казакам, из коих много людей пожиточных[18], торги иметь дозволено, и торгуют они немало.

Я не могу удержаться, дабы в рассуждении Оренбурга не объявить здесь и сего моего примечания, что для столь великого города, который

с помощию Божиею год от году жителями и строениями умножается, в получении не только строевого леса, но и дров оказываются трудности, ибо уже и ныне от 70 до 90 копеек сажень трехполенная, а иногда и свыше рубля покупается. По немалому ж их расходу в одном Оренбурге, на одни домашние нужды, считая на 3000 домов по самой средней пропорции на каждый по 20 сажен, до 60 тысяч сажен в год потребно, не упоминая сего, сколько их еще требуется на жжение кирпича, извести, уголья и на строительные расходы. И для того, по моему мнению, самая необходимость требует, чтоб в Оренбурге деревянное строение вовсе запретить благовременно, а по меньшей мере хотя б сие определить, чтоб каждый житель не свыше своего чина деревянное строение производил, ибо многие малочиновные и бесчиновные люди, нимало не рассуждая о недостатке лесов, не по состоянию своему, но гораздо немалые дома строят. А имеется в самом городе способное и к вырубке весьма мягкое каменье (кое на воздухе крепнет), и всем жителям в строениях своих оным исправляться можно; вместо ж извести по тутошнему климату, а паче по нужде, и глина, особливо ж белая, та, коя при Орской крепости находится, весьма вязкая и клейкая, и кою вниз по реке Яику способно доставать, служить может, наипаче ж когда она с внешних и внутренних сторон хотя несколько известью будет затерта, чрез что множество и почти на всегдашнее время дровяной лес может быть сбережен к немалой пользе города и всех оного жителей, а паче когда рубка дровам и на самые необходимые нужды к строениям будет чиниться порядочно, и имеющиеся в вершинах Сакмары и по впадающим в нее рекам заплавы к способнейшей сплавке оттуда лесу будут прочищены. Сверх того, на низких и водоемных местах не невозможно б оный и саженьем разводить, особливо же тот, который и без коренья от сырых кольев, воткнутых токмо в землю, отрождается, яко то: осокорь, ветла, тополь и сим подобные. В чем, как в деле весьма нужном, касающемся до пользы всего жительства, всемерно ни труда, ни иждивения жалеть не надобно, но должно иметь благовременное к тому начало и старание.

Гурьев городок, по течению реки Яика на правой стороне, от устья, где сия река протоками впала в море Каспийское, 10 верст, от Оренбурга по нынешнему исчислению 744, от Яицкого городка 474, а от Астрахани с 400 верст. По сказаниям яицких старшин и тутошних старожилов, построен сей городок для рыбного промысла купцом из великороссийских городов Михаилом Гурьевым еще в то время, когда в имевшемся оттуда неподалеку татарском городе Сарачике владельцы находились, за что сначала помянутый купец оным владельцам платил дань; но как скоро

крепостное строение привел он в оборонительное состояние и, усмотря, что татары ничего ему сделать не могут, от оного платежа отказался, и так усилился, что промыслы свои мог он беспрепятственно производить. Могло статься, что то было, как ниже значится, около тех времен: когда оные татары в междоусобные смятения приходили, а наконец и в расстояние пришли; однако задолго до того, как яицкие казаки с Дону и из других мест на реку Яик (о чем ниже будет показано) сбираться стали, что и яицкий войсковой атаман Бородин с старшинами в бытность его в Оренбурге 1759 года уверял. Для строения городовой каменной стены, работные люди им, Гурьевым, были приведены из Астрахани и из других мест. Говорят, якобы тогда, как зачато было строить, все оное место с той стороны, отколь татар опасались, задернуто было парусами в тот вид, дабы они мнили, что то суда торговые и рыболовные стоят, а не крепость строят. С самого начала имелось четверо ворот, из которых первые Спасские; над ними одна церковь каменная ж во имя Спасителева нерукотворенного образа, с двумя приделами Афанасия и Кирилла, архиепископов Александрийских[19], и Алексея, человека Божия[20]. Другие ворота северные, третьи западные, а четвертые на полдень южнее, над которыми по углам башни. Сверх оных ворот и по углам были еще каменные ж башни. Нынешнее укрепление состоит из легких стен без башен с флангами, что все строено по принятии сей крепости в Оренбургское ведомство из старого кирпича и снабжено довольною артиллериею. Церковь ныне деревянная, во имя Святителя и Чудотворца Николая. В городе есть одна только проезжая улица, по которой офицерские и прочие дома построены; другие ж улицы, по плану назначенные, еще не застроены. В прочем значится по делам, что сей город в канцелярских письмах именовали Яик-Гурьев городок, а канцелярия тутошняя называлась Яицкая Гурьевская комендантская канцелярия.

По росписному списку капитана Залесского, который в прошлом 1753 году, января 1 числа, принял сей городок Астраханского гарнизона от капитана Племянникова в ведение Оренбургской губернии, в начале о городовом укреплении означено следующее: город каменный весьма ветхий в трех стенах и в восьми башнях и болверках, кои до половины развалились, и вновь сделаны целым и половинчатым кирпичом; а четвертая часть стены против комендантского дома рушилась, у оного города одни ворота, называемыя Спасские, да одна калитка. Величина его по длине от Спасских ворот до Терской башни 132 сажени, а поперек от средней стенной башни до башни ж Макарьевской 128 сажен. В духовных и церковных делах состоит он и поныне в ведомстве Астраханской епархии, так, как и прежде находился.

До отдачи оного городка из ведомства Астраханской в Оренбургскую губернию были тут казенные рыбные промыслы, и для непропуска рыбы вверх при самом Гурьеве, делался чрез всю реку Яик учуг, или перебой[21], которого в вешнее время, когда бывает вверх Яика-реки ход осетрам, белугам и севрюгам, с обеих сторон отворялось сажен на десять; но понеже из того между яицкими казаками и астраханскими рыбными промышленниками случались великие споры и весьма затруднительные разбирательства; того ради войско яицкое принуждено было просить, чтоб весь казенный доход, который от тех Гурьевских учугов происходил, платежом положить на них, а оный бы учуг уничтожить, и рыбе б вверх Яика дать вольный проход. Что по представлению о том от вышереченного господина, действительного тайного советника, в Правительствующий сенат и определено, и в том в Государственной Камер-коллегии[22] заключен с тем войском контракт, по которому платят они ныне в Оренбургскую губернскую канцелярию за те Гурьевские учуги прежнего казенного дохода 4692 рубля 69 копеек, да кабацких и таможенных по 714 рублей по 9 копеек, итого по 5446 рублей по 78 копеек в год, напротив чего, за уничтожением тех казенных промыслов в Гурьеве, оные промыслы в пользу войска Яицкого весьма знатно умножились.

Илецкая крепостца, или Защита[23], на самом том месте, где добывают славную илецкую соль, от Оренбурга за реку Яик прямо в киргиз-кайсацкую степь расстоянием 62 версты, около которой и киргизцы часто кочевьями своими располагаются. Добывание оной соли уже издавна на том месте сперва от башкирцев, а потом и от крепостных обывателей чинилось, но о построении сей крепости определение учинено уже в прошлом 1753 году октября 26 числа, по состоявшемуся в Правительствующем сенате того ж 1753 года мая 24 числа указу, коим в Оренбурге и в принадлежащих к оному новых крепостях и селениях учредить казенные соляные магазины, и продажу илецкой и эбелейской соли чинить по тогдашней указной цене по 35 копеек пуд, для чего тогда ж и соляное правление в городе Оренбурге учреждено. Явившийся тогда подрядчик оренбургских казаков сотник Алексей Углицкий обязался той соли заготовлять и ставить в оренбургский магазин четыре года, на каждый год по пятидесяти тысяч пуд, а буде вознадобится, то и более, ценою по 6 коп. за пуд, своим коштом, а сверх того, в будущий 1754 год летом построить там своим же коштом по указанию от инженерной команды небольшую защиту оплотом с батареями для пушек, тут же сделать несколько покоев и казарм для гарнизона и провиантский мага-

зин, и на все жилые покои в осеннее и зимнее время ставить дрова, а провиант, сколько б там войсковой команды ни случилось, возить туда из Оренбурга на своих подводах, что все и учинено, и гарнизоном определена туда из Алексеевского пехотного полка одна рота в полном комплекте; а иногда, по случаям, и более военных людей командируемо бывает, для которых, яко же и для работающих в добывании той соли людей (коих человек ста по два и более бывает), имеется там церковь и священник с церковными служителями.

Что до свойства илецкой соли принадлежит, о том в первой части в главе пятой при описании минералов уже упомянуто. Потом слышал я еще о разных обстоятельствах до нее ж принадлежащих, а особливо о ее тузлуке, или рассоле, которого в близости Илецкой Защиты нарочитой величины озерки находятся, и киргизцы, как мужеск пол, так и женский, нарочно и издалека приезжают ложиться или купаться в нем к их здоровью[24]; к тому ж и то, якобы в оном рассоле, хотя он совершенно чист и прозрачен кажется, и те соляные озерки имеют довольную глубину, лежащий человек не грузнет, но плавает на поверхности, и якобы сверху оный тузлук так холоден, что едва можно вытерпеть, а что глубже, то теплее, а ко дну уже и горяч становится; но все сие требует довольного рассмотрения и достовернейшего испытания.

Бердская казачья слобода[25] прежде была при реке Яике около того места, где ныне Бердский бастион; но, по избранию оного места в 1743 году под Оренбург, перенесена к реке Сакмаре, и так находится от Оренбурга в семи верстах. Обнесена она оплотом[26] и рогатками, по углам сделаны батареи, на которых, тако ж и при воротах, поставлены пушки. Жительства в ней дворов до двухсот; жалованных казаков числится в ней 100 человек, которые имеют своего атамана и особых старшин; церковь в ней во имя Рождества Богородицы с приделом архистратига Михаила.

Каргалинская, она ж и Сеитовская, оренбургских торговых татар слобода[27], вверх по реке Сакмаре от Бердской слободы верст с 20, а от Оренбурга 18 верст. К поселению тут во первых явился в Оренбургской губернской канцелярии казанский торговый татарин Сеит Хаялин с детьми, обещаясь на то поселение и других охотников Казанской губернии из пожиточных торговых татар приискивать, предложа некоторые кондиции[28] по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии, и прося, чтоб они притом поселены были и уволены от рекрутских наборов, а вместо того служить бы им во время нужды около Оренбурга службы с прочими нерегулярными людьми; почему представлено было Правительствующему сенату, и дан ему, Сеиту, из оно-

го августа 8 дня 1755 года, за подписанием всего Правительствующего сената указ, чтоб его, Сеита, и с детьми к тому селению допустить и прибрать бы ему к себе на оное поселение из татар Казанской губернии до двухсот семей, людей добросостоятельных и торги производить могущих, считая в семью отца с детьми и со внучатами, тако ж и братьев, кои не в разделе, а для работы посторонних к семейству принимать бы по рассмотрению Оренбургской губернской канцелярии. При том на вышеписанном основании все они уволены от рекрут, позволено иметь мечеть по их закону, а для их изворота[29] отведена им пространная земля с довольными угодьями; сверх того под хуторы и для разведения сева хлопчатой бумаги позволено им у башкирцев земли кортомить[30] и покупать, о чем в том данном ему, Сеиту, указе обстоятельно изображено. И так их записалось на то поселение, и ныне по переписи числится их всех мужеска полу 1158 душ, из которых 998 душ подушные деньги платят в Оренбургскую губернскую канцелярию, а за 160 душ до будущей ревизии отсылаются на прежние их жилища. Дворового числа[31] в оной слободе имеется до трехсот дворов, которые все построены по течению реки Сакмары и по речке Каргале, впадающей в Сакмару, гораздо не худо; а о средине жила, на каменном фундаменте, сделана такая мечеть, которой больше и лучше, как сказывают, во всей Казанской губернии ныне нет.

Сакмарский казачий городок[32] от Оренбурга по Большой Московской дороге 29 верст, на реке Сакмаре, выше означенной Сеитовой слободы верст с 7 или 8, построен на высоком и прекрасном месте, а притом и от натуры весьма на крепком мысу, который с двух сторон неприступен, и никакого укрепления не требует, а где надлежит, имеет деревянное укрепление и особливую свою артиллерию. В семи верстах от сего городка, за Сакмарою рекою, по пути к Оренбургу есть гора немалой высоты наподобие сырта, коя называется Гребени; она вся состоит из известного камня, где с начала Оренбурга и поныне известь жгут и для архитектурных украшений такой величины, какая кому вознадобится, изрядные камни вырубают.

Оренбургских граждан и ближайших от оного жителей наилучший и способнейший промысл есть торг, с азиатскими купцами производимый, о коем в первой части уже показано. К дальнейшему ж распространению оного и к заведению разных в пользу государственную и партикулярную в оных местах могущих быть фабрик и заводов, ничто столь нужно, как сие, дабы город Оренбург умножен был капитальными и внешнюю коммерцию знающими купцами. К чему по состоянию здешнему и смежных к Оренбургскому ведомству азиатских провинций,

живущие в Астрахани и выходящие из Персии торговые армяне по их искусству в азиатском купечестве и в тамошних языках для многих резонов весьма б способны; тем наипаче, что их однородцев и в Бухарии (куда из всех азиатских мест и из самой Индии купцам съезды), как сказывают, немалое число домами жительствует, чрез которых они здешнюю коммерцию распространить могли б способнее, нежели российские, которые с тамошними местами никакой корреспонденции не имея, больше об одном сем стараются, чтоб токмо на месте, то есть в Оренбурге, торговать, но и для сего по большой части присылают токмо своих приказчиков, а настоящие хозяева почти никогда в Оренбург не ездят. Впрочем, по здешним степным и пажитным местам содержание конских и скотских заводов и возка на медные заводы руд почитается также за немалый способ обывателям; напротив того, хлебопашество за сухостию земли с таким успехом, как то по другую сторону Уральских гор чинится, производимо быть не может, чего ради ржаной хлеб и сеять уже перестали. О илецкой соли, коя за хороший и готовый здешний продукт почтена быть должна, выше сего обстоятельнее ж в первой части объявлено. Что ж до медных руд принадлежит, коих в близости от Оренбурга по речкам Каргалам, впадающим в Сакмару-реку, и в других местах весьма довольно, и почитаются они из всех прочих за наилучшие, о том ниже в 12 главе особо упомянется, с показанием сего, что и самые древние здешних мест обыватели имели великие в том промыслы, как то старинные рудокопные их места изъявляют.

Зелаирская крепость[33] по большой почтовой дороге в Исетскую провинцию, расстоянием от Оренбурга 229, от Воздвиженской 113, а от Верхояицкой крепости 160 верст, построена в прошлом 1755 году на земле Бурзенской волости башкирцев при речке Зелаире по причине происшедшего от башкирцев той волости злодейства, к которому вскоре потом разных зауральских волостей башкирцы приобщась, многие пакости поделали, и прямой бунт сочинили[34]. При начале ее было сие намерение, чтоб построением ее внутри самых тех жилищ, где злодейство оказалось, и введением тут для гарнизона двух рот драгунской и пехотной оным злодеям сделать страх, и притом удобнее б было всегда их башкирские обращения и намерения знать, и для всяких случаев иметь тут запасный провиантский магазин, а после в том же 1755 году июля 26 дня учинено в Оренбургской губернской канцелярии определение и представлено Правительствующему сенату, чтоб из зауральских башкирских волостей, которые от города Уфы удалены, для наилучшего над ними смотрения и наблюдения, учредить бы особый зауральский дистрикт, в котором назначено шесть волостей, а именно: Бурзенская,

Карагай-Кипчакская, Тамьянская, Усерганская, Тангаурская и Сугун-Кипчакская; а ежели пожелают, то б и еще две, то есть Бушман-Кипчакскую и Чамкин-Кипчакскую, к сему ж бы дистрикту приписать и, отделя оные от Уфимской провинции, состоять бы им в ведении Оренбургской губернской канцелярии, что все и указом из Правительствующего сената от 14 августа того же 1755 года апробовано с определением, дабы к правлению в помянутой новой крепости канцелярских дел потребное число канцелярских служителей взять из Уфимской провинции по рассмотрению Оренбурской губернской канцелярии, с положением на жалованье им годовой суммы из тех же доходов, откуда они, будучи в Уфе, получали. Но хотя означенная воинская команда в той крепости действительно находится, однако тот дистрикт поныне еще не учрежден.

Вышеупомянутый башкирский бунт, происшедший в прошлом 1755 году, требует пространного описания, ибо хотя он и не так много продолжался, как описанный в «Истории Оренбургской» с начала Оренбургской комиссии, но соединен он был весьма с особливыми и до того не бывшими обстоятельствами, и для того небесприлично, пока такое особое описание будет о том сочинено, впредь для знания объявить о нем здесь вкратце следующее.

Сибирской дороги мещеряк мулла, или законник магометанский, званием по просту Батырша Алеев[35], живший в деревне команды верного мещеряцкого старшины Яныша Абдуллина, будучи от натуры хитр и вымышлен и притом магометанского нечестия весьма много изучен (росту среднего, лицом смугл и сухощав, лет около 46, но безбородый с природы), еще в 1754 году, как то по допросам открылось, по всей Башкирии и в другие места ездил с истолкованием своего закона, рассевая в народ разные возмутительные мысли и якобы еще в том же 1754 году со многими волостьми согласился,чтоб сделать бунт и усилясь склонить на то, с одной стороны, в Казанской губернии живущих магометан, а с другой киргизцев и прочих тамошних народов, а потом рассеял в разные места возмутительное письмо, сочиня его весьма ухищренно на основании нечестивой своей веры, из которого для показания его коварных и дальних вымыслов впредь для знания сообщается здесь экстракт[36].

«Я, Абдулла Мязгильдин (сие название имел он по своему учению, а по народному и простому наречию называли его Батыршей), уповая на Бога и на милость его Пророка и, последуя стезям последователей его учеников, возвещаю и вразумляю высшее повеление вам, в Российском государстве живущим и от неверных россиян разными нападками

и коварствами обидимым, приведенным в изнурение и несостояние, и в том находящимся правоверным, следующее». Потом сначала предложил он, как их предки, не наблюдая святой закон, поддались России, и тем оный привели в слабость, и приводя в память, якобы в прежние времена болгарские народы, называя их правоверными магометанами, вооружась, неверных губили и затем имели благополучную жизнь, а наконец в вечное блаженство преселились, толковал, какие великие разорения претерпевают они ныне от россиян, и что многие из единозаконных им придержащиеся россиян жен и детей их в холопство и в беззаконный брак побрали, мнят себя быть правоверными, находятся в сущем суеверии, сообщась русским, и для того называет их всех нечестивцами, советует им от того отстать и россиянам никаких служб не чинить, городов, крепостей и заводов строить не допускать, а правоверных, то есть магометан, защищать, в погрешностях своих принесть покаяние и тем Бога умилостивить, определенных бы от российских командиров старшин извергнуть, приводя к тому разные места из Алкорана[37], что тем вера их утвердится и они помощь с неба получить имеют. По таковом предложении увещевает он народ, чистую веру имеющий, чтоб они военных лошадей приготовляли, сабли, копья, луки, стрелы и всякие к тому принадлежности припасали и, повинуясь Божию повелению, неверных россиян разорять начали б с тем намерением, дабы их из земель своих выгнать и в жилищах своих построить мечети и училища. Он представляет ходатаем и помощником в том Пророка своего Магомета, приложа к тому и сие, что от насилия русских несколько их верных христианскую веру хотя и приняли, но как они, совокупясь, руку на них подымут, то и те отпадшие от них к ним же пристать желают. Тут же приобщил он и киргизцев, толкуя, что россияне многими подарками их обманули и, взяв ханского сына в аманаты, стараются от времени до времени между их вмещаться и, построя на землях их города, далее их изгнать, и ближние ж от них правоверные города Ташкент, Бухарию и проч., разоря, сделаться над ними победителями, толкуя тогдашнее с башкирцев и мещеряков ясака сложение за обман, а чтоб илецкую соль из казны покупать – за народную тягость. Он внушает еще: как российские люди стараются поссорить их с киргизцами и чрез то пролить их кровь, но притом якобы имеют и страх, чтоб правоверные, сообщась с ними, киргизцами, не учинили на них самих нападения. Наконец, заключает сим, чтоб верующие и исповедующие единого Бога, молодые и старые, конные и пешие, повинуясь Божию повелению (приведши тут один стих из Алкорана), собирались и выезжали с поспешением, не жалея своего имения, не боясь и не страшась неверных, но крепко б

уповали на Бога, изъясняя некоторыми местами из Корана ж, что против множества российских войск поможет им Бог и обнадеживая, якобы он о всем том с лучшими учеными людьми уже переговаривал, да и киргизцы де в том же согласии, а к тому де и от прочих правоверных россиянам страх есть, и условились все, чтоб оное дело начать им того 1755 года, июля 10, о чем якобы письма и ведомости во все места разосланы, и для того б положась на Бога всемерно с того числа, а буде россияне прежде того термина о чем узнают, то б и прежде оное начинали, и подтверждает, чтоб оные письма, кому в руки попадутся, от места до места возить, дабы их правоверные в оплошности не были, а от неверных бы и от нечестивцев (то есть от пребывающих в службе и в верности) их скрывать. В конце же оного письма приписано: на сих днях якобы и из Турции сильные войска на Астрахань пришли для сопротивления и умерщвления неверных россиян, а слышно де, что и еще идут.

Сие возмутительное письмо попалось в руки при поимке его, Батырши, от которой он спасся уходом в лес, вышеозначенному мещеряцкому старшине Янышу, и прислано от него в Уфимскую провинциальную канцелярию, а из оной в Оренбургской губернской канцелярии получено при рапорте ее сентября 15 дня 1755 года, за что оному старшине по доношению о том при указе из Правительствующего сената прислано довольное награждение[38].

Всего удивительнее кажется, что чрез целый почти год о таком важном к бунту предприятии ни в губернской, ни в провинциальных канцеляриях никакого доносительства, ни известия не было; но у всех у них содержано было в совершенной тайности, а открылось и началось оно 18 числа мая 1755 года (и так близ назначенного в возмутительном письме термина) на Нагайской дороге в Бурзенской волости, убийством до смерти находившегося в той волости присланного от Кабинета ея императорского величества, для прииска и разрабатывания цветных каменьев, каменотесца Брагина, и разорением по Исетскому тракту почтового стана и убийством же нескольких проезжих; причем в собрании тех злодеев усмотрено было человек со сто, которое, забрав жен и детей своих, и со скотом, между верхних яицких крепостей пустыми местами тогда ж пробрались к Яику и ушли в Киргиз-кайсацкую орду[39].

После того ухода, той же Бурзенской волости башкирцы, по приезде из ушедших одного башкирца, определенного к ним из мещеряков, старшину Абдул-Вагапа с писарем и еще двух мещеряков убили. Потом в оное замешательство в августе месяце не только Бурзенская, но и Тангаурская, Усерганская, Тамьянская, Сугун-Кипчакская почти

все, и большая часть Чамкин-Кипчакской, а несколько и Карагай-Кипчакской волостей (кои все на Оренбургской стороне Уральских гор крайние к киргиз-кайсацкой степи) уклонились и, разделясь на разные партии, с женами и с детьми устремились на побег за реку Яик в Киргиз-кайсацкую орду, а между тем, кому где удалось, разные злодейства причиняли; и таким образом ушло их в Киргиз-кайсацкие улусы, мужеска и женска полу по смете более десяти тысяч душ, в той надежде, чтоб киргизцев привлечь на свою сторону, и, совокупясь бы с ними, делать еще пакости и оставшееся в домах и на землях их имение (кое они при побеге в бортевыя деревья и в разные места скрывали) возвратить[40].

И хотя при самом начале предосторожность была принята, чтоб их через реку Яик не перепускать, и на побег их поступать с ними, как с злодеями, чего ради и команды были приумножены; но, понеже они реку Яик переходили в разных местах и многими партиями, то оный их побег пресечь и знатных над ними действ учинить было не можно; однако при разных с ними сражениях побито около тысячи человек, а из переловленных по наказании кнутом многие сосланы в ссылку в Рогервик[41] на вечную работу, а жены их и дети отправлены были в Москву для раздачи там во владение российским людям.

Главнейшие тех злодеев пакости состояли в том, что Бушман и Чамкин-Кипчакской волости с старшинами Сатлыком и Тляумбетем и приставшие к ним Шайлиной команды Сугун-Кипчакцы, в Яицких вершинах медный завод его сиятельства графа Александра Ивановича Шувалова выжгли и несколько безоружных, бывших тут людей, кои бегом спастись не успели, побили. Потом, напав на отправленную от бригадира Бахметева для защищения железного завода его сиятельства графа Петра Ивановича Шувалова драгунскую роту под командою капитана Шкапского с двумя офицерами, при которой было оренбургских казаков с сотником Бардабаем 50 человек, остановили ее на лесу в самом тесном месте от Зелаирской крепости верстах в 30; и хотя оная команда часа с два сильно от них оборонялась и многих побила, в том числе и главный бунтовщик Кучукбай убит, но понеже тех бунтовщиков было тут более двух тысяч человек, а место было весьма тесное, то всех, кроме двух калмык и трех верных башкирцев, бывших при той партии, до смерти побили[42]. Да прежде того на Орской дистанции при сражении с теми ж башкирцами в одной партии, в коей было российских до 200 да верных башкирцев 60 человек, при перелазе их чрез Яик побито ими 16 человек калмык, не упоминая прочих их злодейств, о коих по делам в губернской канцелярии явно.

Бывший тогда оренбургским губернатором господин действительный тайный советник и кавалер Неплюев по самым первым причинам писал от себя в Володимирский, Астраханский и Азовский полки, которые находились в Пензенской, Шацкой и Алаторской провинциях с нарочными, чтоб оные полки как можно наискорее следовали в Оренбургскую губернию; и хотя потому оные полки тогда ж подвигнуты, но в Оренбургскую губернию прежде осени прибыть не могли. Сверх того взято тогда ж было с Яика казаков 1000, из Ставрополя крещеных калмык 500 человек, верных башкирцев и мещеряков немалое число было наряжено. Да по представлениям его ж, господина действительного тайного советника, командировано с Дону казаков 2000, в Казань прислан был армейский Нижегородский полк, не считая прежде бывших двух армейских драгунских Троицкого и Ревельского, тако ж гарнизонных и ландмилицких полков, крещеных калмык и других нерегулярных войск, в Оренбургской губернии на поселении имеющихся. К тому ж, к имеющейся в Оренбургской губернии артиллерии к одной роте прибавлена другая в полном комплекте, и немалое число пушек и всякого артиллерийского снаряда вновь завезено. К содержанию оных войск в разных местах провиантские магазины учреждены, для чего от главной провиантской канцелярии прислан был особо обер-провиант-мейстер Желтухин, а ко всей той воинской команде по именному указу определен и прислан был в Оренбург генерал-майор и кавалер Иван Алексеевич Салтыков, который потом в бытность его в Оренбурге в генерал-лейтенанты пожалован, но в исходе 1756 года взят он к армии, находившейся тогда в Пруссии.

Легко понять, что содержание столь немалого числа регулярных и нерегулярных войск и учреждение во многих местах магазинов по причине вышеписанных замешательств коштовано в превеликие суммы; но могло статься, что заведением толиких войск оставшиеся башкирцы по предписанному возмутительству от противных предвосприятий и удержаны. А между тем и оный возмутитель Батырша, как много ни укрывался, мещеряцким старшиною Сулейманом Деваевым пойман и отослан за довольным конвоем в Санкт-Петербург. Однако в скорейшем и главном прекращении оных беспокойств подействовал больше, во первых, состоявшийся в Правительствующем сенате сентября 1 числа того ж 1755 года манифест, которым всемилостивейше повелено, чтоб те башкирцы, кои в то злодейство впали, не только находящиеся еще в Башкирии, но кои уже и в другие места бежали, или к тем их злоумыслам приставали и про то ведали, по публиковании сего указа добровольно вины свои принесут, и из бегов в жилища свои возвратятся, к

чему положен был срок, находящимся в Башкирии два, а бежавшим шесть месяцев, с объявлением всем генерально всемилостивейшего прощения, без всякого за вины их истязания, и прежние их земли и принадлежности, чем кто владел, возвратить им повелено; с таким притом всемилостивейшим подтверждением, чтоб они впредь жили спокойно и никаких бы шалостей отнюдь не чинили, а ежели того не учинять, то последует им крайняя погибель, и жилища их, земли, угодья и всякие к тому принадлежности розданы будут тем башкирцам, кои во всякой верности пребывают и пребудут. С другой стороны, употреблено удобь вымышленное и всевозможное старание, чтоб ушедших в Киргиз-кайсацкую орду башкирцев, не допустя там утвердиться с киргиз-кайсаками, разными киргизцами внушениями и толкованием от того собственной их киргизской опасности и вредности, поссорить, за чем в орду отправлен был нарочный капитан Яковлев, в чем и успех был; ибо киргизцы, огорчась на тех ушедших к ним башкирцев, многих побили, а по большей части, разобрав по улусам своим, стали их держать, как сущих пленников, почему многие из них, услыша милостивые об них указы, обратно в Башкирию выбегать стали, причиняя киргизцам при тех своих побегах разные пакости и воровства. Сверх того, для истребования их из орды по именному указу прислан был бригадир Тевкелев, который для сей особо порученной ему комиссии пожалован в генерал-майоры, чем оное башкирское замешательство и пресеклось, и из тех бежавших в Киргиз-кайсацкую орду башкирцев по нынешнее время возвратилось в Башкирию побегами 5545, да по комиссии оного генерал-майора киргизцами выдано 737 человек, которые все, с данными из Оренбургской губернской канцелярии билетами, отпущены в старые их жительства по-прежнему, да еще и поныне к тому их выходу на основании вышеозначенного манифеста сроки по определениям Правительствующего сената повсегодно продолжаются; прочие обстоятельства оного бунта со всеми их подробностями требуют и достойны особого описания, а сие краткое, и по причине построения Зелаирской крепости описанное, между тем, может служить для известия.

Бугульминская слобода[43], так же как и вышеписанные места, беспосредственно к дирекции губернской канцелярии принадлежит. От Оренбурга до нее прямо по Большой Московской дороге 338, от Казани по той же дороге 183 версты*. В оной слободе находится так называе-

---

* Оное расстоянии по новой мере, по прежней и по календарю от Оренбурга 277 верст 200 сажен, а от Казани 245 верст, почему еще понынс прогоны выдаются. Разность от сего, что первая мера была прежде населения деревень прямо степью, а потом деревни для способности мест селены по сторонам; некоторые ж после и на другие способнейшие места перенешены.

мая Бугульминская земская контора, у которой под ведением состоят другие слободы, а именно: Письменская, Кувацкая, Богородланская[44], Кандыжская, и еще разные по той большой дороге и в сторонах от нее находящиеся российские и иноверческие жительства, в которых положенных в подушный оклад государственных людей российских 1650, иноверцев 2001, да помещичьих 69, итого 3720 душ; тептярей и бобылей, кои платят восьмигривенный ясак, до тысячи; всего до 4720 душ. Что принадлежит в особливости до той Бугульминской, Письменской, Кувацкой и Богородланской слобод, то жители их по большей части переведены по застроении уже от Оренбурга и, по расположении ландмилицких полков в оренбургских крепостях на фундаментальное поселение, из пригородов Закамской линии, а именно: из Старошешминска, Новошешминска, Заинска[45], Тиинска и Ерыклинска; ибо детьми их оные полки комплектуются, а престарелые и служить немогущие по отставке их обыкновенно в те слободы на житье отпускаются. Жительства в оной Бугульминской слободе будет сот до пяти дворов и две церкви деревянные; тут же, по особливому из Правительствующего сената указу, учреждена богадельня[46], в которую всякого звания, а по большей части из ссылочных, немогущие работать и собственное свое пропитание иметь (дабы в Оренбурге нищих бродяг не было), ссылаются, и определенным казенным коштом, а некоторые и от себя (яко тут хлеб и всякий харч не дорог) содержатся.

В предозначенном описании, особливо ж в первой части, упоминая разные азиатские народы, те самые, которые у древних греческих, римских и прочих писателей генерально под именем скифов и татар описываны, а и у нынешних общественно татарами именуются, не могу удержаться, дабы в заключение сей главы не объявить сего, что я о обоих тех названиях со многими учеными магометанами довольно говаривал, да и у посыланных из Оренбурга в Хиву, в Малую и в Большую Бухарии, достоверных и неоднократно бывалых там людей прилежно и любопытно выспрашивал, желая ведать в употреблении ль у них те имена, как их разумеют и производят с прибавлением на то и моего мнения, хотя оное за точно и не утверждаю.

Елико до первого и древнейшего имени скифов принадлежит, сие ни в Хиве, ни в обеих Бухариях у всех тамошних народов не токмо не употребительно, но и совсем не ведомо. Они нигде и никакой народ тем именем не называют. Из сего довольно и без всякого сомнения видимо, что оное имя в самые древнейшие времена придано им было от греческих и прочих европейских писателей; но еврейское ль оно, или арабское, как то некоторые мнят, и производят из обоих сих языков, или и

германское, по мнению новых писателей от слова Schuetzen (шуцень), а по наречию древних нижних саксонцев от глагола Skieten (скитен), и во всех ли тех языках значит оно звероловство и стреляние из луков, о том я в подробное изъяснение не вступаю. У Страленберга во введении на описание Северовосточной Азии[47], на странице 33 и 34 и у Гедериха[48] в училищном его Лексиконе под словом Scytha и у других писателей принадлежащего к тому довольно собрано.

Равномерно ж и о сем, что касается до второго, то есть до названия тех же народов тартарами и татарами, то хотя в первой части сего описания в четвертой главе упоминается из татарских историй по сказанию обретающего в Оренбурге ахуна Ибрагима о Татар-хане, который был брат родной Могулу в пятом поколении от Турка, сына Афетова, с тем, якобы от сих обоих звание татар и могульцев произошло, и что по бывшим у них междоусобным браням, еще в те ж самые глубочайшей древности времена, в тех их названиях смешательство учинилось, так что без разбору одних вместо других именовать стали; но при том легко могло статься, что всенародное звание татар во всех вышеписанных местах тогда ж угасло, или бесчестным сделалось, ибо я совершенно уверен, что во всех тамошних сторонах ни одного народа нет, который бы татарами именовался. Под именем татар разумеют они народ весьма беззаконный и бесчеловечный, признавая, якобы жительствует он в российских, а паче в самых отдаленных сибирских местах, но где, того подлинно сказать не могут. И имя татар почитают они за весьма бесчестное и поносное, так как бы сказать: варвар, смерд и ни к чему годный человек.

Описывая разного звания народы, в полуденной Азии находящиеся, известился я от переводчика Арапова, многократно в Туркестане бывшего, что около сего города есть весьма подлый и презренный род людей, менее ста семей, которые от прочих поносно и ругательно прозваны кую-руклы-татар, то есть с хвостами смерд, сквернавцы или гадина. Причину того баснословят: якобы они в давные времена у одного ходжи, кой жил и умер в Туркестане и за его чудеса поныне почитается там за великого святого, убили сына и, отрезав ему голову, принесши ее пред него ругательным образом, просили в том прощения. Но он столько терпелив и великодушен оказался, что хотя силен и почитаем был в народе, однако более не сделал им, как токмо заклял их молитвой, дабы они неспособны были к верховой езде на лошадях, и будто бы с того времени получили они на теле знак подобный хвосту, который к верховой езде на лошадях им препятствует; и потому весь сей род почитается там за беззаконный и презренный. Помянутый переводчик объявляет, якобы

он из тех людей одного ребенка сам видел нагого и уверяет, что у него назади такой знак подлинно был. Правда ль сие или нет, остается в произвольном рассуждении. Дело состоит токмо в том, что имя татар в тамошних местах не только никакому народу не прилагается, но еще и за самое поносное вменяется; здешних же оренбургских, казанских и прочих в России живущих татар, им единоверных, называют они не татарами, но нагайцами.

Впрочем, все оные народы, которых в Европе под именем татар, а потом татарами описывали, сколько я известился и поныне удостоверен, издревле и поднесь сами себя называют генерально и общим именем тюрюк или турки и производят сие свое имя от города Туркестана, о коем в первой части описание от меня уже учинено. Имя ж тюрюк у всех у них весьма оное значит, нежели у нас турок или турки, ибо хотя и они сами имеют известие, что из живших около Туркестана народов некоторые к сарацинам перешли и с ними в одно имя сообщились, но турок называют они урум, а не турк и буде спросить по здешнему наречию: умеешь ли ты по-татарски? то обыкновенно говорится: «Татарча блямысын», по тамошнему ж наречию надобно выговорить: «Туркуча (а не «татарча») блямысын». Турецкая книга называется у них «урум китаби» или «усманлы китаби», а татарская «турки китаби» и пр.

Из вышеписанного уже явно, что имя татар у иных народов употребляется за презренное и бесчестное звание и прилагается народам, кои у них за беззаконных, бесчеловечных и ненавидимых ими людей признаются, так как греки в древние времена всех тех, коих ненавидели и пренебрегали, варварами именовали. И в посланиях апостольских на некоторых местах видно, что варвары и скифы за дикие ж народы почитались, да еще и доныне чрез варварство и варваров нечто бесчеловечное, люди дикие, жестокие и лютые, почти во всех европейских языках разумеются, не рассуждая, какому б языку сие звание было свойственно.

Сочинитель примечаний на Абулгази-Баядур-хана в 18 примечании на вторую главу точно сказывает, что до Чингис-хана все оные народы называли себя турками, а с того времени якобы сие имя у них стало пропадать, и начали они называться татарами, но откуда он сие взял, никакого доказательства на то не приводит, почему и утверждаться на нем не без сомнения, тем наипаче, что вышеписанное о их прежнем и нынешнем состоянии уверяет нас весьма инаково.

А понеже из первого, то есть из скифского имени, оным народам в древнейшие времена приложенного, видно уже, что то имя не их собственное, но придано им от других народов, а наипаче мню от греков

(ибо оно еще у Иродота, который прозван отцем истории, находится), потому что они особливо склонны были давать имена народам по своему произволению, а не так, как упоминаемые ими народы сами себя именовали, что звание варваров, многим народам от них приданное, довольно подтверждает; они ж часто и персов, когда находились с ними в войне, не иначе как токмо варварами именовали; потому, ежели позволительно есть всякому темные места в истории по мнению и чрез деривацию имен изъяснять, то осмеливаюсь я мнить, что оное имя Тартарии и тартар (кое ныне пишут с изъятием литеры «р») в историю сих народов также от греков и латин, а хотя б и от других, но следуя греческим и латинским писателям, после скифского имени внесено. К сему новому мнению склоняют меня следующие обстоятельства: 1. Сначала древние и греческие писатели под именем скифов и сарматов всегда дикие и страшные им народы описывали, употребляя обоих сих имена столь несвойственно, что все народы, кои из живущих от них на север были им незнаемы, тех всех именовали они или скифами или сарматами, а иногда и варварами. 2. Последовавшие им, особливо стихотворцы, все что ужас, страх, варварство, или бесчеловечие, лютость и свирепость значило нередко тартаром именовали, и слово тартарос в стихах своих часто употребляли, знаменуя тем ад, адские фурии и другие страшилища, как то в вышеупомянутом училищном лексиконе под именем Tartaros довольно собрано и описано, к тому ж и место ада, лат. Infernus, по некоторым их мнениям было у кимвров[49], следственно, около тех же мест, где жилища скифских и татарских народов сказуются. 3. Могло статься, что ближайших времен писатели, подражая древнейшим, все отдаленные дикие и не довольно знаемые им разные народы, не только одноязычные, то есть (по званию нашему) татарский язык употребляющие, но и другие многие, кои от татарского весьма особые имеют языки, яко то: чуваш, черемис, мордву и в самой Сибири находящихся, под именем татар описывать стали, да еще и доныне под тем же званием описывают, что ни от чего иного происходит, как токмо от незнания; подобно сему как у самих у нас и у поляков доднесь многие незнающие под именем немцев, а у турков под именем франков, разумеют разные европейские народы, к немцам или к германцам, тако ж и к франкам нимало не принадлежащие. 4. Хотя живущие в Казанской и в других губерниях магометане, которым у нас татарское имя прилагается, оное звание сами для себя и употребляют и, как выше значится, за бесчестное и поносное себе не ставят; но сие может быть происходит у них от давнего обыкновения, принятого ими от российских сперва по смежности с ними, а потом и по подданству их к России, подобно сему,

как ныне все германцы не только от соседственных им народов, то есть от россиян, поляков, турков, персов, и татар немцами прозваны, да и сами уже сие название, когда русским языком пишут или говорят, без всякого предосуждения употребляют, хотя едва может ли кто основательно изъяснить, как и от чего оное имя произошло; а буде сыскивать ему деривацию в российском или польском языках, то из того знатных действ сего столь древнего и славного народа доказать не без труда. Не упоминая нас самих, что по пришествии с Рюриком в Новгород варяг, или руси, оставляя помалу древнее и честнейшее свое именование славян, начали именоваться русскими, как то в первой части, в главе четвертой при описании русских упомянуто.

В первой части, в 5 главе, при описании оренбургской ситуации, поверхности и внутренности земной, показано несколько знатных мест и урочищ в предписанной окружности на Заяицкой степи, то есть в Средней и в Меньшей киргиз-кайсацких ордах имеющихся; но можно с довольною надеждою и верностию объявить, что по великой обширности оных орд, ежели токмо искусные и любопытные люди от времени до времени будут о сих местах осведомляться, и потому осмотры и описания чинить к удовольствию любящих науки и историю, то может весьма много открыться того, чего поныне неизвестно и в других губерниях не находится; а понеже сие все в скорости учинено быть не может, того ради не бесполезно бы было обществу, когда б оренбургские и прочих здешних мест главные командиры, от посылаемых в те места осведомляясь о предложенных в оной главе обстоятельствах, кто, что, где и в чем усмотрел любопытства и описание достойное, приказывали брать письменные известия, и оные собирая в одну книгу при других в те ж места посылках определяли б осматривать и с достоверностию описывать для положения на ландкарту и в историю сих еще весьма мало знаемых мест, где в древние времена разные и многие народы жительствовали, отчего со временем могло б произойти такое полное и достопамятное описание, каких в других губерниях нет да и быть едва можно ли.

Для примера таких записок приобщаю здесь то, что по написании уже сей главы в дополнение означенного в первой части известился я, а именно:

Оренбургской губернской канцелярии переводчик Яков Гуляев, в обеих Киргиз-кайсацких ордах и далее оных многократно бывший, объявил следующее:

1. В Киргиз-кайсацкой Меньшей орде, от Илецкой Защиты, где ломают илецкую соль, с день верховою ездою, на той стороне реки Илека видно немалое строение кирпичное.

2. От того строения в одном дне по речке, называемой Большая Кобда, при урочище Байтаке, есть признаки старинного города, где поныне еще видны рытые каналы, хлебопахотные и огородные места. Тут же одно старинное здание со сводами, в котором вместо железных связей положены большие брусья сосновые, хотя ныне и знаку нет, чтоб в тех местах или в близости оных сосновый лес находился; от оного ж здания в виду еще два каменные строения, у коих верхи уже развалились.

3. От тех мест в расстоянии одного дня по речке Ати-Уилу, на урочище, кое киргизцы называют святого Мавлюм-Берды, признак старинного ж города, где доныне кирпичных зданий от 30 до 40 видно, тут же поднесь каналы, хлебопахотные и огородные места значатся.

4. Оттоль с день езды по речке Сагызу видны многие ж старинные строения, тако ж в урочище, именуемом Бакчи, от речки Сагыза дня с два, от Бакчи вверх до вершин речки Зины, коя выпала из устья реки Мугалджара, и на оном устье (где и лес есть) старинных городков, рытых каналов и рвов, тако ж и насыпных бугров весьма много, из коих де бугров часто вырывают людские кости отменной величины, также золото, серебро и разные орудия.

5. По Хивинской дороге на высокой горе, которая именуется Ирняк, в урочище Учкан-Ата удивительный родник, или водяной ключ, находится, ибо он из-под земли натурально так сильно бьет, что ежели кто в него бросит камень нарочитой величины, то якобы сильным своим шрипором до дна его не допустит, но держит наверху. На той же горе при урочище Гурук видны могилы весьма длинные, и признают, что тут живали люди особливой величины, там же сделаны два покоя больших и не низко, а наверху оных положены столь великие каменья, что один камень десяти или пятнадцати человеках едва можно поднять.

6. На той же горе, при урочище Билюли-Атай, поныне имеется двор, у которого порталь или ворота большие, в нем мечеть и несколько небольших покоев. Все оное строение из кирпича. Подле ворот глубокий колодезь, в коем до воды от 30 до 40 сажен. О сем месте сказуется, якобы в самые ясные дни, когда воздух чист, видимы бывают отсель взморья Каспийское и Аральское. И будто б в прежние времена из Астрахани езживали на кораблях по Каспийскому морю к тому месту, кое отсель, как выше значится, видимо, и выгружаясь тут, переезжали сухим путем чрез сие место на Аральское море, где паки грузили суда и ездили в Хиву и в другие тамошние места для торгу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ведомстве войска Яицкого и о их обстоятельствах

В описании «Оренбургской истории», в примечании на 70 параграф хотя и показано уже о начале оного войска, но понеже то писано еще в 1744 году по сказаниям некоторых яицких казаков, а потом в ноябре месяце 1748 года и самому мне в Яицком их городе подался случай быть при господине действительном тайном советнике и кавалере Иване Ивановиче Неплюеве, которому указами из Государственной Военной коллегии от 9 декабря 1745 и от 22 июля 1748 года повелено было, на каком основании яицкие казаки сперва поселились, какие вольности и жалованные грамоты им притом даны, и генерально о всем том, что до оных казаков касается рассмотреть и впредь на каком надежном основании с собственною их пользою содержать, представить в ту Коллегию с мнением, что и учинено, как то обстоятельно значится в определении, учиненном в Яицком их городке ноября 22 числа 1748 года.

В сию мою бытность тогдашний войсковой атаман Илья Григорьев сын Меркурьев в разговорах со мною о начале того войска против учиненного в вышеозначенном описании объявления гораздо пополнительнее сказывал. Сие его показание достойно всякого вероятия, потому паче что не токмо он, но и отец его, войсковой же атаман Григорий Меркурьев (который, имев около ста лет от роду, в прошлом 1741 году умер), были яицкие уроженцы и как тамошние главные командиры все тамошние обстоятельства столь сведущие, что ныне таковые едва уже могут ли там и сыскаться, кроме нынешнего войскового атамана Андрея Бородина, но и сей все то ж мне подтверждал. И так прежде, нежели настоящее того войска состояние из имеющихся в Оренбургской губернской канцелярии дел описано будет, не бесприлично здесь объявить, о чем я от оных войсковых атаманов уведомлен, что может сочинить историю оного войска впредь для знания.

По сказаниям их, помянутый войсковой атаман Григорий Меркурьев, кой, как выше значится, более ста лет жил, помнил бабку свою, а отца его, Меркурья, тещу, которая умерла в младенчестве его, Меркурьева, жив также более ста лет. Сия его бабка сказывала ему и другим, что она, будучи уже лет двадцати от рождения, знала весьма престарелую женщину татарской природы, по прозванию Гугниху, которая о начале войска Яицкого и о первых их обстоятельствах объявляла следующее.

В самые де те времена, когда Темир-Аксак, а по европейскому названию Тамерлан[50], со многими татарскими войсками разные области разорял (по истории об нем могло быть сие в исходе 14 или в начале 15 столетия), был некто из донских казаков именем и прозванием Василий Гугня; сей, прибрав себе в товарищество тамошних казаков человек с тридцать, в том числе был один татарин, отлучился с Дону на промысел или паче для воровства и, сделав лодки, тако ж и запасу наготовя, сколько было надобно, сначала выехали на Каспийское море, где они в камышах все лето пробыли, производя свои промыслы, и дошед до устья, до протоков реки Яика, коими она в помянутое море впадает, пошли по ней вверх. Усмотря же, что оные места глухие, незаселенные, а притом и лес имеющие (знатно, что тогда лесу там было довольно, хотя ныне оного весьма уже мало), рассудили, как ту реку, так и оные места иметь себе убежищем и пристанищем. Препроводя ж тут первую зиму, по вскрытии воды паки на суда убрались и на первый свой промысел поехали; и, будучи на море, разбивали и грабили многие купеческие суда с разными товарами до самой осени, а к зиме паки в реку Яик возвратились и так несколько лет в том своем промысле упражнялись, подаваясь от устья реки Яика вверх с места на место.

Во время сих их промыслов и первых по реке Яику пристанищ, между Волги и Яика рек, и за Яиком на степной стороне, кочевали тогда татары называемой Золотой Орды, которые имея слух, что Тамерлан по возвращении своем из России намерен учинить нападение на ту их орду и оную разорить, пребывали в крайней от него опасности; и для того предуготовляя себя ко всегдашней от него обороне, лошадиные свои табуны и скотские стада близ кибиток своих содержали и по нескольку оседланных лошадей при самых кибитках имели. Но еще прежде, нежели об оном Тамерлане получены были у них подлинные ведомости, в оной Золотой Орде произошло междоусобие и великое смятение, которому та старуха, называемая Гугниха, весьма малую, но внезапную и странную причину сказывала, а именно:

В самую темную и глубокую полночь оседланная и у кибитки на привязи бывшая молодая лошадь, неведомо чего испугавшись, шарахнулась, и оторвавшись от кибитки, имевшееся на ней седло стала с себя сбивать, и так бегая по табунам, все табуны перетревожила, а оттого и в улусах у людей сделался шум и беспокойство, в том чаянии, что конечно от войск тамерлановых учинено на них нападение; почему де всяк взялся за оружие, и седши на готовых лошадей, в той ночной темноте и торопости одни на других стали нападать и учинили вопль и промеж себя такое кровопролитие, что несколько тысяч побито их в том незнании. А когда день и свет настал, и узнали, от кого и коим улусам более пагубы причинено, и более друг на друга вознегодовали, признавая, якобы то умышленно и со злобы сделано; и так улус против улуса действительно сражаться стали, и каждый свой род и улус защищал, отчего еще больше между ими кровопролития сделалось, и многие в отдаленных степных местах укрывались, а некоторые роды, или аймаки, уходили тогда к реке Яику. Между сими последними и оная старуха, называемая Гугнихою, с одною своею семьею, в которой было три брата и три снохи, в том числе и она была за меньшим братом, скитаясь несколько времени по пустой степи, к реке ж Яику пешие пришли. И хотя де у троих братьев был один лук и сайдак, но нигде ни зверя, ни птицы убить из него не могли, и от крайнего де голода убивши они двух снох, большую и среднюю, будучи на степи их съели, а потом с великим трудом едва дошед до реки Яика, сделали тут из талов плетневый себе шалаш, где и зимовали. Сей их шалаш был у них близ озера, при котором усмотря ненарочно полынью, и что тут рыба от множества дохнет, обрадовались, но были в недоумении, как оную доставать, ибо никаких рыболовных снастей не имели. В таком размышлении будучи, оная Гугниха догадалась обрезать имевшиеся у нее длинные косы и из оных ссуча тоненькие нити сделала маленький сак, какие при неводах бывают, коим по бывшему в том озере множеству рыбы начали ловить, и ею имели свое пропитание.

Вышеозначенные донские или паче первые яицкие промышленники, хотя и поблизку того ж места зимовье свое имели, однако ни они про сие татарское семейство, ни же оное про них, казаков, ничего не знали до тех пор, как один из тех трех братьев, меньшой, а ее, Гугнихин, муж, вышел на степь, с тем намерением, не найдет ли он после разбитой и отдалившейся орды лошадей или чего другого, прося братьев своих, дабы они в небытность его жену его так, как и первых двух, не убили и не съели, угрожая, ежели они то сделают, то он их обоих живота лишит,

а потом и сам себя умертвит, и так, взявши свой лук и сайдак, пошел в степь для своего намерения.

Во время отлучки того татарина означенные казаки за их нуждами ходили по лесу на лыжках и, тот их татарский стан приметя, стали их присматривать, а показанный гугнихин муж, возвращаясь из степи, пригнал несколько лошадей, притом и оный лыжный шлях приметя, братьям своим с великим удивлением рассказывал, да и сие объявил, яко он, будучи в малых летах, слыхал от стариков, что от реки Яика не очень далеко есть российские города Астрахань и другие, и российские де люди в зимние времена под ногами носят деревья, с которыми они по глубокому снегу способно ходят, признавая из того, что, конечно, по близости от них российские люди находятся, и ради того от них должно им заранее убраться. Но в самый де тот разговор напали на них означенные казаки, и двух больших братьев на том же месте убили, а меньшой брат, муж ее, Гугнихин, сперва хотя было и поудалился, однако и он убит, и платье его на стан привезено, и ей было показано. Сие чинилось при самом наступлении весны, после чего река Яик вскрылась, и время пришло оным казакам отправляться паки на промысел. При том своем отправлении метали они об ней, Гугнихе, жребий, положа ее в цену с тем, чтоб тому, кому она по жребию достанется, ту цену из будущей добычи вычесть. По жребию трижды доставалась она находившемуся в их артели татарину, на что прочие столь много озлобились, что, признав его за волшебника, взяв за руки и за ноги, размахав, бросили его в Яик, где он и утонул, а ее, Гугниху, без жребия подарили атаману своему Василию Гугне.

Отправляясь в море на промысел, взята была помянутым их атаманом и она, Гугниха, и находилась при всех их действиях; а понеже оставшиеся от Золотой Орды татары кочевьями своими еще располагались тогда по Яику реке и, известясь о тех казаках, некоторые из них вступили с ними в союз, и в ту ж компанию от времени до времени приставать начали. И так они жен стали получать себе от них, а притом и на пленных калмычках женились, и несколько детей прижили; но по тогдашнему их разбойническому обыкновению, или паче по некоторому суеверию, а другие мнят, якобы для того, что от младенческого их крику от поимки и от неприятелей своих укрываться им было невозможно, общим приговором положили, при самом рождении всех их убивать, и несколько лет так действительно со всеми тирански поступали, что и ныне все яицкие казаки подтверждают, с тою токмо разностию, что некоторые мнят, якобы то чинилось с младенцами одного женского рода, а мужеск пол оставляем был.

При таких бесчеловечных их поступках один из них, казак именем Тит Федоров, родившуюся ему дочь, по просьбе жены своей, сожалея, держал у себя потаенно года с два, а когда узнали про то другие его братья, и он укрывать ее более уже не мог, то при случае их казацкого собрания, взяв за руку, ввел в круг, сказав: что хотя у них и есть приговор таких младенцев побивать, но он рук своих на кровь свою поднять не мог, а ныне не только сего неповинного младенца, но и себя самого за то, что общий приговор пренебрег, в войсковое рассуждение предает. Сперва приговаривали многие, чтоб обоих, как отца, так и младенца, предать смерти, дабы не нарушить права своего и приговора; но наконец большая часть, очувствуясь и пришед в сожаление, закричали, чтоб их не казнить, и так не только оный казак Тит Федоров с дочерью его от смерти спаслись, но и тот их бесчеловечный приговор вовсе отменен, и всяк детей своих воспитывать начал.

После того, что далее, то более, людство их умножаться стало приходом с Дону и из других великороссийских городов, и, согласясь, выбрали они для житья своего первое место при урочище, называемом Коловоротное, от нынешнего их городка расстоянием вниз по Яику реке 60 верст. Тут поделали они для житья своего землянки, а для обороны от неприятелей небольшой ров. Оставшиеся от Золотой Орды татары, ненавидя, что они в их местах заселись, и подъезжая к их кибиткам в ночные времена на лодках, кибитки их ломали, пожитки грабили, а жен и девок к себе увозили, часто нападали на них, казаков, многолюдными собраниями и с великим устремлением; и хотя они, казаки, многажды бывали от них в осадах, но всегда отбивались, делая деревянные пушки и вместо ядер употребляя каменья, кости и тому подобное. Чего ради оные татары, не возмогши их преодолеть силою, стали было ласкать, увещевая, чтоб они к ним склонились и обещая, ежели склонятся и к ним в орду перейдут, учинить их мурзами и дать во владение им по нескольку кибиток; но казаки нимало на то не склонялись, и так они, татары, видя, что их ни силою, ни обманами достать не можно, от тех мест отдалились, и никаких противностей более уже им не показывали.

На показанном месте живши они несколько лет, наконец усоветовали послать от себя к его величеству государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу[51] объявить о себе и просить, дабы он, великий государь, их, казаков, милостиво принял под царскую свою державу, обещаясь служить ему, великому государю, и наследникам его; и для того, выбрав между собой двух человек, одного русского, а другого татарина, послали в Москву к его царскому величеству и, объявя чрез них о всех своих обстоятельствах, просили у его царского величества

милостивого защищения, которую их просьбу его величество соизволил милостиво принять и на реку Яик пожаловал им грамоту с тем, чтоб они, живучи тут, ему, великому государю, служили верно; из-за чего приходом к ним из великороссийских городов разного звания людей стали они еще усиливаться.

Потом с показанного урочища Коловоротного переселились они немного повыше на другое урочище, называемое Орешным, от нынешнего городка вниз же 50 верст; отсюда собравшись из низ 300 человек ездили на лодках в море для своих обыкновенных промыслов, куда выехав, нашли там донских казаков 400 человек на таком же промысле, с которыми сообщась, учали разбивать персидские торговые суда и тамошние деревни грабить, и другие разорения причинять; почему от персидского двора произошли на них многие жалобы. И потому отправлены были на Дон и Яик его царского величества грамоты, велено было послать нарочных для увещания их от того и чтоб они, оставя те свои промыслы, к великому государю явились с повинною. И для того повелено было прислать к Москве с Дону войскового атамана Фрола Миняева, с Яику атамана ж Ивана Белоусова, которые по тем грамотам и ездили. И будучи его царскому величеству представлены, получили повеление именным его величества указом обоим им ехать на море, дабы тех разбойников уговаривать, а как уговорят, всех их привести к Москве. По тому его царского величества указу оные атаманы, быв на Каспийском море и уговоря казаков в самых тех лодках, в коих они по морю ездили, Волгою-рекою до Нижнего Новгорода пришли, а оттоль на ямских подводах привезены были в Москву. По привозе ж их в Москву, как они представлены были ко двору, то каждый имел у себя топор и плаху и, увидев его царское величество, все легли на плахи, прося в винах своих всемилостивейшего прощения, по чему они и прощены. Однако ж вместо наказания посланы в Польшу и под Ригу вины свои заслуживать, где служили семь лет. Потом некоторые из них по их желаниям отпущены обратно на Дон и на Яик, а которые похотели остаться в тамошней стороне, те по их желаниям поселены на Великих Луках, и дано им для тамошнего их содержания каждому по одному крестьянину, и так оные войска яицкого в Польше и под Ригою бывшая служба за самую первую почитается.

В прочем продолжение оного от войсковых атаманов учиненного мне объявления сходствует показанному в примечании на 70 параграф «Оренбургской истории» следующим порядком.

В те ж времена из казаков яицкого войска некто по прозванию Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение идти в Хиву,

уповая быть там великому богатству и получить себе знатную добычу. С оными отправился он по Яику реке вверх и, будучи у гор, называемых ныне Дьяковыми, от нынешнего городка вверх Яика 30 верст, остановился и по казачьему обыкновению учинил совет, или круг, для рассуждения о том своем предприятии и чтоб избрать человека для показания прямого и удобнейшего туда тракта. Когда в кругу учинен был о том доклад, тогда дьяк его, или писарь, выступя, стал представлять, сколь отважно и несходно оное их предприятие, изъясняя, что путь будет степной незнакомый, провианта с ними недовольно, да и самих их на такое великое дело малолюдно. Помянутый Нечай от сего дьякова представления так много рассердился и в такую запальчивость пришел, что, не выходя из того круга, приказал его повесить, почему он тогда ж и повешен, а оные горы прозваны и поныне именуются Дьяковыми.

Отправясь, он, Нечай, в путь свой с теми казаками до Хивы способно дошел и, подступя под нее в такое время, когда хивинский хан со всем своим войском был на войне в других тамошних сторонах, а в городе Хиве кроме малых и престарелых никого почти не было, без всякого труда и препятствия городом и всем тамошним богатством завладел, а ханских жен в полон побрал, из которых одну он, Нечай, сам себе взял и при себе ее содержал. По таковом счастливом завладении он, Нечай, и бывшие с ним казаки несколько времени жили в Хиве во всяких забавах и об опасности весьма мало думали; но та ханская жена, знатно, полюбя его, Нечая, советовала ему, ежели он хочет живот свой спасти, то б он со всеми своими людьми заблаговременно из города убирался, дабы хан с войском своим тут его не застал; и хотя он, Нечай, той ханской жены наконец и послушал, однако не весьма скоро из Хивы выступил и в пути, будучи отягощен многою и богатою добычею, скоро следовать не мог; а хан, вскоре потом возвратясь из своего похода и видя, что город его Хива разграблен, нимало не мешкав, со всем своим войском в погоню за ним, Нечаем, отправился и чрез три дня его настиг на реке, именуемой Сыр-Дарья, где казаки чрез горловину ее переправлялись, и напал на них с таким устремлением, что Нечай с казаками своими хотя и храбро оборонялся и многих хивинцев побил, но напоследок со всеми имевшимися при нем людьми побит, кроме трех или четырех человек, кои, ушед от того побоища, в войско яицкое возвратились, и о его погибели рассказали. В оном войсковых атаманов объявлении показано и сие, якобы хивинцы с того времени оную горловину, которая из Аральскаго моря в Каспийское впала, на устье ее от Каспийского моря завалили, в таком рас-

суждении, дабы в предбудущие времена из моря в море судами ходу не было; но я последнее сие обстоятельство за неимением достовернейших известий не утверждаю, а представляю оное так, как мне от помянутых войсковых атаманов сказано.

Несколько лет после того яицкие казаки селением своим перешли к устью реки Чагана, на то третье место, где ныне Яицкий казачий город находится. Утвердившись же тут селением и еще в людстве гораздо умножась, один из них, по прозванию Шамай, прибрав себе в товарищество человек 300, взял такое ж намерение, как и Нечай, а именно: чтоб еще опыт учинить походом на Хиву для наживы тамошними богатствами. И так согласясь, пошли вверх по Яику до Илека реки, по которой вверх несколько дней отошед зазимовали, а весною далее отправились. Будучи около реки Сыр-Дарьи, на степи усмотрели двух калмыцких ребят, которые ходили для звероловства и разрывали ямы звериные, ибо тогда около оной реки Сыр-Дарьи кочевали еще калмыки. Захватя сих калмыцких ребят, употребляли они их на той степи за вожей, ради показания дорог. И хотя калмыки оных своих ребят у них, казаков, к себе требовали, но они им в том отказали. За сие калмыки, озлобясь, употребили противу их такое лукавство, что собравшись многолюдно, скрылись в потаенное низменное место, а вперед себя послали на высокое место двух калмык, и приказали, усмотря яицких казаков, рыть землю и, бросая оную вверх, делать такой вид, якобы они роют звериные ж ямы. Передовые казаки, увидевши их, подумали, что то еще калмыцкие гулебщики роют ямы и сказали о том Шаме, своему атаману, и потом все из обоза поскакали за ними. Калмыки от казаков во всю силу побежали на те самые места, где было скрытое калмыцкое войско и так их навели на калмык, которые все вдруг на них, казаков, ударили и, помянутого атамана с несколькими казаками захватя, удержали у себя одного атамана для сего токмо, дабы тем удержанием прежде захваченных ими калмык высвободить; ибо прочие отпустя, требовали оных своих калмычат к себе обратно; но наказный атаман ответствовал, что у них атаманов много, а без вожей им пробыть нельзя, и с тем далее в путь свой отправились; токмо на то место, где прежде с атаманом Нечаем казаки чрез горловину Сыр-Дарьи переправлялись, не потрафили, но, прошибшись выше, угодили к Аральскому морю, где у них провианта не стало. К тому ж наступило зимнее время, чего ради принуждены они были на том Аральском море зимовать, и в такой великий глад пришли, что друг друга, умерщвляя, ели, а другие с голоду помирали. Оставшие ж посылали к хивинцам с прошением, чтоб их к себе взяли и спасли их тем от смерти; почему, приехав к ним, хивинцы

всех их к себе и забрали. И так все оные яицкие казаки, 300 человек, там пропали. Означенный же атаман Шамай спустя несколько лет калмыками привезен и отдан в яицкое войско. После того, в 198 году, войско яицкое командировано было в Чигиринский поход, а потом и прочие службы по грамотам и по нарядам порядочно отправлять стало.

Вышеписанное все записано с словесного объявления помянутых исковых атаманов, но что до самых дел и канцелярских справок принадлежит, то другого основания на то нет, кроме означенного определения в бытность у них помянутого господина действительного тайного советника Неплюева, ноября 22 числа 1748 года учиненного. В оном точно значится, что всем войском о начале их за многопрошедшим временем основательно показать не могли для того, что грамотных людей у них и поныне еще мало; а старинные бывшие у них жалованные грамоты якобы в пожарный случай погорели. Объявили токмо одну грамоту, присланную к ним в 192 году, в коей значится, что в предшедшие годы при великих государях, царях и великих князьях Михаиле Феодоровиче, Алексее Михайловиче и при царе ж Феодоре Алексеевиче[52] службы их были; да в доношении войсковом в тогдашнюю ж его, действительного тайного советника, бытность показано было, что найден у них отпуск с доношения, кое в прошлом 1720 году станичный атаман Федор Крашенинников подал в Государственную Коллегию иностранных дел, а в нем написано: в давних де годах прадеды и отцы их (что де может быть назад около двухсот лет) вольные люди, а именно из русских донские казаки и других городов жители, а из татар крымцы, кубанцы и иные магометане, всего человек с сорок, собравшись, поселились по реке Яику в одной луке, при урочище Орешном, где еще доныне городище, к которому их жилищу подходили великим собранием Золотой Орды татары, требуя, дабы они, оставя то место, в их орду шли, обещая их в орде сделать мурзами, но они того не учинили, за что татары, осадя их, хотели поморить голодом, но они, сделав деревянные пушки, отбились, и послав от себя двух человек в Москву (как выше означено) с челобитьем блаженной памяти к великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, получили от него жалованную грамоту на реку Яик с сущими при ней реки и протоки, и со всякими угодьи от вершин той реки до устья, и чтоб им на той реке жить и владеть, и великому государю служить казачью службу, и набираться на житье вольными людьми; токмо де та грамота в давних годах в пожарное время у них сгорела, и из которого приказа дана была, никто не помнит. О Яицком их городке в том же определении написано: когда он на нынешнем месте застроен, под-

линного известия нет; но можно де дознаться, потому что недавно умерший тогда бывший войсковой атаман Григорий Меркурьев, который жил более ста лет, родился и умер тут, а отец его был самарский казак и пришел на Яик к тутошним казакам, которые тут задолго еще до него жили. И так заключено в том определении, что от построения того городка по тот 1748 г. было лет с полтораста. В прочем в оном же за его, господина действительного тайного советника и кавалера, а притом и за моею рукою, имеющемся определении явствует: жительства в Яицком их городе (который от Оренбурга 269, а от города Самары, что на Волге, чрез пустую степь 230 верст) дворов около трех тысяч, построены больше по старому реки Яика течению, что у них называется старицей, со внутренней стороны, да по реке Чагану, коя тут же впала, а отчасти и по Яику, но все на внутренней стороне. Церквей было тогда четыре, а пятая соборная каменная во имя архистратига Михаила строилась, коя ныне уже и отстроена. Улицы в нем по большей части тесные, и некоторые так узки, что двум телегам разъехаться почти невозможно. Что до укрепления принадлежит, то в 1744 году все жило с одной стороны от реки Чагана к старому течению Яика двойным плетнем обнесено, между которого насыпана земля, и укреплено столбами, а снаружи весь оный плетень обмазан глиной, и круг всего сделан ров, что все чрез посланных из Оренбурга инженеров, сколько возможно, по инженерной науке делано, а с прочих сторон, окружая все селение, означенная старица и река Чаган местоположением делают оный довольно оборонительным. О нарядах и о службах прежних лет оного войска, начиная с 191 года, в оном же определении порознь значится, с показанием и сего, что корпус их впервые счислен в 1723 году, по переписи полковника Захарова, а именно: действительно служащих старшин и казаков 3196 человек, а за тою переписью пришлых людей принимать им было запрещено. По учреждению ж помянутого господина действительного тайного советника Неплюева разделены они были на семь станиц, или полков, в каждой по 508, а в семи станицах 3556, с войсковым же атаманом и с прочими войсковыми и с принадлежащими к ним чинами 3572 человека, о чем для сокращения сего порознь не означается, явно все в том определении и штате с обстоятельством. Сверх оной захаровой переписи по определению того ж господина действительного тайного советника всему войску Яицкому велено учинить и учинена новая перепись, и сколько оказалось после той захаровой переписи пришлых на Яик, отколь и какие люди, об оном представлено от него в Государственную военную коллегию на рассмотрение.

Кроме главного Яицкого казачьего города и корпуса, в их же ведомстве состоят две станицы, одна вверх по Яику, называемая Илецкая, а другая вверх по Сакмаре, называемая Сакмарская.

Первая поселение свое имеет на степной стороне Яика реки, близ того места, где с оной стороны река Илек в Яик пала и где прежде того бывали киргиз-кайсацкие воровские чрез оную реку перелазы, расстоянием от Яицкого городка со 145, а от Оренбурга 124 версты. Оной станице по определению реченного господина действительного тайного советника, учиненному ноября 23 дня того ж 1748 года, положен комплект: атаман, есаул, сотников пять, писарь один, рядовых 424, из которых выбирать погодно хорунжих пять, да сотников 10 человек. Они все поселены тут в бытность при Оренбургской комиссии главным командиром тайного советника Василия Никитича Татищева и отданы при нем же в ведение войска Яицкого, токмо обще с яицкими казаками не служат, кроме сего, что обще с ними один форпост содержат, а в прочем имеют особые свои наряды, содержат себя без жалованья хлебопашеством, звериными и рыбными ловлями, яко тут ко всему оному места способные.

Вторая, Сакмарская, станица заселена еще лет за 30 прежде города Оренбурга охотниками из Яицкого корпуса, может быть, в том паче рассуждении, что тут места хлебородные и лесом достаточнее, нежели при Яицком городке, отколь яицкие казаки оный и получали (но ныне по построении Оренбурга без особливых указов уже не отпускается). Сей городок по большой Московской дороге от Оренбурга расстоянием 29, а от Яицкого городка 298 верст. И в нем по последней переписи казаков русских 200, да из иноверцев до 50, которые имеют своего станичного атамана и старшин. Сия станица, так как и Илецкая, обще с Яицким войском за отдаленностию от оного не служит, а употребляется к разным делам и нарядам по Оренбургу. Содержание свое получает она наипаче от пашен, яко тут, как выше значится, прилегли места к пашне удобные, а притом и лес имея в близости, и к сплавке в Оренбург способно оным, яко же и другими разными способами, особливо же ныне возкою на заводы медных руд, промышляют.

Сверх оных двух станиц, Илецкой и Сакмарской, есть еще две крепости ведомства Яицкого ж войска: первая вниз Яика, называемая Кулагина, 120 верст от Гурьева, вторая выше Индерских гор, при урочище Калмыковом Яру, и называется потому Калмыкова, от Кулагиной 80 верст; а между оными, для удержания воровских киргиз-кайсацких и калмыцких чрез реку Яик перелазов, и для прекращения всяких от оных народов противностей, учреждены форпосты, которым при сем с расстоянием места от места прилагается реестр.

	Расстояние	
	от Оренбурга	место от места
1. Гурьев городок, на устье Яика реки, впадающей в Каспийское море	744	—
Между оными форпосты:		
1. Сарачиков	685	59
2. Яманхалинский	665	20
3. Баксаев	651	14
4. Тополевый	627	24
5. Зеленый Колок	611	16
2. Кулагин городок	590	21
6. Гребенщиков	571	19
7. Кош-Яик	555	16
8. Харкин	543	12
9. Красный Яр	527	16
Между оными форпосты:		
3. Калмыков городок	512	15
10. Котельный	497	15
11. Антонов	479	18
12. Каменные Орешки	456	23
13. Сахарный	441	15
14. Мергенев	408	33
15. Сундаев	385	23
16. Кажахаров	363	22
17. Бударин	348	15
18. Кош-Яик	326	22
19. Чаганский	304	22
4. Город Яик	269	35
5. Илек	124	145

Сей реестр с напечатанным при «Оренбургской истории» имеет несколько разности, но потому вероятнейший, что в 1759 году в бытность в Оренбурге войскового атамана Андрея Бородина поправлен им самим и войсковым дьяком Суетиным, которые с бывшими при них старшинами, и все выше и ниже описанное прочтя и учиня токмо немногие поправки, подтвердили. К тому ж надлежит знать и сие, что из напечатанных в прежнем реестре некоторые форпосты совсем оставлены, и к самому Гурьеву городку прямейшие дороги проложены.

Ординарная войска яицкого служба состоит, как то они ныне действительно и содержат, в помянутых двух крепостях и форпостах с переменою повсегодно по тысяче, да в Гурьеве городке в помощь тамошнему гарнизону по сту[53], итого по тысяче по сту человек, а при чрезвычайных случаях на те форпосты, или куда потребно, и все они командируются, ибо их сверх означенного числа, то есть неверстанных в службу и отставных, имеется немало; следственно, в таком случае, когда б и всех действительно служащих вознадобилось куда-либо командировать, казачий их Яицкий город весьма еще небезлюден останется.

Что принадлежит до содержания оного войска, то по прежним указам на все оное войско определено и велено отпускать в Государственную военную коллегию деньгами 4138 рублей на каждый год; сверх того погодно ж хлеба на то войско положено 1598 четвертей, за который выдаваемо деньгами по самарским ценам от шести до семисот и до тысячи рублей, а иногда и более, да с симбирских казенных заводов по сту ведр вина, что все сочиняет сумму около 5000 рублей. В ведомости ж, поданной от оного войска в Оренбургскую губернскую канцелярию 12 сентября 1758 года, значится, что по указам Государственной военной коллегии повсегодно отпускается к ним по переписи полковника Захарова на 3196 человек окладного жалованья 1500 рублей, да хлеба на каждого человека по осьмине[54], из которого жалованья на действительно служащих, в том числе разумеется атаман и старшины, более 60 копеек в год не доходит; прочее все употребляется от Государственной военной коллегии в награждение приезжающим в станицах атаманам, старшинам и казакам, которые от войска по их заслугам отправляются в Москву и в Санкт-Петербург. Оных станиц положено в год по четыре: первая зимовая, на кою с приездом войскового атамана определено 1217 рублей 41 копейка с половиною; еще на три, кои называются легкими станицами, 2146 рублей, итого 3363 рубля 41 копейка с половиною. Остальные ж из вышеозначенной суммы употребляются на расходы, яко то атаманам на ковши, старшинам на сабли, на знамена и пр. По штату ж, учиненному частопомянутым господином действительным тайным советником, хотя и положено на все оное войско против вышеписанного с прибавкою, а именно 7901 рубль 41 копейка с половиною, в том числе на 3500 человек рядовых казаков, на каждого по рублю по пятидесяти копеек в год; только оный штат остался еще не конфирмован.

Сие денежное жалованье весьма того не сочиняет, чем бы оное войско содержать себя могло. Главное его содержание зависит от рыбных промыслов, из которых к так называемому багренью допускаются у них токмо одни действительно служащие казаки, а отставные и неверстанные участия в том не имеют, однако ж так, что служащий казак багор свой, или

пай, может продать другому отставному или малолетнему, то есть в службу неверстанному, только б был яицкий, а не посторонний (ибо сторонний к тому багренью припущен быть не может), а двух багров никому, кроме войскового атамана, на свой пай употреблять не позволяется. Во время всего багренья казак, который в том багреньи участие имеет, от 20 до 50, а иногда и больше, осетров и белуг ловит, и так рублей на 20 и на 30, а иногда и больше выбагрит, что изрядный доход сочиняет. Каким же образом сие багренье происходит, о том показано уже в первой части при описании белуг и осетров, о чем здесь не повторяется. Впрочем, о сем и о других войска яицкого промыслах в вышеозначенном господина действительного тайного советника учреждении краткое описание есть, которое и здесь по приличности вносится от слова до слова:

«Все оное войско содержание и пропитание имеет и к службе ее императорского величества надлежащую справу получает от рыбных в реке Яике ловель. И для того отъезжают они из городка в год по четырежды: 1. Весною, в апреле и в мае месяцах, и продолжаются по июль, а оттоль прибывши, ездят за хлебом в Самару и в Сызрань, яко у них при Яицком городке пашен не бывало и нет, да и быть едва возможно ль, ибо земля весьма сухая, глинистая, или песчаная, и к пашне видится неудобная. 2. Октября с 1 числа начинается у них называемая осенняя плавня, в которой бывают недели по четыре. 3. Ноября с 25 числа ловят неводами и притом недели по три продолжаются. 4. Января с 1 начинают они так именуемое багрение, кое марта до 1 числа продолжается, а потом паки в помянутые города за хлебом и прочими надобностями отъезжают. Все оные ловли, начиная неподалеку от городка их (под которым для того, чтоб рыба вверх не уходила, сделан и всегда содержится учуг, то есть перебой, поперек всего Яика), производят вниз по реке Яику верст на 500 и более; и понеже, будучи они на тех своих промыслах, все с их оружием находятся между форпостов, то оные их промыслы и к осторожности, ежели б нужда позвала, способствуют. В городке ж во время отлучки их на те промыслы, для осторожности и караулов оставляют они из действительно служащих по 300 человек, кроме отставных и малолетних, и тех казаков, кои своевольно в домах остаются; сверх того из них же в осеннее время человек по 500 и более ходят на звероловство и бьют в степных местах лисиц, волков, корсаков и кабанов, отчего также имеют свои доходы, а некоторые ездя в Оренбург на ярмарку, по возможности торги и купечество производят».

К тому генеральному описанию можно еще прибавить и сие: что вышеписанными промыслами наловленная рыба свежая зимнею порою, а просоленая (к чему больше употребляются севрюги) летом, тако ж и при-

готовленная из нея икра и клей, повсегодно и в немалом числе отправляются в Москву и в другие великороссийские города; чего ради в зимние времена, а особливо во время багренья, купцов из разных великороссийских городов бывает к ним великий наезд. И хотя у них собственного хлебопашества нет, но по тому великому к ним наезду как хлеб, так и прочее все недорого. Солью довольствуются они безденежно, имая ее с соляных озер Индерского и Грязного, которые в первой части уже описаны. В лошадях и во всяком скоте (для чего у многих внизу и вверху Яика реки и по впадающим в него речкам имеются у них хуторы) довольный достаток. Между прочим скотом содержат они, а особливо находящиеся в корпусе их татары, немало и верблюдов, с которых снимая, а несколько и в Оренбурге покупая, шерсть, оную прядут, и ткут из нея так называемые армяки, к чему употребляется у них женский пол. Оные их армяки добротою очень схожи на английские камлоты; и ежели б приложено было старание, чтоб верблюжью шерсть лучше нынешнего очищать и прясть, а те армяки ткать шире и красить по европейскому обыкновению, то для множества в здешней стороне верблюжьей шерсти от сей мануфактуры могла б быть знатная польза. Но к тому охотников ни в Яицком городке, ни в городе Оренбурге поныне еще не сыскалось. Такие армяки, в коих бывает до 20 аршин штука, шириною по 2 четверти с небольшим, продаются от трех до четырех и по пяти рублей штучка. Садов и всяких огородных овощей у них довольно, но и сие гораздо б могло размножено быть, ежели б яицкие обыватели употребляли к тому лучшее и прилежнейшее старание, ибо климат у них гораздо теплее оренбургского. В лесах не только строевых, но и на дрова имеется там недостаток; и что принадлежит до строения, то потребное к тому достают из дальних мест, большею ж частию из верховья Яика и Сакмары рек, как выше упомянуто. Окружность всего оного Яицкого ведомства иначе не может описана быть, как только по сему, что по длине, начиная от самого нижнего их форпоста, который именуется Сарачик, от Гурьева городка в 59 верстах, вверх по Яику до Илецкой крепости около 560 верст простирается; на Бухарской же, то есть на степной стороне, для дозволенных там киргизкайсацких кочевьев, изворотов их весьма мало; а по указу из Государственной коллегии иностранных дел от 11 августа 1759 г. оные им там и не позволяются; напротив же того, по течению реки Яика на правой стороне, на которой и Яицкий их городок имеется, пользуются они местами и всякими угодьями, сколько кому потребно, не возбранно, ибо тут прилегли места все пустые, и в близости никаких других жительств нет, чего ради в сию сторону и пределов предписать им не можно; да и нужды в том не предвидится.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О Нижней Яицкой дистанции

По описании ведомства Яицкого войска смежность и порядок требует описать наперед Нижнюю Яицкую дистанцию, потому что она, начинаясь в 25 верстах от Илецкого городка, описанного во второй главе, простирается вверх по реке Яику до Чернореченской крепости, которая от Оренбурга только в 18 верстах и состоит из нижеписанных шести крепостей:

1. Рассыпная, при реке Яике, от Илецкого казачьего городка вверх 25, а от Оренбурга вниз 101 верста. Сначала поселено было там по самопроизвольному желанию малороссиян[55] до ста дворов, но по причине той, что в 1743 году киргиз-кайсаки из бывших на жнитве хлеба безоружейно захватили их в плен мужеска и женска полу восемьдесят двух человек и что они в таком месте, от которого киргизцы кочуют в близости и где прежде бывали частые воровские перелазы, по их неосторожности к пребыванию усмотрены оплошными и неспособными, некоторые уволены в Украйну[56] на прежние их жительства, а другие самоохотно перешли на житье на реку Кинель, о коем их жительстве в следующей главе будет упомянуто. По сведении ж их, оттоль определен и ныне находится тут гарнизон, рота драгунская да полторы пехотной. Сие место пред другими вышепомянутой дистанции крепостями, от многих находящихся при оном озер, избыточествует рыбными ловлями и сенными покосами, также и к хлебопашеству способных мест не оскудевает. Жительства в сей крепости дворов до ста, церковь во имя святых апостолов Петра и Павла.

2. Нижняя Озерная звание свое имеет от многих около лежащих озер, а Нижнею именована потому, что вверху Яика сего ж имени крепость есть, о коей ниже, при описании Красногорской дистанции, упомянуто будет. Она застроена в прошлом 1754 году. Регулярного гарнизона в ней нет, а поселены одни токмо казаки из подгородной Бердской сло-

боды, да из ссылочных своекоштные. Расстояние ее от Рассыпной по Яику вверх 19, а от Оренбурга вниз 82 версты. Жительства в ней со 150 дворов. Большая дорога в Яицкий казачий городок, следственно, и учрежденная в Яицкое войско и до самого Гурьева повсенедельная почта с Татищевой крепости, которая отсель вверх же по Яику двадцать восемь верст, ходит чрез сию и вышеозначенную Рассыпную крепости.

3. Татищева, или Татищевская крепость, от Оренбурга прямою дорогою пятьдесят четыре версты, заселена еще в бытность при Оренбургской экспедиции статского советника Кирилова при устье реки, называемой Камыш-Самары, коя вышед из Уральского Сырта от реки Самары, текущей по другую сторону того Сырта, течет менее десяти верст и тем своим устьем впадает в реку Яик, почему и называлась сия крепость при нем, Кирилове, Камыш-Самарою. Намерение было, чтоб для города Оренбурга с одной стороны на реке Самаре в вершинах крепость, и тут для провианта и для всяких припасов магазины иметь, и из Волги по Самаре реке до той крепости судами взводить, а оттоль чрез Сырт на Яик (коего расстояния только восемнадцать верст) сухим путем переживать. На устье же вышеозначенной Камыш-Самары другую крепость и пристань содержать, и все, требующееся в Оренбурге, отсюда вниз по реке Яику на судах отправлять. И хотя тайный советник Василий Никитич Татищев, вступив в Оренбургскую экспедицию на место оного Кирилова, такого ж мнения и намерения был и по осмотре сих мест около Камыш-Самарского устья немалую и регулярную крепость рвом и валом при себе застроил (который вал и ров с приезда от Оренбурга от крепости в версте поныне еще видим), и назвал ее своим именем: Татищева Пристань, а потом и генерал-лейтенант князь Василий Алексеевич Урусов, имевший главную команду над Оренбургскою комиссиею после оного господина тайного советника, не только того ж мнения был, но и такое рассуждение имел, дабы на Камыш-Самаре сделать шлюзы и тем оную реку увеличить и углубить, чтоб переволока, или перевоз, сухим путем от реки Самары еще менее была. Но понеже по опытам оказалось, что по реке Самаре судами ход для многих мелей и кривизн весьма затруднителен и до верховья оной, где ныне Переволоцкая крепость, и на небольших лодках одним летом всходить не можно, того ради сие к водяной коммуникации намерение покинуто; однако ж та крепость осталась поныне под именем Татищевой Пристани и есть она из имеющихся от Оренбурга вниз Яика главная, где всегда сей дистанции командир находится. Гарнизону в ней также полторы роты регулярных да служивых жалованных казаков 50 человек. Жительства в ней дворов до двухсот, церковь во имя Благовещения Богородицы. Нынеш-

нее ее укрепление огорожено, так как и во всех сей дистанции местах, оплотом, на котором в пристойных местах сделаны батареи и поставлены пушки. Лежащая сюда от Оренбурга большая и почтовая дорога разделяется здесь надвое: одна идет чрез Уральский Сырт на Самарскую дистанцию к городу Самаре, что на Волге, и в тамошние российские жительства; а другая, как выше упомянуто, лежит влево к Яицкому казачьему городку, к Гурьеву и к Астрахани. Расстояния от сего места до Оренбурга пятьдесят четыре версты. Подчиненные ж крепости: Чернореченская вверх по Яику 36, по Яику ж вниз Озерная 28, Рассыпная 47, да чрез Уральский Сырт Переволоцкая 20, Новосергиевская 65 верст. При рассуждении сей крепости надлежит знать и сие, что в ней по 1744 год поселено было тут малороссийцев семей до ста; но с ними, по их желаниям и по особливому об них Правительствующего сената определению, поступлено так же, как и с жительствовавшими в Рассыпной крепости учинено.

4. Чернореченская крепость, от Оренбурга летнею дорогою чрез горы двадцать восемь, а поемными местами, где бывает зимняя дорога (однако ж и летом по слитии вод тут же ездят) только восемнадцать верст. И понеже сия крепость ниже Сакмарского устья и имеет изрядную ситуацию, то при рассуждениях о заложении Оренбурга в бытность господина действительного тайного советника Ивана Ивановича Неплюева и такое рассуждение было, чтоб тут город Оренбург строить, ибо лес и всякие лесные припасы, кои по реке Сакмаре приуготовляются, можно б было получать к самому городу вместо того, что ныне, выгружая на берегу Сакмары реки, верст шесть и семь сухим путем возят. Но понеже там, за рекою Яиком, на немалое расстояние низкого и водопоемного места и вешнею порою во время разлития воды переезд бы был многотрудный, и торг с киргизцами и с азиатскими народами (коему по разным обстоятельствам нужно быть за рекою Яиком) от города верст на десять удален: того ради нынешнее Оренбургское место сему предпочтено. Чернореченскою крепостию называется она от речки Черной, коя близ крепости течет и впадает с оренбургской стороны в так называемый Тулупов Ерик, а сей в реку Яик впал. Гарнизон сей крепости состоит и число казаков так же, как и в Татищевой. Жительства в ней дворов до двухсот, церковь во имя Богородицы Казанской; с бывшими здесь на поселении малороссиянами поступлено так же, как и с находившимися в Татищевой крепости.

5. Переволоцкая крепость, от Оренбурга чрез Татищеву семьдесят восемь, а прямо степью не более 60 верст, построена в верховье реки Самары, впадающей в Волгу. Звание свое имеет от назначенной тут при-

стани и переволоки на реку Яик, о чем выше сего уже упомянуто. Гарнизона и казаков в ней столько же, как и в прочих самарских крепостях. Жительства дворов до ста; церковь во имя Преподобнаго Ефрема Сирина[57]. Она прежде была в ведении командира Самарской дистанции; но понеже от нее к Яику реке до Татищевой пристани только двадцать верст, а напротив того, до Сорочинской крепости, где Самарской дистанции командир находится, около 80 верст, то потому и наипаче по близости к Яику, следственно, и к Киргиз-кайсацкой степи (отчего она пред другими Самарской дистанции крепостями от воровских набегов подвержена больше опасности), приписана ныне к Нижней Яицкой дистанции. От нее до самых самарских вершин еще около ста верст считают, где места пустые и хотя лесом не весьма довольны, но к содержанию скота удобных мест весьма тут много, почему ныне оренбургские казаки заводят там свои хуторы.

Впрочем, надлежит знать, что летнею порою купеческие обозы и с подрядным провиантом от города Самары ездят оттоль прямо чрез Уральский Сырт степью на реку Сакмару, оставляя Татищеву пристань и Чернореченскую крепость в правой стороне, ибо сия дорога, кроме помянутого Сырта, почти никаких гор не имеет и ближе. А напротив того, чрез помянутые крепости подле реки Яика весьма гориста, однако зимнею порою оная степная дорога для безлесья и пустоты оставляется, а ездят чрез оные крепости. На всей сей дистанции обыватели сеят один токмо яровой хлеб, а рожь хотя сначала и сеяли, токмо перестали, рассуждая, якобы там не урожается. Но я мню, что то происходит от их слабости и нерачения, ибо весьма много таких мест, особливо ж около Переволоцкой крепости, по ту и по сю сторону Урала, где земля самая тучная и черная, и для всякого хлебопашества, особливо же к содержанию конских табунов, весьма способная.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О Ставропольском ведомстве, о его окружности и о прочих касающихся до него обстоятельствах

В четвертой главе первой части при описании находящихся в Оренбургской губернии крещеных калмык довольно уже упомянуто о начале их крещения, и какие места под селения их сперва были назначены. А потом в 1737 году с апробации Государственной коллегии иностранных дел близ самой реки Волги крепость для них застроена и именована Ставрополь, с показанием и сего, какая для умещения тех калмык приписана к ней тогда окружность и прочее, чего здесь не повторяя, объявим уже только то, что служит к дополнению того прежде учиненного описания.

Ставрополь, от Оренбурга 505, от Самары 831/2, а от Синбирска около ста верст, построен в 1738 году на протоке из реки Волги, который вышел по течению ее с левой стороны и продолжается от начала до устья, коим он паки в Волгу впал, версты на две, шириною ж сажень на пятьдесят; и так к настоящему течению Волги сочиняет нарочитой величины остров, на коем и лес есть. Сей проток прежде знатен был для бывшего тут убежища волжских разбойников и называли Куньей Воложкой. Противу сего города, на той стороне Волги реки лежит так называемая Девичья гора, о которой сказывают, якобы по всему течению Волги выше ее нет; а из нее текут многие ключи пресные и соленые. Укрепление сего города палисадом сделано, имеет трое ворот; окружность всего укрепления сочиняет 876 сажен. Селидьба[58] не только внутри крепости, но и за оною с двух сторон, а именно: сверху помянутой Воложки по большей части живут гарнизонные солдаты и служивые казаки, а внизу, то есть к устью оной, изрядная купеческая слобода. Всех как внутри, так и вне города будет около пятисот домов. Соборная церковь внутри города каменная о пяти главах, во имя Живоначальной Троицы; другая – деревянная на посаде, во имя Успения Пресвятой Бо-

городицы с приделом архангела Михаила; третья – деревянная ж в солдатской слободе, во имя рождества Пресвятой Богородицы. Купечества в сем городе, записавшегося из разных городов, а более из Синбирска, триста девять душ. Гарнизона Нижегородского гарнизонного пехотного полка, солдат 2 роты, казаков 100 человек; да в Алексеевске, от которого Закамская линия началась, от Самары в двадцати пяти верстах, казаков же еще 100 человек, которые все как для тамошних предосторожностей, так и для поимки и искоренения случающихся на Волге разбойников употребляются.

Помянутый город Самара хотя к Ставропольскому ведомству, следовательно, к Оренбургской губернии, и не принадлежит, а состоит со всем его уездом в Казанской губернии под ведением Синбирской провинции; но понеже тут, как выше значится, воинская команда регулярная и нерегулярная зависит от дирекции Оренбургской, а потом и от ставропольского коменданта, то кажется не за излишнее, и сей город, поелику об нем ведомо, по смежности его к Ставрополю, описать.

Город Самара построен на самом берегу Волги реки по течению ее на левой стороне, и по его положению к реке Волге имеет изрядную ситуацию[59], а особливо с горы, где также довольное жило, на реку Волгу для разных пониже города имеющихся островков с приятными кустарниками; а вверх по Волге для широкого разлива и великого плеса в вешнее время весьма приятный тут проспект. Селение его начинается от реки Самары, впадающей в Волгу. Жительства в нем около двух тысяч домов. Церквей: соборная деревянная на берегу реки Самары, во имя Святой Троицы; приходских четыре, в том числе одна каменная, во имя Николая Чудотворца, да два монастыря, мужской и женский. И понеже с одной стороны на степи за Самарою рекою летнею порою отныне лет с сорок кочевывали калмыки немалым людством; а с другой стороны вверх по рекам Самаре и по Кинелю, и по впадающим в них рекам, бывали башкирские дачи от города Самары не весьма далеко, и по легкомыслию обоих оных народов случались на него частые воровские набеги, того ради и укреплен он был, а именно: начиная от реки Самары, на горе сделан бывал замок, или кремль, не низким валом и нарочитой глубины рвом, кой еще поныне видим. При окончании ж его к стороне пригорода Алексеевска еще в бытность тут Оренбургской комиссии стояла большая и превысокая деревянная башня, а от нее вокруг всего жила ведена рубленая стена с башнями и бойницами, позади ж ее стояли рогатки; тут же исстари находились служивые жалованные люди, а именно дворян 33, иноземцев 65, да казаков 200 человек. Но сии все в Оренбург переведе-

ны, а вместо их для вышеозначенной потребности из бывшей за Самарою рекою Мочинской слободы* 100 человек казаков учреждено, кои, будучи при своих домах, так как и ставропольские, никакого жалованья ныне не получают (а получают так, как и все безжалованные, когда командированы бывают от них далее ста верст, по окладам донских казаков), да и укрепления городу почти никакого ныне нет, ибо прежде бывшее все обвалилось. В окружности или к уезду сего города приписаны жительства на той стороне реки Волги. От Оренбурга до Самары 421 с половиною, а от Ставрополя 83 версты с половиною.

О начале сего города у многих тутошних старожилов носится, что он построен гораздо прежде Синбирска**, вскоре после казанского взятья; но после первого ль или последнего (о коих в первой части упоминается), того никто изъяснить мне не мог за незнанием истории. Оренбургского нерегулярного корпуса сотник Иван Куприянов сын Могутов, отец господина подполковника и того корпуса войскового атамана Василия Могутова, муж престарелый и достойный вероятия, сказывал по преданию предков своих, которые были самарские ж уроженцы, якобы святой Алексей митрополит и чудотворец московский[60], имея путь свой по реке Волге в так называемую Золотую Орду, к самому тому месту, где Самара река впала в Волгу, приставал, на котором месте был тогда густой лес. Находившиеся при нем люди, ходя по берегу реки, усмотрели одну тропинку и нашли по ней одного жившего тут пустынника, о коем святитель Алексей уведомясь, призывал его к себе, а потом и сам у него в келии быв, спрашивал, какого б звания та река? Он донес, что никакого другого звания ей не знает, как токмо то, что он сам именовал ее Самарою. Святой Алексей митрополит, видя добродетельное житье сего пустынника, не только оное его название подтвердил, но благословляя его и место духом пророческим предрек: что на оном будет и город того ж имени, в котором просияет благочестие, и оный никакому разорению подвержен быть не имеет.

---

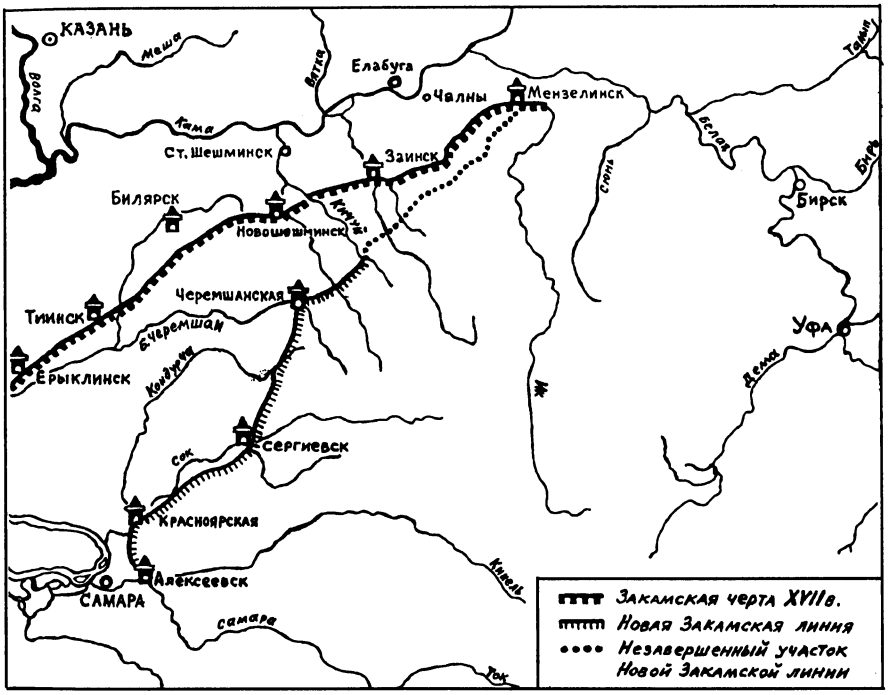
* На самом том месте, где Мочинская слобода имелась, с 1756 года заводимо было новое селение черногорцев и албанцев, коим не только оные угодья, которые к той слободе прежде были назначены, но и по Иргизу-реке, и в других местах пространные дачи приписаны в том чаяния, что из Европы в Россию выдет на житье людство немалое; токмо первые оттоль выходцы, поживши здесь года с три, пожелали служить в армии, а другие просили, чтоб их уволить на житье в Новой Сербии в команде генерал-майора Хорвата, почему все они в 1759 году туда и отпущены. И так сие место ныне паки впусте осталось.

** О Синбирске[61] известно, что он построен в 7156 году, строил его боярин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитров с товарищами; у того городового дела были посошные люди низовых городов, с русских с пяти дворов, а с ясачных с трех дворов по человеку. При построении сего города и так называемой Синбирской черты у валового острожного дела работных людей было во всякое лето до 162 года по 3326 и по 4898 человек, что 6 лет продолжалось.

По истории сего святителя и чудотворца значится, что он рожден был в лето от сотворения мира 6800[62], во время великого князя Данила Александровича[63], и восприемником его был великий князь Иоанн сын Данилов[64], преставился 6886, быв на престоле 24 года, а всего жития его было 85 лет. В Минее-Четьи февраля 12 сказуется, что он дважды имел путь свой к неверным: первая его поездка была в Скифию к царю Вердеверу (сие кажется в Золотую Орду) укротить оного царя и испросить у него мир, который он и исходатайствовал, а другая после того по умолению великого князя Димитрия Иоанновича[65] (видно, что внука Данилова, а сына Иоаннова) в Агарянскую землю[66], могло быть, в Крым или в Турцию для излечения ослепшей царицы. И понеже обе оные его поездки были во время святительства его, то о вышеписанном прибытии его к устью реки Самары надлежит положить, что оно было после 6862 года, чему по 1760 год, который от сотворения мира считается 7268, будет 406 лет.

Пригород Алексеевск, подсудный Самарской воеводской канцелярии, от города Самары горою 25, а по реке Самаре вверх верст с сорок, построен по берегу той реки на высоком и от натуры крепком месте. Жила в нем домов до двухсот; снаружи укреплен оплотом, а внутри сделана рубленая и изрядная крепостца, в которой церковь во имя Алексея, человека Божия, и воеводский дом. По сказкам, застроен он известным Александром Сергеевым около 1700 года и именован Алексеевск, в честь царевича Алексея Петровича[67]. Сначала поселено было там под ведомством самарского атамана казаков жалованных 100 человек, которое число и ныне состоит. Но оные, как и самарские, все взяты в Оренбург, а вместо их определены другие. Отсюда ж по пути к Оренбургу в 12 верстах имеется Татарская слобода, называемая Мочинскою, потому что оные татары переведены из бывшей на реке Моче татарской слободы, которые все служат казачью службу обще с нынешними самарскими и алексеевскими казаками и состоят под ведением самарского атамана. Жительства в ней дворов со сто, и по переписи служивых людей числится их сто ж человек. В прочем сия слобода как лесом, так и пахотными местами, сенными покосами и рыболовными озерами весьма достаточна.

От сего пригорода в 1732 году начата была так называемая Закамская линия, а понеже ставропольской окружности со внешней стороны положено быть по Закамскую линию, которая немалым казенным коштом все по регуле[68] инженерной ведена, и построены были по ней во многих местах изрядные регулярные ж крепости, ретраншаменты, фельдшанцы[69] и редуты в осторожность от воровских набегов калмыцких,



Закамские укрепленные линии XVII–XVIII вв. (по Р. Г. Букановой)

киргизских и башкирских, но по учреждении ж оренбургском оная Закамская линия совсем уже оставлена с тем резоном, якобы строение ее подало причину башкирцам к беспутным и высокомерным о себе рассуждениям; к тому ж такие и сему подобные покинутые строения, как бы они в свое время велики и знатны ни были, ежели не останется об них описания, быв долговременно впусте, оставляют по себе малые токмо знаки и руины, а наконец, и совсем разрушаясь, приходят в забвение, отчего в истории причиняются многие затруднения и несходства: того ради не беспотребно, и здесь, кстати, оную линию, которая более двухсот верст многим государственным коштом ведена, для знания в предбудущие времена описать так, как она строена.

Закамская линия начата в 1732 году неподалеку от Алексеевска, близ того места, где река Кинель в реку Самару впала. При начале ее сделан редут, который от реки Кинеля, тут текущей, назван Кинельским. Отсюда ведена она прямо на реку Сок, к тому месту, где с правой стороны по течению сей реки впала в нее Кундурча река; тут на левой стороне по течению первая крепость построена и названа Красноярскою. В ней назначено, да и действительно было, поселение ландмили-

ции, а ныне живут тут крещеные калмыки. Между сею крепостью и Алексеевском на средине расстояния сделанный редут именован Красным. Отсюда ж лежит она вверх по реке Соку, оставляя сию реку в левой стороне, до пригорода Сергиевска, на котором расстоянии при речке Хорошей сделан редут, а потом у речки Черной фельдшанец, который назван Чернореченским. За ним следуют еще три редута: два при речке Орлянке, один от другого неподалеку, а третий против пригорода Сергиевска, где та линия переходит уже чрез реку Сок, оставляя помянутый пригород в левой, а реку Сок в правой стороне. И так ведена она на вершину речки Липовки, и тут построен редут, от коего лесом на вершины речки Боровки верст до 12 сделана засека. Потом идет она чрез вершины реки Суруша, от которой неподалеку сделан еще редут. Отсюда ж прямо на реку Кундурчу, при которой построен фельдшанец, и назначено тут быть ландмилицкому поселению. От сего фельдшанца чрез большой Тарханский лес, который именуется так по реке Тарханке, оставляя вершины той реки внутри по положению верст на тридцать, сделана засека ж, а прошед тот лес, сделан редут, названный Тарханским, в коем и поселению быть определено. От оного редута, перешед реку Черемшан, на берегу той реки для поселения ландмилиции построена еще крепость и названа Черемшанскою. Отсюда ж склоняется она вправо, на реку Шешму, где, не переходя сей реки, сделан фельдшанец и назван Шешминским. Перешед же реку Шешму чрез имеющийся тут лес на вершину речки Баграч верст на шестнадцать учинена третья засека, а за ней при реке Кичуе сделан последний фельдшанец, где определено быть поселению. Сей фельдшанец разделяет ныне Казанскую и Оренбургскую губернии.

Впрочем, по делам видно, что имелось намерение оную линию от Кичуйскаго фельдшанца вести далее на реку Ик, которая против села, называемого Ицкое Устье, в реку Каму впала; но осталось то без действия за последовавшим об Оренбургской экспедиции определением. К строению сей линии определены были с Казанской, Нижегородской и Воронежской губерний крестьяне за заплату плакатную; у всего ж того главным командиром находился тайный советник и кавалер Федор Васильевич Наумов[70], который потом был и скончался действительным тайным советником.

Из подсудных Ставрополю жительств знатнейшие места суть следующие:

Пригород Сергиевск, по имеющимся тут канцелярским известиям, строен в 1703 году по грамоте из Казанского дворца в Казань к стольнику и воеводе Никите Алферовичу Кудрявцеву. В силу оной грамоты послан

был из Казани по наказу Ждан Григорьев сын Кудрявцев, коему велено было ехать за реку Каму к урочищу, называемому Казачий Холм, для городового строения, и именовать оное город Сергиевск. Оным Кудрявцевым в том же году тот город и срублен из дубового лесу и покрыт был тесом; при том сделан был острог с четырнадцатью башнями и пять проезжих ворот. По учинении ж о том в Казань рапорта представлено было в Казанский дворец к князю Борису Алексеевичу Голицыну[71], от которого доложено было о сем его царскому величеству, почему в 1704 году прислан был указ, велено построенный деревянный город разобрать весь до подошвы и отправить водою на Терек, а вместо его делать земляной вал вышиною трех сажен с уступами, а наверху сделать тын и насыпать хрящевою землею, что все в 1704 году и учинено. К той работе наряжено было Казанской губернии с разных уездов конных и пеших работников четыре тысячи. К жительству в нем переведено было из пригородов закамских, яко то: из Ерыклинска, Тиинска, Билярска, Старошешминска, Новошешминска, Заинска, Мензелинска, Арска, Малмыша и из Алат служивых людей двести пятнадцать семей, из Самарских иноземцев атаман и два казака, да из дворцовых сел Самарского уезда сто человек, коим велено быть тут станичниками. Для бывшего ж здесь серного завода переведено было ясачных крестьян пятьсот восемь семей. При серных же ключах не в дальнем расстоянии от города был особый острог из дубового ж леса с двумя башнями и потребные для того избы. На оный серный завод из города Синбирска прислан был мастер и пятнадцать человек подмастерьев. Сверх оного в том же 1703 году по грамоте к Даниле Косяговскому из разных низовых городов рейтар, драгун и недорослей всех велено перевесть на реку Сок и поселить их около Сергиевска в ближних местах, удовольствовав пахотною землею, к чему тогда назначено их было тысяча двести восемьдесят человек.

По близости сего пригорода находятся многие минеральные земли и воды, которые достойны нарочного испытания, а особливо серы горючей и нефтяных вод находят тут много. Господин доктор медицины Риндер по бытности своей там сказывал: неподалеку от Сергиевска сам видел он множество водяных из гор текущих ключей и озер, в коих вода, по-видимому, хотя и весьма чистая, но имеет сильный нефтяной запах, и на поверхности ее настоящая нефть видима.

Ставропольский комиссар Моисей Александров сын Богданов, любопытный читатель книг, муж довольного искусства и вероятия, уведомил меня письмом своим от 2 октября 1759 года, что он в сентябре месяце того года, будучи за своими нуждами далее Сергиевска поболее

тридцати верст, видел речку, которая по-татарски именуется Аиряки, а по-российски Молочная, и по ее обстоятельствам достойна она особливого примечания, ибо сначала от самых вершин верст на семь или и больше имеет воду хорошую и в летнее время студеную и так впадает в озеро, которое по длине с сорок, а ширины с двадцать пять сажен, глубины местами в сажень, а инде меньше аршина. На дне сего озера видны разноцветные признаки, а именно: синие, желтые, белые, черные и зеленые, а на поверхности воды примечается материя наподобие дегтя и производит дух весьма противный. Помянутая речка, протекши сие озеро, становится уж так бела, как молоко, и такою водою течет версты на две или на полторы и впадает в реку Сургут, где еще несколько своей белизны имеет, но потом вскоре умаляет оную и получает чистую воду такую, какову в вершине своей имела. Означенное озеро от пригорода Сергиевска в тридцати, а от чувашской деревни Иштулкиной в восьми верстах.

Из Ставропольского ж ведомства, паче других мест, к ведению надлежат новопоселенные по реке Кинелю и по впадающим в нее речкам ландмилицкие слободы, из которых молодыми людьми комплектуются расположенные в оренбургских крепостях Билярской, Сергиевской и Алексеевской ландмилицкие полки, а именно, начиная от Алексеевска, вне вышеозначенной Закамской линии: 1. Криволуцкая, на берегу реки Кинеля при излучине, коя называется Кривою Лукою, от Алексеевска в двадцати пяти верстах. 2. Саврушская, на речке Савруше, коя от жила с версту в ту ж реку впала, от Криволуцкой шестьдесят пять верст. 3. Сарбайская, на речке Сарбае, которая от слободы верстах в пятнадцати в реку ж Кинель впадает; расстоянием она от Саврушской слободы только в восьми верстах, а от пригорода Сергиевска в пятидесяти верстах. 4. Аманакская, на речке Аманаке, в Кинель же впадающей, от Саврушской слободы в семнадцати верстах. Сверх тех солдатских слобод, между Криволуцкою и Саврушскою слободами, а именно от Криволуцкой в пятидесяти верстах, имеется слобода черкас, которые, как выше значится, прежде жительствовали в крепостях по Яику, но в 1744 году за неспособностию их к тутошнему пограничному пребыванию по их желаниям сюда как в безопасное и к хлебопашеству и ко всякой домашней их экономии способнейшее место перешли и живут особою слободою, к коей жительства до ста пятидесяти дворов.

В первой части показано уже, что все крещеные калмыки по штату на восемь рот разделены; и состояло их по рапорту на июль месяц 1754 года мужеска и женска полу 5695 душ; но потом число их вышедшими из Зюнгории и восприявшими святое крещение знатно умножилось, ибо

их ныне счисляется мужеска и женска полу 8198 душ; чего ради и служивый их штат еще тремя ротами умножить рассужено. Для приобучения ж их к пашне и ко всякой домашней экономии внутри Ставропольской окружности при сочинении штата и особые слободы, и в них церкви, построены. Имена оных слобод: 1. Ягодная. 2. Предтеченская. 3. Преображенская. 4. Курмычевская. 5. Тенеевская. 6. Сусканская; сверх того 7. Вышеозначенная Красноярская, а ныне для умножения их и еще вновь три такия ж слободы назначаются. Во всем Ставропольском уезде по ревизии счисляется государственных ясачных 6922, приписных к адмиралтейству 703, помещичьих и монастырских 2594, всего 10219 душ; да разных азиатских народов, яко то: персиян, аравитян и проч., выбежавших из Киргиз-кайсацких орд и восприявших святое крещение, около 250 душ. Впрочем сей уезд довольно хлебороден и имеет довольство рогатого скота и лесу; следовательно, ставропольскому купечеству, на Волге живущему, не только в рыбных промыслах, но и в заведении кожевных юфтяных заводов, и в размножении хлебного и прочих торгов довольные способы находятся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О Самарской дистанции и о ее обстоятельствах

Описывая сию дистанцию, которая звание свое имеет от реки Самары, приблизившейся вершинами своими, как выше значится, к реке Яику, должно упомянуть наперед сие: ежели б статскому советнику Кирилову при отправлении его в Оренбургскую экспедицию известно было, что от города Самары, на реке Волге имеющегося, вверх по реке Самаре до Сакмарского казачьего городка (кой от нынешнего Оренбурга только в двадцати девяти верстах и ему, Кирилову, был известен), следственно, и до самой реки Ори, немногим далее того, как и от Уфы; и он бы вместо того, что со всею командою из Казани отправился на Уфу на тех же судах, на коих из Москвы в Казань прибыл, поехал бы прямо Волгою до города Самары, а отсюда б на помянутый Сакмарск и к реке Ори, то, может быть, от башкирцев замешательства и в том бы его предприятии такого затруднения, какое было, не последовало. Ибо с той стороны до самого Уральского Сырта, подле реки Самары не только путь весьма способный, но и башкирских жилищ в близости нигде б не было; а потом, перешед на Яик и идучи подле оного, все башкирские жительства остались бы от него внутри и в таком отдалении, что им тому его походу препятствовать бы было не можно. Но при начатии великих дел всего вдруг предусмотреть не можно. Узнал он про сей способ при первом в Оренбург походе от бывшего сакмарского атамана Арапова, почему и принял меры: по оной реке Самаре для способного в Оренбург проезда строить крепости и населить тут жителей; чего ради, возвратясь в Уфу 1735 года, в следующем, 1736 году, отправляясь сам из Уфы во второй к Оренбургу поход, остальной своей команде определил следовать в Синбирск, а оттоль в вышепомянутый город Самару, дав от себя наставление тестю своему от флота поручику Бахметеву, кой ныне бригадиром, чтоб он по прибытии в Синбирск немедленно ехал в город Самару, а тут, исправясь потребностями и взяв при-

стойную команду, следовал бы водою вверх по реке Самаре и, усматривая удобность мест, застроивал бы крепости так, чтоб одна от другой верстах в тридцати или в сорока была.

1. Помянутый Бахметев, получа от канцелярии Закамской линии в Самаре и в Алексеевске к строению крепостей надобные инструменты, того ж 1736 года летнею порою отправился водою вверх по реке Самаре и на самой той реке при урочище, именованном Красный Яр, от Алексеевска сухим путем 42 версты (а водою для многих по реке Самаре излучин верст со сто), застроил первую крепость, именовав ее Красносамарск, которой положение по осмотру статского советника Кирилова (ибо он из вышеозначенного похода уже не в Уфу, но в город Самару по сей дистанции возвратился) так ему понравилось, что он определил тут с сей стороны портовому городу, таможне и едущим в Оренбург купцам первому осмотру быть. Чего ради и всех переведенных уже из Уфы в Самару Оренбургской экспедиции служителей, пока город Оренбург совершенно устроится и безопасный к нему будет проезд, там содержать рассудил и для житья им на строение домов лес готовить велел; а дабы жители и хлебопашество, и табуны конские сего города в совершенной безопасности находились от набегов калмыцких и башкирских, рассуждал он, чтоб сверх фортеции, около всего имеющегося тут леса (что сочинило б более двадцати верст) палисад сделать и в потребных местах поставить батареи, пушки и пр.

По кончине его, Кирилова, которая воспоследовала 14 числа апреля 1737 года, все оные служители и действительно были туда переведены, и по назначенному плану строение домов сильною рукою было начато. Но определенный на его место вышереченный господин тайный советник Татищев по прибытии своем в Самару рассудил, что до построения города Оренбурга как ему, так и всем чинам Оренбургской экспедиции сходнее жить в городе Самаре по сему, яко тут всякое содержание дешевле и потребное для Оренбурга доставать, и в Оренбург отсюда отправлять способнее. Чего ради канцелярию, командирский дом, разные магазины, а для купечества кладовые амбары в Самаре строить определил и построил, и переведенных в Красносамарск всех в Самару возвратил, оставя в нем один гарнизон, а потом, рассудя, якобы тут большому городу быть не для чего и что неподалеку от застроенного места есть другое – выше, и на самой реке Самаре, определил начатое строение все перенесть на то место, где ныне по назначенному уже от него, господина тайного советника, плану Красносамарская крепость имеется, а прежняя осталась впусте, от нынешней крепости пониже с версту. Гарнизону было в ней сперва, как и во всех самарских и в нижних яиц-

ких крепостях, рота драгунская да полторы пехотной из ландмилицких полков. Но оный в прошлом 1755 году выведен в Зелаирскую крепость по причине бывшего в том же 1755 году башкирского замешательства построенную, и так ныне находятся тут на поселении токмо казаки, коих числится действительно служащих, кроме отставных, пятьдесят человек. Жительства дворов с восемьдесят; церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы. От Оренбурга до нее считается 356 верст.

2. Борская крепость в том же году после Красносамарской помянутым же Бахметевым застроена, от Оренбурга до нея 307 верст. Она стоит на берегу реки Самары, а с другой окружает ее старое течение той реки, называемое старицей. Итак, положение сего места есть на мысу, который схож на половину острова. Борскою ж называется она потому, что верстах в трех от нее имеется тут немалый сосновый бор, какого при всех линейных крепостях не находится; и ежели б оный с бережением рублен и от пожаров сохраняем был, то б его для всех по сей дистанции имеющихся крепостей было б довольно. Гарнизон состоит ныне из одной драгунской роты, а половина пехотной, бывшей там, как выше значится, выведена в Зелаир; да казаков, кои ординарные разъезды содержат без жалованья, русских и татар, пятьдесят человек. Селидьбы в ней дворов с двести пятьдесят; церковь во имя Сретения Господня. А понеже обе оные крепости по течению реки Самары лежат на правой, а прочие все строены на левой стороне, и оную реку едущие в Оренбург и из Оренбурга здесь переезжают; того ради в вешнее время перевоз, а летом исправный мост здешними казаками содержится. В окружности ее те ж способы и выгоды, как и при Красносамарске, а сверх того в вышеозначенном бору и в лесных ее местах водится множество лосей, за которыми обыватели в марте месяце по насту ходят на промысел и, убивая их немало, продажею кож и мясом сих зверей пользуются. Расстояние ее от Красносамарска пятьдесят верст. Здесь можно еще припомнить, что от сей крепости по тракту на Сергиевск в двадцати пяти верстах для удобнейшего проезда провиантских обозов и для выгоды мест на речке Кутулуке при генерал-лейтенанте князе Урусове застроена была крепостца и введена была тут на поселение рота Сергиевского полка; но потом сие поселение, яко ненужное и от линии самарских крепостей лежащее в сторону, покинуто. Имевшиеся же там угодья по силе указов розданы в дачи помещикам.

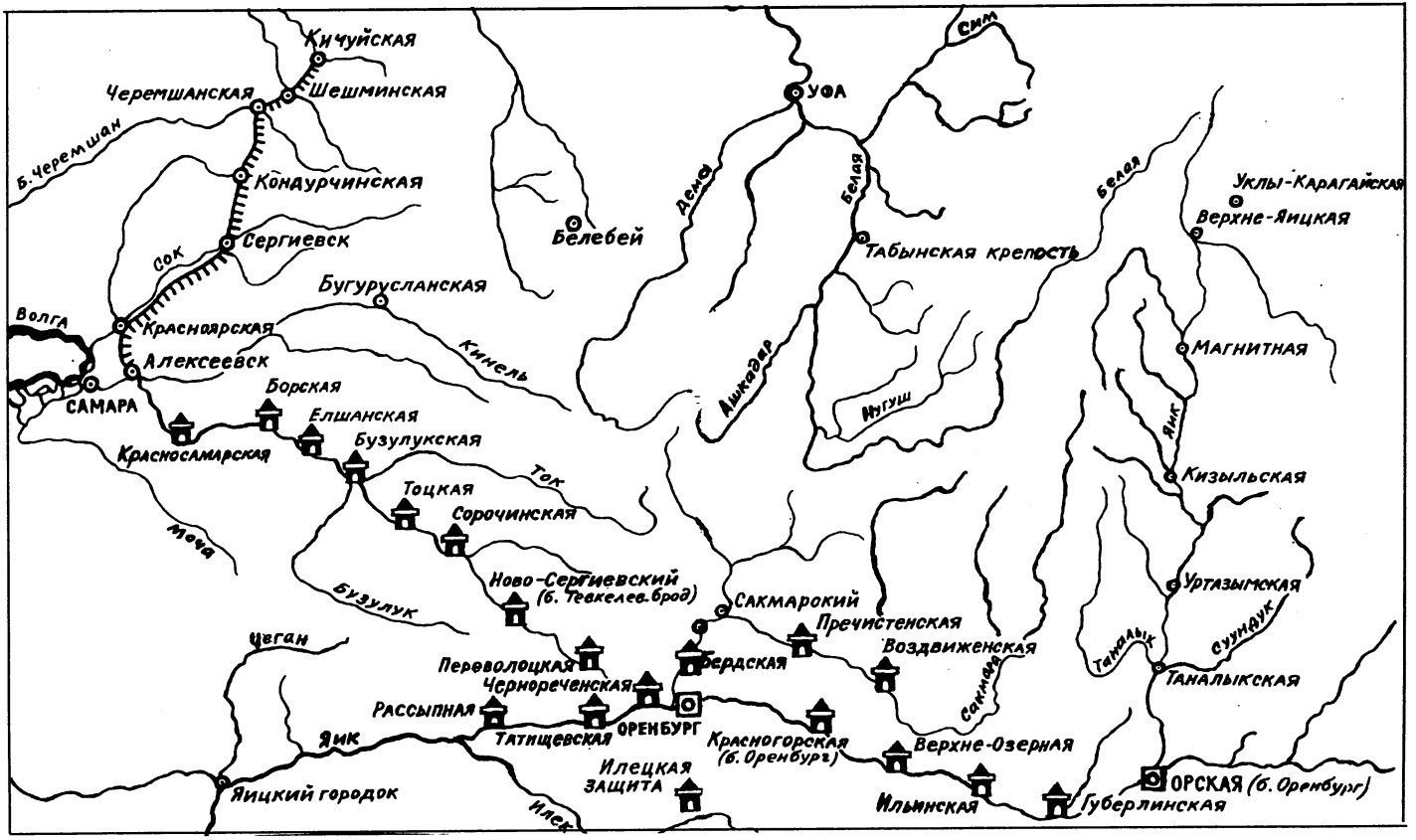
3. Олшанская крепость, по течению реки Самары, как и все нижеписанные, на левой стороне, расстоянием от нее верстах в десяти (ибо ближе к сей реке все места водопоемые), при речке Олшанке, впадающей в Самару, от которой она и звание свое имеет. До нее считается от

Борска тридцать, а от Оренбурга 274 версты. Застроена она на сем месте при вышеупомянутом генерал-лейтенанте князе Урусове в 1741 году. Находящиеся в ней казаки жилище свое имели прежде на устье оной речки Олшанки, коим она в Самару впадает, от сего места версты с две. Но отсюда принуждено было их свесть на нынешнее место, для того, что тут в вешнее время понимало их водою. Сверх регулярного гарнизона служивых казаков в ней, так как и во всех самарских крепостях, числится пятьдесят человек. Жительства в ней дворов с полтораста. Церковь во имя чудотворца Макария. Довольство обывателей такое, как и в Борской крепости.

4. Бузулуцкая крепость[72], от Олшанской в восемнадцати, а от Оренбурга в 255 верстах, звание свое имеет от речки Бузулука, впадающей в Самару, по течению ее с левой стороны, от крепости верстах в трех. Она назначена и застроена еще статским советником Кириловым с 1736 года, когда он из Сакмарского городка сим трактом возвращался в Самару. На житье тут им же, Кириловым, определено было несколько из яицких казаков, да и из уфимских иноверцев несколько ж семей поселилось. Жительства в ней дворов с двести, церквей две: одна во имя архангела Михаила, а другая во имя Николая Чудотворца. Укрепление ее сначала заложено было рвом и валом, регулярное, а потом поставлен вокруг ее палисад в пристойных местах с батареями и пушками. Обыватели тем же боровым лесом довольствуются и вышеозначенные промыслы имеют, а при том, имея пред другими местами для хлебопашества способнейшую землю, и оное больше других производят. От нее по пути к Оренбургу в восемнадцати верстах на речке Погромной имеется редут, который от той речки и называется Погромным.

5. Тоцкая крепость[73], на устье речки Сороки, впадающей в Самару. Звание свое имеет она от реки Тока, коя впала в Самару ж реку с правой стороны выше Бузулуцкой крепости верст с восемь. От Бузулуцкой же до нее сорок восемь, а от Оренбурга 206 верст. Она назначена при Кирилове в 1736 году; жительства дворов с полтораста, церковь во имя Воздвижения Честного Креста. Сначала была она несколько пониже; но понеже тут понимало все водою, то затем в 1746 году перенесена на нынешнее место.

6. Сорочинская крепость при статском же советнике Кирилове назначена. Она из всех по Самарской дистанции имеющихся есть главная, где и дистанции той командир пребывание свое имеет. Имя ее происходит от реки Сороки, коя впала в Самару со степной стороны, ниже ее верстах в двенадцати (но сего звания впадающих в Самару речек три, одна от другой неподалеку). Она всех прочих регулярнее, то



Крепости вдоль южных границ Башкирии в 1736–1743 гг. (по Р. Г. Букановой)

есть рвом и валом укрепленная; сверх того по валу имеет палисад и батареи с пушками. Жительства в ней дворов с двести; церковь во имя Рождества Христова. Водяной ход вверх по Самаре реке до сей крепости не неспособен, чего ради при начале ее многие припасы из города Самары сюда водою на больших лодках были завезены. До нея считают от Тоцкой крепости 30, а от Оренбурга 176 верст. Между ею и нижеписанною Новосергиевскою крепостью для удобнейшего проезда, в расстоянии от нее к Оренбургу в 22 верстах, построен редут, который называется Крестовым, от найденного близ сего места на степи медного креста.

Впрочем, надлежит здесь припомнить, что содержащийся в аманатах киргиз-кайсацкого Абулхаир-хана сын Ходжа-Ахмет-салтан, по причине негодования и беспокойства того хана за несмену его другим побочным сыном, в 1744 году с имевшимися при нем людьми содержан был в сей крепости, отчего разные затруднительства происходили, и киргизцы по научению помянутого хана, чтоб оного салтана выкрасть или усильным образом высвободить, к вышеозначенному редуту тысячах в двух формальный приступ чинили; однако ж никакого успеха получить не могли. О чем пространнее значится в 149 параграфе на странице 117 «Оренбургской истории».

Новосергиевская крепость, от Сорочинской в 40, а от Оренбурга в 136 верстах, застроена была в бытность при Оренбургской экспедиции тайного советника Татищева в прошлом 1738 году от нынешнего места немного повыше, и названа по имени полковника Тевкелева (что ныне генерал-майор) Тевкелев Брод, потому что тут в близости чрез реку Самару есть брод или мелкое место, и статский советник Кирилов, следуя из Сакмарска к городу Самаре с командою, здесь чрез реку Самару перебрался. При генерал-лейтенанте князе Василие Алексеевиче Урусове перенесена она тут, где ныне есть, по той причине, что оное место было водопоемное. По определению ж действительного тайного советника и кавалера Неплюева переименована она Новосергиевскою. Жительства в ней дворов с пятьдесят. Церковь во имя Сергия Радонежского. От сей крепости по пути к Переволоцкой в 20 верстах, для имеющегося тут степного места, в способ проезжающим зимнею порою построен редут, который называется Плотавским.

В прочем на сей дистанции разные признаки находятся бывших около вышеписанных мест старинных жительств, особливо ж на степи к реке Яику против Бузулуцкой крепости, расстоянием от нее верстах в тридцати, в вершине речки Боровки, впадающей в Бузулук, где поныне виден немалый земляной вал и развалины кирпичных строений. Ска-

зывают по преданиям, якобы тут бывал татарский город именем Аулган, названный от имени жившего тут Аулган-хана; да и по Бузулуку не в одном месте развалившиеся мечети видны ж, отколь бузулуцкие обыватели на свои надобности кирпич бирывали, и на самом том месте, где ныне Бузулуцкая крепость, старое городище бывало. Сверх того за Самарою по реке Току, от Бузулуцкой крепости верст с тридцать же, старинная мечеть видна, и тамошние места для многих тут лесных и сенокосных мест и для доброй к хлебопашеству земли весьма выгодными объявляются. Башкирцы ж, хотя и присваивают их себе, но почти никто ими не владеет, да и по разным определениям, учиненным в Оренбургской губернской канцелярии, признаны они за принадлежащие к Оренбургскому уезду, и потому достойно сожаления, что поныне остаются они еще впусте.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О дистанции Сакмарской

Хотя в силу именного указа блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, состоявшегося за собственноручным подписанием в 1739 году по представлениям господина тайного советника Татищева вышепомянутым генерал-лейтенантом князем Урусовым, рассуждено было от вершин реки Сакмары (коя течет по большей части параллельно с Яиком, расстоянием от оного верст около ста, а инде и меньше) в удобных местах строить крепости и селить тут ландмилицкие полки в том намерении, что они там, будучи прикрыты Яицкими крепостями, свободно и безопасно могут хлебопашество и всякую экономию[74] производить; почему оным местам при нем, генерал-лейтенанте, и осмотр был, и назначено тут девять селений, о чем в «Истории Оренбургской по то время, как Оренбург губерниею учинен», под § 98 именно показано. Но по рассуждению господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева, все оное за нужное не признано; а вместо того 1742 года в исследование его к Оренбургу по имевшемуся июня 30 числа при Переволоцкой крепости с штаб-офицерами совету о расположении по той реке ландмилицкого Шешминского драгунского полка, отправлен туда подполковник Буткевич с командою для заготовления лесов в двух способных для поселения того местах: почему и избраны оные тут, где ныне сей дистанции две крепости.

1. Пречистенская, от Сакмарского городка вверх по реке Сакмаре в 30, а от Оренбурга чрез Сакмарск в 59 верстах, в которой поселено пять рот помянутого драгунского полка и одна пехотная Алексеевского ландмилицкого, где и командир сей дистанции находится. Жительства в ней дворов до трехсот; церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, почему она и именуется Пречистенскою. Укрепление вокруг ее один заплот, на котором в пристойных местах сделаны батареи и поставлены на них пушки.

2. Воздвиженская, названа потому, что вышепомянутый господин действительный тайный советник и кавалер Неплюев в 1742 году, сле-

дуя из Оренбурга к Самаре, 14 сентября, то есть в день Воздвижения Честного Креста, для осмотра сего места с командою туда прибыл. В ней поселены остальные роты помянутого полка, да рота пехотная того ж Алексеевского полка. Жительства в оной дворов до трехсот; церковь во имя Воздвижения Честного Креста. Укрепление такое ж, как и в Пречистенской, от которой до нее считается 47, а от Оренбурга 106 верст.

3. На сей же дистанции имеются два редута: первый между оными крепостями, а именно от Пречистенской в 23 верстах, называемый Никитинским, а другой, выше Воздвиженской крепости в 30 верстах, называется Желтым; подле сего редута находится жилище кундровских татар и называется Кундровскою слободою, в которой жительства будет дворов до шестидесяти. Оные татары прежде того кочевали около Астрахани и уходили на Кубань, по которому подозрительству от Астрахани они отлучены несколько времени и находились все в Казани, а в 1745 году присланы они на житье в Оренбург и поселены слободою на вышеписанном месте.

В 1747 году летнею порою бежало из них в Киргиз-кайсацкую орду 25 семей, где они и поныне в разных отдаленных улусах находятся; оставшиеся ж по той причине, хотя и были несколько под сомнением, и для того лучшие из них, Адил-мурза с товарищами, содержаны были некоторое время в аресте, и было о переселении их на другое место внутрь России представлено, но то сомнение об них уже миновалось; и ныне летнею порою употребляются они по форпостам с прочими нерегулярными людьми, которую службу они, имея тут всякие угодья и не платя никаких податей, отправляют без жалованья.

Вышепомянутый ландмилицкий драгунский полк отменно от других полков, токмо в двух крепостях поселен (а не во многие разделен, как то с прочими учинено) в том рассуждении, чтоб его для Оренбурга и ближних от него крепостей во время надобности скорее собрать и яко кор-де-резерв[75] употреблять было возможно.

Впрочем, надлежит знать, что потребные для Оренбурга к строениям сосновые бревна и всякий лес заготовляют по Ику и по другим в Сакмару впадающим рекам и вешнею водою в сию реку, а по ней вниз, как выше означено, в близость Оренбурга сплавливают. Здесь можно упомянуть и сие, что в удовольствии столь немалолюдного города, каков есть Оренбург, не только лесными припасами, но и дровами, главная и прочнейшая надежда на те места, тако ж и на самое верховье реки Сакмары полагается. И хотя для сплавки оных в некоторых местах имеющиеся по ней и по впадающим в нее рекам заплавы повычищены; а для сбережения оных лесов и ради смотрения при рубке и сплавке их к

Оренбургу из находящихся в Пречистенской крепости обер-офицеров один бывает в валдмейстерской должности[76] и имеет на то особливую инструкцию; да ниже Сакмарского городка на речке Большой Каргале сделана казенная пильная мельница, но к тому, чтоб все оные леса на всегдашнее время уберечь, и способы к сплавке их водою сделать удобнейшими, то не только оную реку Сакмару и впадающие в нее реки, на коих строевой лес есть, до самых их вершин, от имеющегося на них многого валежника и заплав[77] должно очистить, не жалея на то труда и иждивения; но и сверх того, к наибольшему и лучшему тех лесов бережению имеющиеся поныне учреждения многим дополнить, и наикрепчайшие в том подтверждения учинить, чтоб сия к житию человеческому необходимо нужная надобность для оного города на вечные времена соблюдена быть могла.

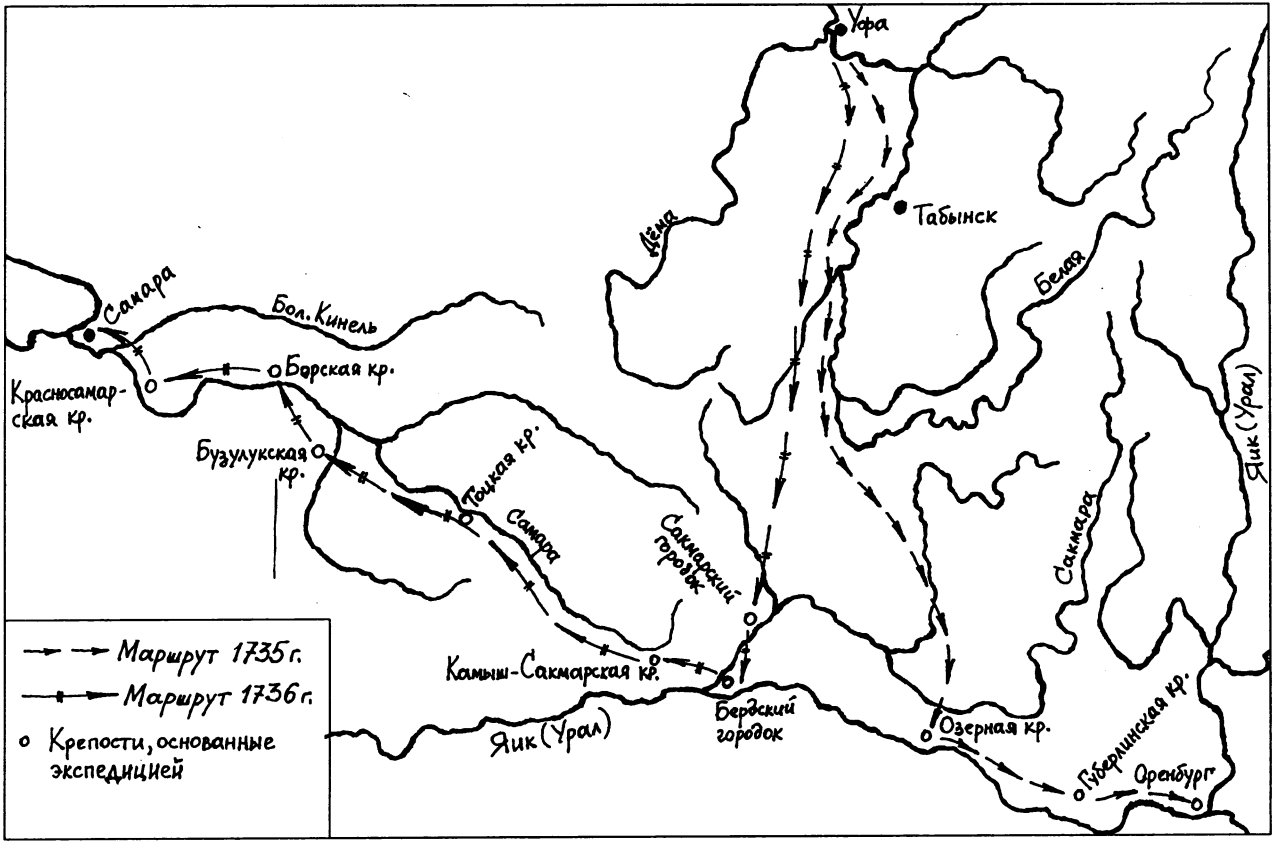
ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О дистанции Красногорской

Сия, яко же и следующие две дистанции, Орская и Кизильская, состоят из крепостей от Оренбурга вверх по реке Яику расположенных. Она начинается в семнадцати верстах от Оренбурга редутом, называемым Нежинским, который построен на самом том месте, где Нежинского полка черкасы[78] особливою слободою жительствовали и развели было немалое хлебопашество; но по той причине, что произошло на них нападение от киргизцев и они оказались оплошны, по желаниям их отпущены они на прежние их жилища в Малороссию, а некоторые из них в Кинельской черкасской слободе поселились[79]. От сего редута в двадцати семи верстах на реке Вязовке построен другой редут и именуется Вязовским, за которым в двадцати семи ж, и тако от Оренбурга в семидесяти одной версте, находится оной дистанции первая и главная крепость Красногорская, которую с прочими подчиненными здесь описать имею.

1. Крепость Красногорская при урочище, называемом Красная Гора. Сие урочище есть то самое, на котором, как выше показано, город Оренбург в 1741 году застроен был. Ныне находится тут канцелярия и командир сей дистанции. Гарнизон ее состоит из двух драгунских, гренадерского и мушкетерского Сергиевского полка и половина роты солдат, да казаков жалованных российских и татар пятьдесят человек; жительства в ней дворов до трехсот, церковь во имя Воскресения Господня.

От Красногорской крепости в двадцати верстах имеется Гирьяльский редут, под горою, именуемою Гирьял, в которой горе с начала Оренбурга и тамошних крепостей брали слюду; а понеже она видом беловата и ломка и в окончинах не весьма казалась прочна, того ради добывание ее ныне почти покинуто; но когда б оную гору порядочно рассмотреть, то может быть и лучшая б жила оказалась, но нерачением к таким изобретениям сей способ поныне оставляют.



Маршруты Оренбургской («Известной») экспедиции И. К. Кирилова (по Ю. С. Зобову)

2. Озерная крепость, которая звание свое имеет от многих вокруг ее лежащих озер, назначена еще в 1736 году при статском советнике Кирилове, и несколько охотников из яицких казаков тут поселено. Укрепление ее вокруг из всех, по Яику имеющихся, крепостей, выключая токмо Оренбург и Орскую крепость, есть лучшее и регулярное, рвом и валом, а в некоторых местах палисад. От Красногорска до нея 39, а от Оренбурга 110 верст. Гарнизон ее состоит в одной роте драгун и половине роты солдат, да жалованных казаков русских и татар пятьдесят человек. Жительства в ней дворов с двести, церковь во имя Вознесения Господня. В полуверсте от сей крепости под высокою горою имеется башкирская деревня, называемая Канчурина. Жительства в ней дворов до 12, которые служат службу обще с тутошними казаками.

Впрочем от сей крепости, на Яике имеющейся, до реки Сакмары не далее двенадцати верст, и дорога туда все способная; чего ради, при рассуждении о построении Оренбурга при Красной Горе, было такое намерение, чтоб на ближнем берегу реки Сакмары иметь пристань и селидьбу, чтоб из верховья оной реки, получая всякие лесные припасы, там выгружать и чрез оное расстояние на реку Яик сухим путем перевозить, а отсюда, то есть от Озерной крепости, паки плотами вниз по реке Яику до самого Оренбурга сплавливать. Отсюда ж в 19 верстах редут Никольский.

3. Ильинская крепость, от Озерной в 42 верстах, а от Никольского редута в 23, на самом берегу Яика реки в способном весьма месте. Она застроена в 1742 году господином действительным тайным советником и кавалером Иваном Ивановичем Неплюевым и названа Ильинскою, потому что сие место осматривано и под строение ее назначено июля 20 числа, в день Пророка Илии. От Оренбурга до нея 152 версты. Гарнизона в ней две роты драгун и половина роты солдат. Церковь во имя Пророка Илии. От нее к Орску в 23 верстах, по сю сторону Губерлинских гор, построен редут, именуемый Подгорным.

4. Крепость Губерлинская, на речке Губерле, текущей на выезде из Губерлинских гор, которая неподалеку от крепости впала в реку Яик. Гарнизон ее – рота драгун и половина роты солдат; церковь во имя Иоанна Предтечи; расстояние от Ильинской крепости 50, а от Оренбурга 202 версты. Отсюда в 25 верстах редут Разбойный, а за ним в 25 верстах с половиною следует уже Орская крепость, которая сначала именована Оренбургом.

В 1735 году в первый к Оренбургу поход статского советника Кирилова, команда его, переходя оные горы, для многих и великих крутостей, тесных и длинных ущельев, подвержена была немалым трудно-

стям и опасностям по бывшему тогда башкирскому замешанию; но со всем тем, хотя все обозы, по разным местам спускаясь с крутых гор и поднимаясь чрез оныя, принуждено чрез целую ночь в тех местах оставить, так что многие, кто где находился, не знали; однако на другой день все из сих трудностей благополучно выбрались. Потом, в 1740 году, когда покойный генерал-лейтенант князь Василий Алексеевич Урусов, следуя для поисков над бунтовщиками башкирцами с немалою командою, к оным горам прибыл, находившиеся при нем верные башкирцы показали другую дорогу, а именно: не доходя вышепомянутого Подгорного редута в левую сторону, вверх по речке Олшанке, по которой только один, да и то некрутой подъем, а затем вся дорога ровная и способная, а оные Губерлинские горы остаются вправе, да и расстояния до Орска против того, чтоб чрез оные горы и ущелья перебираться, немногим больше (видно,что при Кирилове бывшие к реке Ори вожаки сей способной дороги показать не захотели, для того, дабы проезд к Оренбургу сделать труднейшим и опаснейшим), чего ради при оном генерал-лейтенанте на сей способной дороге, для удобнейшего в Оренбург поезда, при речке Чебакле и крепость была застроена, и пока с азиатскими купцами и народами торг в Орской крепости продолжался, все обозы по сей дороге способно ходили. Но когда по перенесении Оренбурга на нынешнее место не востребовалось, с большими тягостями и с командами туда походов, и торг оттуда переведен в нынешний Оренбург и в Троицкую крепость, то ездят ныне до Орской крепости по большей части чрез оные гористые места прямо на Губерлинскую крепость; а та при речке Чебакле бывшая крепость в рассуждении сего, что она от реки Яика поудалена и чрез реку Яик воровским Киргизским перелазам, близ оных гор имеющимся, тутошней команде препятствовать неудобно, покинута, а вместо ее содержится одна вышеозначенная Губерлинская.

Что принадлежит до состояния Губерлинских гор, то не бесполезно б было, когда б они искусными в горной науке людьми нарочно были осмотрены. Я припомню, что бывший при экспедиции статского советника Кирилова для ботаники и натуральной истории господин Геинцельман находил тут признаки асбеста, корну-амонис[80] и другие курьезные и цветныя каменья; а берг-пробирер Яспер во многих местах находил кварц, но все то поныне еще остается без надлежащего испытания, да и людей искусных на то нет. Может статься, что со временем какие-нибудь и пользы там откроются.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Об Орской дистанции и о принадлежащих до нея крепостях

Орская крепость, на степной стороне реки Яика, от устья реки Ори, впадающей в Яик, версты с две, застроена в прошлом 1735 году августа 15 числа статским советником Кириловым под именем Оренбурга, о чем, яко же и о прочих касающихся до нее происхождениях, в «Оренбургской истории» значится обстоятельно. Она поныне из всех новопостроенных крепостей, выключая нынешний Оренбург, лучше и регулярнее укреплена и снабжена достаточною артиллериею. Гарнизон ее состоит из двух рот драгунских и из половины пехотной, да из пятидесяти казаков, которые почти все иноверцы. И как она больше всех на полдень, следственно в Киргиз-кайсацкую степь, выдалась, и киргизцы обеих орд, то есть Меньшей и Средней, по близости ее часто кочуют, то для их и для всяких заграничных дел всегда командир сей дистанции тут находится. Церковь в ней каменная во имя Преображения Господня построена на каменном круглом кургане, который имеет нарочитую вышину, из красных яшмовых камней состоит и называется Преображенскою горою, отчего оная церковь со всех сторон весьма далеко видна и крепости немалое украшение причиняет. Жительства в ней внутри и вне крепости дворов до трехсот. Между ею и Губерлинскою крепостью считается пятьдесят верст с половиною, где на половине пути сделан редут, называемый Разбойным, а выше Орска к Таналыцкой крепости еще два редута: первый, в тридцати одной версте, именуется Калпацким, а другой от Калпацкого в двадцати восьми верстах, называемый Тераклинский. От Оренбурга до Орска двести пятьдесят две версты с половиною.

Впрочем, должно знать, что по 1743 год выше Орской крепости, к Верхояицкой пристани, никаких крепостей и редутов не было. А в том году по осмотру сих мест господином действительным тайным советником и кавалером Иваном Ивановичем Неплюевым, в следование его из

Сибири к Орской крепости, по силе прежде состоявшихся указов рассуждено и там в потребных местах построить несколько крепостей и редутов, дабы тем до Верхояицкой крепости сделать удобнейшую коммуникацию и бывшие башкирские и киргиз-кайсацкие чрез реку Яик воровские перелазы пресекать. Почему находятся ныне за предписанными двумя редутами, Калпацким и Тераклинским, следующие крепости.

2. Таналыцкая крепость, на сей стороне Яика реки, от Орска в семидесяти трех, а от Тараклинского редута в четырнадцати верстах. Сначала была она застроена артиллерии поручиком Тильным на таком месте, кое весной случившеюся большою водою нечаянно поняло, и тем несколько казенного убытка причинено. Чего ради принуждено было перенесть ее повыше на нынешнее место. Гарнизон ее – две роты драгунские и половина роты пехотной. Церковь во имя Богоматери Владимирской. От Оренбурга до нее 325 верст с половиною. За сею крепостью вверх по Яику реке в 23 верстах с половиною имеется редут, называемый Орловским; от оного ж в 15 с половиною, а от Таналыцкой крепости в тридцати девяти верстах следует:

3. Уртазымская крепость, на сей же стороне реки Яика. Гарнизон ее состоит из двух рот драгун и из половины пехотной. Церковь во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустовского. От Оренбурга до сей крепости 364 версты с половиною; за нею следуют три редута: первый в 19 верстах с половиною, Березовский, другой в 24 верстах с половиною, Грязнушинский, а от сего в 30, от Уртазымской же крепости в шестидесяти четырех верстах.

4. Кизыльская крепость, на устье реки Кизыла, которая вышла из гор, в виду крепости находящихся, и впадает тут в реку Яик. Сия крепость имеет изрядное местоположение большею частию по Яику. Гарнизон ее состоит из двух рот драгунских и из половины пехотной. Церковь во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. От Оренбурга до нее 428 верст с половиною. За нею в девятнадцати верстах редут Сыртынский, а потом в двадцати четырех верстах редут Ангильский. За сим в двадцати шести, а от Кизыльской в шестидесяти девяти верстах имеется следующая крепость.

5. Крепость Магнитная[81]. Сие звание придано ей от горы, близ ее имеющейся, которая вся состоит из магнитного камня, весьма хорошую и богатую железную руду в себе заключающего. В здешнем гарнизоне находится одна рота драгунская и полроты пехотной. Церковь во имя Живоначальной Троицы. От Оренбурга до сей крепости 497 верст с половиною; за нею в 26 верстах редут Верхокизыльский, а от него в 23 верстах редут, именуемый Спасским. За сим в 15, от Магнитной же в

64 верстах, на реке Яике последняя, но уже к Уйской линии причитаемая, Верхояицкая крепость, которая иногда и пристанью именуется, потому что сначала было намерение, дабы получая тут провиант, железо и всякие тягости отправлять до Оренбурга на судах водою, что и отведывано, и для строения судов на оной пристани находились особливые мастеровые люди; но за многими трудностями, и что в верховье реки Яика многие мели и каменистые места, да и на строение судов около пристани в потребных лесах стало быть оскудение, сей способ уже давно оставлен.

По описании сей дистанции надлежит упомянуть и сие, что в строевых лесах во всех оных местах недостаток, но дровяного еще довольно; а за рекою Яиком, от берега сей реки не в близком расстоянии, хотя и находят сосновый лес, но также не весьма много, а к тому и доставать оный за отдаленностию и за легкомысленностию киргизцев неспособно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О крепостях Уйской линии, простирающейся до Сибирскаго ведомства

Вся сия линия на две дистанции разделяется. Первая начинается Верхояицкою крепостью, где и командир сей дистанции находится. В его ж ведомстве Уклы-Карагайская, Петропавловская и Степная крепости и несколькими редутами; но в том, что до воинских дел принадлежить, состоит он большею частию под ордерами и наставлением находящегося в Троицкой крепости командира, которому и заграничные дела поручены. Оные крепости следуют одна по другой по нижеписанному.

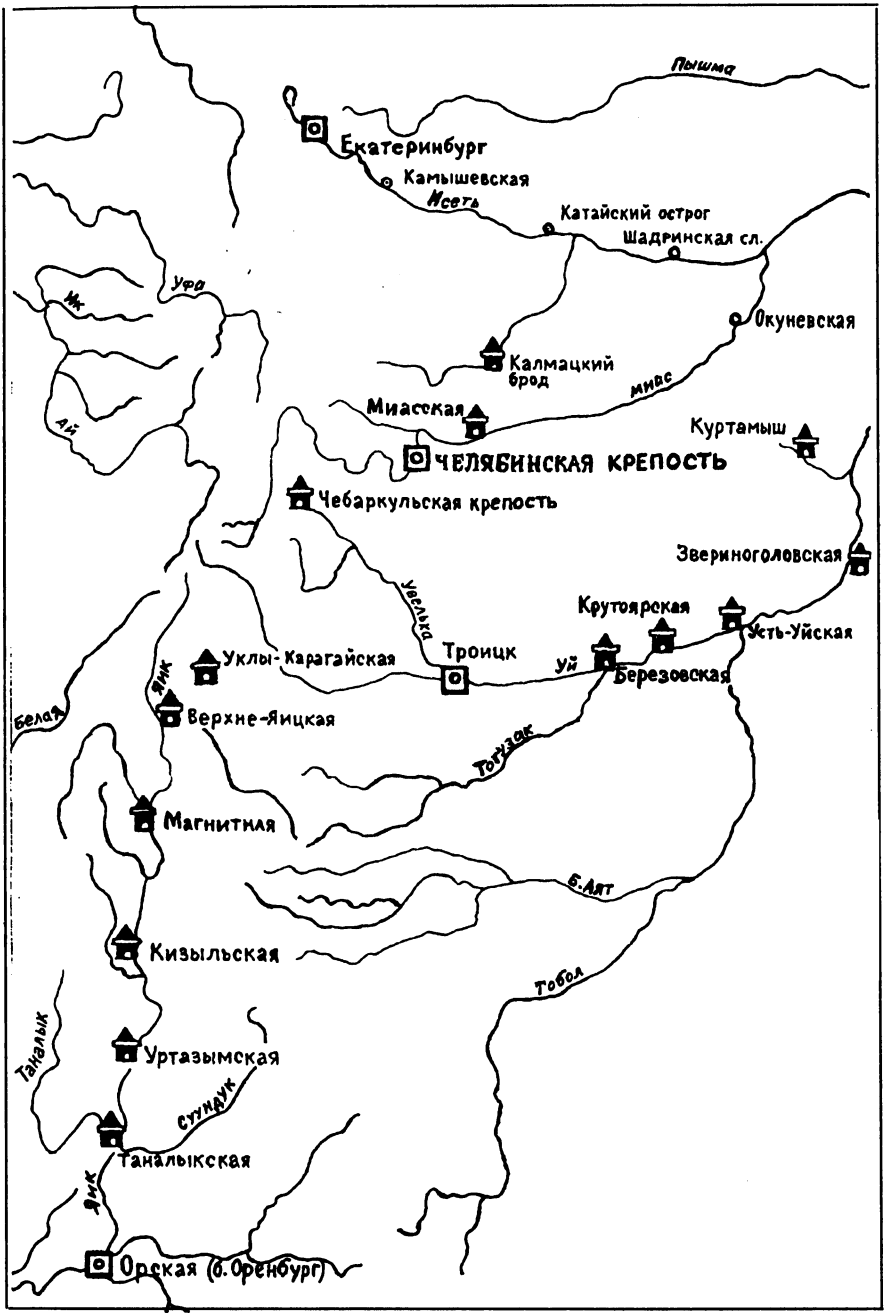
1. Верхояицкая пристань начата еще в 1734 году при статском советнике Кирилове, и так она годом старее, нежели Орская крепость, именованная чрез несколько лет Оренбургом. Нынешняя пристань построена на другом уже месте, от первого с версту повыше по течению реки Яика на левой, следственно на той же стороне, как и Орская. Однако ж жило ее нынешнее простирается до того самого первого места. Какие затруднения претерпевал здешний гарнизон и глад[82] при первом башкирском замешании и как обманут и погублен оный бунтовщиками башкирцами, о том показано уже в «Истории Оренбургской», чего здесь не повторяется. Нынешний ее гарнизон состоит из двух рот драгунских и одной пехотной: тут же есть несколько семей отставных драгун и солдат. Жительства в ней дворов до двухсот; две церкви: одна во имя Богоявления Господня, другая Благовещения Богородицы. Расстояние ее от Оренбурга по крепостям, чрез Орскую крепость, пятьсот шестьдесят одна верста с половиною, а прямою почтовою дорогою, чрез крепость Зелаирскую, 375 верст. В расстоянии пятнадцати верст от Верхояицкой сделан редут, называемый Свиским. На Заяицкой степи между сею и Степною крепостями, от Верхояицка прямо верстах в шестидесяти, есть в степи старинное каменное здание, но от кого построено, никто не знает. Мнится, что от бывших тут в древние времена татарских или калмыцких народов.

2. Крепость Уклы-Карагайская, от Верхояицкой крепости в 32, а от Свияжского редута в 20 верстах, на озере Уклы-Карагай, при котором имеется сосновый бор, именуемый Уклы-Карагайским. Сия крепость из всех на Уйской линии имеющихся после Верхояицкой есть старее. Она полковником Иваном Татищевым застроена по той причине, что во время первого башкирского замешания в 1735 году было здесь от воров башкирцев нападение на провиантский обоз, следовавший к Оренбургу, не рассуждая сего, что оное озеро имеет нехорошую воду, и свежую принуждено брать из малой речки и из ключей из неблизкого расстояния. Укреплена она изрядно валом и рвом, и для имеющегося в близости от нее соснового лесу находятся в ней изрядные дома. Гарнизон ее состоит из двух рот драгунских и половины пехотной, тут же живет несколько семей отставных драгун и солдат. Церковь во имя Николая Чудотворца. От Оренбурга до нее чрез Зелаирскую и Верхояицкую крепости 407 верст; от нее ж в 20 верстах редут Ерзединский.

3. Петропавловская, расстоянием от Ерзединского редута 22 версты, а от Уклы-Карагайской крепости 42, именуется потому, что назначена в день святых апостолов Петра и Павла. Церковь в ней во имя оных верховных апостолов построена, стоит при реке Кидыше, впадающей там в реку Уй. В гарнизоне имеются две роты драгун и одно капральство солдат, да несколько отставных. Расстояние ее от Оренбурга по прямому тракту 449 верст.

4. Крепость Степная, от Петропавловской в 23 верстах, имеет сие имя потому, что она одна из всех по реке Ую имеющихся крепостей построена на степной, то есть по течению той реки на правой стороне. Гарнизон ее состоит из таких же людей и в толиком же числе, как и в Уклы-Карагайской. Церковь во имя Михаила Архангела. От Оренбурга до нее по прямому тракту 472 версты. За нею в двадцати трех верстах редут, именуемый Подгорным, а за сим в двадцати пяти верстах еще редут Санарский, на речке Санарке, от которого в двадцати трех верстах следует второй, то есть Нижней Уйской дистанции.

5. Троицкая крепость, близ устья речки Увелки. Троицкою называется потому, что назначена она в день Святой Пятидесятницы, в который действительный тайный советник и кавалер Неплюев, следуя из Сибири в 1743 году, со всею командою стоял тут лагерем. Она по Оренбурге из всех новопостроенных крепостей может почесться за лучшую и людней-шую. Торг и мена с киргиз-кайсаками Средней орды и с азиатскими купцами, большею ж частию с башкирцами и ташкентцами, с 1750 года происходит там во всем на таком же основании, как и в Оренбурге; и российские купцы почитают оный ни чем не хуже оренбургского, потому что



Крепости в Зауралье 1736–1743 гг. (по Р. Г. Букановой)

киргизцы Средней орды, против Меньшей орды, не только постояннее, но и богатее и гораздо лучших лошадей променивают. Чего ради учреждена там пограничная таможня, при которой особливый директор и таможенные служители, так как и в Оренбурге, находятся. Меновой двор построен деревянный, но весьма изрядный, против самой крепости на степной стороне реки, где и помянутая таможня. Кладовых анбаров и лавок в нем близ шестисот. Командир сей дистанции обретается здесь, которому, как и выше значится, и заграничныя дела поручены. Гарнизон состоит из двух рот пехотных, гренадерской и мушкетерской, да из двух рот с половиною драгун. Жительства в ней дворов до пятисот. Две церкви: одна соборная каменная во имя Святой Троицы, о пяти главах и немалаго пространства, а другая старая деревянная во имя то ж. Расстояние ее от Оренбурга чрез Челябинск, где Исетской провинции провинциальная канцелярия, и где повсенедельно из Оренбурга и в Оренбург почта отправляется, 682, от Челябинска ж 110 верст; а прямо от Верхояицка чрез линейные крепости 543 версты. За нею в двадцати восьми верстах редут Ключевской, а от него в двадцати пяти, от Троицкой же в пятидесяти трех верстах, следующая крепость.

6. Каракульская, на реке Уе ж, звание свое имеет от близ лежащего озера, которое именуется Кара-куль, или черное. Гарнизон ее состоит из двух рот драгун, церковь деревянная, расстояние от Троицкой 53 версты, от Оренбурга чрез Челябинск и Троицкую 735 верст, а прямо по крепостям 596. За нею редут Березовский в 24 верстах с половиною.

7. Крутоярская крепость, – потому что построена на яру, к реке Ую имеющемся, расстоянием от Каракульской в 46, а от Березовского редута в 21 версте с половиною. Гарнизон ее – две роты драгунских; церковь деревянная. От Оренбурга до нее чрез Челябинск и Троицкую 781 верста, прямо ж от Верхояицка по крепостям 642 версты. За нею в 24 верстах редут Луговой.

8. Усть-Уйская крепость, близ устья реки Уя, которым она в реку Тобол впадает, от Крутоярской 47, а от Лугового 23 версты. Гарнизон состоит из двух рот драгунских и одной пехотной. Церковь во имя Святой Троицы. Расстояние от Троицкой 146, от Оренбурга чрез Челябинск и Троицкую 828 верст, а прямо чрез крепости 689. В двадцати двух верстах от нее редут Качардыцкий, а от оного двадцать восемь верст еще редут, именуемый Озерным, от которого в четырнадцати верстах следует последняя по сей линии Звериноголовская крепость.

9. Крепость Звериноголовская, на реке Тоболе, от Усть-Уйской 64, а от Озерного 14 верст. Сия крепость бывала ведомства Сибирской губернии; но в 1753 году по сношению с бывшим на сибирских линиях

командиром генерал-майором Киндерманом принята в ведомство Оренбургской губернии. Гарнизон ее состоит из двух рот драгун; церковь деревянная ж; расстояние до нея от Троицкой двести десять, от Оренбурга чрез Челябинск и Троицкую по крепостям 892, а прямо от Верхояицка чрез крепости 753 версты. Сею Звериноголовскою крепостью оканчивается вышеозначенная Уйская линия, следственно и Оренбургское ведомство. Ибо за нею ближайшая в 59 верстах имеющаяся крепость, которая именуется Пресногорьковская, принадлежит уже к Сибирской линии.

В прочем надлежит припомнить здесь сие, что означенные гарнизоны во всех вышепомянутых крепостях по состоянию времени и надобностей прибавляются, а иногда и убавляются, как того случай и нужда востребует, и не токмо построенные редуты, но и самые крепости иногда на другие места переносятся, и новые и способнейшие дороги изыскиваются, отчего и в расстояниях от места до места разность происходит, чему по делам в Оренбургской губернской канцелярии имеющимся многие примеры находятся. К тому ж нередко и в самых дистанциях перемены случаются, ибо из одной две, а из двух иногда одна сочиняется, что все чинится в рассуждении командирских состояний, как то и ныне Орская дистанция надвое разделена и орский командир в ведомстве своем не более как токмо три крепости имеет, а именно: Орскую, Таналыцкую и Уртазымскую, а Кизыльская и Магнитная особою дистанцией считаются. В летние ж времена на учреждаемые форпосты сверх оных гарнизонов нерегулярные люди располагаются.

В заключении сей Троицкой дистанции надлежит еще припомнить следующие обстоятельства:

1. По старой дороге, которая при строении Троицка лежала из Эткульской в Троицкую крепость, от Троицкой в 27 верстах, имелось несколько топкого и грязноватого места, однако проезжали его без труда, на котором и верстовой столб поставлен был; а ныне тут сделалось немалое озеро, в коем и рыба завелась, хотя в него ни откоть течения воды нет, и верстовой столб в воде остался и поныне из воды виден, чего ради то озеро и называется Столбовым.

2. В расстоянии 50 верст от Троицка, по новой летней к Челябинску дороге, есть большое озеро, называемое Суташ, или каменное, которое так велико, что в два дня верховою ездою едва объехать его можно. Другое от сего в сторону верст с 20, а от Троицка не далее ж 50 верст, называется Каратибизь, или черная падь. Они оба несколько солоноваты, а другое притом и горькость имеет. В обоих ловят карасей, которые вкусом гораздо лучше, нежели в других озерах. На сих и на других

тамошних озерах имеются немалые острова, кои называют плаунами, потому что их по воде во время ветров с места на место переносит. По сим островам хотя и можно людям ходить, но с опасностию, потому что имеют зыбь и между кочек может человек просунуться и утонуть. Видно, что они сделались от наносной земли, на которой вырос камыш, а на некоторых есть и лес. На сих плаунах в летнее время бывает множество лебедей, кои тут и детей выводят.

3. По реке Увелке, по течению ее на левой стороне, от Троицкой в 27 верстах, находится прежде живших здесь народов палатка, кладена из немалого жженого кирпича квадратного, в которой вместо связей положены сосновые брусья. Но поныне, как сказывают, большею частию она разломана, и кирпич от обывателей троицких в крепость перевожен. Такая ж палата и в Киргиз-кайсацкой степи находится, около вершин речки Таузака, от Троицка верстах в 50. О ней объявляют, что только без верха, а впрочем никакого повреждения не имеет.

4. На степи ж, где Средней орды киргизцы кочуют, превеликое множество озер соляных и пресных, также и рыбных рек, в коих и бобров ловят, между которыми изредка попадаются и белые. Там же в камышах водятся и кабаны, но киргизцы, не употребляя их мясо в пищу, не бьют. Лесов березовых и сосновых там не мало ж, а особливо руд и минералов сказывают там множество, чего ради оныя места достойны особливых осмотров от людей знающих. О соли Эбелейской, которою вся Исетская провинция довольствуется, в первой части при описании соляных озер упомянуто.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О Исетской провинции и о принадлежащих к ее ведомству местах

Сия провинция учреждена в 1738 году по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, состоявшемуся на представление господина тайного советника и бывшего оренбургского главного командира Василия Никитича Татищева, для удовольствования города Оренбурга от здешних яко хлебородных мест провиантом и прочими надобностями. По ее состоянию требует она двоякого рассмотрения.

Во-первых, по ее дистриктам, из которых три, а именно Исетский, Шадринский и Окуневский, состоят все из старинных жительств и отделены по вышеозначенному именному указу от Сибирской губернии, а четвертый, то есть Куртамышский дистрикт, хотя и вновь по определениям Оренбургской губернской канцелярии учрежден, но жители онаго все из вышепомянутых же трех дистриктов, за недостатком там пахотных земель, по собственным их желаниям вышли и поселились на порожних землях внутри линии.

Второе сей же провинции отделение сочиняет те крепости, которые по причине первого с 1735 по 1740 год продолжавшегося башкирского замешания строены и набранными из сибирских крестьян казаками в осторожность от башкирцев населены. Оные суть: первая Челябинск[83], вторая Миясская, третья Эткульская, а четвертая Чебаркульская[84].

1. Исетский дистрикт

Звание свое имеет от реки Исети, которая вершинами вышла повыше Екатеринбурга верст с двадцать, из озера, называемого Исетским, и впадает в реку Тобол, выше Ялуторовского острога за семь верст, под

деревней того острога Свиньиной. От сего ж, как от наибольшего дистрикта, или паче от помянутой реки, и всей провинции именование дано. Главное в сем дистрикте место есть Исетский острог, где и управительская всего дистрикта канцелярия имеется. По справке с оною канцелярией построен он в 7158 году, чему по 1760 год сто десять лет, слободчиком из конных казаков Давыдом Андреевым по указу из Тобольской приказной большой палаты, над старицею и озером по левую сторону реки Исети, на острове. Сначала под острог и для поселения при оном деревень, за неимением тогда других острогов и жительств, помянутому слободчику отведена была из порожних мест великая окружность (из коей потом и под прочие остроги и слободы уделы чинены) и позволено было для умножения Сибири жителями принимать и селить ему охотников из разных великороссийских городов и уездов, кои приходя к нему, Андрееву, сказывались государственными крестьянами и переведенцами из Казани, а несколько и иноверцев, которые по желаниям их, будучи тут, вступили в православную христианскую веру. А понеже с того времени под вышеозначенными званиями нашло туда, яко же и в прочие дистрикты, множество помещичьих крестьян, про которых, узнавая, помещики наконец стали производить просьбы об отдаче их им и о высылке их на прежние жилища по старинным их крепостям, что ежели б чинить о всех без изъятия, то б все оные дистрикты могли остаться почти безлюдными: того ради по представлениям господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева, в присутствии ее императорского величества в Правительствующем сенате на докладе оного за собственноручным ее императорского величества подписанием в 1743 году следующий указ последовал: 1. Живущих ведомства Исетской провинции в государственных слободах крестьян, тех, кои до подания в 1719 году при начавшейся тогда ревизии сказок, бежав, туда пришли и в подушный оклад не инде где, как токмо в тех слободах, положены, хотя помещики и другие владетели и крепости на них имеют, для представленных от помянутого господина тайного советника резонов, и что б той провинции не опустошить, которая ныне для Оренбургской губернии весьма нужна, из тех слобод не высылать и никому не отдавать, а быть всем тем крестьянам в той провинции вечно, как оные ныне состоят, и в нынешнюю ревизию написать их в той провинции, а помещикам зачитать в рекруты. 2. А которые беглые ж крестьяне в той провинции после подания первых в 1719 году сказок, тако ж и на штабных дворах якобы приписные и другими образами написаны в подушный оклад, тех всех по преждесостоявшимся указам вывесть на прежние жилища, а подушные деньги, пока по новой ревизии положение будет учинено, платить оставшим крестьянам. 3. Которых из тех кресть-

ян вывесть надлежало на прежние жилища, а из них поныне некоторые уже отданы в рекруты, за всех тех слобод крестьян в таком случае, чтоб плательщики не были в обиде, заплатить оставшим в тех слободах крестьянам за всякого рекрута тем, чьи они были до состояния 1737 года августа 20 дня указа, то число, почему в те рекрутские наборы, в которые те беглые крестьяне в рекруты отданы, складки были; а с состояния того 1737 года августа 20 дня указа, по силе того ж указа со всякого рекрута по сто рублей; по чему и исполняется.

Оный Исетский острог укрепление имеет внутри вместо замка стену рубленую с двумя проезжими башнями, в коем канцелярия и управительский дом и две церкви деревянные, одна во имя Богоявления Господня, а другая во имя Казанской Богородицы. Около замка жила дворов сто, вокруг которого стена рубленая с тремя проезжими воротами, из коих над одними башня рубленая ж, а сверх того обнесено рогатками и надолбами. По переписи, мужеска полу душ в сем остроге и в приписных к нему четырех селах да двадцати трех деревнях и при Боровлянском винокуренном заводе государственных крестьян 4089 душ. От Челябинской крепости до Исетска чрез Шадринск 304, а от Оренбурга чрез Челябинск и Шадринск 876 верст.

Знатнейшие места, подчиненные Исетской управительской канцелярии

Мехонский острог построен 7168 года вверх по реке Исети, по течению ее на левой стороне, над курьею, называемой Мехонской, почему и называется он Мехонский острог, от Исетска 60 верст. В нем церковь во имя Рождества Христова. Вокруг жила город рубленый и с двумя проезжими башнями рублеными ж. Жила дворов со сто; в нем и в двух селах да в двадцати трех деревнях, по ревизии 1785 душ.

Красногорский острог построен в 7179 году[85], от Исетска вниз по реке Исети, над протоком из Исети ж реки, по течению на правой стороне, от Исетска 12 верст. В нем церковь во имя Святого Георгия. Кругом жила заплот с рогатками и надолбами и одна проезжая башня рубленая, жила дворов до 50. По ревизии, мужеска полу в нем и в двенадцати деревнях 1053 души.

Бешкильская слобода, от Исетска расстоянием вниз по Исети реке в 28 верстах, по течению на левой стороне. Она последняя Исетского ведомства к Ялуторовскому острогу, стоит над рекою Исетью на устье речки Бешкили, почему и Бешкильскою называется, застроена в 7176

году[86]. В ней церковь во имя Николая Чудотворца. Кругом жила заплот, надолбы и рогатки, расстоянием от Ялуторовского острога 38 верст. Мужеска полу душ в ней и в приписных к ней семи деревнях 461.

Ингалинская слобода, от Исетска в 30 верстах, вниз реки Исети, по течению ее на правой стороне над протокою реки Исети, коя Ингала называется, застроена в 7184 году[87]. В ней церковь великомученицы Екатерины, круг жила сделан заплот, жительства дворов до 70. По переписи, мужеска полу в ней и в одной деревне 227 душ.

Терсюцкая слобода построена 7176 года[88] над быстрою протокою, от Исетска по реке Исети вверх по течению на левой стороне, расстоянием в 43 верстах. В ней церковь святой великомученицы Екатерины. Укреплена оплотом, жила имеет до 100 дворов. По переписи, мужеска полу в ней и в приписных к ней двух селах, и в пятнадцати деревнях 1634 души.

Усть-Миясская слобода, над рекою Миясом по течению на левой стороне, построена в 7178 году[89], от Исетска вверх по реке Исети чрез Терсюцкую слободу и Мехонский острог, а от Мехонска вверх по реке Миясу, в 75 верстах, ибо река Мияс впадает в Исеть выше Мехонского острога в трех верстах. От Мехонска ж Миясская слобода в 15 верстах. В ней церковь Богоявления Господня. Кругом ее стена рубленая и одна башня, а около жила забор, рогатки, и надолбы. Жительства дворов до 70. По ревизии, мужеска полу в ней и в одном селе и в тринадцати деревнях 1101 душа.

Итого ведомства Исетской управительской канцелярии в вышеозначенных местах государственных крестьян, положенных в подушный оклад, числится 10346 душ.

В том же Исетском дистрикте под ведомством Исетской управительской канцелярии состоят:

Монастырь мужеской, называемый Рафаилов, от Исетскаго острога семи верстах, вверх по реке Исети по течению ее с правой стороны, над самою рекою, вокруг его небольшой сосновый бор. За ним крестьян при самом том монастыре и в пяти деревнях, по ревизии, 530 душ, ограду имеет деревянную. В ней две церкви деревянные ж, одна во имя Святой Троицы, другая во имя Покрова Пресвятой Богородицы; келий монашеских до десяти.

Коцкого монастыря заимка, от Исетска вверх по Исети реке над протокою, расстоянием в 27 верстах, по течению на левой стороне. В ней церковь каменная с двумя приделами: настоящий престол во имя Святой Троицы, а приделы Богоявления Господня и Николая Чудотворца; другая церковь деревянная во имя Николая Чудотворца, кругом ог-

рада деревянная ж. В сей заимке и в трех деревнях по переписи мужеска полу 679 душ.

Великоустюжского Архангельского монастыря заимка, коя и называется Архангельскою, от Исетска в 18 верстах, вниз по Исети по течению на левой стороне, над курьею. В ней церковь деревянная архангела Михаила, кругом ее ограда деревянная ж. В ней монашеских келий до пяти. По переписи в сей заимке и в приписных трех деревнях мужеска полу 507 душ.

Итого за оными монастырями 1715, а всего государственных и монастырских 12066 душ.

От Исетска ж по реке Исети вверх к западу в семи верстах при речке Юрюме на горе имеется место весьма красное, где поныне еще виден земляной вал и ров, знатно, что тут бывало немалое жилище. В северную ж сторону от сего острога находятся многие курганы, или насыпные бугры, которые у тамошних обывателей за кладбища старинных сибирских жителей почитаются; но какие народы тут жительствовали, того из нынешних обывателей никто достоверно показать не может.

В том же Исетском дистрикте имеется:

Завод стеклянный, расстоянием от Исетска в 15 верстах, на речке Юзе, принадлежит челябинскому купцу Афанасию Битюкову .

Шляпная фабрика, при речке Боровке, от Исетска в 7 верстах, вышеписанного ж Битюкова.

Завод стеклянный в двадцати трех верстах над речкой Духовкой, челябинского ж купца Федора Токарева с братьями.

Завод винокуренный на речке Осиновке, от Исетска в 78 верстах, прежде был казенным Сибирской губернии, а по покупке достался его сиятельству графу Петру Ивановичу Шувалову.

От Исетска же в одной версте с половиною имеется озеро круглое, называемое Теренкуль, в котором дно песчаное и вода самая чистая, величиною по ширине и по длине ровное. Водою от материка до материка, например, версты на полторы. Рыб особливых во всех тамошних водах нет, кроме нельмы[90], которая подобна белой рыбице.

В Исетском же дистрикте находятся минеральныя земли или краски, а именно: при вышепомянутом Троицком Рафаилове монастыре умбра[91], которую тамошние маляры и употребляют.

Да от Исетска в 31 версте, вверх по речке Юруму, по течению ее с левой стороны, при деревне Ильиной, в болотном месте найдена земля

лазоревая наподобие кубовой краски, которую также маляры употребляют. Сия отыскана верхотурским купцом и заводчиком Максимом Походяшиным по данному ему из канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов о прииске руд указу, который, называя ее медною рудою, посторонних без позволения от себя и брать не допускает. Там же находятся глины белые и по промывке довольно мягкие и чистые: одна при Троицком Рафаилове монастыре, от Исетска в 7 верстах, а другая при Бешкильской слободе, вниз по Исети реке, близ ведомства Сибирской губернии, от Исетска в 31 версте. Исетский острог расстоянием от Тобольска чрез Тюмень 334 версты, от Челябинска, где Исетская провинциальная канцелярия находится, 304, а от Оренбурга чрез Челябинск и Шадринск 876 верст.

II. Шадринский дистрикт

Именован от первенствующего в нем жительства, которое называется Шадринским[92]. По справке с канцелярскими делами значится, что зачат оный по челобитью слободчика, кой по тогдашнему званию именовался Юшка, прозванием Соловей, по данной ему из Тобольска в 7170 году сентября 30 дня памяти, по которой велено ему в Тобольском уезде (знатно что все сии места были тогда Тобольского уезда) на порожней земле поселить слободу, набирая в нее из вольных гулящих людей для государевой десятинной пашни на льготные годы. С чего он по 1712 год и назывался Шадринскою слободою, а в том году по определению бывшего тут коменданта князя Василия Мещерского и по указу из Тобольска названа уже она Архангельским Шадринским городом. Вследствие того как в переписных книгах 1719 года, так и по бывшим ревизиям числится сие место городом, а не острогом. Звание ж Шадринска происходит по курье (что по тамошнему наречию значит исток из реки) Шадрихе, коя вышла из реки Исети и впала в ту же реку на заречной от Шадринска стороне. Укрепление его состоит в том, что позади всего жила обнесен рогатками, а внутри наподобие кремля, или замка, сделан рубленый город с башнями, в котором снаружи для торговых людей поделаны лавки, ибо во все воскресные дни бывает здесь немалолюдный съезд и торг всякими товарами. В нем три церкви деревянные: одна во имя Преображения Господня, другая архангела Михаила, третья Николая Чудотворца. В уезде сем числится пять сел и двадцать деревень, в них мужеска полу по ревизии 2681 душа, да помещичьих 35 душ. От Оренбурга до города Шадринска счисляется чрез Челябинск

756, а от Челябинска 184 версты; от него ж до Тобольска чрез Исетск и Тюмень 459, а чрез Бачанку 434, а от Шадринска до Исетска 120, до Окуневска 51 верста.

Из подсудственных к Шадринску мест знатнейшие

Масленский острог, от Шадринска вниз по реке Исети, при протоке из оной реки, по течению на левой стороне, от Шадринска в 18 верстах, заведен по челобитью вышеозначенного ж слободчика Юшки Соловья, по указной памяти из Тобольска, писанной 7176 года мая 7 дня; звание его происходит от имеющейся тут речки Масленки, впадающей в Исеть. В нем две церкви деревянные: одна во имя Святой Троицы, другая великомученицы Екатерины. В уезде оного состоят три села и двадцать две деревни. В них мужеска полу душ, по ревизии, 2704. Но из того числа приписано к заводам Демидовым 2139. В новые слободы выехало 470, затем в остатке одних только разночинцев 95 душ.

Барневская слобода, которую заводил слободчик Федька Мазихин, по указу ж из Тобольска, данному ему 7194 года июля 31 дня, на том же основании, как и помянутый Соловей, Барневскою она именуется по речке Барневе, коя также в Исеть впала; в ней церковь деревянная во имя Святителя Николая; кругом жила и церкви забрано заплотом. Приписных к ней три села и двадцать одна деревня. В них по переписи мужеска полу состояло 2373, из того числа приписано к заводам Демидова 868, выехало в новые слободы 346, затем осталось 1159 душ.

Итого в оном дистрикте мужеска полу государственных крестьян за выездом в новые слободы состоит 6942 души.

В Шадринском же дистрикте имеется Успенский Далматов монастырь[93], в котором ограда, церкви, архимандричьи и братские кельи все каменные, и для изрядного строения из всей Оренбургской губернии должен почитаем быть за лучшее церковное здание. Главная в нем церковь во имя Успения Богородицы, другая святого Иоанна Златоустого, третья на посаде каменная ж Николая Чудотворца. Оный монастырь стоит на реке Исети по течению ее на левой, то есть на северной стороне, от Шадринска вверх по Исети в 45, а от Челябинска, где провинциальная канцелярия, в 154 верстах. По имеющимся известиям застроен в 7152 году[94], и так прежде Шадринска 22 года, по благословенной грамоте Герасима, архиепископа Тобольского и Сибирского. Первым строителем его был монах Далмат (почему и именуется он Далматовым), муж святого и добродетельного житья, а по нем сын его Исак, кой был в том же монастыре архимандритом, которым, как сказывают, за их святость и добродетель-

ное житие, жившие тогда около сих мест башкирцы не только никакого препятствия в том на их местах строения не делали, но еще и всякое вспоможение сами чинили; оба они умерли и погребены в том монастыре. От сего монастыря в 25 саженях был другой девичий монастырь деревянного строения, но недавно за сгорением оного в пожарный случай перенесен ныне на другое место, тому ж монастырю принадлежащее. И так ныне находится оный под ведением его в пятидесяти верстах при урочище, называемом Верхтеченское Поселье. В нем ограда, церковь и колокольня построены деревянные. Приписных к сему монастырю одно село и 14 деревень, в которых крестьян и монастырских слуг и работников по подушной переписи числится 2150 душ. При вышепомянутом монастыре на 6 число декабря бывает ярмарка, которая продолжается до 13 числа декабря ж, а иногда и более.

Всего в Шадринском дистрикте государственных и монастырских крестьян числится 9098 душ.

В оном же дистрикте знатные озера: от Шадринска в север Могильное в 12, Медвежье в 16, Кривое в 30, а Тяжкое в 35, да в полдень Моховое в 25, Песчаное в 35 верстах; но рыбы в них и в прочих тамошних озерах не весьма много; а лесу во всем Шадринском дистрикте недостаточно.

От города ж Шадринска в 6 верстах вверх по реке Исети в бору, подле курьи (истока), Городищенскою именуемой, видно Чудьское городище, вокруг коего бывал земляной вал и ров; но ныне оный ров во многих местах уже зарастает. Сверх того на разных местах видны старинные чудьские насыпныя могилы; а знатнейшие из них три: две от Шадринска в 8 или в 10 верстах в север на степи, позади бору; а третья против Шадринска, от города в 3 токмо верстах за рекою Исетью, и сия за наибольшую почитается; но какие тут люди погребены, сего никто не знает.

От Шадринска ж вверх по Исети в 14 верстах, по течению на правой стороне, слобода Красномыская на берегу Исети, бывшая того ж, Шадринского дистрикта, коя в 1732 году приписана к заводам екатеринбургским.

III. Окуневский дистрикт

Самый крайний и смежный к Киргиз-кайсацким степям; и, как сказуется, тут прежде русских кочевывали киргизцы и каракалпаки, отчего жительства здешние, а особливо крайние, до приведения киргизцевцев к подданству российскому подвержены были многим опасностям и

разорениям, так что немалое пространство оного опустошено и живших тут людей множество в плен развезено. Окуневским называется он от Окуневского острога, где находится управитель и канцелярия, а сей острог именован так по озеру Окуневскому, которое немалой величины, в средине имеет остров, на коем сосновый лес, из того ж озера вышла речка, именуемая Окуневка, коя под Окуневским острогом впадает в реку Мияс; но жило Окуневское лежит все по Миясу, с левой стороны по его течению. Укрепление в нем такое ж, как и в прочих острогах. Жила дворов со сто. В нем две церкви деревянные: одна во имя Сретения Господня, другая Пресвятой Богородицы Казанской. Застроен он по указу из Тобольска, данному в 7184 году[95], с тем, чтоб для поселения в нем набирать охотников из вольных и гулящих людей сибирских городов и слобод, тако ж и из великороссийских. Но понеже под сим дозволением нашло сюда множество из беглых помещичьих людей и крестьян, то по просьбам помещиков многие вывезены отсель на прежние жилища к их помещикам. Затем остальных, по последней ревизии, в подушном окладе мужеска полу положено, кроме выехавших в новые слободы, в оном остроге, в двух селах и в двадцати четырех деревнях, 1762 души. Расстояния до Окуневска от Оренбурга чрез Челябинскую крепость 767, от Челябинска до Окуневска 195, до Шадринска 50, до Исетска 110, до Тобольска 424 версты.

Подчиненные Окуневской управительской канцелярии места суть следующие

Карачевский форпост, или слобода, на реке Миясе, от Окуневска 70, а от Челябинска 105 верст, населен после бунта башкирского в 1743 году переехавшими из старых Исетской провинции дистриктов, а по большей части из Шадринска. Жительства в нем дворов до 70. Церковь во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого; приписных деревень девять. В них по переписи 299, да после ревизии переехавших из Шадринского дистрикта 206, итого 505 душ. Звание оного Форпоста от речки Карачевки, коя впала в Мияс по течению его с левой стороны, ниже того форпоста, подле самого селения у городового забора саженях в десяти.

Чумляцкая слобода, на Миясе же реке, от Окуневска 105, от Челябинска 70 верст, звание имеет от речки Чумляк, коя от слободы в одной версте с правой стороны в Мияс впадает. В ней жительства дворов до восьмидесяти. Церковь во имя Николая Чудотворца. Приписных деревень по ревизии не было, а в ней, по переписи, 349 душ, да после перепи-

си переехавших из Шадринского ж дистрикта и поселившихся в семи деревнях 147, итого 496 душ.

Теченская слобода, от Окуневска 120, от Челябинска 80 верст, на реке Тече, впадающей в реку Исеть близ Далматова монастыря. Жительства в ней дворов до ста. Церковь во им Введения во храм Пресвятой Богородицы. Приписных одно село, называемое Калмыцкий Брод, и на той же реке Тече выше в 20 верстах деревень пятнадцать; в них, по переписи, мужеска полу 1359 душ, из того числа выехало в новые слободы 115, затем в остатке 1244 души. Провинциальная Исетская канцелярия с начала ее по 1743 год, до переведения ее в Челябинск, имелась здесь.

Песчанская слобода, от Окуневска 100 верст, от Челябинска то ж число, стоит на озере Песчаном; жительства в ней дворов с пятьдесят. Церковь во имя Сретения Господня. Приписных шесть деревень, в них мужеска полу 455, а за выездом в новые слободы осталось ныне 436 душ.

Буткинская слобода от Окуневска 130, от Челябинска 250, от Шадринска 70 верст, стоит на речке Бутке, впадающей в речку Беляковку, а Беляковка в Пышму, Пышма в Туру. Жила в ней дворов до семидесяти. Церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Приписных одно село Смольное, деревень восемнадцать; в них мужеска полу душ, по ревизии, 1602; из того числа выехало в новые слободы 376, затем в остатке 1226 душ.

Итого в оном Окуневском дистрикте государственных крестьян, оставшихся за выездом в новые слободы, 5668 душ.

Сверх оных государственных слобод, архиерейское село Воскресенское, принадлежащее к дому сибирского митрополита, на реке Миясе, от Окуневска 35, а от Челябинска 140 верст. В нем церковь во имя Воскресения Господня, приписных к нему деревень по ревизии десять, в них мужска полу 1116 душ. Сверх сих и после ревизии поселенные имеются в сем же дистрикте в двух деревнях в Миясской и Юргамышской помещичьих 57 душ.

Всего в оном Окуневском дистрикте мужеска полу государственных, архиерейских и помещичьих 6860 душ.

Знатнейшие в сем дистрикте озера: вышеозначенное Окуневское, в длину 20, а в ширину 17 верст, да неподалеку от оного три озера немалой же величины, а именно: Убиенное, Чаша и Кулаш, из коих весною в каждое бывают истоки и переливы. В прочем сей дистрикт из всех прочих имеет изобилие в рыбе, которой в помянутых больших и в прочих озерах здешние обыватели ловят довольно; но осетров, белуг, стерлядей, лососей, сомов, черепах и раков во всех оных дистриктах нет. В

здешнем же дистрикте начался так называемый Илецкий бор, который, начинаясь от архиерейского Воскресенского села, простирается до Тобола-реки и до Ялуторовского дистрикта, принадлежащего к ведомству Сибирской губернии. В оном лесу бьют множество белок, кои для их против прочих отменной и лучшей шерсти называются по тому лесу илецкими. Впрочем, во всех оных дистриктах бьют многое число горностаев, которые продаются от 10 до 15, а иногда и по 20 рублей сотня. В оных же трех дистриктах на степях бывают дикие кошки, которые живут в норах. Видом они дурны и против домовых весьма меньше, так что самая большая – с небольшого котенка, шерсть на всех серая, но в меха знать негодная, ибо их не ловят и ни к чему не употребляют.

IV. Куртамышский дистрикт

Смежен с Окуневским и, как выше значится, учрежден вновь по определению Оренбургской губернской канцелярии, учиненному в прошлом 1756 году. Звание свое имеет от Куртамышской слободы, а сия от речки Куртамыша, на которой она построена. Сверх оной еще две ж слободы в ведомстве сего дистрикта состоят, а именно: Таловская и Каминская. Во всех трех, яко же и в приписных к ним деревнях, после подушной переписи числится переехавших из разных дистриктов здешней же провинции 3356 душ.

Причина к населению оных слобод была та, что из вышепомянутых трех дистриктов государственные крестьяне просили в Оренбургской губернской канцелярии, объявляя, что на прежних их жилищах имевшиеся земли выпахались, да и довольства в них не имеют столько, чтоб им собственную свою пашню и оброчный хлеб отправить; и для того просили они, дабы им внутрь Уйской линии на порожних местах поселиться, обязуясь в ближние к сим местам крепости Звериноголовскую, Усть-Уйскую и Крутоярскую на довольствие военных людей провиант, муку и крупу, и овес всегда, сколько по нарядам вознадобится, ставить на своих подводах без прогонов, почему им оный переход и дозволен. И так поселены те слободы: в 1745 году Куртамышская, в 1747 году Таловская, в 1749 году Каминская. Но по 1756 год состояли они в ведении Окуневского управителя, а в том году, как выше значится, из сих слобод и поселившихся в них людей сделан особый дистрикт и назван по первой слободе Куртамышским.

Оная Куртамышская слобода, от Челябинска расстоянием 205 верст, построена на речке Куртамыше. Жительства в ней дворов до

ста; оное жило в длину на 300, а в ширину на 150 сажен. Церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Все жило обнесено палисадом и рогатками; приписных к ней одно село и семь деревень, в коих, по переписи, 1253 души.

Таловская слобода, от Челябинска 180, а от Куртамышской, в коей управитель живет, 35 верст, построена на речке Таловке. В ней церковь во имя Пророка Илии. Обывательских домов семьдесят. Все оное строение по длине 150, а по ширине 200 сажен, обнесено деревянным заплотом и рогатками. Приписанных к ней одно село и восемь деревень, в коих по переписи 1341 душа. В окружности сей слободы множество озер, на которых водятся лебеди и птица, называемая баба, коя также бела, как лебедь, но более питается рыбою и подзобок имеет наподобие мешка, в коем излишнюю свою пищу содержит до того времени, как ей вознадобится.

Каминская слобода, от Челябинска 245, а от Куртамышска 40 верст. Сия слобода к линейным крепостям есть самая ближайшая, ибо от нее до Звериноголовской крепости только 38, а до Пресногорьковской, принадлежащей к ведомству Сибирской губернии, 60 верст. Каминскою называется по речке Каме, близ которой, тако ж и от Тоболу реки не далее двух верст, на одном истоке, именуемом Нечаев, построена. Церковь во имя Живоначальной Троицы. Жила в ней 62 двора, места занято в длину 400, а в ширину 250 сажен, которое все обнесено заплотом и рогатками. Приписных к ней деревень пять, в коих, по переписи, числится 762 души. Всего в оном дистрикте вышеписанное число душ 3356. Здешние обыватели имеют немалые рыбные промыслы на реке Тоболе и по озерам; караси ловятся здесь отменной величины, так что в одном от пяти до восьми фунтов бывает. В здешней же окружности есть небольшие соляные озера и ямины. И хотя вода в них горьковата, но по нужде и в пищу вместо соли годится.

В прочем о всех в Исетской провинции в помянутых дистриктах находящихся государственных крестьянах надлежит знать сие, что в казну с них сбирается только по 70 копеек с души, а вместо остального четырегривенного сбора долженствовали они прежде пахать казенную десятинную пашню и пахали, и снимали с каждого двора по десятине ржи, овса по тому ж, в каждое лето. Но понеже при той казенной пашне в нарядах и в сборе хлеба от управителей происходили им многие отягощения, а казне было бесприбыльно; того ради по крестьянским их прошениям, при бытности там господина действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева в 1743 году оная казенная пашня везде отставлена, а вместо того все они за тот

четырегривенный сбор обложены были оброчным провиантом, а именно: какой бы урожай хлеба ни был, сбирается по положению на каждый двор (по прежней дворовой переписи) ржи по три четверти и по шести четвериков, овса по тому ж, на каждый год. И сей сбор чинится по животам и тяглам, на кого сколько сами те крестьяне расположат, а не поровну с душ, что на каждый год сочиняет со всех дистриктов ржи 13707 четвертей 7 четвериков, овса по тому ж, который провиант в учрежденные магазины должны они отвозить и отдавать сами; а когда оный востребуется в линейные крепости, то за неимением вольных там наемщиков они, крестьяне, наряжаются, и выдаются им за то прогоны в силу плаката .

Во всех оных дистриктах состоит положенных в подушный оклад государственных крестьян 26277, монастырских 3867, архиерейских 1116, помещичьих 92; итого 31352 души.

По описании вышепомянутых четырех дистриктов следует описать и те крепости, которые, как выше значится, по причине первого башкирского бунта построены, а потом за построением на Уйской линии крепостей остались уже они внутрь той линии смежно к Башкирии, но так, что за сими крепостями к оной линии.

1. Миясская крепость, от старых жительств есть самая первая, ибо от нее до старинного села, называемого Калмыцкий Брод, только 33 версты, от Челябинска до нее 27, а от Оренбурга 599 верст. Построена она на реке Миясе, ниже Челябинска. В ней находится служивых казаков 143 человека. Церковь во имя Пророка Илии; укрепление ее оплотом деревянным, забранным в столбы, и одна башня проезжая, а кругом ее рогатки и надолбы.

2. Челябинская крепость не только между новопостроенными крепостями, но и во всей Исетской провинции есть главнейшее место, ибо тут с прошлого 1743 года, для соособности к Башкирии, находится воевода и провинциальная канцелярия, подушный сбор, духовное правление, а для купечества и ратуша. Она построена на реке Миясе, по течению ее на правой стороне, а ныне и на другой стороне дворов со сто построено. Укрепление ее: внутри жила замок, или небольшая крепостца, рубленая с двумя башнями, а вокруг всего жила по обеим сторонам реки Мияса обнесено заплотом, рогатками и надолбами, с тремя проезжими башнями. Служивых казаков состоит здесь 354, при которых, для всех в Исетской провинции находящихся нерегулярных людей, войсковой атаман один, да старшин восемь жительствуют. Сверх оных вместо рассыльщиков провинциальная канцелярия имеет особливую роту, которая именуется провинциальною, в коей комплект полный против пехотной роты. Купече-

ства и записных в цехи, по ревизии, числится 192 души, крестьян и дворовых людей, по ревизии ж написанных, 42, да после ревизии поселившихся в деревне Баландиной, от Челябинска в 15 верстах, и переехавших из Шадринска 154 души. Жительства внутри крепости и за Миясом рекою до 500 дворов. Церквей две: одна деревянная во имя Николая Чудотворца построена еще прежде, нежели переведена была сюда провинциальная канцелярия, которая, как выше значится, прежде того имелась Окуневского дистрикта в Теченской слободе, расстоянием от Челябинска 80 верст; а несколько времени была она и в нижеписанной Чебаркульской крепости. Другая церковь каменная, застроенная в бытность провинциальной канцелярии, трехпрестольная: главный во имя Рождества Христова, второй Иоанна Богослова, третий Николая Чудотворца. Расстояния до сей Челябинской крепости от Оренбурга по почтовой дороге чрез крепость Зелаирскую 572 версты, от Челябинска до Троицкой крепости 110, до Екатеринбурга 200, до Тюмени 384, а от Тюмени до Тобольска 254, и потоку от Челябинска до Тобольска 638 верст.

В Челябинском уезде для близости к Челябинску есть еще дистрикт, который называется Увельским по реке Увелке. Оный населен вновь же из старых дистриктов, как и Куртамышский, произвольно желающими. В ней следующие слободы.

Кундравинская, над озером Кундравами, на отводной земле к крепости Чебаркульской, из коего выпала речка Увелка и пала в Уй реку, под крепостью Троицкою, ниже оной в версте. В оной церковь Святой Параскевы, и потому именуется Пятницкою. Крестьянских дворов до 80. Расстояния от Челябинска с 70 верст, от Чебаркульской крепости в 15, от Уйской в 40 верстах; укрепление имеет вокруг всего жила заплот с рогатками и надолбами; мужеска полу, написанных по ревизии, в разных слободах 242 души; построена и заселена она в 1758 г.

Верхоувельская, на той же речке Увелке по течению ее с левой стороны, в отводе Чебаркульском же: от Кундравинской вниз по Увелке в 30 верстах, от Чебаркульской в 40, от Челябинска в 75, от Троицкой же в 70 верстах. В ней церковь святого Георгия. Крестьянских дворов 120, укрепление имеет кругом всего жила заплот с рогатками и надолбами; построена она в 1751 году. В ней мужеска полу, написанных по ревизии, в разных здешней провинции слободах 403 души.

Нижнеувельская на той же речке Увелке по течению ее с левой стороны, расстоянием от Верхоувельской слободы в 30, а от Троицкой в 50, от Челябинска чрез Эткульскую 75, а от Эткульской 45 верст. В ней церковь во имя Николая Чудотворца; крестьянских дворов с 150. Мужеска полу, написанных по ревизии, в разных дистриктах здешней про-

винции 457 душ; укрепление имеет кругом всего жила заплот с рогатками и надолбами; заселена в 1749 году.

Итого в оных трех слободах государственных крестьян мужеска полу 1102 души.

В Челябинской же окружности имеется железный завод, именуемый Каслинским, принадлежит действительному статскому советнику Никите Демидову[96], расстоянием от Челябинска 90 верст, к коему приписано по ревизии и после оной, по указам Правительствующего сената и Оренбургской губернской канцелярии, незаконорожденных и непомнящих родства мужеска полу 354 души.

Другой такой же его, Демидова, завод именуется Киштымским от Челябинска в 80 верстах; из оных заводов на Каслинском одна домна и одиннадцать молотов в деревянном строении, а на Киштымском две домны и двенадцать молотов в каменном строении, которое крыто черепицею чугунною.

Итого в Челябинске и в уезде мужеска полу положенных в подушный оклад 1844 души.

А всего-на-все во всей провинции положенных в подушный оклад государственных, монастырских, архиерейских, помещичьих, приписных к заводам и посадских 32879 душ.

3. Крепость Эткульская, при озере называемом Эткуль, лежит спопутно к Троицкой крепости от Челябинска в 30, от Троицкой в 80, а от Оренбурга чрез село Коельское 602 версты. В ней записных служивых казаков 309 человек, жительства дворов до 300; церковь во имя Богоявления Господня. Укрепление ее состоит кругом жила деревянным заплотом с башнями, который рогатками и надолбами обнесен.

4.Чебаркульская крепость, при озере, именуемом Чебаркуль, которое в длину, например, верст восемь, а шириною верст на шесть, на нем островов с лесами до десяти больших и малых. От Челябинской до нее по новопроложенной дороге 64, а от Оренбурга 508 верст. Служивых казаков по спискам состоит в ней 291 человек. Жительства в крепости до 300 дворов; церковь во имя Сретения Господня; укрепление ее: все жило заплотом, рогатками и надолбами обнесено.

В первой части сего описания показано уже, что в 5 верстах от сей Чебаркульской крепости имеется белая глина, годная в фарфоровую посуду, для которой тут от кабинета ее императорского величества и промывальный завод учинен.

5. Крепость Уйская на реке Уе, в самых ее вершинах; но понеже она от Верхояицкой пристани не мало в левую сторону отдалилась, то к Уйской линии не причисляется, и имеющийся в ней гарнизон на ту линию

выведен. Ныне находится в ней действительно служащих казаков, кроме престарелых и недорослей, 137 человек. Жительства в ней дворов до ста. Церковь во имя Иоанна Предтечи; укрепление ее такое ж как и в вышеписанных; расстояние от Челябинска 125, а от Верхояицкой пристани 75 верст. Повсенедельная почта[97] из Оренбурга в Челябинск, учрежденная для Исетской провинциальной канцелярии и для Троицкой крепости, от Верхояицкой пристани ходит чрез сию крепость; чего ради от нее по прямой к Челябинску дороге несколько селений заведено, чрез которые та почта отправляется, а именно от Верхояицкой до Уклы-Карагайской крепости 32, от Карагайской до Уйской 44, от Уйской до Кумляцкого яму 30, от Кумляцкого яму до села Коельского 31, от села Коельского до речки Алексеевки, где ям Башкирский, 26, а оттоль до ручья, где почтовый же двор, 23, от того двора, до Челябинска 11; итого от Верхояицкой до Челябинска 197, а от Оренбурга до Верхояицкой чрез Зелаирскую крепость почтовою дорогою 375, а до Челябинска 572 версты.

6. Коельская крепость стоит на устье речки Коелги, коя впала в реку Увелку, расстоянием от Челябинска по Оренбургской дороге 60 верст; в ней казачьих дворов до ста, церковь во имя Архистратига Михаила; служилых казаков поселено здесь, состоящих по спискам, 94 человека. Укрепление имеет кругом жила заплот, рогатки и надолбы с двумя проезжими воротами. Ниже той крепости по течению на правой стороне, расстоянием, например, в 10 верстах, по дороге в крепость Кичигину, находятся пещеры, кои сверху невидимы, ибо на ровной степи знать только одну яму; но как в нее спуститься, находятся многие пещеры наподобие палат, из коих в одной и ключ водяной есть; сказывают, что тут прежде укрывались раскольники.

7. Крепость Санарская на речке Санарке, расстоянием от Коельской крепости 45 верст, от Челябинска 105, а от Степной крепости, коя состоит на линии, в 15 верстах, в ней дворов до 25, служилых казаков 56, переехавших из Чебаркульской и из прочих крепостей; укрепление имеет кругом жила деревянный оплот. В ней церкви еще нет.

8. Крепость Кичигина, состоящая в чертеже Эткульской крепости, на речке Увелке, по течению ее с левой стороны, расстоянием от Челябинска чрез Эткульскую крепость 68 верст, а от Эткульской 38, к Троицкой до Нижней Увельской 7, а до Троицкой от нее 57 верст. В ней жила до 50 дворов, служилых казаков 78, кои населены из Эткульской крепости. Укрепление имеет вокруг всего жила заплот с рогатками и надолбами. Церкви нет же.

Во всех вышеписанных крепостях служилых людей, то есть казаков, состоит по спискам 1476 человек.

Да в той же провинции имеется служилых мещеряков 166, сарт 31, калмык аюкинских 32, итого 229 дворов. Ичкинских татар по переписи 419, да багаряцких 196, итого 615 душ. Из оных ичкинские и багаряцкие татары состояли в полтинном ясаке, но ныне, так как и все башкирцы, из ясака выключены.

Впрочем вся оная провинция, яко же и вся Уйская линия, по духовным делам состоит в ведомстве сибирского митрополита. Смежность свою имеет по новопостроенным крепостям и по дистрикту куртамышскому с крепостями Уйской линии, а по прочим дистриктам, начиная с Окуневского, к новой Сибирской линии, да ведомства ж Сибирской губернии к Тюменскому и Верхотурскому уездам и к Екатеринбургскому дистрикту, а потом с приписными к Екатеринбургу слободами, от которых с Уфимскою провинциею разделяют ее известные Уральские горы и зауральские башкирцы. Какие ж башкирские волости в подчинении Исетской провинции находятся, и сколько в них дворового числа, тому прилагается при сем роспись.

РОСПИСЬ
о состоящих в Исетской провинции башкирских волостях

Нагайской дороги	Число дворов
Кубеляцкая	60
Телевская	80
Сибирской дороги	
Каратабынская	75
Куваканская	83
Барын-Табынская	170
Айлинская	300
Дуайлинская	370
Каратабынская	177
Белокатайская	217
Больш. Катайская	316
Малая Катайская	250
Мякотинская	180
Салаутская	236
Каратабынская	331
Терсютская	126
Итого 15 волостей, в них	2971

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О городе Уфе и о всей Уфимской провинции

В описании «Оренбургской истории» в примечании на 24 параграф, стран. 113, показано уже, что «Город Уфа построен в государствование царя и великого князя Иоанна Васильевича, спустя немногое время после того, как Казань российскому скипетру совершенно покорена, по прошению башкирскаго народа»; а в первой частия сей «Топографии» в 4 главе и о том народе, елико возможность допустила собрать известного и достоверного, тогда объявлено. Здесь остается упомянуть одно то, что может служить к изъяснению и дополнению оного.

По достоверным выправкам нашлось, что башкирцы о построении сего города челобитье свое имели в 7081 году (то есть от Рождества Христова 1573) не только для того одного, чтоб им положенный на них ясак тут, как внутри их жилиц, платить было льготнее, но и от неприятелей бы иметь им здесь убежище и защиту. Построен он при реке Белой, по течению ее с правой стороны, на таком месте, кое со всех сторон окружено высокими горами, а притом все его жительство лежит между восьми великих и глубоких буераков[98], из которых в одном, кой идет поперек города, течет речка, именуемая Сутолокой. О звании города Уфы можно догадываться, что оно не вновь ему придано, но паче возобновлено прежнее, и сущее то, которым нагайские ханы, исстари живучи в здешних местах, город свой именовали, ибо никакого резона не видно, чтоб городу, построенному над самою рекою Белою, коя величиною против реки Уфы вдвое больше, именоваться по реке Уфе, которая в реку Белую впадает с правой же стороны по течению ее, версты с три выше города, где никакого городового строения нет. К тому ж над самой рекою Уфою от города верстах в пяти, на весьма высоком и прекрасном месте, поныне видно татарское городище, где, как сказывают, нагайские ханы живали. И так могло быть, что оное городище по реке Уфе, текущей подле его, прежде нынешнего города Уфы, Уфою

именовано, а тому последуя и российского построения город Уфа ж названа. Башкирцы реку Уфу называют Уфа-Идель, что значит Уфа-река[99], а Белую – Ак-Идель, то есть белая река.

Знатный башкирский старшина Нагайской дороги Каратабынской волости Кедряс Муллакаев в изъяснение сего объявил, аки бы задолго до покорения российскому скипетру Казанского царства и башкирцев на самом том месте, где ныне город Уфа, был великий город, который простирался вверх по реке Белой до устья реки Уфы, и до Уфимских, то есть при реке находящихся, гор, так что жительство его распространялось по длине верст на десять. Последний владетель сего города был нагайский хан именем Тиря-Бабату-Клюсов, кой жил в нем в одни только зимние времена, а летом жил он около Демы реки, от города Уфы верстах в 50, в двух местах, а именно: при озере большом Азирате, да на речке Ислаке, где были немалые ж жительства; да и поныне на том озере мечеть, а на речке Ислаке мечеть же и дом каменные видны, только уже обвалились. В подданстве его, Тиряхановом, были нагайцы и 12 минских волостей башкирцев, и платили ему, хану, ясак куницами и медом; но понеже де на том уфимском месте, кое тогда Туратов именовали (а ныне Казаньтав называют), оказался великий змей и, приходя в город, многих людей ядом своим заражал и умерщвлял: то оттого со всеми своими нагайцами вышел он на реку Дему, где несколько времени жив, уведал о взятии российскими людьми города Касимова, и о намерении их на Казань, и для того, бояся их, ушел на Кубань; а в тогдашнее ж время якобы и оный ядовитый змей спрятался в находящуюся при реке Уфе гору и исчез, так что более уже никакого вреда от него не было.

В вышеозначенных окружающих город высоких горах, к стороне Белой-реки, лежит множество алебастрового и известного камня; также с обеих сторон в утесах к реке Белой находятся пещеры, где в прежние времена, как обыватели объявляют, живали пустынники, но ныне по большей части они осыпались.

Примечается, что оное неровное и горами окруженное место под строение города Уфы избрано для того наипаче, что течение рек Уфы и Белой оные горы окружает и делает великий мыс, наподобие полуострова, где немалые пашни, и при первом случае едва не все городские извороты тут быть могли; ибо для безопасности жителей от противных башкирцев, от калмыцких и киргиз-кайсацких набегов, от реки Уфы до реки Белой верст на десять сделан был ров, и по нем стоял палисад, о средине которого для проезда была одна башня, при которой содержан караул, и от нее во все стороны чинены разъезды, и называлось то засе-

кой, чрез что не только город Уфа, но и все оное окружение помянутых рек (что верст 30 или более сочинит) оставались под защитою; но ныне того палисада и оных разъездов уже нет, и ров заростает, однако ж башня на средине того расстояния поныне еще видима, хотя уже весьма обветшала.

Настоящего города укрепление состоит из деревянной рубленой стены, а в некоторых местах и палисада, где для въезда и выезда шестеро ворот, из коих одни с приезда из Казани называются Казанские, да по сторонам: с правой, первые Ильинские, вторые Фроловские, а с левой Сибирские, Спасские и Успенские; к реке ж Белой сделан был палисадом с высокими деревянными башнями замок, или кремль, внутри которого каменная соборная церковь во имя Пресвятой Богородицы Смоленской, с приделами верховных апостолов Петра и Павла и Чудотворца Николая. Тут же были провинциальная канцелярия, гауптвахта, цейхгауз, воеводский дом и тюремный острог; но в прошлом, 1759 году в случившийся от молнии пожар все оное выгорело, да и соборной церкви причинилось немалое повреждение. Жительства внутри и вне города 651 двор, приходских церквей с приделами 6, да два монастыря: первый Успенский, в коем архимандрит с монахами; за оным монастырем жалованных от царя Михаила Феодоровича крестьян поблизости от Уфы в двух селах, а именно в Дуванеях и в Чесноковке, 271 душа. Другой, девичий, монастырь именуется Рождественским; в нем игуменья и 40 монахинь, из которых игуменья и 27 монахинь получают окладное жалованье, а прочие без жалованья на морском подаянии.

Купечества и цеховых по ревизии состоит 230 душ; за переведением в Оренбург осталось и имеется здесь служивых людей регулярных пехотных 1 рота, драгун 2 роты, да казаков, за взятием из них в Оренбург на житье половины, еще сто пятьдесят человек.

При первом заведении сего пригорода поселены были здесь переведенцы из разных великороссийских городов, которые по старинному обыкновению служили конные и пешие стрелецкие службы, потом из пеших учреждены солдатские полки; конные ж названы сперва стрельцами, а потом служивыми казаками. Затем сюда ж переведено было из верховых городов несколько дворян и из польской шляхты, из коих учреждены 2 роты драгунские да третья иноземческая, коим из башкирских земель даны были дачи вокруг на все стороны верст до тридцати, где от них поселены деревни, в которых у всех тамошних помещиков по последней ревизии считается 636 душ; наконец же из оных дворян и из детей их, явившихся годными в службу, от Оренбургской экспедиции учреждены два полка регулярные, а именно Оренбургский и Уфимский,

которые ныне в крепостях на Уйской линии расположены и комплектуются оставшимися в Уфе, Бирске[100] и Мензелинске[101]. Расстояния от Уфы до Оренбурга 333, до Казани 520, до Москвы 1255 верст.

Подчиненные Уфимской провинциальной канцелярии жительства, старинные пригороды: Бирск, Оса[102], Мензелинск, да вновь по Оренбургской экспедиции строенные крепости: Нагайбак, Табынск[103], Ельдяк и Красноуфимск[104], из которых о каждом месте известное ныне объявляется.

I. Пригороды

Бирск, над рекою Белою по течению ее с правой стороны, ниже города Уфы сухим путем 89 верст, а рекою Белою для великих ее излучин с 250, от Оренбурга ж 422 версты. Нынешнее укрепление оного состоит в одном замке, кой срублен из бревен, на высоком месте. В нем соборная церковь деревянная во имя архистратига Михаила. Старожилы по преданиям сказывают, якобы сей город прежде именован был Архангельским городом, может быть, по церкви. В том же замке воеводский дом и канцелярия, цейхгауз и провиантские магазины. Во время бывших башкирских бунтов и вокруг всего жила бывал оплот, рогатки и надолбы, а при начале оного видно, что ров и вал делан; но ныне все оное развалилось, и видны малые токмо знаки. Жительства в нем прежде было до семисот домов. Половина по старине служивых городовых людей, а другая дворцовых крестьян; но умалилось тем, что служивых людей определено много в новоучрежденные Оренбургский и Уфимский драгунские полки, которые и ныне из остающихся тут недорослей комплектуются. А из крестьян пожиточные по большей части выехали на житье в близ лежащие от города деревни: и так ныне во всем городе более 400 дворов нет. На посаде оного, кроме вышеозначенной соборной церкви, еще две церкви: одна во имя Покрова Богородицы, а другая святого Пророка Илии. Звание сего города происходит от речки, называемой Бирь. Татары и башкирцы именуют ее Бюрсу, то есть «волчья вода», ибо «бюр» на их языке значит «волк». Она впадает в реку Белую по течению ее с правой стороны, пониже города верст девять, шириной хотя не больше 20 сажен, а инде и меньше, но глубиной свыше той пропорции; ибо весьма много таких омутов, где от 6 до 10 сажен глубины. К устью ее имеются камни и пороги, где вода с великим шумом и стремлением течет, а в некоторых местах от натуры так как бы нарочно сделанные ворота есть, сквозь кои вода весьма упорно и стреми-

тельно течет, и оттого сия река никогда не мерзнет, чего ради лебеди, утки и другие зимние птицы по ней зимуют. Тут же водятся небольшие птички, о коих обыватели сказывают, что они живут под водою в норах, и называют их водяными воробьями.

Неподалеку от сего пригорода на горах видны поныне старые городища, о коих обыватели говорят, что тут живала чудь: первое повыше города верстах в двух и называется Чертовым городищем, а с чего, никто того не знает; второе вверху ж от города верст с 40, на весьма высоком и крутом бугре, кой именуется Айбашевым; третье вниз по Белой реке верстах в 30 от города на горе, кою называют Сокольей горой. При всех оных местах видны рвы, валы и кладбища, но строений никаких уже не знать, а и рвы и валы по большей части заросли кустарником и большою травою.

Покойный тайный советник Василий Никитич Татищев мнил, якобы город Бирск прежде Уфы построен, но на чем он сие свое мнение утверждал, то мне неизвестно; а жители уверяют, что он гораздо после Уфы построен.

Оса, близ реки Камы, по течению ее с левой стороны, на речке Осинке, от которой он звание свое имеет. Расстояние до него от Уфы 298, от Оренбурга 631, от Казани 461, от Кунгура 120 верст. Укрепление оного состоит из одного деревянного замка, в коем церковь во имя Успения Богородицы, с приделом святителя Николая, канцелярия и воеводский дом. До состояния Оренбургской экспедиции был сей пригород в Казанском уезде под ведением Казанской губернской канцелярии, а в 1737 году, по причине бывшего тогда башкирского замешательства, причислен он к Уфимской провинции, в том рассуждении, чтоб Осинской дороги башкирцев для лучшего над ними смотрения и наблюдения подчинить здешнему воеводе, чего ради и воеводы определяемы бывают сюда от Правительствующего сената; однако из Казанского уезда никаких жительств в ведомстве его не приписано; да и те самые обыватели, кои в оном пригороде живут, состоят не в его, но в Казанском ведомстве. Жительства в нем дворов до 80, из оных обыватели все употребляются в службу, в ландмилицкие полки, по нарядам от Казанской губернской канцелярии.

Мензелинск, на реке Мензеле по течению ее с левой стороны, которая ниже города верстах в пяти впадает в реку Ик, а сия в Каму, коя от Мензелинска сухим путем близ пятнадцати верст, от Уфы 219, от Оренбурга 552, а от Казани 280 верст. Имеющаяся здесь воеводская канцелярия, следственно и воевода, состоят в ведении Казанской губернской канцелярии, потому и суд производится здесь над жителями Казанского

уезда. Что принадлежит до Мензелинских обывателей, то почти все оные состояли прежде из городовых служивых людей, из коих так, как из уфимских и бирских, учреждены вновь помянутые два полка драгунские, Оренбургский и Уфимский, и оставшимися в домах оные полки, а не сборными с государства рекрутами, от Оренбургской губернии, когда сколько потребно, комплектуются. Потому здешний воевода, определяемый от Казанской губернской канцелярии, никакой команды над ними не имеет, а состоят все они под командою особых офицеров, определенных от Оренбургской губернской канцелярии, которые, будучи тут, и между башкирцами, не далее 30 верст живущими, в их делах суд и расправу производят. Укрепление сего пригорода состоит в том, что снаружи поставлен палисад, а внутри сделан деревянный замок, в коем воеводская канцелярия и воеводский дом. Жила во всем пригороде дворов до 700. Церквей две: первая во имя святых апостолов Петра и Павла, другая – Смоленской Богородицы. Во время башкирского замешательства, продолжавшегося с 1735 по 1741 год, Башкирская комиссия, при которой разные генералы находились, кроме походов, всегда имелась здесь.

У сего пригорода начинается или паче оканчивается, оный старинный вал и ров, а по нынешнему линия, с которой в «Истории Оренбургской» на стран. 136, в примечании 8, описание учинено, чего здесь повторять уже кажется непотребно.

II. Крепости

Нагайбак или Нагайбацкая крепость, расстоянием от Оренбурга по большей Московской дороге с 400, от Уфы 208, а от Мензелинска 64 версты. Звание происходит от жившего на сем месте башкирца, кой назывался Нагайбак, и юрт его назывался по нем деревней Нагайбаковой. Оная крепость построена в 1736 году, по причине бывшего тогда башкирского замешания, в Башкирии Казанской дороги на реке Ику, по течению ее с правой стороны, на ровном и всякими угодьями привольном месте, где неподалеку впадает в Ик небольшая речка, называемая Миняус; а с другой стороны в оную ж речку впала небольшая речка, кою по-татарски называют Кала-Елга, что значит городовая речка, может быть потому, что от устья оной в полуверсте, по течению ее с правой стороны, поныне виден ров и земляной вал, кой по большей части уже осыпался. Сказывают, что тут бывал город, и живали в нем якобы нагайцы. В самых тех местах жилище было славных башкирских бунтовщиков Кусюма и сына его Акая, из коих Кусюм в 1707 году вместе

П. И. Рычков в имении Спасском (с картины художника Н. Н. Осокина)

с Алдаром-баем были предводителями; а сын его Акай по причине Оренбургской экспедиции происшедшего бунта в 1735 году и после обще с Кильмяком Абызом были главные ж бунта зачинщики, о чем в «Истории Оренбургской» на стран. 9, 10, 11 и 12, в примечании под № 2, обстоятельнее значится. Кусюмово жилище было от Нагайбака версты с три вниз по Ику, на заречной стороне от крепости, и поныне называется от татар Кусюм-юрт, или жилище Кусюмово. Сказывают, что он так усилился и самовластен был над башкирцами, что тех, кои в противность воли его поступали, вешал на деревьях и утоплял в воде, бросая в проруби, и теми своими поступками у башкирцев поныне в немалой славе. Сына ж его Акая жилище было при большом озере, кое доднесь называют Акай-куль, или озеро Акаево. Оно от Нагайбака верстах в пяти на заречной же стороне. Укрепление сего места состоит в том, что все жило обнесено оплотом, а к одной стороне сделан рубленый замок, где канцелярия, воеводский дом, цейхгауз, соляные и провиантские магазины. Жительства ныне в нем до 120 дворов. Церковь во имя Живоначальной Троицы построена в 1746 в году.

В окружности сей крепости издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещеные и иноверцы. Что до первых принадлежит, то их, для отличности от нынешних новокрещеных, пристойнее б

старокрещеными именовать. Ибо они, как сами о себе сказывают, да и по делам довольно значится, еще во время царя Иоанна Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников, восприяли святое крещение; но в таком были невежестве и незнании христианского благочестия, что почти никто из них российского языка не умел, а различались от прочих иноверцев одним только званием новокрещенским, и что в избах у них у всех были святые образа, а церквей нигде в жительствах их не было. По 1736 год все они платили в казну ясак, а в том году по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны за то, что они к бунтовщикам башкирцам не приставали, и, служа противу их верно, претерпели от них многие разорения, ясак с них снят, и все те земли, на коих они, платя башкирцам оброки жительствовали, отданы в собственное их владение; а затем велено им служить казачью службу, которую они по Оренбургу и служат, приходя чрез то от времени до времени в лучшее познание русского языка и русских обычаев. Во всем нагайбацком округе имеется их ныне десять деревень и одно село с церковью. В оных и с Нагайбацкою крепостию служилых казаков числится 1359 человек, которые получают жалованье, провиант и фураж тогда токмо, когда от своих жилищ далее ста верст командированы бывают. А иначе, будучи достаточно удовольствованы пахотною землею и всякими угодьями, должны служить без жалованья. Для приведения ж их в надлежащее знание христианских должностей, святейшего правительствующего Синода член преосвященный Гавриил, епископ Казанский и Свияжский, будучи в Оренбурге в 1758 году, уведомясь о их состоянии, определил по духовенству ведать и почасту их посещать и исправлять находящемуся неподалеку от Нагайбака, в вотчине советника Рычкова села Спасского священнику, усмотря его к тому пред другими способнейшим.

О иноверцах же, жительствовавших в сей окружности при начале последней ревизии, учинено такое определение, что которые явились сходцами в здешние места из разных уездов после первой переписи и положены в подушный оклад на прежних их жительствах, те все туда высланы; а кои до той переписи сошли, и на прежних жительствах в подушном окладе явились ненаписанными, оные отсель выведены и поселены в деревнях на большой дороге, называемой Московской, коя лежит от Оренбурга на Казань, где они и в подушный оклад написаны. Но в 1757 году, по определению Правительствующего сената, рекрут брать с них не велено, в том рассуждении, что они отправляемую из Оренбурга и в Оренбург ординарную почту и посылаемых курьеров должны от жительства отправлять без платежа им прогонных денег.

Табынск, в Башкирии Нагайской дороги, на реке Белой по течению ее с правой стороны, где в нее текущая из близ лежащих гор речка Усолка впадает, от города Уфы вверх по той реке сухим путем 85, а от Оренбурга 248 верст. Укреплен он по определению статского советника Кирилова в 1735 году чрез находившегося тут при прежде бывших соляных варницах балахонского купца Ивана Утятникова, который потом за то, что он от воров башкирцев, кои во время их бунта к сему месту неоднократно неприятельские приступы чинили, сильно оборонялся, и ни к какому их авантажу[105] не допустил, по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны пожалован был комиссарским чином. Он же и главного бунтовщика Кильмяка-абыза, который жительство свое имел в Юрматынской волости, от Табынска верстах в 20, подружась с ним притворно, и хитрым образом залуча его к себе в крепость, поймал и под крепким караулом в Башкирскую комиссию отослал, но наконец он, Утятников, впал в явный раскол, в коем и жизнь свою несчастно окончил. Звание ж Табынска происходит, как мнится, от Табынской башкирской волости, в которой он построен. Укрепление его регулярное, нарочным[106] рвом и земляным валом, и в некоторых местах поставлен и палисад, снабжен артиллериею и гарнизоном, которого в нем ныне состоит полроты пехотной да казаков 100 человек. Посадских по переписи 37 душ; жительства всего дворов с 200; церковь во имя Вознесения Господня, с приделом Богородицы Казанской. Покойный генерал-лейтенант Соймонов, имея на время команду Оренбургской комиссии, любя сие место, которое подлинно имеет весьма хорошие и привольные места, и окружено лучшими и почти богатейшими башкирскими деревнями, намеревался, чтоб здесь иметь ему свое пребывание, а в Оренбург бы токмо летними временами ездить, или б когда особливая нужда востребовала. По его ж определению заводим был здесь для Оренбурга казенный стеклянный завод, к чему хотя и разные приготовления были учинены, но понеже требованные от главной дворцовой канцелярии мастера не присланы, то сие его намерение осталось без действа, а заготовленные для сего завода леса и всякие припасы на другие надобности употреблены.

Верстах в 8 и в 10 от сей крепости под горами имеются соляные ключи, которые в одно место стекаясь, сочиняют вышеозначенную речку Усолку, коя в вершинах своих от тех ключей имеет соленую воду; но к устью, коим она в реку Белую впадает, большой солености уже не имеет, однако не так пресна и приятна, как в реке Белой. На оных ключах издавна был городок и соляные варницы, кои наконец принадлежали балахонским купцам Осокиным, и вываренная тут соль от-

правлялась судами вниз по реке Белой в города Уфу, Бирск и далее; но все оные варницы еще прежде прибытия статского советника Кирилова в Уфу от противных башкирцев разорены, и все имевшееся тут строение и немалое число заготовленных дров сожжено. У оных Осокиных был компанейщиком в сих заводах вышеупомянутый комиссар Утятников.

Вверх по реке Белой, от Табынска сухим путем по большой к Оренбургу дороге верст с 50, против Ашкадарского яму, на той стороне помянутой реки, имеется высокий курган, или гора, именуемая Ак-Тау (белая), где на самом верху сказывают, что есть озеро, воду имеет теплую; в нем щуки и другая мелкая рыба есть; но вся оная рыба в пищу не годна и вредительна. Уверяют разными примерами, якобы те, кои поймав в сем озере щук варили и ели, сбесясь от той пищи, умирали. На том же озере водятся утки, у коих будто ни на крыльях, ни на хвостах перьев нет, но по всему корпусу только один пух, зачем они и летать не могут, а живут на том озере поверх воды и в норах береговых между каменьев. Сия гора с дороги, коя лежит из Оренбурга к Уфе, видна, и выше ее по всей дороге нет. Оные ее обстоятельства весьма достойны испытания; но понеже она за рекою Белою от дороги не близко, то заезжать на нее не спопутно; разве кто для одного любопытства нарочно съездить туда пожелает летнею порою, ибо в зимнее время и взъехать на нее, надеюсь, неудобно.

Елдятская крепость, в Башкирии Сибирской дороги на реке Уфе, между гор, от города Уфы 160, а от Оренбурга 493 версты. Она построена при статском советнике Кирилове в 1735 году. Звание ее происходит от башкирской Елдятской волости, ибо стоит на земле той волости башкирцев. Гарнизону в ней ныне половина роты пехотной да служивых казаков 100 человек, жительства дворов со 100; церковь во имя Нерукотворенного образа Спаса; укреплена с наружной стороны оплотом.

Красноуфимская крепость, на Сибирской же дороге в вершинах реки Уфы, по течению ее с левой стороны, смежно к Кунгурскому уезду и к Екатеринбургскому ведомству: от Елдятской 194, от города Уфы 354, от Оренбурга 687, от Кунгура 100, а от Екатеринбурга 184 версты. Гарнизон ее состоит из одной роты пехотной да из 300 человек служивых казаков. Жительства в ней дворов до трехсот. Для укрепления снаружи сделан палисад, а внутри рубленый замок, в котором церковь во имя Живоначальной Троицы, с приделом святителя и Чудотворца Николая, канцелярия и воеводский дом. Она так же, как и предозначенная Елдятская крепость, построена в 1735 и в 1736 годах, для всяких наблюдений за башкирцами Сибирской дороги, и чтоб требующиеся из Екатерин-

бурга железные припасы, получая сухим путем, отправлять отсель до города Уфы водою.

Кроме оных крепостей в Уфимском уезде знатнейшими жилами почитаются старинные дворцовые села, которые для безопасности от башкирцев наподобие острогов укреплены оплотом, в некоторых же и рубленые стены с башнями были сделаны. Из оных Каракулино, на реке Каме, от города Уфы 210, Калинники 60, Дуваней 53 версты.

Впрочем, что до окружности всей оной провинции принадлежит, то со стороны внутренних мест смежна она с Казанскою и Пермскою провинциями, а потом с Екатеринбургским ведомством и с Исетскою провинциею, от которой, тако ж и от Оренбургского ведомства, со внешней стороны, ежели к Зилаирской крепости (описанной в первой главе) назначенный дистрикт почесть, отделяют ее Уральские горы, и по сю сторону тех гор имеющиеся башкирские волости, которая окружность, не считая заяицких мест, где киргиз-кайсаки кочуют, Оренбургской губернии наибольшую часть сочиняет. Главные в Уфимской провинции реки суть следующие. 1. Часть Камы реки, впадающей в Волгу. 2. Белая от вершин ее до устья, коим по долгом течении впадает в Каму. 3. Уфа, впадающая в Белую в близости города Уфы. 4. Дема, коя тако ж неподалеку от города в ту ж реку впала. 5. Ик, впадающий в Каму; да внутрь Башкирии 6. Сим. 7. Юрюзань и другие многие, на которых, особливо же по Белой и по Симу рекам, весьма превысокие горы удивительной крутости и утесы натуральные, так как бы искусством сделанные, находятся, из коих один в вершинах Симских в Кудейской волости на Сибирской дороге, называемый Шайтан-Юрт, или чертово жилище (ибо башкирцы баснословят, якобы тут бывали и поныне случаются разные привидения), для редкости стоит сего, чтоб срисован был искусным мастерством. В 1757 году, едучи по оной реке в зимнее время и видя сие чудо натуры, принужден я был остановиться и смотреть на него долго с удивлением, но сожалею,что бывший тогда прежестокий мороз препятствовал столь странный вид и все околичности скопировать. Директор горных заводов Яков Твердышев[107], зная сие место, сказывал мне, что в вершинах реки Юрюзеня, от новозаводимого их молотового железного завода, названного по сей реке Юрюзенским, не весьма далеко есть еще утес вышеписанного гораздо больше и куриознее. А такие ж утесы и удивительные пещеры и по реке Белой, недалеко от медиплавильного Вознесенского завода, принадлежащего ее императорского величества обер-гофмаршалу действительному камергеру и разных орденов кавалеру графу Карлу Ефимовичу фон Сиверсу, имеются, из коих об одной удивительной пещере особое описание от меня учинено и напечатано в

«Ежемесячных сочинениях» 1760 года в марте месяце. Что касается до довольства сей провинции, то во всей Российской империи едва сыщется ль другая, которая б всем нужным к житию человеческому толико избыточествовали, как Уфимская; ибо к хлебопашеству самая лучшая земля повсемественно, повсюду ж леса, в коих множество бортевых пчел, реки судовые и рыбные, озер рыбных и пажитных мест везде довольно, но надлежит сожалеть весьма, что за неимением в Уфе и в прочих местах пожиточных жителей, в торгах и промыслах великое оскудение; да и хлебопашество за малоимением жительств не везде в хорошем состоянии. Главная экономия уездных обывателей, особливо ж башкирцев, состоит в конских заводах, в содержании скота и бортевых пчел. Что ж до медных и железных заводов принадлежит, в Башкирии имеющихся, то о сих в следующей 12 главе особо упомянуто.

В первой части, в главе четвертой, при описании русских, татар и башкирцев по древнему состоянию, из разных писателей показано, что в тех самых местах, из которых ныне по большей части Уфимская провинция состоит, до нашествия татар, кое в исходе 12 и в начале 13 столетия после Спасителя нашего произошло, болгары, угры или венгры, и команы жительствовали, и назывались оные места и иногда Угориею, Венгриею, Булгариею, Команиею, иногда ж Паскатирскою и Баскирдскою землями, чего не повторяя здесь, ссылаюсь на все оное. Потому можно вероятным образом заключить, что во всех оных местах издревле были многие тех народов города и жительства, и усмариваемые ныне в разных здешних местах руины и признаки старинных городищ, хотя и не все, но по меньшей мере некоторые из них, могут признаваемы быть за остатки тех к славянам принадлежащих народов, что и горных заводов древние ж признаки поныне во многих местах внутри Башкирии находимые довольно уверяют; ибо от скифских и татарских народов, кои по большей части были в здешних местах кочующими, оные заводы конечно быть не могли; и так, ежели б все оные места, которые и по канцелярским токмо справкам, а несколько и по сказкам простолюдин, здесь описал, от людей сведущих народную и натуральную историю, хотя б не нарочно и не вдруг, но от времени до времени были осматриваны и описываны, то б всемерно здесь открылися многие вещи, кои б нас в тех древних и весьма темных сказаниях совершенно удостоверить могли, к великому изъяснению древней и всех частей нашей российской истории.

К награждению нынешних сих недостатков, по мнению моему, не видно ныне иного средства и способа, как токмо тот, о котором я выше сего в заключении первой главы объявил, а именно: содержат от време-

ни до времени всему тому записку, что когда и от кого уведано будет в здешних местах достойное примечания и описания; а с того, когда время и случая допустит, нетрудно будет осмотры и поверки чинить, остерегаясь токмо, дабы не предать в публику ничего несправедливого и невероятного, чему последуя и я многое о разных местах сказыванное то, что невероятно мне казалось, в сию вторую часть ныне не вносил, оставляя оное впредь до рассмотрения, и довольствуясь тем одним, что мною в первой части уже описано, с тем желанием, дабы из таких будущих записок со временем «Оренбургской топографии» третья часть возросла, к исправлению и дополнению нынешних моих недостатков.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О ведомстве Оренбургского горного начальства

Что до горных заводов принадлежит, в Оренбургской губернии имеющихся, то хотя все оные состоят ныне в одной Башкирии, а далее нигде их еще нет (чего впредь делать и ожидать надлежит), следовательно б и описание оных вместить было в вышепомянутых двух провинциях, в Уфимской и Исетской; но понеже в 1754 году для сих дел под именем Оренбургского горного начальства особое правление учреждено, под дирекциею канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов (коя имеется в Екатеринбурге), от ведомства ж губернской канцелярии все оные заводы отрешены, и происходившие в оной горные дела велено отдать, и отданы в то горное начальство, то предпринятый порядок требует, чтоб сие недавно учрежденное ведомство с находящимися ныне в ведении его заводами, в заключении сей части, елико возможно было собрать, описать особливо, которое с прибавлением заводов впредь и дополнять будет удобнее.

Во-первых, надлежит знать, что по проектам статского советника Кирилова к построению города Оренбурга, между прочими представленными от него пользами и прогрессами, немало уважено было изобретение всяких металлов и минералов, и заведение горных заводов, которых по то время в здешних местах ни одного не было, в чем он не только в Башкирии, но и в киргиз-кайсацких местах немалую надежду подавал. Почему и в инструкции, данной ему, Кирилову, при отправлении его в Оренбургскую экспедицию, мая 18 дня 1734 года, за собственноручным подписанием блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, при других многих порученных ему делах, в 15, 16, 17 и в 18 пунктах, о сыске руд и минералов, и о заведении заводов, крайнее старание прилагать велено; для усмотрения ж, какая ему, Кирилову, была дана власть в произведении сих дел, вносится 27 пункт оной его инструкции весь, который повелевает тако:

«Когда такие металлы и минералы Бог откроет, и оные действительно в казну нашу приходит, также на мену или иным образом товары получены будут, в том во всем даем полную мочь, как в получении в казну употребляя прилежность, так и в продаже из казны (опричь золота и серебра, которое, ежели Бог дарует, высылать в Москву) как где ценою случай и время допустит, ища нашему интересу во всем по купеческому обычаю и не сомневаясь, что либо по случая одно дороже, а другое дешевле в казну станет, или из казны проданное одно с накладом, а другое с прибылью, как всегда между купцами случается, только б в том во всем правильное, по силе 26 пункта, книг и счетов содержание было; дабы ничто без обращения в продажах и в менах туне не лежало и не пропадало». Да по 26 пункту книги и счеты велено содержать по науке и искусству бухгалтерскому и для того повелено ему, Кирилову, приискать и с собою взять искусного бухгалтера, который был и дан.

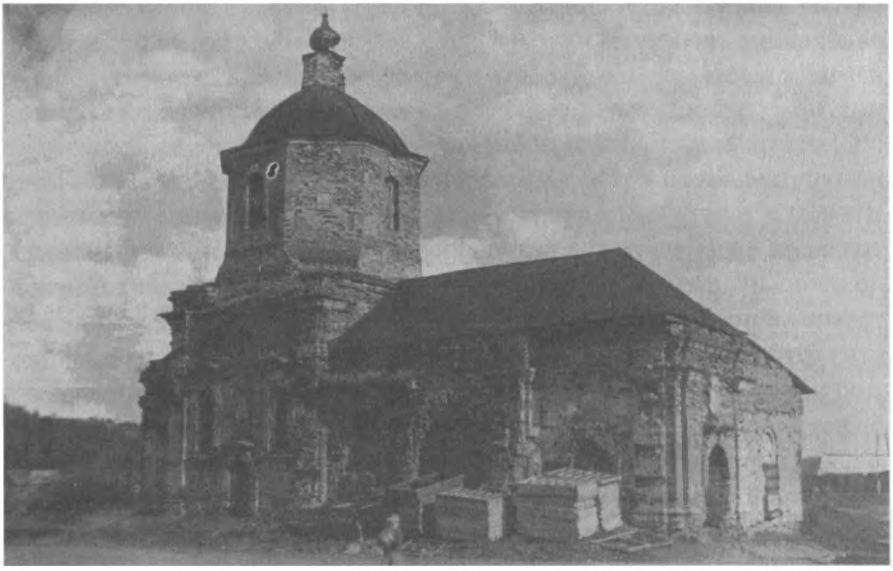
Как скоро он, Кирилов, в Уфу прибыл и с лучшими башкирскими старшинами опознался, то между прочих говоренных с ними дел, при первых случаях, не оставил он пристойным образом приохочивать их к прииску и указанию рудных и минеральных мест, и еще до вступления его в первый поход для заложения Оренбурга, истребовал он из Екатеринбурга одного горного офицера, штейгеров и других служителей, которые при нем в том первом походе и находились, и по тракту его на разных местах многие медные и железные руды обыскали, а по примеру их и сами башкирцы из награждения (о котором по тогдашним делам видно) рудные камни и признаки объявлять стали. Возвращаясь же, он, Кирилов, из того первого похода и ведая, что в окружности новозаложенного им Табынска медных рудников довольно, еще в том же 1735 году назначил быть тут казенному медному заводу, уповая в такое сильное действо и размножение его привесть, чтоб на каждый год чистой меди тысяч до пятидесяти и более пуд на сем заводе выплавливать. Хотя то многим казалось невероятно, особливо ж тайный советник Татищев (быв тогда главным командиром в Екатеринбурге над всеми сибирскими и казанскими заводами) признавал сию выплавку на одном заводе за самое невозможное дело; но Кирилов, не уважая его, тайного советника, мнений, тот назначенный от него завод велел действительно строить, определяя к тому строению вышеозначенного комиссара Утятникова с горными служителями, почему оный в 1736 и в 1737 годах и строен был действительно, от Табынской крепости в десяти верстах, под горою Воскресенскою и на речке Воскресенке, кое звание имеет она от той горы, почему и назван он был Воскресенским заводом; но

усилившееся тогда башкирское замешание всему оному строению воспрепятствовало, а потом вскоре воспоследовавшая ему, Кирилову, смерть, сие его намерение и вовсе уничтожила.

По смерти его, Кирилова, определенных в Оренбургскую комиссию главных командиров первая и нужнейшая должность была прекращать и успокаивать башкирские замешательства (как то явствует в «Истории Оренбургской»), основать и утвердить Оренбург с прочими крепостями, а в горных заводах все его, Кирилова, предприятия были оставлены, и начатое при Табынске заведение совсем было покинуто, и оставалось впусте по 1743 год, в котором по всевысочайшему ее императорского величества именному указу город Оренбург, как выше в первой главе означено, на нынешнем месте заложен и благополучно основан.

Можно сказать, что с началом сего города и в горных заводах действительный успех, а от того и государственная и народная польза воспоследовали следующим порядком.

Синбирский купец Иван Борисов сын Твердышев, человек такой, который прежде в рассуждениях о внутренней и внешней коммерции основательно был сведущ, и хотя был тогда невеликий капиталист, но по справедливым и честным его поступкам везде имел кредит довольный. Сей по совету своих друзей и по натуральной склонности к горным заводам в том 1743 году отважился действительному тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву, который был тогда тайным советником и оренбургским главным командиром, подать прошение, чтоб ему дозволено было оный при Кирилове заведенный бывший медный завод на том или другом месте возобновить своим коштом, обязуясь в казну заплатить по оценке деньгами за все те припасы и инструменты, которые от того прежнего заведения в Табынске на лицо явятся. И понеже он из купечества первый был, который в Оренбург, как еще в новое место, к подряду и заготовлению провианта в казенные магазины из старых жилищ Казанского и Синбирского уездов изыскал прямые и способные дороги, и к поставке оного тамошних обывателей толико приохотил, что пред прежними подрядами с убавкою цены многие тысячи рублей казенного расходу им уменьшено; то в рассуждении сего, и что он, Твердышев, к тому заведению по состоянию его и по знаемости в Башкирии довольно был надежен, в том же 1743 году Правительствующему сенату учинено представление согласное с его состоянием и просьбою, которое в 1744 году при указе из оного отослано было в Государственную Берг-коллегию, с таким повелением, чтоб сей Коллегии с помянутым господином тайным советником иметь о том



Церковь в селе Спасском Бугульминского района Республики Татарстан, где находится могила П. И. Рычкова

общее рассуждение, и постановя на мере представить на апробацию в Правительствующий сенат.

В силу оного Государственная Берг-коллегия, по довольном рассуждении с ним, тайным советником, того ж 1744 года учинили общее опредение, в котором он, Твердышев, пред другими из старых и знатных заводчиков явившимися охотниками, для вышеозначенных показанных от него заслуг, в отдаче предписанного при статском советнике Кирилове в заведении бывшего завода предпочтен, и учинены кондиции, на каком основании о содержании того завода Оренбургской канцелярии заключить с ним контракт, каким образом размножить сие дело, платить в казенный оренбургский доход десятинный и двухпроцентный платеж, как оброчить и покупать у башкирцев земли, леса и прочее, на котором основании оной канцелярии и с прочими явившимися охотниками в заведении других заводов поступать велено; что все и от Правительствующего сената тогда ж апробовано, а по тому уже в Оренбургской губернской канцелярии с ним, Твердышевым, и контракт был заключен.

По состоянию башкирского народа, который ни что столь много не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли, и отхожие, то есть лесные угодья, а наипаче пчельные бортевые промыслы, беспристрастно можно сказать, что при первом заведении горных заводов,

к коим на всякие строения, тако ж на дрова и уголье, множество лесов необходимо требуется, надо бы были великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умеренность с башкирцами, дабы от них, по их дикости и легкомыслию, от новости на землях их таких заводов затруднений не было, и вновь бы беспокойства не отрыгнуло. Но помянутый Твердышев, с компанейщиком его синбирским же купцом Иваном Мясниковым и с двумя родными своими братьями, не жалея ни труда, ни иждивения, так искусно и честно поступали, что башкирцы, полюбив их, почитали всегда хозяевами, и не только никаких помешательств и препятствий ни в чем им не чинили, но и сами, узнав свойство руд, из награждения им объявлять стали; а многие из платы и возкою на завод руды промышлять возохотились; и так опознавшись и одружась с ними, возмогли они чрез одно почти лето первый свой медиплавильный завод в действо произвесть, который, построя на реке, именуемой Тор, впадающей в Белую, от Табынска в 90 верстах, именовали Воскресенским, тем самым званием, как и при Кирилове застроенный близ Табынска казенный именован был. Из приложенной при сем ведомости усмотрится, коль много оные в заводских делах рачительные люди поныне общей и собственной пользы приобрели, и не втуне оба они, то есть Твердышев и Мясников, как первые в здешних местах заводчики, из высочайшего ее императорского величества милосердия директорами и чинами коллежских ассесоров, а средний его, Твердышева, брат, Яков Твердышев, директором заводов пожалованы; меньший же его брат Петр, оказав в том заводском производстве не меньше труда и столько ж прилежности, в 1749 году умер.

В каком порядке оные горные дела под дирекциею Оренбургской губернской канцелярии происходили, сколько и на каком основании о построении оных с явившимися охотниками, в силу вышеозначенного Правительствующим сенатом апробованного определения, заключено контрактов, и сколько ж со всего того в казну и в примножении оренбургских доходов десятинного и двухпроцентного платежа происходило, о том по делам оной губернской канцелярии видно; а в 1754 году все те дела и с заводами, как выше явствует, из ведомства Оренбургской губернской канцелярии вышли, под дирекциею канцелярии Главнаго Правления сибирских и казанских заводов, от коей для них предпомянутое горное начальство учреждено, где уже все обстоятельства и производства оных заводов ведомы. Столько ж их по 1760 год в том горном начальстве счисляется заводов и кому они принадлежат, о том явствует приложенная при сем ведомость. А казенным заводам по состоявшемуся в Правительствующем сенате на представление Государственной

Берг-Коллегии октября 19 дня 1753 года указу для объявленных в том указе резонов[108], во всей Башкирии быть не велено.

Впрочем, не надлежит оставить и сего без объявления, что при всех нижеследующих заводах имеющиеся рудники по большей части суть старинные копи, по которым довольно означается, что древние здешних мест обыватели в горных делах, а наипаче в плавке меди, в свое время великие и сильные имели промыслы и имели такое достаточное в том искусство, какого в татарских народах, называемых по древности скифами и нагайцами, как от кочующих и кроме скотоводства почти никаких рукоделий не имевших, конечно быть не могло. Самые те копи и находящиеся в них разные вещи довольно уверяют, что оные горные промыслы и доставание руд были прежде нашествия татар, ибо сверху нынешних рудников на несколько аршин находящаяся наносная земля довольно подтверждает, что та работа в давние времена происходила. Тут же находят и инструменты наподобие серпов, или кривых ножей, может быть за недостатком железа, из меди деланные, у коих наружный вид немалую древность изъявляет. Директор заводов Яков Твердышев о рудниках, имеющихся у них за Сакмарою рекою, по Каргалам и по другим в сию реку впадающим речкам (кои из всех за самые лучшие почитаются), объявлял: якобы тут в старину с таким искусством горная работа производилась, что и нынешние штейгеры[109] и горные служители лучше того не делают; ибо де во многих местах руду из такой глубины доставали, что поверх той руды лежит земли сажен на 20, а многие де такие шахты и копи, из коих руда выбрана, на самых ровных местах; однако ж штольны поныне нимало не осыпались, но так стоят, как бы в недавнем времени работа на них производилась. И хотя по великому множеству таких рудокопных мест должно мнить, что бывали здесь и великие для того заводы; но ныне оным никаких признаков нигде уже не находится, кроме сего, что по тем же речкам Каргалам и в вершинах реки Самары находят сделанные из красного кирпича небольшие рудные печки, и фунта по два и по три медные слитки. Может статься, что оные печки были только пробные, или по нашествии в сии места татар и нагайцев имелись уже малые и ручные токмо промыслы, а большие заводы с древними жительствами разорены совсем так, что и знаков их не осталось. Доброта нынешних медных руд такая, что из самого лучшего разбора, кои заводчики именуют здесь жильною, изо ста пуд руды выходит от 5 до 7 пуд чистой меди; токмо сей разбор для прочности заводов не в употреблении. Помянутый Твердышев уверял, что на их заводах за самый посредственный и надежнейший разбор считают они ныне тот, который дает на сто пуд руды до трех и четырех пуд меди, а

древних де времен промышленники (признавая сие по старинным их копям) такую токмо руду отбирали и плавили, коя по десяти процентов и свыше содержала; и доказывают, что обретаемая ныне в старых рудокопных ямах руда есть токмо та, из которой они самую лучшую выбирая, употребляли на своих заводах, а ее оставляли тут на месте, как бы плохую и бесприбыльную.

Наконец всего, с довольным основанием можно объявить, коим образом в Оренбургской губернии из всего того, что натура ни производит, есть самый первый и обществу полезнейший продукт металлы и минералы. К доказательству сего мнится довольно будет одних твердышевских медных заводов, не упоминая прочих имеющихся ныне и впредь быть могущих, ибо на одних тех за Твердышевым состоящих заводах чистой меди каждый год по двадцати по пяти тысяч пуд действительно, а иногда и более выплавливается. Из сего примера легко можно понять, какое число на всех оных заводах может выплавлено быть, и какая тем одним государственная и партикулярная[110] польза в здешней новой губернии происходит. Что ж можно ожидать, когда с помощию Божиею и в дальнейших местах приложится старание от людей в сих делах столько ж трудолюбивых и рачительных, каков оказался начинатель их, здесь помянутый Твердышев. Ежели опасны кому кажутся киргизцы, тому должно в пример взять башкирцев, у коих внутри жилищ до состояния Оренбургской экспедиции не только никаких горных заводов не было, но и о рудах спрашивать сомневались, а ныне до того доведены, что сами на своих землях рудники сыскивают и объявляют, а разработанную руду на своих лошадях из платы возят. Искусство, соединенное с трудолюбием, превозмогает все трудности и препятствия и самых диких зверей усмиряет.

Реестр горным заводам, находящимся ныне в Оренбургской губернии. Принадлежащие коллежским ассесорам Ивану Твердышеву и Ивану Мясникову

м е д н ы е :

1. Воскресенский, который между прочими их заводами почитается главным, построен прежде всех в 1745 году по Нагайской дороге в Тамьянской волости, на речке, именуемой Тор, от Оренбурга 162, от Табынска 90, а от Уфы 175 верст; на нем медиплавильных печек семь с принадлежащими гармахерскими горнами. Покупных и приписных крестьян 320 дворов. Церковь деревянная во имя Воскресения Господня.

2. Преображенский, на той же дороге в Бушмас-Кипчатской волости, на реке Урман-Елаир, по почтовой дороге из Оренбурга в Исетскую провинцию, от Оренбурга 190 верст, плавильных печей шесть с принадлежностями. Покупных крестьян в поселении 130 дворов. Церковь деревянная ж во имя Преображения Господня.

3. Верхоторский, на той же дороге в Юрматынской волости, в вершинах речки Тора, от Оренбурга 171 верста; плавильных печей три. По новости его крестьянского селения и церкви на сем заводе еще не имеется.

4. Богоявлений, на той же дороге в Юрматынской волости, на речке Усолке, от Оренбурга 242, от Табынска 9 верст, построен в 1752 году. Жительства на оном заводе покупных заводчиками крестьян 200 дворов. Церковь во имя Богоявления Господня.

5. Архангельский, в Турушевской волости, на речке Аксыне, от Уфы 66, а от Оренбурга 300 верст, построен в 1753 году, плавильных печей четыре с принадлежащими к ним горнами. Покупных крестьян на поселении 130 дворов. Церковь во имя архистратига Михаила.

Их же, Твердышева и Мясникова, ж е л е з н ы е заводы:

6. Катав-Ивановский, на Сибирской дороге, в Трухменской волости, на речке Катаве, от Оренбурга 393, а от Уфы 194 версты, построен в 1757 году на нем для плавки чугуна две домны, а для расковки железа действительных восемь, да запасных четыре, итого 12 молотов. Покупных крестьян поселено 370 дворов. Церковь во имя Иоанна Крестителя.

7. Юрюзенский молотовый, на той же дороге в Кудейской волости, на речке Юрюзене, от предписанного в 15, а от Оренбурга в 408 верстах, начат строиться в 1758 году, на нем для расковки железа определено 15 молотов. Жительства покупных заводчиками крестьян 160 дворов. Церкви еще не построено.

Вновь строющиеся на той же Сибирской дороге:

8. На реке Симе, от Оренбурга 356, а от Катав-Ивановского 42 версты.

9. На реке Тирляне, от Оренбурга 440 верст.

Итого, принадлежащих помянутым Твердышеву и Мясникову пять медных и четыре железных, всего девять заводов.

10. Вознесенский медиплавильный завод, принадлежащий обер-гофмаршалу действительному камергеру и разных орденов кавалеру графу Карлу Ефимовичу фон-Сиверсу, стоит по Нагайской дороге в Бурзенской волости, на речке Иргизле, которая от завода с небольшим в версте впадает в реку Белую, по течению ее с левой стороны, расстоянием от Оренбурга летнею дорогою с 200, а зимнею с 250, а от Уфы около 300

верст, имеет семь печек плавильных, три горна гармахерских и один расковочный молот. Жительства разных заводских служителей до 150 дворов. Церковь ныне походная во имя святого Александра Невского, а настоящая имеет быть во имя Вознесения Господня.

11. Покровский медный же принадлежит генерал-фельдмаршалу лейб-гвардии подполковнику и разных орденов кавалеру графу Александру Ивановичу Шувалову, на реке Ику, коя от завода с 150 верст впадает в реку Сакмару по течению ее с правой стороны, от Оренбурга с 190 верст, имеет семь плавильных печек и два гармахерские горна. Жительства на нем дворов около 100. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

12. Авзяно-Петровский железный, выше Вознесенскаго завода по реке Белой верст со 100, построен на речке Авзяне, коя от завода верстах в 12 впадает в реку Белую по течению ее с правой стороны, расстоянием от Оренбурга 330, а от Уфы 205 верст. На оном одна домна и шесть молотов: сверх того якорная фабрика, и для досчатого железа молот. Жила на нем дворов до 50. Церковь во имя святых апостолов Петра и Павла.

13. Нижний Авзянский, от предписанного в пяти верстах; на оном для расковки железа шесть молотов. Оба оные принадлежали его сиятельству графу Петру Ивановичу Шувалову с компанейщиком его коллежским ассесором Кузьмою Матвеевым.

14. Кано-Никольский, на речке Кане, коя ниже завода верстах в 40, а от Вознесенского по Белой реке вверх верст 30, в сию реку впала, по течению оной с левой стороны, от Оренбурга с 220, а от Уфы 329 верст, принадлежит тулянам Масаловым. На нем медиплавильных шесть печек и два горна гармахерские. Жила дворов до 60. Церковь во имя Николая Чудотворца.

15. Троицкий Саткинский железный завод, на речке Сатке, впадающей в реку Белую, от Оренбурга 550, а от Уфы 254, от Екатеринбурга с 220 верст; на нем домна и несколько расковочных молотов; принадлежит его сиятельству действительного камергеру и кавалеру, графу Александру Сергеевичу Строгонову[111].

16. Вновь позволено строить его ж сиятельству железный завод на речке Арте; но расстояние оного от Оренбурга и от других мест еще неизвестно.

17. Благовещенский медный завод, на речке Укашле, от города Уфы 38, а от Оренбурга 372 версты, на нем четыре печки плавильные и два гармахерские горна; принадлежит синбирянину Матвею Мясникову.

18. Архангельский медный же, на речке Шаране, коя от завода версты четыре впала в реку Сюн, а сия впала в Ик, по течению ее с левой стороны, от Оренбурга с 400, а от Уфы 130 верст; на нем четыре печки и два гармахерские горна; принадлежит заводчику Ивану Красильникову.

19. Троицкий медный же, на речке Кидаше, коя впала в реку Ик от завода верстах в 30, а Ик впадает в Каму; от Архангельского завода 40, а от Оренбурга с 350 верст. На нем шесть печек плавильных и два горна гармахерских; принадлежит директору Ивану Осокину.

20. На речке Усене ему ж, Осокину, медный завод строить позволено, но о расстояниях оного известия еще нет.

21. Богословский медный же, на речке Кичуе, впадающей в реку Шешму, а сия течет в Каму; от Оренбурга 396 верст и от Уфы в таком же расстоянии; на нем три печки плавильные с принадлежностями, принадлежат синбирскому купцу Герасиму Глазову.

22. Златоустовский железный завод, по Сибирской дороге на реке Ае, коя впадает в реку Уфу ниже завода с 150 верст, от города Уфы расстоянием 450 верст; на нем домна и несколько расковочных молотов; принадлежит тулянам Масаловым.

23. На речках Тулве, Шерманке, Еркуле и Сыпу, по Осинской дороге в Гайнинской волости медиплавильный завод позволен строением его превосходительству Правительствующего Сената генерал-прокурору, генералу кригс-комиссару и кавалеру Александру Ивановичу Глебову, но сколь далеко от Уфы и от Оренбурга, известия еще нет.

Оные двадцать три завода состоят все под ведением оренбургского горного начальства, которое в городе Уфе находится.

Сверх оных заводов Оренбургской же губернии в Исетской провинции еще четыре завода железных, кои беспосредственно в Екатеринбурге в канцелярии главного правления заводов ведомы, а именно:

За дворянином Иваном Демидовым:

24. Верхний Сергинский, на речке Серге, впадающей в реку Уфу с левой стороны, ниже завода верст с 50, от Екатеринбурга со 100 верст. Жила около 150 дворов и церковь. На нем одна домна и шесть молотов.

25. Нижний Сергинский, на той же речке, от первого в 15 верстах, на нем домна и шесть молотов. Жила со 150 дворов и церковь.

За дворянином Никитою Демидовым.

26. Каслинский, на истоке, текущем из озера Касли, или Каслинского, в озеро Кизылташ, от Челябинска 90, а от Екатеринбурга со 150 верст.

На нем одна домна и одиннадцать молотов. К нему приписано по указу из Правительствующего сената незаконнорожденных и незнающих родства 354 души. Жила около 150 дворов.

27. Киштымский, на речке Киштыме, коя впадает в реку Уфу по течению ее с правой стороны, от Каслинского завода в 20, а от Челябинска в 80 верстах: на нем две домны и двенадцать молотов в каменном строении, и покрыто черепицею железною.

28. Назе-Петровский, на речке Назе, коя от завода верстах в двух пала в реку Уфу, расстояния от Уфы с 450, от Екатеринбурга 250, а от Оренбурга 780 верст; на нем домна и восемь молотов. Жила с 130 дворов. Церковь во имя святых апостолов Петра и Павла.

Всего по сему реестру в Оренбургской губернии горных заводов поныне состоит: медных 15 да железных 13, которые по довольству сысканных и вновь внутри Башкирии обретаемых руд от времени до времени еще могут умножаться. Особливо ж и потому, что ныне недавно и за рекою Яиком в киргиз-кайсацких местах богатые медные руды обысканы, и действительно уже разработывать их там начали.

КОММЕНТАРИЙ

«Топография Оренбургской губернии» – выдающийся памятник науки и культуры XVIII века. Впервые книга была опубликована под названием «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии» в «Ежемесячных сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» (1762. Январь-ноябрь).

Первое отдельное издание вышло под заголовком: «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым» (СПб., 1762. Ч. 1–2). Уже в XVIII в. сочинение П.И.Рычкова получило мировую известность. Первый перевод на немецкий язык, выполненный пастором и адъюнктом философии университета Йены Х. Г. Газе (1731–1791), опубликовал в 1771–1773 гг. крупный немецкий публицист-русист А. Ф. Бюшинг (1724–1793) в своем журнале «Magazin Für die neue Historie und Geographie» (Bd. 5–7). В 1772 г. в Риге вышел новый немецкий перевод (переводчик Я. Роде). Перевод на немецкий язык начал и русский ученый академик П. С. Паллас, но эта работа осталась незавершенной.

В девятнадцатом веке вышло переиздание этой книги в Оренбурге: «Топография Оренбургской губернии: Сочинение П. И. Рычкова 1762 г.» (Оренбург: Оренбургское отделение РГО, 1887).

«Топография» дважды переиздавалась в XX столетии: в сокращенных вариантах в сборнике «Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсмана, С.С.Неустроева» (Ред. и вступ. ст. Ф.Н.Милькова. М.: Географгиз, 1949) и в новом немецком переводе под редакцией А.Андерле (Orenburgische Topographie oder Umständliche Beschreibung des Orenburgischen Gouvernments / Hrsg. von A.Anderle. Leipzig; Weimar, 1983). Издание Ф. Н. Милькова снабжено кратким комментарием географического характера. Комментарий А. Андерле носит характер краткого аннотированного указателя.

В основу нашей работы положено оренбургское издание 1887 г., а комментарий носит преимущественно историко-культурный характер. Комментирование сочинения П.И.Рычкова было сопряжено с определенными трудностями. Особую сложность представила необходимость пояснения топонимов, часто встречающихся в тексте. Не все из них нам удалось атрибутировать.

[1] Ohr (нем.) – ухо.

[2] Ландкарта (land – нем. «страна») – географическая карта. В казахском и других тюркских языках «ор» – канава, ров.

[3] Яик – ныне река Урал.

[4] В XVIII в. Оренбург являлся главной крепостью Оренбургской военной пограничной линии, с 1744 г. – административным центром Оренбургской губернии, с 1782 г. – Уфимского наместничества.

[5] Затопляемое.

[6] Общий Сырт – платообразная возвышенность, водораздел рек бассейна Волги и Урала.

[7] Анна Иоанновна (1693–1740 гг.) – российская императрица с 1730 г. «Привилегия» городу Оренбургу была также подписана А. Остерманом, П. Ягужинским и князем А. Черкасским.

[8] Сарацины – мусульмане. П. И. Рычков имеет в виду исторический факт принятия ислама предками турков после их переселения из Средней Азии в Малую Азию.

[9] На выбор названия Оренбурга повлияла господствовавшая в России восемнадцатого века мода на немецкие имена и названия.

[10] Кирилов Иван Кириллович (1695 или 1689–1737 гг.) – ученый, государственный деятель, статский советник (1734 г.). С 1734 г. начальник Оренбургской экспедиции.

[11] Татищев Василий Никитич (1686–1750 гг.) – государственный деятель, историк, тайный советник (1737 г.). В 1737–1739 гг. начальник Оренбургской комиссии.

[12] Орская крепость основана в 1735 г. как город Оренбург. После переноса города на другое место сохранила за собой статус крепости. С 1865 г. город Орск, ныне в Оренбургской области.

[13] Ныне село Красногор в Саракташском районе Оренбургской области.

[14] Елизавета Петровна (1709–1761/1762 гг.) – российская императрица с 1741 г., дочь Петра I.

[15] Правительствующий сенат (1711–1917 гг.) – высший государственный орган в России, подчиненный императору.

[16] Неплюев Иван Иванович (1693–1773 гг.) – государственный деятель, сенатор. В 1742 г. начальник Оренбургской экспедиции, первый губернатор Оренбургской губернии (1744–1758 гг.).

[17] Оренбургская экспедиция (1734–1744 гг.) – мероприятие российского правительства для изучения и освоения Башкирии. Основала Оренбург, Орск и целый ряд военных крепостей.

[18] Оренбургская комиссия – название Оренбургской экспедиции в 1737–1744 гг.

[19] Исетская провинция включала территорию Башкирского Зауралья.

[20] Уфимская провинция в первой половине XVIII в. занимала основную часть современного Башкортостана.

[21] Киргиз- кайсаки – казахи.

[22] Под киргиз-кайсацкими Младшей и Средней ордой подразумеваются Младший и Средний казахские жузы. Младший жуз – группа казахских племенных объединений в

Западном Казахстане. Средний жуз – группа казахских племенных объединений в Центральном и Северо-Восточном Казахстане.

[23] В результате захвата джунгарами (см. прим. 28) среднего течения Сырдарьи в 1723 г. завершилось разделение каракалпаков на верхних (попали в политическую зависимость от джунгар) и нижних (до 1743 г., а частично и до 1762 г. оставались в зависимости от Младшего казахского жуза). Нижние каракалпаки преимущественно переселились на неосвоенные земли в междуречье Сырдарьи и Амударьи. Во второй половине XVIII в. они постепенно переселялись к границам Хивы, на территорию между Кувандарьей (см. прим. 26) и Жанырдарьей.

[24] Младший и Средний казахские жузы, а также нижние каракалпаки в 1731 г. добровольно вошли в состав России, но Средний жуз и нижние каракалпаки вскоре вновь стали независимыми. Вторично Средний казахский жуз вошел в состав России в 40-е гг. XVIII в. Нижние каракалпаки в 1742 г. обратились к России с просьбой о принятии их в русское подданство. Просьба была удовлетворена.

[25] Ныне город Атырау, областной центр Казахстана.

[26] Кувандарья – высохший приток Сырдарьи.

[27] Сарысу (см. прим. 29) впадает в Сырдарью.

[28] Зюнгорцы (джунгарцы) – ойраты, группа западно-монгольских народов, включающая в себя подразделения: дербеты, баяты, торгоуты, олены, захчины.

[29] Сарысу – река в Казахстане, переводится как «желтая вода».

[30] Нура – река в Казахстане.

[31] Харкалджин – озера Кургальджин и Тенгиз в Казахстане. В те времена они, очевидно, были связаны друг с другом.

[32] Терсаккан – река в Казахстане.

[33] Звериноголовская крепость была расположена на месте впадения реки Убаган в Тобол.

[34] Ныне город Омск.

[35] Трухменцы – туркмены; хивинцы – этническая группа южнохорезмских узбеков; аральцы (аралы) – этническая группа узбеков северного Хорезма; верхние каракалпаки проживали в верховьях Сырдарьи; Большой (Старший) казахский жуз – группа казахских племен в районе Семиречья; Туркестан – город в Чимкентской области Казахстана.

[36] В 1757–1758 гг. государство ойратов (см. прим. 28) в Джунгарии (Джунгарское ханство) было завоевано китайской династией Цинь.

[37] Плато Мангышлак.

[38] Балх – провинция Афганистана.

[39] Бадахшан – провинция Афганистана.

[40] Численность.

[41] Тевкелев Алексей Иванович (наст. имя Кутлу-Мухамет) (ум. в 1766 г.) – оренбургский помещик, бригадир (с 1750 г.), генерал-майор (с 1755 г.). Участвовал в присоединении Малого жуза к России, жестоко подавлял башкирские восстания 1735–1736, 1755 гг.

[42] Огнестрельное.

[43] Пустыня Каракумы.

[44] Аюка-хан (1642–1742 гг.) – правитель Калмыцкого ханства.

[45] Дондук-Омбо – калмыцкий хан в 1735–1741 гг.

[46] Хорезмийцы.

[47] Амударья.

[48] Простым.

[49] Отношения кочевников друг с другом были сложными, непременным их правилом был принцип «кровная месть за кровную обиду, набег за набег». Нередко кочевники рассматривали русских (особенно вооруженных казаков) за общих «обидчиков» и набеги на их поселения не считали «кражей», а рассматривали это как свой долг. П. И. Рычков как представитель другой культуры и других традиций излагает «официальное» объяснение. Трактовка слов «вор», «воровство» в XVIII в. целиком зависела от социальной принадлежности и позиции автора.

[50] Абулхаир (1693–1748 гг.) – казахский хан с 1710 г. В 1718 г. установил дипломатические отношения с Россией, в 1731 г. принял российское подданство. В январе-ноябре 1740 г. – хан Хивы. Убит.

[51] Гурнян – город Гурлен в Узбекистане; Шабак – город Шават в Узбекистане; Урганич – город Ургенч в Узбекистане.

[52] Батыр (ум. прибл. в 1771 г.) – казахский хан.

[53] Каип (ум. в 1791 г.) – казахский хан. Правил с 1786 г. В юности ушел из казахских степей в Бухару, после завоевания которой персидским шахом Надиром поступил к последнему на службу. В 1746–1756 гг. – хан Хивы.

[54] Нуралы (ум. в 1790 г.) – сын хана Абулхаира. В конце 1740 г. провозглашен ханом Хивы в крепости Кят, но через некоторое время вынужден был бежать из нее в кочевья своего отца. С 1749 г. казахский хан. В 1786 г. отозван Екатериной II и поселен в Уфе, где умер и похоронен.

[55] Надир-шах Афшар (1688–1747 гг.) – шах Ирана с 1736 г. Завоевал значительные территории в Индии, Средней Азии, Закавказье.

[56] Пажить – луг.

[57] Происхождения.

[58] Ходжа – в Средней Азии вплоть до начала XX в. почетное прозвище людей, претендовавших на происхождение от четырех праведных халифов (Абу Бакр, Омар, Осман, Али – за исключением потомков последнего с дочерью Мухаммеда Фатимой). Позднее – почетное прозвище людей, совершивших паломничество в священную обитель мусульман – Мекку.

[59] Чирчик – правый приток Сырдарьи.

[60] Арыш – правый приток Сырдарьи.

[61] Река Талас в Казахстане.

[62] Ахун – мусульманский богослов и служитель культа.

[63] По среднеазиатским преданиям Тюрк, сын Яфета и внук библейского пророка Ноя был прародителем тюрков.

[64] Кашкар – город Кашгар в Китае; Ходжант – город Ходжент в Таджикистане; Утрар – город Отрар (существовал до XVI в. в Средней Азии).

[65] Яссы – древнее название города Туркестан.

[66] Атрибутировать не удалось.

[67] Сауран – город в Казахстане.

[68] Агаряне – одно из библейских племен, живших на Синайском полуострове. В русской лексике XVIII в. обычно применялось к туркам, мусульманам.

[69] Ахмед Ясави (1103–1166 гг.) – среднеазиатский поэт-суфий и проповедник, почитаемый в качестве святого. Мавзолей Ахмеда Ясави – памятник среднеазиатской средневековой архитектуры – расположен в городе Туркестане.

[70] Хребет Каратау (высшая точка 2176 м) в Казахстане.

[71] Доме.

[72] Крыши.

[73] Регистан – парадная площадь в городах Среднего Востока.

[74] Пестрядь – пеньковая полосатая ткань.

[75] Ярко-алое, тонкой выделки.

[76] Бруск – растение марена, красильный корень (Rubia tinctorum).

[77] Кошениль – алая краска, получаемая из насекомых Coccus.

[78] Медресе – учебное заведение в странах мусульманского Востока.

[79] Барак-хан (ум. в 1750 г.) – казахский хан Среднего жуза. В 1742 г. принял российское подданство. В конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. был одним из казахских военачальников, отличившихся в войнах с джунгарами и волжскими калмыками. Отравлен.

[80] Шептала – сушеные персики и абрикосы.

[81] Смоковница.

[82] Контайша (правильнее – хунтайджи) – владетельный князь у монголов. Речь идет о джунгарском хане Цэван-Рабдане (правил в 1697–1727 гг.).

[83] Галдан-Цэрэн (ум. в 1746 г.) – джунгарский тайджи.

[84] Абулмамбет (ум. прибл. в 1771 г.) – казахский хан с 1739 г. В 1740 г. принял российское подданство. С 1743 г. проживал в городе Туркестане.

[85] Заложники.

[86] Нойонов, командиров военных отрядов.

[87] Языческой.

[88] Джунгарцы (ойраты) являлись западно-монгольским народом.

[89] Или – река, протекающая по территории Казахстана и Китая.

[90] Озеро Балхаш в Казахстане.

[91] Малая Бухария – название Восточного Туркестана в русских и западноевропейских письменных источниках XVIII–XIX вв. (Большой Бухарией называли Среднюю Азию). Кашгар (Каши), Аксу, Куча, Хотан, Керия – в настоящее время города в северо-западном Китае.

[92] Тибетцы китайской провинции Цинхай (северо-западный Китай).

[93] Озеро Кукунор в Китае.

[94] Далай-Лама – титул (с XVI в.) первосвященника ламаистской церкви в Тибете.

[95] Дебачи – джунгарский хан.

[96] Амурсана (1722–1757 гг.) – один из влиятельных князей Ойротского ханства, деятель антиманчжурского освободительного движения в Монголии в 50-х гг. XVIII в. Возглавил восстание в Джунгарии. В 1757 г. бежал в Россию, где и умер.

[97] Сторонников.

[98] Богдохан (монг. «священный государь») – термин, которым в русских грамотах XVI–XVII вв. обозначали императора Китая.

[99] Турфан – город в Китае.

[100] Неожиданным.

[101] Ставрополь основан в 1737 г. как крепость. Сюда русское правительство планировало поселить калмыков и приучить их к оседлой жизни. В 1924–1946 гг. – село. В 1954–1955 гг. перенесен на возвышенное место в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. С 1964 г. – город Тольятти.

[102] Дистрикт – уезд, округ, административная единица в России в XVIII в.

[103] Дистанция – часть сухопутного или речного пути, а также граница, вверенная надзору определенных лиц.

[104] Марийцы.

[105] Удмурты.

[106] Арабы среднеазиатские.

[107] П. И. Рычков в трактовке данного вопроса опирался на научные труды своего времени.

[108] Хазары – тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия (IV в.) и кочевавший в Западно-Прикаспийской степи. Образовали государство Хазарский каганат.

[109] Речь идет о проживавших в Среднем Поволжье волжских булгарах, основавших государство Волжская Булгария (X–XIV вв.).

[110] Нестор (1050-е гг. (?) – нач. XII в.) – монах Киево-Печорского монастыря, агиограф и летописец. Вероятный автор «Повести временных лет».

[111] Ср. современное издание «Повести временных лет» (перевод Д. С. Лихачева): «Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, и они воевали с Хосровом, персидским царем» (Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. С. 146). Белые угры – хазары (по другой версии – оногуры).

[112] Киевский синопсис – историческое сочинение (вероятный автор – И. Гизель), изданное в Киеве в 1674 г.; первая учебная книга по истории (до середины XIX в. переиздавался около 30 раз). Освещает историю славян, Киевской Руси, борьбу с монголо-татарами, Крымом, Турцией и Польшей, внутриполитическую историю. Приложения содержат списки русских князей, польских воевод на Украине, казацких гетманов и киевских митрополитов.

[113] Рубрук Виллем (между 1215 и 1220–1293 гг.) – фламандский путешественник, монах. В 1253–1255 гг. совершил путешествие в Монголию.

[114] Людовик IX Святой (1214–1270 гг.) – французский король с 1226 г.

[115] Куманы (кипчаки) – половцы, тюркский народ, проживавший в эпоху раннего средневековья в степях Евразии от Дуная на западе до Иртыша на востоке.

[116] Карпини Джованни да Плано (1182–1252 гг.) – итальянский путешественник, монах.

[117] Асцелин (Ансельм) – руководитель миссии папы римского к монгольскому правителю Персии в 1247 г.

[118] Иннокентий IV (ок. 1195–1254 гг.) – римский папа с 1243 г.

[119] То есть.

[120] Бержерон Пьер (1580–1637 гг.) – французский историк и географ. Речь идет о кн.: Voyages faits principalement en Asie, dans les XII, XIII, XIV et XV siecles, par Benj de Tudéle, Jean de Plan Carpin, N. Ascelin, Guill de Rubruquis, Marc Paul, Haiton, Jean de Mandeville et Ambroise Contarini / Accomp. de l'Histoire des Sarrasins et des Tartares par. P. Bergeron... La Haye: Neaulme, 1735. Vol. 1–2.

[121] В средневековых источниках Венгрию нередко путали с Башкирией (Паскатирская земля).

[122] Территория расселения хантов и манси.

[123] Рюрик (IX в.) – новгородский князь с 862 г. Варяг.

[124] Черное море.

[125] Фракия – историческая область в восточной части Балканского полуострова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями.

[126] Азовское море.

[127] Императоров византийских.

[128] Юстиниан I (482 или 483-565 гг.) – император Византии с 527 г.

[129] Дербал (V в.) – легендарный болгарский князь.

[130] Мисия (Мизия) Малая – область на северо-западе Малой Азии, граничила с Лидией на юге, Фригией и Вифинией на востоке; Мисия (Мизия) Великая включала в себя Троаду, Эолиду, Тейфранию с Пергамом – области на северо-западе и западе Малой Азии.

[131] Босния.

[132] Далмация – историческая область в Югославии, на восточном берегу Адриатического моря.

[133] Истр – древнегреческое название Дуная.

[134] Истрия – город у западного побережья Черного моря (на территории современной Румынии), основан греками в VII в. до н.э. В III в. сильно разрушен готами, затем восстановлен и существовал до VII в. н.э.

[135] Короля лангобардов с таким именем не было.

[136] Хвалисы – древнерусское название Хорезма (араб. Хуваризм).

[137] Арии, арские люди – название удмуртов в старинных русских сочинениях.

[138] Юфть – мягкая кожа.

[139] Турция.

[140] Святослав I (ум. в 972 г.) – киевский князь. Известен победоносными походами на Хазарский каганат (965 г.). Волжскую Болгарию, Дунайскую Болгарию (968 и 971 гг.). Убит печенегами.

[141] Владимир I Святославич (ум. в 1115 г.) – великий киевский князь с 980 г. В 985 г. совершил поход на Волжскую Булгарию.

[142] Добрыня – дружинник и дядя киевского князя Владимира I Святого.

[143] 1127 г.

[144] Юрий Долгорукий (90-е гг. XI в.–1157 г.) – князь суздальский и великий киевский князь, сын Владимира Мономаха.

[145] Владимир Мономах (1053–1125 гг.) – великий киевский князь с 1113 г., полководец, писатель.

[146] Бряхимов – город в Волжской Болгарии, г. Булгар (Болгар), столица Волжской Булгарии в X–XII вв. Существовал до XV в., ныне остатки около с. Болгары в Татарстане.

[147] Всеволод Большое Гнездо (1154–1212 гг.) – великий киевский князь с 1173 г., владимирский князь с 1176 г. Сын Юрия Долгорукого.

[148] 1154 г.

[149] Ярослав Мудрый (прибл. 978–1054 гг.) – великий киевский князь с 1019 г. У Рычкова явный анахронизм (ср. прим. 148 и 149).

[150] Андрей Боголюбский (прибл. 1100–1174 гг.) – великий князь владимирский с 1157 г. Сын Юрия Долгорукого. В 1164 г. совершил поход в Волжскую Булгарию.

[151] Балахна известна с 1474 г. Ныне райцентр Нижегородской обл.

[152] Нижний Новгород основан в 1221 г. владимирским князем Юрием Всеволодовичем.

[153] 1155 г.

[154] Чингисхан (1155–1227 гг.) – основатель и великий хан (с 1206 г.) Монгольской империи. Возглавлял крупномасштабные походы в Европу и Азию.

[155] Джучи (ум. в 1227 г.) – монгольский военачальник, старший сын Чингисхана. В 1224 г. хан улуса Джучи.

[156] Речь идет о битве объединенного русско-половецкого войска с монголо-татарами на реке Калке в 1223 г. Джучи в этой битве не участвовал.

[157] Батый (Бату) (прибл. 1207–1256 гг., по уточненным данным Г. А. Федорова-Давыдова) – монгольский хан, сын Джучи. Завоевал Волжскую Булгарию, вторгся на Русь, Восточную Европу (1237–1242 гг.). В 1242–1256 гг. управлял территорией улуса Джучи к западу от р. Урал.

[158] Юрий Всеволодович (1188–1238 гг.) – великий князь владимирский (1212–1216 гг. и с 1218 г.). В 1221 г. заложил Нижний Новгород. Разгромлен и погиб в бою с монголо-татарами на реке Сити.

[159] Иран завоевал в 1256 г. монгольский хан Хулагу (прибл. 1217–1265 гг.).

[160] После смерти Батыя ханом Золотой Орды стал его младший брат Берке.

[161] Саин – хан Батый, см. прим. 157.

[162] Казань была построена в конце XII в. волжскими булгарами.

[163] 1395 г.

[164] Юрий Дмитриевич (1374–1434 гг.) – князь звенигородский и Галича-Костромского с 1389 г., сын Дмитрия Донского.

[165] Болгары – ныне город Болгар в Татарстане; Жукотин, Кременчуг – города в Среднем Поволжье. Образованные во второй половине XIII в. на территории Волжской Булгарии Болгарское и Жукотинское княжества были в 90-е гг. XIV в. разгромлены Тимуром.

[166] Монголо-татарское государство в Восточной Европе.

[167] Василий Васильевич (Темный) (1415–1462 гг.) – великий князь Московский с 1425 г. В 1446 г. ослеплен противниками. Отец Ивана III.

[168] Улу-Мухаммед (ум. в 1445 г.) – хан Золотой Орды.

[169] Едигей (1352–1419 гг.) – золотоордынский правитель, военачальник.

[170] 1487 г.

[171] Иван III Васильевич (1440–1505 гг.) – великий князь московский с 1462 г.

[172] Мухаммед Эмин – хан Казанского ханства в 1484–1485, 1486, 1487–1495, 1502–1521, 1546, 1551–1552 гг., приемный сын Ивана III.

[173] Иоанн (Иван IV) Васильевич Грозный (1530–1584 гг.) – русский царь с 1547 г. Завоевал Казанское, Астраханское, Сибирское ханства.

[174] 1552 г.

[175] «Казанская история» – историко-публицистическое сочинение второй половины XVI в., представляющее собой беллетризированный рассказ о трехвековой истории русско-татарских отношений со времени образования Золотой Орды до завоевания в 1552 г. Казанского ханства.

[176] С 1555 г. до 20-х гг. XVII в.

[177] Астраханское ханство (начало XVI в. – 1556 г.) – феодальное государство, образовавшееся в северном Прикаспии в процессе распада Золотой Орды. Присоединено к России.

[178] Сибирское ханство (начало 20-х гг. XV в. – конец XVI в.) – феодальное государство, образовавшееся в Западной Сибири в процессе распада Золотой Орды. Присоединено к России.

[179] П. И. Рычков дает собственную периодизацию истории народов Волго-Уральского региона.

[180] Гунны – союз кочевых племен, мигрировавших из Центральной и Средней Азии в Приуралье, а затем в Поволжье и соединившихся по пути с угорскими и сарматскими племенами.

[181] Закамская ландмилиция – созданное в 1736 г. ополчение из бывших стрельцов, пушкарей и т.п. для защиты Оренбургского края от набегов кочевников. Состояла из 3 конных и 1 пешего полка. Упразднена в конце XVIII в.

[182] Поскольку.

[183] Птолемей Клавдий (прибл. 90 – прибл. 160 гг. до н. э.) – древнегреческий ученый, автор «Географии» – свода географических сведений античного мира.

[184] Кичик – вероятно, Предуральское (Приэмбенское) плато.

[185] Байер Иоганн Якоб (1694–1738 гг.) – немецкий историк, филолог, академик Петербургской Академии наук с 1725 г.

[186] Геродот (между 490 и 480 – прибл. 425 гг. до н.э.) – древнегреческий историк.

[187] Страбон (64/63 до н.э. – 23/24 гг. н.э.) – древнегреческий историк и географ.

[188] Плиний Старший (23 или 24–79 гг.) – римский писатель, ученый.

[189] Константин Багрянородный (Константин Порфирогенит) (905–959 гг.) – император Византии с 913 г.

[190] Геркулес (греч. Геракл) – герой греческой мифологии.

[191] Троянская война (прибл. 1260 г. до н.э.) – отраженная в древнегреческом эпосе легендарная десятилетняя война коалиции ахейских царей против Трои.

[192] Речь идет о книге Ф. И. Страленберга «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asien» (Stockholm, 1730).

[193] Абу-л-Гази (1603–1663 гг.) – хан Хивы, историк. Автор двух исторических сочинений: «Родословная туркмен» и «Родословная тюрков» (неокончено), содержащих цен-

ные сведения по истории туркмен, узбеков, каракалпаков, казахов, а также народные легенды, предания и сказания.

«Родословная тюрков» была введена в научный оборот пленным шведским офицером Ф.-И. Таббертом (впоследствии получившим дворянство и фамилию фон Страленберг, 1676–1747 гг.), по другим сведениям – доктором Д. Г. Мессершмидтом (1685–1735 гг.) вместе с Таббертом-Страленбергом. В начале XVIII в. в Сибири, вероятно в Тобольске, она была переведена на русский, по другим данным – на немецкий язык. В 1726 г. в Лейдене был издан французский перевод (Histoire genéalogique des Tatars / Traduite du manuscript tartare d'Abul-Gasi-Bayadur-Chan... Leiden: Kallewier, 1726). Перевод на русский язык (Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописныя татарския книги сочинения Абулгази-Баядур-хана. СПб., 1768. Т. 1–2) был осуществлен В. К. Тредиаковским с французского издания Шенстрема.

[194] Огуз-хан – легендарный родоначальник огузов.

[195] Александр Македонский (356–323 гг. до н.э.) – царь Македонии с 336 г., великий полководец и завоеватель древнего мира.

[196] См. прим. 156.

[197] Угедей (1186–1241 гг.) – третий сын Чингисхана и его преемник.

[198] Чингисхан вторгся в Среднюю Азию в 1219 г.

[199] Первый поход монголов на Русь возглавляли военачальники Субедей и Джебе.

[200] Джучи умер при загадочных обстоятельствах ок. 1227 г.

[201] Это событие произошло 31 мая 1223 г.

[202] Имеются в виду монголо-татары.

[203] В целом.

[204] Казахов.

[205] Имеется в виду: Рычков П.И. Известия о начале и состоянии Оренбургской Комиссии ... (неопубликованная рукопись).

[206] Т. е. Абулгази.

[207] Алдар (Алдарбай) Исянгильдин (70-е гг. XVII в. – 1740 г.) – башкирский батыр, тархан Бурзянской волости, предводитель башкирского восстания 1704–1711 гг. Казнен.

[208] Правильно – 1552 г.

[209] См. прим. 205.

[210] Сказка – здесь: рассказ.

[211] Хакк-Назар (ум. в 1581 г.) – казахский хан, ногайский наместник Башкирии.

[212] Ясак – натуральный или денежный налог народов Урало-Поволжья и Сибири.

[213] Со двора.

[214] Ясак с башкир был отменен 16 марта 1754 г. Их обязали покупать соль из казны по 35 коп. за пуд, запретив бесплатно пользоваться природной солью.

[215] Это событие произошло в 1635 г.

[216] П. И. Рычковым допущена неточность: восстание под руководством Сеита происходило в 1681–1684 гг.

[217] В современной научной литературе это восстание датируется 1704–1711 гг., в 1707–1708 гг. оно достигло наивысшего размаха.

[218] Кусюм Тюлекеев (кон. XVII – сер. XVIII в.) – один из руководителей башкирского восстания 1704–1711 гг. (в 1709 г. отошел от восстания).

[219] Жило – поселение.

[220] Кильмяк Нурушев (вторая пол. XVII – сер.XVIII в.) – башкирский феодал Юрматынской волости Ногайской дороги, один из руководителей башкирского восстания 1735–1736 гг.

[221] Акай Кусюмов (кон. XVII – сер. XVIII в.) – башкирский феодал, один из предводителей башкирского восстания 1735–1740 гг. В 1735 г. арестован, в 1738 г. переведен в тюрьму Санкт-Петербурга. Дальнейшая судьба неизвестна.

[222] Остзейский край – Прибалтика.

[223] По подсчетам современного башкирского историка И. Г. Акманова, в этом восстании было уничтожено свыше 40 тыс. башкир.

[224] Кошт – здесь: скарб, движимое имущество.

[225] 1393 г.

[226] Мануил II Палеолог (1391–1425 гг.) – византийский император.

[227] Темников – город, ныне в Мордовии; Кадом, Елатьма – ныне населенные пункты в Рязанской области.

[228] Миллер Герард Фридрих (1705–1783 гг.) – русский историк. По национальности немец, в России с 1725 г., член Петербургской АН (с 1731 г.). В 1733–1743 гг. принимал участие в экспедиции по изучению Сибири. Автор «Истории Сибири».

[229] Дворцы – центральные исполнительные органы Русского государства XV–XVI вв.

[230] 1688 г.

[231] Ныне села Борское и Красносамарское в Самарской области.

[232] 1673, 1677, 1683 гг.

[233] Иловля – правый приток реки Самары в Оренбургской обл.

[234] Ток – правый приток реки Самары в Оренбургской обл.

[235] Ныне село Красный Яр Самарской области.

[236] На слиянии рек Самара и Большой Кинель.

[237] Алексей Михайлович (1629–1676 гг.) – русский царь с 1645 г.

[238] Рын-пески (Нарын-пески) – массив песков в Прикаспийской низменности, на водоразделе рек Волга и Урал. Площадь ок. 40 тыс. кв. км.

[239] Кряж – линейно-вытянутая холмистая возвышенность без резких очертаний гребня и вершин.

[240] Речь идет об Угедее, см. прим. 197.

[241] Имеется в виду Чормаган-нойон – монгольский военачальник.

[242] Реки Бердянка и Буртя в Оренбургской области.

[243] Большая Хобда – река в Казахстане.

[244] Кумак и Сундук – левые притоки реки Урал.

[245] Калдыгайты – река в Казахстане.

[246] Булдырты – река в Казахстане.

[247] См. прим. 205.

[248] Ералы (прибл. 1721–1794 гг.) – казахский хан в 1791–1794 гг.

[249] Семеке (ум. прибл. 1737/1738 г.) – казахский хан примерно в 1724–1737/1738 гг. Был одним из предводителей казахских воинских дружин в походах против джунгаров, волжских калмыков и башкир. Дважды (19.12.1731 г. и летом 1734 г.) принимал российское подданство.

[250] Талкас – озеро в Баймакском районе Башкортостана.

[251] Найман – тюркское племенное объединение, возникшее в середине VIII в. между верхним Иртышом и Орхоном. В XIII в. разгромлены Чингисханом, основная масса бежала на запад, в район Семиречья. Впоследствии вошли в состав казахов, узбеков, киргизов и ногайцев.

[252] Айшуак (прибл. 1723–1810 гг.) – казахский хан в 1797–1805 гг.

[253] Казахский, башкирский и татарский языки относятся к кыпчакской подгруппе тюркской группы алтайской языковой семьи.

[254] Абыз – священнослужитель у мусульман.

[255] См. прим. 23.

[256] См. прим. 23.

[257] Меря – финно-угорское племя в I тыс. н.э. в Волго-Окском междуречье.

[258] Пижма – правый приток Вятки.

[259] Пьяна – река в Нижегородской обл.

[260] Дмитрий Константинович Суздальский (1323 или 1324–1383 гг.) – великий князь владимирский (1360–1363 гг.), великий князь нижегородский (1364). В 1377 г. вместе с Дмитрием Донским потерпел поражение от Орды на реке Пьяна и сдал ордынцам Нижний Новгород.

[261] Мордва-мокша – одно из этнических подразделений мордвы.

[262] Сура – правый приток Волги в Пензенской, Ульяновской, Нижегородской обл., Мордовии и Чувашии.

[263] Самоназвание марийцев – мари, марий.

[264] Мордва-эрзя – одно из этнических подразделений мордвы. Языки мокша и эрзя различаются друг от друга.

[265] Шкай – верховный языческий бог мордвы.

[266] Удмурты, ханты (устаревшее название – остяки), коми-пермяки и эстонцы (устаревшее название – чухонцы) являются народами финно-угорской общности, имеют единые древние корни.

[267] Река Нарва в Ленинградской области.

[268] См. прим. 137.

[269] Ингерманландия (Ижорская земля) – берега Невы и юго-западное Приладожье. На ее территории проживал народ водь.

[270] Удмуртский язык относится к пермской подгруппе финно-угорской группы языков. Финский язык относится к прибалтийско-финской подгруппе этой же группы языков.

[271] Самоназвание удмуртов – утморт (укморт).

[272] Чепца – река в Кировской, Пермской областях, Удмуртии.

[273] Лекма, Убыть, Сипач, Кепа, Лоза, Кита – притоки Чепца.

[274] Вала – левый приток реки Кильмезь в Кировской области и Удмуртии.

[275] Тура – верховный языческий бог чувашей.

[276] Индийцам.

[277] Бугулчан – ныне село в Куюргазинском районе Башкортостана.

[278] Дергем Вильям (1657–1735 гг.) – английский физик, астроном и метеоролог.

[279] Тюркское по происхождению слово «буран» появляется в русском языке в XVIII в.

[280] Астрабад – провинция Ирана, в 1723–1732 гг. в составе России.

[281] Геродот.

[282] Петр Великий (1675–1725 гг.) – российский царь с 1682 г. (правил с 1689 г.), первый российский император с 1721 г.

[283] Кара-Богаз-Гол – до 1980 г. залив-лагуна в восточной части Каспийского моря. В 1980 г. отделена от моря глухой дамбой. Ныне – соленое озеро на западе Туркменистана.

[284] Яксарт, Окс – древние названия соответственно рек Амударья и Сырдарья.

[285] Бузан – левый рукав Волги в Астраханской области.

[286] Сулак – река в Дагестане.

[287] Аракс – река в Закавказье.

[288] Перри Джон (1670–1738 гг.) – английский инженер и путешественник. По приглашению Петра I жил в России в 1698–1714 гг. Речь идет о его книге «The state of Russia under the present czar...» (London, 1716).

[289] Имеется в виду: Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 1–3 (П. И. Рычков пользовался рукописным вариантом).

[290] Чечень – остров в Каспийском море.

[291] Ныне город Семипалатинск в Казахстане.

[292] Озеро Аксуат в Кокчетавской области Казахстана.

[293] Ныне Наурзумский бор в Наурзумском заповеднике (Кокчетавская область Казахстана).

[294] Озеро Индер в Атырауской области Казахстана.

[295] Пешня – лом, которым колют лед.

[296] Маян – озеро в Челябинской области.

[297] Ныне райцентр Калининской области.

[298] Ныне райцентр Калининской области.

[299] Ныне в Ярославской области.

[300] Ныне райцентр в Татарстане.

[301] Мугоджарские горы.

[302] Гора Иремель в Башкортостане.

[303] Нугуш, Бирь – правые притоки реки Белой в юго-восточном Башкортостане; Ашкадар – река в Башкортостане; Уршак – левый приток реки Белой; Сюнь – левый приток Белой в Башкортостане и Татарстане; Ик – левый приток Камы; Мензела – левый приток Ика.

[304] Твердышев Иван Борисович (ум. в 1773 г.) – уральский заводчик.

[305] Воздвиженская крепость построена в 1742 г. Ныне село Воздвиженка Саракташского района Оренбургской области.

[306] Ныне деревня Кундуровка Саракташского района Оренбургской области.

[307] Преображенский медеплавильный завод (1750–1884 гг.) – основан И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым на реке Урман-Елаир (Урман-Зилаир). Ныне село Зилаир – райцентр Башкортостана.

[308] Ныне поселок в Свердловской области.

[309] «Общее географическое описание Сибири» – труд В. Н. Татищева, впервые опубликован в 1950 г.

[310] См. прим. 192.

[311] Алгинский сырт – возвышенности Зауралья и Тургая.

[312] Хребет Ерментау на востоке Акмолинской области Казахстана.

[313] Гора Баянаул в Павлодарской области Казахстана.

[314] Губерлинские горы – невысокий, но длинный (более 100 км) хребет, идущий по правобережью реки Урал между городом Кувандык и рабочим поселком Ириклинский. Соединяют собственно Урал с Мугоджарами.

[315] Губерля – правый приток реки Урал в Оренбургской области.

[316] Река Кара-Кенгир в Джезказганской области Казахстана.

[317] Река Жезды в Джезказганской области Казахстана.

[318] Калкан-Тау – гора в 12 км к востоку от горы Кубяк близ озера Калкан (к северо-северо-западу от города Учалы в Башкортостане).

[319] Тура-Тау (Тра-Тау) – гора на правом берегу реки Белой против города Стерлитамака в Башкортостане; Кош-Тау, Юрак-Тау – горы в той же местности.

[320] Речь идет о пещере Шульган-Таш (Капова). См.: Рычков П. И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. Март. С. 195–220.

[321] Ташла – река в Оренбургской области.

[322] Ныне село Кизильское – райцентр Челябинской области.

[323] В Башкортостане сера имеется в рудах медно-колчеданных месторождений (Сибайское, Учалинское, Октябрьское, Бакр-Тауское, Таш-Тауское, Балта-Тауское, Юбилейное, Подольское и др.).

[324] Эремейские горы – северная окраина Казахской складчатой области.

[325] Воскресенский медеплавильный завод – построен И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым, работать начал в 1745 г. В 1895 г. медеплавильное производство было ликвидировано. В 1897–1902 гг. велась плавка чугуна. Ныне – рабочий поселок Воскресенское Мелеузовского района Башкортостана.

[326] Мясников Иван Семенович (ум. в 1780 г.) – уральский заводовладелец.

[327] Богоявленский медеплавильный завод (1752–1887 гг.) – построен И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым на реке Усолке. В 1893 г. переоборудован в стекловаренный (ныне – Красноусольский стекольный) завод. В настоящее время – рабочий поселок Красноусольский Гафурийского района Башкортостана. Архангельский медеплавильный завод (функционировал в 1753–1903 гг.; с 1889 г. выплавлялся чугун)

основан И. С. Мясниковым на реке Аскын (приток Инзера), ныне – село Архангельское, райцентр одноименного района Башкортостана. Верхоторский медеплавильный завод (1759–1913 гг.) – построен И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым на реке Тор, притоке Нугуша. Ныне – село Верхотор Ишимбайского района Башкортостана.

[328] Кананикольский медеплавильный завод (функционировал в 1753–1871 гг.) – построен Мосоловыми на реке Кане, притоке Белой. Ныне – село Кананикольское Зилаирского района Башкортостана.

[329] Благовещенский медный завод основан в 1756 г. С 1941 г. город Благовещенск, ныне райцентр Башкортостана.

[330] Осокин Иван Гаврилович – уральский заводовладелец.

[331] Верхне-Троицкий медеплавильный завод (функционировал в 1754–1866 гг.), в настоящее время село Верхнетроицкое в Туймазинском районе Башкортостана.

[332] Усень-Ивановский медеплавильный завод (функционировал в 1761–1866 гг.), в настоящее время село Усень-Ивановское в Белебеевском районе Башкортостана.

[333] Архангельский (Шаранский) медеплавильный завод (функционировал в 1754–1796 гг.), ныне село Шаран – райцентр одноименного района Башкортостана.

[334] Богословский медеплавильный завод (функционировал в 1759–1862 гг.), ныне село Кичуй Альметьевского района Татарстана.

[335] Шувалов Петр Иванович (1710–1762 гг.) – граф, генерал-фельдмаршал (1761 г.). Фактический руководитель правительства при Елизавете Петровне. Речь идет о принадлежащих ему Гороблагодатских заводах.

[336] Шувалов Александр Иванович (1710–1771 гг.) – граф, генерал-фельдмаршал (1760 г.). В 1746–1763 гг. начальник Тайной канцелярии. Принадлежавший ему Покровский завод находился на территории нынешнего Зилаирского района Башкортостана. В 1774 г. сожжен восставшими башкирами. Восстановлен не был.

[337] Сиверс Карл Ефимович (1710–1774 гг.) – граф, заводовладелец.

[338] Вознесенский медеплавильный завод (функционировал в 1755–1777 гг.) – построен К. Е. Сиверсом на реке Иргизлы. Ныне – село Иргизлы Бурзянского района Башкортостана.

[339] Глебов Александр Иванович (1772–1790 гг.) – обер-прокурор Сената, заводовладелец.

[340] Каслинский завод возник в 1747 г. С 1942 г. город Касли, ныне райцентр Челябинской области.

[341] Киштымский завод основан в 1757 г. С 1934 г. город Кыштым Челябинской области.

[342] Назе-Петровский завод возник в 1747 г. С 1944 г. город Нязепетровск Челябинской обл.

[343] Златоустовский железный завод основан в 1754 г. С 1865 г. город Златоуст, ныне в Челябинской области.

[344] Троицкий Саткинский доменно-передельный и медеплавильный завод – основан А. С. Строгановым на реке Сатке. Ныне – город Сатка Челябинской области.

[345] А. С. Строганов не успел построить Артинский завод. Эту задачу выполнил тульский купец Л.И.Лугинин. Артинский молотовый завод был пущен в 1787 г. Ныне поселок городского типа Арта Свердловской области.

[346] Катав-Ивановский завод возник в 1755 г. С 1937 г. город, райцентр Челябинской области.

[347] Понурые.

[348] Туранский тигр.

[349] Тушкан Dipus.

[350] На двух конях.

[351] Троицкая крепость основана в 1743 г. как крепость Уйской укрепленной линии. С 1745 г. становится важным пунктом меновой торговли с народами Казахстана, Средней и Центральной Азии. С 1784 г. – город Троицк, с 1804 г. в составе Оренбургской губернии. В настоящее время райцентр Челябинской области.

[352] Росомаха, Gulo borealis.

[353] Тюленей в Аральском море не было.

[354] Обыкновенной.

[355] Укусит. Здесь явное недоразумение – в природе подобные черепахи отсутствуют.

[356] Паук каракурт.

[357] Стрела-змея (Taphromentropan lineolatum) не ядовита для человека и крупных животных.

[358] Розовый пеликан.

[359] Дрофа.

[360] Колпица – птица семейства ибисов.

[361] Лелек – козодой, Caprimulgus europeus.

[362] Белорыбица – рыба семейства сиговых.

[363] Лох – рыба семейства лососей.

[364] Рыба Salmo lacustris.

[365] Шип – рыба рода осетров.

[366] «Спектатор» – английский литературно-критический журнал.

[367] Готы – группа германских племен. В III в. жили в Северном Причерноморье.

[368] Хольмгард – скандинавский топоним для обозначения древнего Новгорода и поселений его округи.

[369] Гардарика – древнее скандинавское название Руси, преимущественно ее северо-западной части. «Гардар» – множественное число от «Хольмгард», означает, по предположению современного отечественного исследователя Т. Н. Джаксон, «грады на острове».

[370] Остегард, Хунигард – древнескандинавские названия Руси.

[371] Готланд – шведский остров в Балтийском море.

[372] Висбю – город на острове Готланд.

[373] Биармия – в скандинавских сагах IX–XIII вв. страна на крайнем северо-востоке Европейской части России, славившаяся мехами, серебром и мамонтовой костью.

[374] Чердынь – город, ныне райцентр Пермской области.

[375] Основательных.

[376] Забирая.

[377] Ляпис-лазурь (лазурит) – минерал подкласса каркасных силикатов, из которого изготовляется краска ультрамарин.

[378] Голь – китайская шелковая ткань.

[379] Королек – коралловый шарик.

[380] Уклад – сталь, которую наваривают на режущую часть инструмента.

Часть вторая

[1] Следов.

[2] Гмелин Иоганн Георг (1709–1755 гг.) – русский ученый-натуралист немецкого происхождения, академик Петербургской АН (1731 г.). В 1733–1743 гг. участвовал в экспедиции по изучению Сибири, среди прочего описал заводы Урала. В 1747 г. уехал из России.

[3] Затруднения, препятствия.

[4] Ныне город Верхнеуральск Челябинской области.

[5] Полигон – здесь: редут.

[6] Бастион – пятиугольное укрепление в виде выступа крепостной ограды для обстреливания местности впереди и вдоль крепостных стен и рвов и как отдельное укрепление. Полубастион – укрепление с одним фасом и одним фланком.

[7] Редан – полевое фортификационное сооружение из двух фасов под углом 60–120°, выступающим в сторону противника. В XVIII–XIX вв. возводились как отдельные укрепления и в виде непрерывных укреплений.

[8] Рампар – площадка.

[9] Фортеция – крепость.

[10] Ретраншемент – окоп.

[11] Цейхгаус – место для хранения оружия и амуниции.

[12] Корчемная контора – постоялый двор.

[13] Аманатный двор – местопребывание под караулом заложников.

[14] Городские.

[15] Амбаров.

[16] Пакгауз – склад, амбар.

[17] Захарий и Елизавета – христианские святые, родители Иоанна Крестителя.

[18] Зажиточных.

[19] Афанасий (293–373 гг.) и Кирилл (ум. в 444 г.) – епископы Александрийские.

[20] Алексей, человек Божий (ум. в 411 г.) – христианский святой.

[21] Тын, частокол поперек реки.

[22] Камер-коллегия – Коллегия казенных сборов, центральное государственное учреждение, ведавшее государственными доходами. Подчинялась Сенату.

[23] Илецкая крепостца (Илецкая защита) сооружена в середине XVII в. для защиты соляных копей от кочевников. С 1865 г. город, с 1945 г. город Соль Илецк Оренбургской области.

[24] Близ современного Соль Илецка расположен бальнеогрязевый курорт. Лечебные средства – минеральная вода озер Новое и Развал, иловая грязь озер Тузлучного и Дунино.

[25] Бердская казачья слобода – крепость, заложена в 1738 г., находилась в 7 верстах к северо-востоку от Оренбурга. Ныне с. Берды Оренбургской области.

[26] Забором.

[27] Каргалинская (Сеитовская) слобода – поселение в 20 верстах от Оренбурга на реке Каргалы. Основано в 1744 г. переселившимися из Казани 200 семьями татар. Получила название по имени купца Сеита Халялина. Ныне село Каргала Сакмарского района Оренбургской области.

[28] Условия.

[29] Существования.

[30] Кортомить – сдавать в аренду, наем.

[31] Число дворов.

[32] Сакмарский казачий городок основан в 1725 г. на правом берегу реки Сакмара. Ныне село Сакмар – райцентр одноименного района Оренбургской области.

[33] Ныне село Крепостной Зилаир Зилаирского района Башкортостана.

[34] Речь идет о восстании в Башкирии 1755–1756 гг.

[35] Батырша Алеев, наст. имя Габдулла Галиев (ок. 1709 или 1717 –1762 гг.) – мулла и идеолог восстания 1755–1756 гг.

[36] Краткое изложение.

[37] Коран.

[38] Текст воззвания см.: Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край... Казань, 1891. Вып. 3. Приложение, с. 92–100.

[39] 15 мая 1755 г. жители Бурзянской волости во главе с башкирами Джиланом Иткулом и Худайбердой расправились с начальником горноизыскательской партии Брагиным и его помощниками. Незадолго до этого Брагин был направлен из Петербурга в южные волости Ногайской дороги «для отыскания и разработки цветных камней». За короткий срок пребывания в Башкирии своими злоупотреблениями, грабежом и насилиями он успел вызвать ненависть башкир. 18 мая восставшие разорили Сапсаульскую ямскую станцию Исетского тракта.

[40] В августе 1755 г. начинается массовый уход населения восставших волостей за Яик, к казахам. Первыми уехали жители Бурзянской волости, «человек с 1000, с женами и детьми и кошами». 11 августа тронулись башкиры Тангаурской волости, затем чанким-кипчаки, бушман-кипчаки, сувун-кипчаки, усерганцы. Бегство в казахские степи продолжалось в течение всей осени 1755 г.

[41] Рогервик – крепость, с 1762 г. Балтийский порт, место каторги участников восстаний против царизма. Ныне – город Палдиски (Эстония).

[42] 18 августа 1755 г. в 30 верстах от Зилаирской крепости отряд Кучукбая окружил и уничтожил шедшую на Авзяно-Петровский завод команду капитана Шкапского в составе роты драгун и 50 казаков. Восставшие потеряли в сражении 40 человек, среди них был и Кучукбай.

[43] Бугульминская слобода упоминается в 1736 г. как татарская деревня. С 1781 г. – город Бугульма, ныне райцентр Татарстана.

[44] Богоросланская слобода основана в 1748 г., с 1781 г. город Бугуруслан, ныне райцентр Оренбургской области.

[45] Заинск основан в 1652–1656 гг. как пограничная крепость на Закамской черте. С 1978 г. город, райцентр Татарстана.

[46] Богадельня – дом призрения (обычно при церкви) для инвалидов, престарелых и бедных.

[47] См. прим. 192 к 1 части.

[48] Гедерих Веньямин (1675–1748 гг.) – немецкий лексикограф.

[49] Кимвры – германские (по мнению некоторых ученых, кельтские) племена, обитавшие на Ютландском полуострове. Совершали с II в. до н.э. завоевательные походы в Испанию, Галлию, Северную Италию.

[50] Тамерлан (Тимур) (1336–1405 гг.) – среднеазиатский государственный деятель и полководец.

[51] Михаил Федорович (1596–1645 гг.) – русский царь с 1613 г., первый из рода Романовых.

[52] Федор Алексеевич (1661–1682 гг.) – русский царь с 1676 г.

[53] Сто.

[54] Осьмина – русская мера объема сыпучих тел – 104,95 л.

[55] Украинцев.

[56] Украину.

[57] Ефрем Сирин (IV в.) – учитель Церкви.

[58] Селение.

[59] Удобное месторасположение.

[60] Алексей (Алексий) (прибл. 1293–1378 гг.) – митрополит Киевский и всея Руси с 1354 г., писатель. Был послом Руси в Золотой Орде. В 1357 г. излечил в Орде ханшу Тайдулу от болезни глаз.

[61] Синбирск – крепость в 1648–1780 гг., в 1780–1924 гг. город Симбирск, с 1924 г. Ульяновск, областной центр России.

[62] 1292 г.

[63] Даниил Александрович (1261–1303 гг.) – великий князь московский, младший сын князя Александра Невского.

[64] Иван 1 Калита (до 1296–1340 гг.) – великий князь московский с 1325 г., великий князь владимирский с 1328 г. Сын Даниила Александровича.

[65] Дмитрий Иванович Донской (1350–1389 гг.) – великий князь московский (с 1359 г.) и владимирский (с 1362 г., с перерывами). Проводил объединение русских земель вокруг Москвы, выиграл Куликовскую битву.

[66] В данном случае речь идет о Золотой Орде.

[67] Алексей Петрович (1690–1718 гг.) – русский царевич, старший сын Петра I. Был противником преобразований отца. Приговорен к смертной казни.

[68] Регула – правило.

[69] Фельдшанец – земляное полевое укрепление, применявшееся в XVII – начале XVIII в. войсками при обороне, а также в системе укрепленных линий и для усиления обороны крепостей.

[70] Наумов Федор Васильевич – действительный тайный советник, участник работ по составлению Уложения 1730 г.

[71] Голицын Борис Александрович (1654–1714 гг.) – князь, боярин. В 1683–1713 гг. возглавлял приказ Казанского дворца, в 1683–1700 гг. – Иноземный приказ. В начале XVIII в. управлял Поволжьем.

[72] Бузулуцкая крепость основана в 1736 г. С 1781 г. город Бузулук, в настоящее время в Оренбургской области.

[73] Ныне село Тоцкое – райцентр одноименного района Оренбургской области.

[74] Хозяйство.

[75] Значительный резерв.

[76] Должность лесничего.

[77] Речных наносов.

[78] Украинцы.

[79] И. И. Неплюев определил украинцам для поселения крепости Россыпная, Татищевская пристань, Чернореченская, Нежинская на реке Урал, Красносамарская и Владимирская на реке Самаре. Вскоре некоторые из них подверглись нападениям казахов. И. И. Неплюев обратился в Сенат с прошением удовлетворить подававшиеся украинцами просьбы и либо переселить их подальше от границ государства, либо вернуть на родину. После полученного от Сената разрешения подавляющее большинство украинских семей вернулись обратно.

[80] Аммониты – подкласс вымерших морских головоногих моллюсков.

[81] Крепость Магнитная основана в 1743 г. как один из опорных пунктов Оренбургской пограничной линии. Впоследствии на ее месте возник город Магнитогорск, ныне в Челябинской области.

[82] Голод.

[83] Челябинск основан в 1736 г. как русская казачья крепость. С 1743 г. – центр Исетской провинции. В настоящее время областной центр России.

[84] Чебаркульская крепость основана в 1736 г. С 1951 г. город Чебаркуль, райцентр Челябинской области.

[85] 1671 г.

[86] 1668 г.

[87] 1676 г.

[88] 1668 г.

[89] 1670 г.

[90] Нельма – рыба семейства сигов, подвид белорыбицы.

[91] Умбра – природный коричневый пигмент, по химическому составу близок к охре.

[92] Поселение на месте Шадринска известно с 1644 г. В 1662 г. была основана укрепленная слобода, которая в 1712 г. преобразована в Архангельский Шадринский городок, с 1733 г. – вновь Шадринская слобода, с 1737 г. – город Шадринск, в настоящее время райцентр Курганской области. Название – от реки Курья Шадриха.

[93] Успенский Далматов монастырь основан в середине XVII в., закрыт в 1764 г.

[94] 1644 г.

[95] 1676 г.

[96] Демидов Никита Демидович (1656–1725 гг.) – уральский заводовладелец.

[97] Еженедельная.

[98] Оврагов.

[99] Река Уфа по-башкирски Караидель.

[100] Бирск основан в 1663 г. как крепость. С 1781 г. город, ныне райцентр Башкортостана.

[101] Мензелинск основан в 1584–1586 гг. С 1781 г. уездный город Уфимской губернии, ныне райцентр Татарстана.

[102] Оса основана в 1591 г. как Новоникольская слобода, позднее крепость. В 1708–1719 и с 1737 г. город, в настоящее время райцентр Пермской области.

[103] Табынск – поселение, построенное в начале XVIII в. купцами и заводчиками Осокиными и И.Утятниковым. В 1736–1835 гг. крепость (Табынский городок), ныне село Табынское Гафурийского района Башкортостана.

[104] Красноуфимск основан в 1736 г. как крепость, с 1781 г. уездный город. В настоящее время райцентр Свердловской области.

[105] Авантаж (франц.) – преимущество.

[106] Специально сооруженным.

[107] Твердышев Яков Борисович (ум. в 1783 г.) – уральский заводовладелец.

[108] Причин.

[109] Штейгер – горный мастер.

[110] Негосударственная.

[111] Строгонов (Строганов) Александр Сергеевич (1733–1811 гг.) – русский государственный деятель, заводовладелец.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателей ... 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. О звании Оренбурга и Оренбургской губернии, от чего и когда началось ... 10

Глава вторая. О пределах и об окружности Оренбургской губернии и о смежных с нею местах и народах ... 15

I. О трухменцах ... 17

II. О Хиве и хивинцах ... 18

III. О аральцах ... 21

IV. О каракалпаках ... 22

V. Киргизы Большой орды ... 22

VI. О Туркестанском владении ... 23

VII. О владении Ташкентском ... 25

VIII. О зюнгорах ... 26

Глава третья. О провинциях и дистриктах Оренбургской губернии ... 34

Глава четвертая. О разности народов, внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему их состоянию ... 36

I. О русских ... 36

II. О татарах ... 44

III. О башкирцах ... 49

IV. О мещеряках ... 59

V. О калмыках ... 61

VI. О киргиз-кайсаках, или киргизцах ... 73

VII. О каракалпаках ... 87

VIII и IX. О мордве и черемисах общественно ... 95

X. О вотяках ... 98

XI. О чувашах ... 99

XII. О новопришедших и в Оренбургской губернии поселившихся азиатских народах ... 100

Глава пятая. Сокращенное описание местоположения всей Оренбургской губернии, о поверхностях и внутренней земли ... 103

I. Озера киргизские ... 112

II. Знатные озера в Башкирии ... 114

III. Знатнейшие реки ... 115

IV. О горах ... 121

V. Горы, в киргиз-кайсаках лежащие ... 125

VI. Горы ж, в Башкирии лежащие ... 126

VII. Пещеры ... 126

VIII. О камнях ... 128
IX. О песках ... 130
X. О глинах ... 131
XI. Развалины старинных городов и строений ... 133
XII. О соляных и минеральных землях ... 135
XIII. Минеральные земли ... 138
XIV. О металлах ... 139
XV. О скотах и зверях ... 142
XVI. Инсекты, или насекомые, и гадины ... 150
XVII. Птицы знатные, и против других мест некоторые особливости имеющие, по порядку алфавитному ... 152
XVIII. Рыбы знатнейшие, по порядку алфавитному ж ... 154

Глава шестая. О внутренних и внешних обстоятельствах коммерции прежней, нынешней и впредь быть могущей ... 157

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предисловие ... 168

Глава первая. О городе Оренбурге и о тех местах, которые беспосредственно к сему городу принадлежат и составляют Оренбургскую провинцию ... 171

Глава вторая. О ведомстве войска Яицкого и о их обстоятельствах ... 195

Глава третья. О Нижней Яицкой дистанции ... 210

Глава четвертая. О Ставропольском ведомстве, о его окружности и о прочих касающихся до него обстоятельствах ... 214

Глава пятая. О Самарской дистанции и о ее обстоятельствах ... 223

Глава шестая. О дистанции Сакмарской ... 230

Глава седьмая. О дистанции Красногорской ... 233

Глава восьмая. Об Орской дистанции и о принадлежащих до нее крепостях 237

Глава девятая. О крепостях Уйской линии, простирающейся до Сибирского ведомства ... 240

Глава десятая. О Исетской провинции и о принадлежащих к ее ведомству местах... ... 246
I. Исетский дистрикт ... 246
II. Шадринский дистрикт ... 251
III. Окуневский дистрикт ... 253
IV. Куртамышский дистрикт ... 256

Глава одиннадцатая. О городе Уфе и о всей Уфимской провинции ... 263
I. Пригороды ... 266
II. Крепости ... 269

Глава двенадцатая. О ведомстве Оренбургского горного начальства ... 276

Комментарий ... 287

Научное издание

Рычков Петр Иванович

ТОПОГРАФИЯ
ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Зав. редакцией *З. К. Ханова*
Редактор *Л. О. Хаирова*
Оформление художника *И. С. Файрушина*
Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*
Технический редактор *Н. Я. Зарипова*
Корректоры *Л. Р. Ахметшина, Ю. З. Эпштейн*
Компьютерная обработка *Ю. М. Абсалямова*

Изд. лиц. № 0168 от 10.04.96. Сдано в набор 28.07.98. Подписано к печати 09.04.99.
Формат бумаги 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Условн. печ. л. 19,5. Усл. кр.-отт. 19,88. Учетн.-издат. л. 18,30.
Тираж 3000 экз. Заказ № 175.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.
Отпечатано с предоставленных диапозитивов
на Уфимском полиграфкомбинате. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

Уфа «КИТАП» 1999

Настольная медаль
«П.И. Рычков»

П. И. РЫЧКОВ • ТОПОГРАФИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ